

Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова

На правах рукописи

Жданова Лия Искандеровна

ПИСАТЕЛЬ ДЖОН СТЕЙНБЕК И СССР

Специальность 10.01.03 – Литература народов стран зарубежья
(европейская и американская литература)

ДИССЕРТАЦИЯ

на соискание ученой степени
кандидата филологических наук

Научный руководитель:
доктор филологических наук, профессор
Панова Ольга Юрьевна

Москва – 2016

СОДЕРЖАНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	4
ГЛАВА 1. СТЕЙНБЕК В СССР (1939-1945): ТРИУМФ «ГРОЗДЬЕВ ГНЕВА» И СКЛАДЫВАНИЕ ЛИТЕРАТУРНОЙ РЕПУТАЦИИ В СССР	13
1.1. До «Гроздьев гнева»	13
1.2. «Гроздьев гнева»: яркий дебют Стейнбека в СССР.....	16
1.3. Антивоенная повесть «Луна зашла» и ее инсценировки в СССР.....	26
ГЛАВА 2. СТЕЙНБЕК В СССР (1945-1960) – ВЗГЛЯД ИЗ-ЗА «ЖЕЛЕЗНОГО ЗАНАВЕСА»	40
2.1. Стейнбек и СССР в период холодной войны	40
2.1.1. Рецепция романов Стейнбека в СССР второй половины 1940-х гг.	44
2.1.1.1. «Консервный ряд» (1945).....	44
2.1.1.2. «Заблудившийся автобус» (1947).	47
2.1.2. Поездка в СССР (1947) и «Русский дневник» (1948)	49
2.1.3. Всемирный конгресс деятелей культуры в защиту мира (август 1948).....	62
2.1.4. Советская пресса о Стейнбеке (1951-1954 гг.)	67
2.1.5. Биографические справки о Стейнбеке ИК ССП (1950-1954).....	70
2.1.6. «К востоку от рая» (1952).....	71
2.2. Стейнбек об СССР после «Русского дневника» (1948-1960)	74
2.2.1 «Дуэль без пистолетов» (1952).....	74
2.2.2. Письма Стейнбека об СССР (1947-1958).....	77
2.3. «Потепление» в отношениях Стейнбека и СССР (1954-1960).....	83
2.3.1. Советская пресса о Стейнбеке (1955-1958)	83
2.3.2. «Жемчужина» (опубл. в СССР в 1956 г.).....	86
2.3.3. «Открытое письмо президенту Эйзенхауэру» (1956) и «открытое письмо Стейнбеку А. Макарова» (1957).....	89
2.3.4. В преддверии 1960-х: советская пресса о Стейнбеке (1957-1960)	90
ГЛАВА 3. ТРИУМФ, «ПРЕДАТЕЛЬСТВО» И ЗАБВЕНИЕ СТЕЙНБЕКА В СССР (1961-1968)	95
3.1. «Оттепель» в отношениях Стейнбека и СССР (1961-1965)	95
3.1.1. «Зима тревоги нашей» (1961/1962)	95
3.1.2. Приезд в СССР (осень 1963)	101
3.1.3. Советская пресса о Стейнбеке довьетнамского периода (1964-1966).....	125
3.1.4. Публикация в СССР книг Стейнбека и книг о Стейнбеке (1964-1966)	128

3.2. Участие Стейнбека во вьетнамской кампании: «ледяной душ» в отношениях с СССР	129
3.2.1. Стейнбек и война во Вьетнаме: «несмываемое пятно» на литературной репутации (1966-1967).....	129
3.2.2. Советская пресса о смерти писателя (1967-1968)	141
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	145
БИБЛИОГРАФИЯ	149
ПРИЛОЖЕНИЕ.....	172

ВВЕДЕНИЕ

Общая характеристика работы. Диссертация посвящена исследованию взаимоотношений американского писателя Джона Стейнбека (1902-1968) и литературных институций СССР. Хронологические рамки диссертации (конец 1930-х – конец 1960-х гг.) – это время пристального внимания к Стейнбеку в СССР и контактов писателя с Советским Союзом, которые он поддерживал на протяжении большей части своей писательской карьеры. Эти контакты включали, помимо переписки, три поездки – накануне Второй мировой (1937 г.), сразу по ее окончании (1947 г.) и в 1963 г. Автор травелога «Русский дневник» (1948), написанного в начале холодной войны с целью «навести мосты» между двумя народами и показать американцам, как в действительности живут русские, Стейнбек имел достаточно широкий круг русских знакомств, участвовал в государственных и общественных советско-американских проектах, которые должны были способствовать культурному сближению США и СССР. Темы, связанные с Советским Союзом, нередко поднимались Стейнбеком в письмах, интервью, заметках и статьях.

Роман «Гроздь гнева», вышедший в свет в 1939 г., принес Джону Стейнбеку не только общенациональную славу, но и мировую известность. В Советском Союзе «Гроздь гнева» были восприняты как произведение, написанное в духе соцреализма, «зрелый плод» пролетарской литературы США. Сразу после появления романа началась переписка со Стейнбеком работников советских литературных институций – представителей Иностранной комиссии Союза Советских писателей и редакции журнала «Интернациональная литература», спешно готовившего перевод романа к публикации. С этого момента и практически до смерти писателя продолжались его контакты с СССР – советскими издателями, критиками, писателями, читателями, сотрудниками государственных и общественных организаций, которые участвовали в организации поездок Стейнбека по стране, осуществляли переписку с ним по вопросам публикации его произведений в СССР и выплаты гонораров, организовывали для него встречи и обсуждения вопросов литературного и политического характера.

Интерес советской стороны к американскому писателю сочетался с интересом самого Джона Стейнбека к СССР, к его литературной и культурной жизни, общественному устройству, традициям, к повседневному укладу и быту простого советского человека. В диссертации исследуется как восприятие Стейнбеком СССР, его литературной, культурной и общественной жизни, так и рецепция Стейнбека в Советском Союзе, его литературная репутация в СССР, советские трактовки художественного творчества и публицистики Стейнбека, оценка его политических взглядов, его позиции по отношению к значимым для СССР вопросам в культурной и общественной областях.

Отмеченный в работе выборочный и субъективный характер восприятия Стейнбеком Советского Союза, динамичные и нередко противоречивые представления Стейнбека об СССР определяются не только характером мышления писателя, но и социально-культурным и политическим контекстом, эпохой, на которую пришлось его знакомство с СССР – 1937 (апогей большого террора) – 1940-е гг. (союзнические отношения СССР и США, сменившиеся холодной войной). В свою очередь, отношение к Стейнбеку в СССР также было неровным, противоречивым – от восторженного приятия до полного отвержения и разгромной критики. Динамика литературной репутации писателя в Советском Союзе определялась в первую очередь вектором культурной политики страны в тот или иной период и главенствующей идеологической линией. Это предопределяло оценку творчества Стейнбека на том ли ином этапе его пути, его взглядов, позиции по тому или иному общественному вопросу: Стейнбек предстал то как автор великого пролетарского романа, то как «приспешник американского империализма», поощряющий войну во Вьетнаме.

В диссертации предложена периодизация истории отношений Стейнбека и СССР, в которой учитываются как изменения ситуации в СССР, так и вехи творческой биографии автора.

Основой для исследования послужили художественные и публицистические произведения Стейнбека, его устные и печатные выступления в американской, советской, европейской прессе, материалы советской периодической печати 1930-1960-х гг., американские и советские литературно-критические и литературоведческие работы о творчестве Стейнбека, а также относящиеся к теме исследования материалы фондов РГАЛИ и ГА РФ.

Степень изученности вопроса. Контакты Стейнбека с СССР в той или иной степени освещались в различных исследованиях творчества и жизненного пути писателя, хотя до сих пор не появилось работ, специально посвященных этой проблеме. Вопрос взаимоотношений Стейнбека и СССР был рассмотрен в ряде глав фундаментального биографического исследования Дж.Дж. Бенсона «Настоящие приключения Джона Стейнбека, писателя: биография» (1984); важный материал содержится в собрании писем Стейнбека, подготовленном к печати его супругой Элейн Стейнбек и Робертом Вэлстейном «Джон Стейнбек: Жизнь в письмах» (1975). Существенное место отношениям с СССР отводится в первой подробной советской биографии писателя, написанной С.С. Иванько и опубликованной в качестве предисловия к первому собранию сочинений Стейнбека (1989).

Среди советских критических и литературоведческих работ, посвященных жизни и творчеству Стейнбека и в той или иной мере дающих представление о рецепции его книг в

советское время, выделяются книги С.С. Батурина «Джон Стейнбек и традиции американской литературы» (1984), А.А. Федорова «Джон Стейнбек» (1965), статьи А.С. Мулярчика «Творчество Джона Стейнбека» (1963), М.О. Мендельсона «От “Гроздьев гнева” до “Зимы тревоги нашей”», «О Джоне Стейнбеке и двух его повестях» (1963), статьи Р.Д. Орловой «Деньги против человечности. Заметки о творчестве Джона Стейнбека» (1962) и И.М. Левидовой «Послевоенные книги Джона Стейнбека» (1962).

В постсоветскую эпоху наиболее заметный вклад в исследование этого вопроса внес российский историк, журналист, ответственный редактор радио «Свобода» В.С. Тольц, который в 1997 году предпринял цикл радиопередач «Три дневника. По маршруту Стейнбека полвека спустя». В процессе подготовки к радиоциклу В.С. Тольц повторил маршрут Стейнбека и Капы в СССР и разыскал находящиеся в архивах документы, отчеты сотрудников ВОКСа, участвовавших в организации поездки американцев в 1947 г. В своем радиоцикле Тольц впервые соотнес описанные Стейнбеком в «Русском дневнике» (1948) события и факты с точкой зрения принимающей советской стороны -- сотрудников ВОКСа, переводчиков, литераторов, встречавшихся со Стейнбеком. Тольц смог воссоздать более широкий контекст событий, составивших канву «русской книги» Стейнбека. Также рассмотрению темы поездки Стейнбека в СССР 1947 года и участия в ней сотрудников Всесоюзного общества культурной связи с заграницей посвящена исследовательская работа М.В. Коватевой «Путешествие Дж. Стейнбека в СССР 1947 г.: работа ВОКСа и советская повседневность глазами автора “Русского дневника”» (2004).

Свои комментарии, воспоминания о поездках Стейнбека в СССР в 1947 и 1963 году также оставили многие советские писатели, журналисты, чиновники, дипломаты, среди которых особого внимания заслуживают работы И.Д. Хмарского «Месяц с Джоном Стейнбеком» (1991), Г.И. Кипниса «Как приезжал к нам Джон Стейнбек» (1994), Е.А. Евтушенко «Выдержанное вино из “Гроздьев гнева”» (2002), П. Бриджеса «Записи о визите Стейнбека в 1963 году в Советский Союз» (2007) и др.

Проблеме взаимодействия советской власти и иностранных писателей (в том числе Джона Стейнбека) посвящен целый ряд отечественных и западных фундаментальных исторических и историко-литературных исследований, многие из которых уже признаны классическими, – например, монографии Пола Холландера «Политические пилигримы: западные пилигримы в поисках достойного общества» (1997), Сильвии Р. Маргулис «Паломничество в Россию: Советский Союз и обработка иностранцев, 1924-1937» (1968), Тима Цулиадиса «Брошенные: американская трагедия в сталинской России» (2008), Катерины Кларк «Москва, четвертый Рим: сталинизм, космополитизм и развитие советской культуры, 1931-1941» (2011), Майкла Дэвид-Фокса «Витрины великого эксперимента:

Культурная дипломатия Советского Союза и его западные гости, 1921-1941» (2012), Г.Б. Куликовой «Иностранцы о Советском Союзе 1920-1930-х гг.» (2004), «Новый мир глазами старого. Советская Россия 1920-1930-х годов глазами западных интеллектуалов» (2013), статья Л.В. Максименкова «Очерки номенклатурной истории советской литературы. Западные пилигримы у сталинского престола (Фейхтвангер и другие)» (2004). В этих исследованиях детально освещается функционирование политической и идеологической машины, вскрываются ритуалы, принципы и цели «культурной дипломатии» СССР в сталинскую эпоху, на основе рассмотрения и анализа конкретного материала – контактов западных визитеров (в том числе и писателей) с советскими общественными и культурными институциями.

Ценными для нас были работы, посвященные изучению рецепции американской литературы в СССР и советско-американских связей в 1930-1960-е гг., в особенности монография Деминга Б. Брауна «Советские установки по отношению к американским произведениям» (1962), докторская диссертация Н.А. Кубанева «Образ Америки в русской литературе: из истории русско-американских литературных и культурных связей конца XIX – первой половины XX вв.» (2001), ряд работ Б.А. Гиленсона по истории литературы США («Социалистическая традиция в литературе США», 1975, «В поисках ”другой Америки”», 1987, «История литературы США», 2003), а также кандидатская диссертация Е.М. Салмановой «Джон Дос-Пассос и Россия» (1997). Важную роль сыграла для нашего исследования монография О.О Несмеловой «Пути развития отечественной литературной американистики XX века» (1998), посвященная истории отечественной литературоведческой науки интересующего нас периода.

Наконец, важнейшим источником исследования стали архивные материалы фондов ГА РФ и РГАЛИ, в первую очередь фонды ВОКСа (Всесоюзного общества культурной связи с заграницей), ГУРКа (Главного управления по контролю за репертуаром и зрелищами), Иностранной комиссии Союза советских писателей, редакции журналов «Интернациональная литература», «Иностранная литература», а также личные архивы советских писателей и критиков, которые вели переписку с американским автором, рецензировали его произведения или адаптировали произведения Стейнбека для постановки их на советской сцене, теле- и киноэкране. Эти материалы, имеющие прямое отношение к содержанию диссертации и раскрывающие суть взаимоотношений американского автора с СССР, в той или иной степени были использованы в работе, составив неотъемлемую часть исследования.

Научная новизна работы определяется отсутствием исследований, специально посвященных теме «Джон Стейнбек и СССР», а также необходимостью освоения

обширного документального историко-литературного материала, представляющего значимость, как для отечественной, так и зарубежной американистики. В диссертации впервые вводится в научный оборот внушительный комплекс документов и материалов (доступ к которым был получен только в 1991 году), находящихся в фондах архивов советских общественных организаций и связанных с рассмотрением творчества и контактов Джона Стейнбека в СССР.

Актуальность работы обусловлена, прежде всего, необходимостью заполнить лакуну, вызванную отсутствием тематических историко-литературных работ по теме «Джон Стейнбек и СССР» как в России, так и в США. Обращение к теме советско-западных писательских контактов, начавшееся в 1990-е гг., получило новое продолжение в 2000-2010-х гг. в связи с очевидным всплеском интереса к изучению наследия советской эпохи, в первую очередь периода сталинизма; однако на этом перспективном и активно развивающемся направлении подавляющее большинство исследований ведется историками, которые касаются литературных связей и контактов в рамках общего комплекса проблем «западные интеллектуалы и СССР». Подобное «неспецифическое» изучение, будучи, бесспорно, ценным и полезным, не снимает давно назревшей потребности в более углубленной и специализированной историко-литературной разработке вопроса. Историко-литературный подход позволяет сделать акцент на проблемах биографии и поэтики автора, вопросах межнациональных литературных связей при рассмотрении их в контексте культурной и идеологической политики. Анализ богатого материала, который предоставляет история отношений Дж. Стейнбека и СССР, должно стать вкладом в изучение советско-американских писательских контактов и литературных связей.

Цель исследования – осуществить комплексный анализ взаимоотношений американского писателя Джона Стейнбека и СССР на протяжении почти тридцати лет творческой биографии писателя (1939-1968). Данная цель определила **задачи исследования**: 1) Рассмотреть историю взаимоотношений Стейнбека и СССР: его советские, в первую очередь, литературные контакты, комплекс текстов американского писателя, посвященных Советскому Союзу и позволяющих представить динамику его отношения к советской власти, советскому народу, советской литературе и культуре в разные годы его жизни. 2) Рассмотреть рецепцию творчества и личности Стейнбека в СССР на основе материалов советской периодической печати, критических трудов и внутренних документов общественных организаций (Иностранной комиссии Союза советских писателей, ВОКСа, редакции журналов «Интернациональная литература», «Иностранная литература» и др.).

Предмет исследования – непосредственные контакты и взаимная рецепция американского писателя Джона Стейнбека и советских литературных институций. **Объект исследования** – совокупность произведений Стейнбека (художественных, публицистических, эпистолярных), в том или ином виде содержащих его отношение и оценку СССР, а также совокупность документальной, литературно-критической, публицистической и мемуарной литературы, созданной в СССР и посвященной жизни и творчеству американского писателя (1939-1968).

Методология. Методологическую основу диссертационного исследования составляет понимаемый в широком смысле слова историко-литературный подход, позволивший произвести выявление и анализ архивных материалов, исследование биографии и творчества Стейнбека в контексте его взаимоотношений с СССР, а также историко-функциональный подход, позволяющий анализировать межнациональные литературные связи в широком культурном, социальном и политическом контексте. В отличие от исследований профессиональных историков-архивистов (Л.В. Максименкова, М. Дэвид-Фокса и др.), для которых сюжеты с участием литературных деятелей, писателей (т.н. «литературная история») являются не магистральными, а вспомогательными, частью «социальной истории», и в отличие от работ историков русской и советской литературы (Е.А. Добренко, М.Э. Маликовой и др.), опирающихся на давно сложившуюся многолетнюю традицию исследований этого типа, в изучении истории литературы США и советско-американских литературных контактов таких наработок имеется гораздо меньше.

Положения, выносимые на защиту:

1. Интерес Стейнбека к жизни Советского Союза сохранялся на протяжении всей жизни писателя: первое свидетельство этого глубокого интереса встречается в письме Стейнбека Т.А. Рокотову (1939); последнее относится к середине 1960-х гг. и особенно ярко выражено в напечатанном в американской прессе открытом письме Стейнбека Евгению Евтушенко (1966).
2. Отношение Стейнбека к СССР на протяжении жизни писателя претерпевало изменения и было амбивалентным. Тем не менее, можно выделить основную линию, органично вытекавшую из мировоззрения Стейнбека и его представлений о литературе и миссии писателя. Стейнбек ненавидел диктатуру и тоталитаризм во всех проявлениях, и, несмотря на нейтральную оценку повседневной жизни советских людей в «Русском дневнике», увиденное им в 1947 г. в СССР впоследствии сформировало его резко негативное отношение к сталинизму, проявлявшееся тем сильнее на фоне симпатии писателя к простым советским людям и коллегам по цеху, притеснявшимся в СССР, таким как

Б.Л. Пастернак или писатели-шестидесятники, с некоторыми из которых (В.П. Некрасов, Е.А. Евтушенко) он свел близкое знакомство во время своего последнего приезда в страну в 1963 г.

3. В течение всего своего знакомства с СССР – как в 1947 г., проходившего под знаком «холодной войны», так и в «оттепельном» 1963-м, Стейнбек активно выступал за наведение «мостов» между двумя странами, за достижение взаимопонимания и налаживание контактов, особенно культурных, в связи с чем поддерживал (в печати и на собственном примере) практику культурных обменов между США и СССР, считая роль писателя в достижении понимания и мира между двумя конфликтующими сторонами очень важной.
4. В СССР отношение к Стейнбеку на протяжении всей жизни писателя было отмечено резкими колебаниями и полярной противоположностью оценок: от лояльности и причисления его к «друзьям СССР», писателям-антифашистам и антиимпериалистам (конец 1930-х гг. – середина 1940-х гг.; первая половина 1960-х гг.), до разгромной критики как «предателя», «поджигателя войны» и «прихвостня империализма» (конец 1940-х гг. – начало 1950-х гг.; вторая половина 1960-х гг.). Оценка личности и творчества писателя лишь отчасти оправдывалась общественной позицией Стейнбека, а главным образом диктовалась внутри- и внешнеполитической ситуацией СССР, колебаниями советского идеологического и политического курса, актуальными задачами культурной политики.

Теоретическая значимость исследования состоит в предложенной в исследовании периодизации этапов развития отношения Стейнбека и СССР, вскрытии причин и закономерностей в выстраивании советского образа Стейнбека, и, шире, принципов культурной политики СССР в отношении западных авторов; диссертационное исследование вносит определенный вклад в разработку ряда общих вопросов, существенных для изучения литературного процесса XX в. (взаимодействие литературы и идеологии, литературы и политики).

Практическая значимость работы: исследование может быть полезно специалистам по истории зарубежной литературы, исследователям жизни и творчества Джона Стейнбека, рецепции американской литературы в СССР, советско-американских литературных и культурных связей XX века, специалистам по истории СССР, советской критики, литературы, пропаганды, работы советских общественных и писательских организаций, редакции журналов и др., использоваться при разработке учебных курсов по истории

зарубежной литературы XX в., истории американской литературы XX в., истории советской литературы.

Апробация работы. По теме диссертации были сделаны восемь докладов на конференциях, в том числе и международных, проходивших в МГУ им. М.В. Ломоносова, ИМЛИ РАН, НИУ ВШЭ и СПбГУ в 2013-2016 гг. Положения диссертации также были апробированы участием исследователя в коллективном гранте РГНФ «Иностранные писатели и СССР: неизданные материалы 1920-х-1960-х годов. Культура и идеология» (14-04-00557 а) в 2014-2016 гг. Основные положения диссертации отражены в монографии и восьми научных публикациях, в том числе в трех статьях, опубликованных в журналах, рекомендованных ВАК РФ:

1. **Жданова Л.И. «Зима тревоги нашей» Джона Стейнбека в СССР // Известия Южного федерального университета, Филологические науки. 2016. № 1. С. 20-27.**
2. **Жданова Л.И. Дж. Стейнбек и советские писатели-шестидесятники: встреча в редакции журнала «Юность» (1963) // Вестник Московского государственного областного университета. Серия "Русская филология". 2016. № 1. С. 112–118.**
3. **Жданова Л.И. Путь повести Джона Стейнбека «Луна зашла» к советской сцене // Вопросы театра. 2015. № 3-4. С. 264–272.**
4. Жданова Л.И. «Русский дневник» Джона Стейнбека в советской оптике: Публикация материалов фондов спецотдела ВОКСа Государственного архива РФ. – М.: Издательские решения, 2016. 254 с.
5. Жданова Л.И. Переписка Дж. Стейнбека и Е. Евтушенко по поводу событий во Вьетнаме на фоне идеологического противостояния эпохи // Новые российские гуманитарные исследования. 2015. № 10. – URL: <http://www.nrgumis.ru/articles/1959/>
6. Жданова Л.И. «Луна зашла» (1942) – европейская повесть Джона Стейнбека // Фридрих Гельдерлин и идея Европы в литературах Германии, Франции, России и США. IV Международная конференция по компаративным исследованиям национальных культур 26-28 мая 2015 г. Тезисы докладов. – Факультет свободных наук и искусств СПбГУ СПб, 2015. – С. 41–43.
7. Жданова Л.И. Джон Стейнбек и советские писатели-шестидесятники: встреча в редакции журнала Юность (1963) // Материалы Международного молодежного научного форума ЛОМОНОСОВ-2015. Т. 1. – М.: МАКС Пресс Москва, 2015. (CD).

8. Жданова Л.И. Издательская политика СССР в отношении романа Дж. Стейнбека «Гроздь гнева» // Новые российские гуманитарные исследования. 2014. № 9. – URL: <http://www.nrgumis.ru/articles/299/>
9. Жданова Л.И. Сценическая судьба повести/пьесы Дж. Стейнбека Луна зашла в США и СССР // Материалы Международного молодежного научного форума ЛОМОНОСОВ-2014 / Отв. ред. А.И. Андреев, А.В. Андриянов, Е.А. Антипов. – М.: МАКС Пресс Москва, 2014. (CD).

Структура исследования. Работа состоит из введения, трех глав, заключения, библиографии и приложения.

ГЛАВА 1. СТЕЙНБЕК В СССР (1939-1945): ТРИУМФ «ГРОЗДЬЕВ ГНЕВА» И СКЛАДЫВАНИЕ ЛИТЕРАТУРНОЙ РЕПУТАЦИИ В СССР

Начальный период взаимоотношений американского писателя с Советским Союзом можно датировать 1939-1945 гг.: от первой помещенной в советской печати публикации о нем, посвященной изданию в США его романа «Гроздь гнева» (1939) до начала «холодной войны», кардинально изменившей отношение советских властей к американской литературе в принципе (1946). Этот период характеризуется большим интересом и симпатией к молодому талантливому автору со стороны советской критики, а также стремлением увидеть в нем «друга СССР», писателя, говорящего о тяготах жизни простого трудового народа при капитализме и неизбежности революционного восстания в Америке. Основное внимание будет сфокусировано на двух важнейших событиях данного периода: публикация и критическая рецепция в СССР романа «Гроздь гнева», а также появление антифашистской повести Стейнбека «Луна зашла» и ее советских инсценировок.

1.1. До «Гроздь гнева»

В США известность Стейнбеку принесла его четвертая книга «Квартал Тортилья-Флэт» («Tortilla Flat», 1935)¹. Его слава укрепилась благодаря выходу на свет книги «О мышах и людях» («Of Mice and Men», 1937), а также успеху одноименной пьесы на Бродвее и ее экранизации Льюисом Майлстоуном (1939). По мнению многих критиков², 1930-е – годы Великой депрессии, оказались, вместе с тем, временем наиболее плодотворного и успешного творческого поиска Стейнбека. Также это был период наибольшей близости писателя к левому движению, его идеологии и его представителям в рабочих и интеллектуальных кругах, которые в будущем станут прототипами его героев.

В биографической статье С.С. Иванько, предваряющей советское собрание сочинений Стейнбека, вышедшее в 1989 году, подробно сказано о его рассказе «Налет»³, опубликованном в «North American Review» в 1934 году, «лежащем в русле пролетарской

¹ Steinbeck J. Tortilla Flat. – New York: Covici-Friede, 1935.

² Об этом, к примеру, пишет в своей рецензии, предваряющей выход одной из первых литературоведческих книг о Стейнбеке – «Широкий мир Джона Стейнбека» П. Лиски (1958), американский критик А. Кейзин: «Начиная с его первого удачного романа («Tortilla Flat») все его лучшие произведения увидели свет в тридцатых годах: «В сомнительной схватке», «О мышах и людях», «Большая долина», «Гроздь гнева». По-видимому, между Стейнбеком и тридцатыми годами существует некая непосредственная и живая связь, ибо трудно найти лучшие произведения среди романов, созданных им после 1942 года...».

Реферат и перевод этой статьи был выполнен писателем С.П. Злобиным для Иностранной комиссии Союза советских писателей (РГАЛИ. Ф. 2175. Оп. 5. Ед. хр. 88. Л. 10).

³ Советский критик П. Балашов в рецензии, посвященной роману Стейнбека «Гроздь гнева» (1940), также уделил этому рассказу особое внимание, считая, что уже в этом произведении видна та грань стейнбековского таланта, позволившая ему впоследствии написать свое самое известное эпическое полотно об оклахомских фермерах: «Его (рассказ «Налет» – Л.Ж.) и нужно рассматривать, как первый набросок, где художник только намечает контуры новых людей, поражающих писателя своей изумительной стойкостью, выдержкой и готовностью до конца постоять за великие революционные идеи». (Балашов П. Певец народного гнева // Новый мир. 1940. №10. С. 206).

литературы Соединенных Штатов периода “красных тридцатых”⁴, и о его романе 1936 года «В сомнительной схватке» («In Dubious Battle»; другие варианты переводов названия: «Битва с неясным исходом», «И проиграли бой»), первоначально задуманном писателем как «автобиография коммуниста»⁵ – о стачке сезонных рабочих, сборщиков фруктов, подготовленной партийными организаторами⁶. Также советским литературоведом был отдельно выделен этап жизни писателя (1932-1935), который в 1932 году «ездит с Уайтекером⁷ на собрания членов клуба Джона Рида, бывает среди поденщиков и всюду внимательно вслушивается в горячие споры, пытливым взглядом всматривается в окружающую его жизнь»⁸, а в 1935 году – «часто посещает дом известного радикального журналиста Линкольна Стеффенса⁹, у которого встречается с известными в то время представителями левого движения: Анной Луизой Строит, Майклом Голдом, Эллой Уинтер. Здесь он знакомится с молодыми профсоюзными активистами, с журналистом Джорджем Уэстом из газеты «San Francisco News», хорошо знающим положение дел в штате»¹⁰.

В 1937 году, после успеха на родине повести/пьесы «О мышах и людях», Стейнбек вместе с женой Кэрол осуществил свое первое путешествие в Европу, побывав в скандинавских странах – Дании, Швеции, Финляндии – и в СССР, где он провел два дня в Москве и Ленинграде. Несмотря на краткость поездки, писатель ощутил тяжелую атмосферу этого времени сталинских расправ, о чем он впоследствии будет упоминать во время последующих приездов в СССР в 1947 и 1963 году¹¹. Однако кроме отдельных

⁴ Иванько С.С. Джон Стейнбек // Стейнбек Дж. Собрание сочинений: в 6 т. Т. 1. – М.: Правда: Библиотека «Огонек». 1989. С. 18.

⁵ Steinbeck: A Life in Letters / Ed. by Elaine Steinbeck and Robert Wallsten. – New York: Viking, 1975. P. 98.

⁶ В «Интернациональной литературе» (№ 4 за 1937 год) была помещена небольшая заметка, посвященная этой книге. В ней отмечается «сочувствие к бастующим, презрение к демагогии хозяев, стремление к романтизации незаметных, но подлинных революционных героев, несомненно, вдохновляющие автора книги», но, тем не менее, признается неудавшейся попытка американского писателя «создать живые образы революционеров, коммунистических вождей забастовки» неудавшейся. (Н.М. Джон Стейнбек – «В сомнительной схватке» // Интернациональная литература. 1937. №4. С. 222).

⁷ Фрэнсис Уайтекер (1906 – 1999) – кузнец, скульптор по металлу и политический радикал из Кармела, Калифорния <...>, был членом клуба Джона Рида американской коммунистической партии. По словам Джексона Бенсона, «в первой половине 1930-х гг. он очень упорно трудился над тем, чтобы обратить Стейнбека в социализм» (Benson J. J. The True Adventures of John Steinbeck, Writer: a Biography. – New York: The Viking Press. 1984. P. 225).

Steinbeck J. Working Days: The Journals of The Grapes of Wrath // Ed. by Robert DeMott – New York. Viking. 1989. – P. 165.

⁸ Иванько С.С. Джон Стейнбек. С. 14.

⁹ См. Гиленсон Б.А. Стеффенс Д.-Л. // Краткая литературная энциклопедия / Гл. ред. А.А. Сурков. Т.7. – М.: Сов. энцикл., 1972. С. 175-176.

¹⁰ Там же. С. 19.

¹¹ Например, в своем отчете о поездке принимавший писателя в Киеве в 1947 году зампреда УОКС А.И. Полторацкий приводит следующие слова писателя: «В 1936 году [здесь и дальше Стейнбек ошибочно упоминает 1936 год, хотя поездка состоялась в 1937 году – прим. Л.Ж.] я приехал в СССР. Я был обыскан до нитки, все мои чемоданы перевернуты вверх дном, отняты даже американские газеты. Это было время тухачевских. Но я отдавал себе ясный отчет в значении происходившего и никаких неправильных выводов не

устных высказываний писателя, никаких документальных сведений, материалах о посещении Стейнбеком СССР в 1937 году не сохранилось.

Так или иначе, в СССР Стейнбек как писатель привлек к себе внимание только на рубеже 1930-1940-х гг. Одно из первых упоминаний имени американского автора в советской печати¹² появилось в 1939 году и касалось не его художественного творчества, а участия в третьем съезде Лиги американских писателей¹³. Это объединение антифашистски и леворадикально настроенных писателей, образованное в 1935 году по инициативе группы литераторов, сложившейся вокруг прокоммунистического еженедельника «New Masses» при участии Коммунистической партии США, возникло накануне роспуска МОРП¹⁴, в ходе начавшейся кампании по созданию широкого международного антифашистского народного фронта в преддверии Второй мировой войны. Сообщения о деятельности Лиги американских писателей часто появлялись на страницах советской прессы. В упомянутой статье М. Гроу, вышедшей 5 июля 1939 года в «Литературной газете», было сказано: «На заключительном заседании съезда 4 июня почетным председателем Лиги американских писателей был избран Томас Манн. Знаменитый писатель заявил, что он с гордостью принимает оказанную ему честь. Президентом Лиги переизбран Донэлд Огден Стюарт, вице-президентами избраны десять человек, среди них Малькольм Каули, Лэнгстон Хьюз, Эрнст Хемингуэй, Эптон Синклер, Джон Стейнбек»¹⁵. Таким образом Стейнбек, еще абсолютно незнакомый советской аудитории писатель, оказался поставлен в один ряд с такими хорошо известными в СССР маститыми американскими авторами, как Эрнест Хемингуэй (активно переводившийся и печатавшийся в 1930-е гг.), Эптон Синклер (известнейший в 1920-1930-е гг. в СССР писатель-социалист), Малькольм Каули (критик, журналист, близкий в те годы коммунистическому движению), Лэнгстон Хьюз

сделал» (ГАРФ. Ф. 5283.с.2. Оп. 22с. Ед. хр. 26. Л. 179.). В интервью «Известиям» 1963 года Стейнбек говорил: «Я здесь в третий раз. В 1936 году я приехал сюда как турист третьего класса и, конечно, не встречался ни с кем из ваших писателей. Я тогда не был известен» (Вишневецкий К. Разговаривая со Стейнбеком // Известия. 1963. № 252. С. 4). В последовавшем после поездки выступлении на радио «Голос Америки» Стейнбек также ответил: «Моя первая поездка в СССР совпала с тяжелым периодом расправы Сталина с военными руководителями – расстрел Тухачевского и др.» (РГАЛИ. Ф. 631. Оп. 26. Ед. хр. 4191. Л. 21).

¹² Вероятно, в СССР первым кратким упоминанием о Стейнбеке в печати стала заметка, опубликованная в 1938 году в «Литературной газете», которая сообщала о том, что Пулитцеровскую премию в этом году получила пьеса Т. Уайльдера (ошибочно названного Уайлдом) «Наш городок», в то время как «главным конкурентом Уайлда по конкурсу был Джон Стейнбек, инсценировавший свой нашумевший в США роман «О мышках и людях». (Премия Пулитцера // Литературная газета. № 51. 15 сентября 1938. С. 2).

¹³ См. Гиленсон Б.А. Лига американских писателей // Краткая литературная энциклопедия. Т. 4. – М.: Сов. энцикл. 1967. С. 188.

¹⁴ Международное объединение революционных писателей (МОРП) – организация пролетарских и революционных писателей мира (1930-1935). Создано на основе Международного бюро революционной литературы (МБРЛ, с 1925). Участвовали Л. Арагон, И. Бехер, Т. Драйзер, А. Барбюс, Б. Брехт. См. Николюкин А.Н. Международное объединение революционных писателей // Краткая литературная энциклопедия. Т. 4. – М.: Сов. энцикл., 1967. С. 727-728.

¹⁵ Гроу М. Съезд американских писателей // Литературная газета. 1939. 5 июля. С. 2.

(негритянский поэт, прозаик, участник «клуба Джона Рида», побывавший в 1932-1933 гг. в составе американской делегации в СССР), и членом компартии США писателем, сценаристом Дональдом Огденом Стюартом.

Параллельно с выходом в США романа «Гроздь гнева» (14 февраля 1939 года) и его ошеломляющим успехом на родине писателя завязывается переписка между Стейнбеком и редактором журнала «Интернациональная литература» Т.А. Рокотовым. 4 февраля 1939 г. Рокотов направляет Стейнбеку, как и другим знаменитым американским писателям (Шервуду Андерсону, Теодору Драйзеру, Эрскину Колдуэллу и др.), письмо с вопросами анкеты о развитии культурных связей между СССР и США. 22 февраля Стейнбек шлет ему ответ, в котором говорит о своем глубоком интересе к России и сетует на отсутствие в США объективных источников информации о жизни советского народа и переводов книг выдающихся советских писателей¹⁶.

Логичным продолжением этой советской пропагандистской линии становится письмо Рокотова от 7 июня 1939 года¹⁷, свидетельствующее о том, что Стейнбек оказался включен в список информационных рассылок «Интернациональной литературы» и Иностранной комиссии Союза советских писателей.

Однако по мере того, как роман «Гроздь гнева» приобретал всю большую популярность в США, вызывал яростные споры по острым политическим, социальным и экономическим вопросам в американском обществе, значительная часть которого все еще чувствовала воздействие Великой депрессии, – эта книга и имя ее создателя начинают свою жизнь далеко за пределами «благоденственной Калифорнии» – в коммунистическом СССР.

1.2. «Гроздь гнева»: яркий дебют Стейнбека в СССР

Препринты в советской прессе. Первая заметка о книге «Гроздь гнева» появляется в «Правде» 15 августа 1939 года. Автор статьи, корреспондент газеты в Америке М. Ольгин, после перечисления бедствий, которым подверглись герои романа Джоуды (и их реальные прототипы, фермеры-издольщики из юго-восточных штатов Америки), заключает: «Роман Стейнбека – зрелый плод пролетарской литературы США. Успех этого романа, в короткое время разошедшегося в сотнях тысяч экземпляров, свидетельствует о том, как выросла за последние годы широкая читательская масса»¹⁸. В последовавшей за ней статье «Литературной газеты»¹⁹ не только говорится о событиях романа, но также упоминается об избрании Стейнбека вице-президентом Лиги американских писателей и о

¹⁶ РГАЛИ. Ф. 631. Оп. 14. Ед. хр. 1058. Л. 1-4. Подробнее об этом письме будет сказано во второй главе диссертации.

¹⁷ РГАЛИ. Ф. 1397. Оп. 1. Ед. хр. 922. Л. 3.

¹⁸ Ольгин М. Гроздь гнева // Правда. 1939. 15 августа. С. 5.

¹⁹ «Гроздь гнева» // Литературная газета. 1939. 20 августа. С. 2.

влиянии книги на общественность, выражающейся в работе так называемого Комитета Стейнбека для помощи фермерам из Оклахомы. Спустя три дня в «Правде» появляется перевод одной из глав романа, описывающей возмутительную жестокость по отношению к голодающим фермерам на фоне цветущей природы в Калифорнии: «Люди приходят с сетями вылавливать картофель из реки, но охрана гонит их прочь; они приезжают в дребезжащих автомобилях за выброшенными апельсинами, но керосин уже сделал свое дело. И они стоят в оцепенении и смотрят на проплывающий мимо картофель, слышат визг свиней, которых режут и засыпают известью в канавах, смотрят на апельсиновые горы, по которым съезжают вниз оползни зловонной жижи; и в глазах людей поражение; в глазах голодных зреет гнев. В душах людей наливаются и зреют гроздь гнева — тяжелые гроздь, и дозреть им теперь уже недолго»²⁰.

В это же время идет интенсивная работа по переводу книги на русский язык. Член редакции журнала «Интернациональная литература» А.И. Абрамов в своей внутренней рецензии на роман Стейнбека отмечает: «Джоуды разбиты, рассеяны, но не подавлены. Они готовы продолжать упорную страшную борьбу за жизнь, становясь как бы символом многомиллионных народных масс сегодняшней капиталистической Америки»²¹ и в заключении подчеркивает: «Роман следует печатать как можно скорее»²². В нем все замечательно: и язык, и мастерские описания жизни и быта фермеров, и полнокровные художественные образы его героев»²³.

Интерес к готовившейся публикации романа Стейнбека подогревала развернутая в прессе рекламная кампания. В осенних номерах «Правды», «Известий» и «Литературной газеты» были помещены статьи, знакомившие советского читателя с тем ажиотажем, которым была встречена эта книга в США. Основное внимание в этих заметках акцентировалось на незаслуженных гонениях, которым подвергла роман Стейнбека реакционная публика. Так, например, в вышедшей в «Известиях» статье под названием «“Гроздь гнева” – запрещенная книга в США»²⁴ и заметке «Правды» «Суд Линча над

²⁰ Весна в Калифорнии // Правда. 1939. 23 августа. С. 5.

²¹ РГАЛИ. Ф. 1397. Оп. 1. Ед. хр. 495. Л. 68.

²² По всей видимости, еще до публикации в журнале «Гроздь гнева» в «Интернациональной литературе» А.И. Абрамовым были выполнены внутренние рецензии на более ранние произведения Стейнбека – сборник новелл «Райские пастбища» (в его работе названные «Небесными лугами») и романе «О мышах и людях». Оба произведения рецензент оценивает очень высоко, отмечая, что первая книга – новеллы «написаны отлично – сочным, выразительным, богатым языком. На книге – бесспорная печать большого литературного мастерства» (РГАЛИ. Ф. 1397. Оп. 1. Ед. хр. 495. Л. 73.), а в случае с романом «О мышах и людях» «можно говорить о манере Стейнбека создавать трагический гротеск в самых обыденных житейских условиях, о колоритности и обаятельности его персонажей, о своеобразной яркости его описаний и образов» (Там же. Л. 75.). При этом ни одну из книг Абрамов не рекомендует к переводу и публикации в СССР, поскольку «при всей талантливости своей», обе книги не имеют «ни познавательной, ни общественной ценности» (Там же).

²³ РГАЛИ. Ф. 1397. Оп. 1. Ед. хр. 495. Л. 68.

²⁴ «“Гроздь гнева” – запрещенная книга в США // Известия. 1939. 17 ноября. С. 2.

романом Стейнбека»²⁵ сообщалось о попытках в некоторых штатах запретить, сжечь книгу, оклеветать ее автора, представляя информацию, описанную им в «Гроздьях гнева» недостоверной, и даже препятствовать съемкам фильма по этому произведению.

Публикация романа в СССР. Впервые в СССР «Гроздья гнева» были опубликованы в первых четырех номерах «Интернациональной литературы» за 1940 год²⁶. В письме Стейнбеку 7 мая 1941 г. Рокотов сообщал: «У нас уже вышло несколько изданий этого романа. Кроме журнала «И.Л.» он вышел дорогими изданиями в Москве тиражом 25.000 и в Ленинграде тиражом в 25.000 экз., а также дешевым изданием серии «Роман-газета» тиражом 300.000 экз.»²⁷. По меркам того времени для книги иностранного автора это был небывалый тираж.

17 декабря 1940 года заместитель председателя Иностранной комиссии Союза советских писателей СССР М.Я. Аплетин также поздравил Стейнбека с успехом его романа: «Благодарю вас за книгу, теперь в СССР у вас появилось тысячи преданных друзей и почитателей»²⁸. В марте 1941 года он сообщил Стейнбеку о том, что «миллионы читателей по всему миру благодарны Вам за Вашу книгу, написанную в защиту людей, и в особенности за созданный Вами образ матери, великий в своей простоте, очень трогательный, проникнутый человеколюбием и глубокой верой в возможности человечества. В эти трагические дни истории человечества имелась огромная потребность в такой книге»²⁹.

Критические отзывы на роман. За выходом романа в свет последовала серия рецензий на роман Стейнбека, среди которых можно выделить работы А. Абрамова «Джон Стейнбек» («Интернациональная литература»), О. Немеровской «Книга о любви и ненависти» («Звезда»), Ф. Человекова «Гроздья гнева» («Литературное обозрение»), Т. Хмельницкой «Гроздья гнева» Стейнбека («Литературный современник») и послесловие к вышедшему в отдельном издании роману И. Анисимова.

Одной из характерных особенностей восприятия «Гроздья гнева» советскими критиками и читателями можно считать то, что это произведение вызывало в памяти и соответственно ставилось рядом с образцом соцреалистического романа – «Матерью» М. Горького благодаря типологическому сближению персонажей – Ма Джоуд и Ниловны, а также Тома и Павла. Возможно, во многом благодаря этой аналогии «Гроздья гнева» воспринимались советскими читателями как нечто близкое по духу, родное – с одной

²⁵ Суд Линча над романом Стейнбека // Правда. 1939. 19 ноября. С. 6.

²⁶ Стейнбек Дж. Гроздья гнева // Интернациональная литература. 1940. №1-4.

²⁷ РГАЛИ. Ф. 1397. Оп. 1. Ед. хр. 922. Л. 17.

²⁸ РГАЛИ. Ф. 631. Оп. 11. Ед. хр. 85. Л. 1.

²⁹ Там же. Л. 2.

стороны. С другой – в ходе сравнительного анализа этих персонажей критиками подчеркивалось ведущее, прогрессивное значение советской литературы. Например, в статье Ф. Человекова (псевдоним писателя А. Платонова) отмечается: «Том Джоуд – начинающий революционер; сначала у него есть только темперамент борца, но потом появляется и революционное сознание, под влиянием фактов действительности, под влиянием тюрьмы и товарищей. Опять-таки Тому еще далеко до Павла как революционеру, но он вышел на тот же путь, и судьба Тома в романе не кончается... Спасаясь от преследования, Том вынужден был покинуть семью своего отца и матери, и он уходит в неизвестность, но судьба его предreshена: он будет большим борцом за жизнь и благоденствие фермеров-землевладельцев и рабочих»³⁰.

Точно также советская литературная критика рассматривала поступательное движение сюжета «Гроздьев гнева» и финал романа как логично, неоспоримо вытекающий из этой истории призыв к мировой пролетарской революции. На родине писателя роман вызвал жаркие споры и столкновения между немногочисленными, но могущественными монополистами из Ассоциации фермеров, охарактеризовавшей роман как «разрушительную, бесполезную книгу, пропитанную от начала до конца духом ненависти»³¹, и сторонников Администрации по защите фермеров, отстаивавших правдивость изображенной в «Гроздьях гнева» картины. В СССР содержание романа воспринималось как однозначное подтверждение превосходства коммунистического устройства общества.

В доказательство близости «Гроздьев гнева» к соцреализму рецензенты ссылались на ряд мест из текста Стейнбека, ставших затем хрестоматийными – лирические отступления автора, повествующие о бедственном положении фермеров в Америке, на прощальный диалог Тома Джоуда с матерью и в особенности на известные слова о том, что «в душах людей наливаются и зреют гроздьев гнева – тяжелые гроздьев, и дозреть им осталось недолго»³². Например, автор комментария к первому изданию «Гроздьев гнева» И. Анисимов отмечал: «Книга Джона Стейнбека написана в защиту человека, тысячелетиями трудившегося на земле и преобразившего ее, человека, создавшего великие произведения науки, техники и искусства, человека – творца и строителя. Поэтому она исполнена гнева против тех, кто низвел человека до уровня голодного и затравленного животного, против капиталистического строя, обрешего народ Америки на вырождение и голод... И роман подводит читателя к мысли, что только революция, зреющая в сознании миллионов

³⁰ Человеков Ф. Гроздьев гнева // Литературное обозрение. 1940. №12. С. 38.

³¹ Иванько С.С. Джон Стейнбек. С. 26.

³² Стейнбек Дж. Гроздьев гнева // Стейнбек Дж. Собр. соч.: в 6 т. – Т. 3. М.: Правда. 1989. С. 369.

обездоленных в современной Америке, устранит это издевательство над человеком, это хладнокровное и организованное, медленное уничтожение людей»³³.

Сходное мнение выражала рецензент «Звезды» О. Немеровская: «В лице Тома показаны те новые, пробуждающиеся свойства американского народа, которые заставят потомков отважных пионеров с таким же мужеством бороться за освобождение американских угнетенных классов от эксплуататоров, с каким их предки почти два столетия назад боролись за освобождение американских колоний от гнета английской метрополии»³⁴.

Наконец, Ф. Человеков (А. Платонов) трактовал финал «Гроздьев гнева» следующим образом:

«Но наступит очередь народа применить свою силу; правда, гонять своих врагов народ не будет – он их уничтожит. Стейнбек этого вывода из своего романа особо не подчеркивает, но читатель сам легко находит смысл произведения: необходимость революции во что бы то ни стало и возможно скорее, иначе – гибель. Идея революции справедлива и прекрасна и без романа Стейнбека, но в романе Стейнбека эта идея изложена пером превосходного художника, за что ему будут благодарны все читатели, которые живут участью своего народа. И даже те читатели, которые давно вышли из участи отчаяния, – советские читатели»³⁵.

В представленных фрагментах четко просматривается единая линия советской интерпретации «Гроздьев гнева» как произведения антикапиталистического, революционного, близкого к методу соцреализма. Важно отметить, что в случае этого произведения однозначность его трактовки – даже если не брать в расчет ее навязанность извне – проистекала из прочтения романа естественно и органично. В этом же кроется основная причина успеха «Гроздьев гнева» в СССР: читая этот роман, советские люди на примере своей собственной истории могли без труда достроить открытый финал произведения и, во-первых, оценить правильность и успешность своего выбора, а во-вторых, в лице семейства Джоудов посочувствовать всем простым американским труженикам – но и ощутить свое превосходство над ними, поскольку они только начинают

³³ Анисимов И. Послесловие к роману «Гроздьев гнева» // Стейнбек Дж. Гроздьев гнева. – М.: Гослитиздат. 1940.

³⁴ Немеровская О. Книга о любви и ненависти // Звезда. 1940. №8-9. С. 276.

³⁵ Человеков Ф. Гроздьев гнева. С. 40. Высказывание А. Платонова о том, что «гонять своих врагов народ не будет – он их уничтожит», а также о советских читателях романа, «которые давно вышли из участи отчаяния», и проч. имеют и другую интерпретацию, связанную с личной драмой писателя и репрессиями против его семьи. Так, в пору написания статьи о «Гроздьях гнева» осенью 1940 года усилиями друзей писателя из тюремного заключения был возвращен его сын, неизлечимо больной туберкулезом. Сын Платонова Платон Андреевич умер через два года – в январе 1943 года. Сам писатель в 1940-е гг. заразился от сына туберкулезом и скончался в 1951 году в нищете и безвестности.

двигаться по тому пути, которым советский народ уже давно идет, прокладывая дорогу остальным.

В то же время этот роман был близок и понятен и другой категории его советских читателей, таких как Андрей Платонов, на собственном опыте во время репрессий 1930-х гг. ощутивших себя в роли Джоудов, лишенных возможности зарабатывать на хлеб и свободно жить в своем государстве не американскими банками-монополистами, но родным советским строем. Об этой составляющей успеха романа в Советском Союзе пишет в статье «Выдержанное вино из “Гроздьев гнева”» Е.А. Евтушенко³⁶.

Рецепция раннего творчества Стейнбека в США и СССР. В апреле 1940 года в материалах редакции журнала «Интернациональная литература» появилась первая американская критическая заметка (с купюрами), в которой рассматривалось все творчество Стейнбека от первого его опубликованного романа до «Гроздьев гнева». Им был перевод статьи Маргарет Маршалл³⁷ «Джон Стейнбек», опубликованной в журнале «Nation» 25 ноября 1939 года³⁸. Эта статья представляла собой достаточно жесткий анализ художественной манеры Стейнбека: Маршалл оценивала ее как незрелую, в особенности фокусируясь на ее недостатках, проявлявшихся в той или иной мере во всех его произведениях. Во внутренних материалах «Интернациональной литературы» перевод статьи Маршалл был дан в сокращенном виде, что, видимо, еще сильнее сгустило ее критическую направленность. Так, советские рецензенты выделили в своем реферате ряд важных для них моментов, например, скепсис автора статьи по отношению к высказываниям некоторых репортеров о содержащихся в «Гроздьях гнева» призывах к «марксистской революции»: «Хотя детали его описания оклахомцев и могли бы навести газетчика на мысль о возможности марксистского разрешения проблемы, особенно если он, следуя моде, стал классово-сознательным, но Стейнбек нигде даже не намекает на такое разрешение. <...> О чем мечтают “Оки” и есть основания подозревать, мечтает для них и сам Стейнбек? – о маленьком беленьком домике и клочке собственной земли; это гораздо

³⁶ «В этом непредуганном сталинскими идеологами подсознательном отождествлении кроется и секрет грандиозного успеха «Гроздьев гнева» в СССР. <...> Если Стейнбек видел собственными глазами, как в Калифорнии резали свиней и сбрасывали их в канавы, засыпая известью, то в лесах и на кладбищах России так же сбрасывали в ямы и засыпали известью расстрелянных без всякого суда людей. Чудом уцелевшая от подобных расправ сильно поредевшая советская интеллигенция читала «Гроздья гнева» по-особенному: не только разделяя боль стейнбековских Джоудов, но видя в Джоудах и самих себя – ненужных элементов, от которых хочет отделаться собственное государство». (Евтушенко Е.А. Выдержанное вино из «Гроздьев гнева» // Огонек. 2002. №32. С. 51).

³⁷ Маргарет Элис Маршалл (1900-1974) – литературный критик, редактор. В 1927-1928 гг. – ассистент редактора в «New Masses», с 1928 г. работала в «Nation», с 1937 г. занимала в «Nation» должность литературного редактора. Была уволена в январе 1953 г. за антикоммунистические взгляды.

³⁸ РГАЛИ. Ф. 631. Оп. 14. Ед. хр. 1062. Л. 126-132.

больше напоминает старую формулу о сорока акрах и муле, чем “большевистские” колхозы»³⁹.

Иного мнения придерживается советский критик А. Абрамов, чья статья с подробным анализом жизни и раннего творчества Стейнбека была помещена в «Интернациональной литературе» сразу после публикации «Гроздьев гнева»⁴⁰.

В своей рецензии Абрамов дает оценку творческому пути Стейнбека – «искусного и взыскательного мастера», «художника больших чувств и больших идей», «одного из лучших мастеров американской прозы»⁴¹. В отличие от Маршалл, отмечавшей незрелость творческого дара Стейнбека, Абрамов утверждает прямо противоположное – «зрелость мастера, продолжающего славные традиции американской реалистической прозы»⁴². Чтобы продемонстрировать непростой творческий путь писателя, эволюцию его художественного мастерства, Абрамов подробно останавливается на ранних произведениях Стейнбека – «Райских пастбищах», «О мышах и людях», «В сомнительной схватке», для того, чтобы перейти к самой вершине – «Гроздьев гнева» и заключить, что «по существу, все, что было написано Стейнбеком до этой книги, – лишь эскизные наброски, этюды к большой картине, впитавшей весь творческий опыт, все неосуществленные возможности, все незавершенные донныне искания талантливого художника. В новом своем романе Стейнбек предстает перед нами как один из самых крупных писателей современной Америки, как один из ее подлинных первоклассных художников»⁴³.

Переписка с редакцией «Интернациональной литературы». Столь же высокое мнение о романе Стейнбека разделяет и редактор «Интернациональной литературы» Т.А. Рокотов: 22 февраля 1940 года он направляет Стейнбеку письмо, в котором уведомляет американского автора о проделанной в СССР работе над публикацией романа и о его феноменальном успехе в советской печати: «Рад сообщить вам, что ваш роман еще до появления его в русском переводе стал известен самому широкому кругу читателей: отрывки из романа печатались в «Правде» и ряде других газет. Весь Советский Союз знает теперь имя передового писателя США»⁴⁴.

Кроме того, в своем письме Рокотов просит Стейнбека сообщить адрес, по которому он мог бы перевести ему часть гонорара за публикацию этого романа в СССР. Он отмечает, что, хотя между СССР и США нет конвенции об авторских отчислениях, писателям, «с которыми мы находимся в постоянном контакте, мы часть денег все же имеем возможность

³⁹ Там же. Л. 132.

⁴⁰ Абрамов А. Джон Стейнбек // Интернациональная литература. 1940. №3-4. С. 222-232.

⁴¹ Там же. С. 231-232.

⁴² Там же. С. 232.

⁴³ Там же. С. 225.

⁴⁴ РГАЛИ. Ф. 1397. Оп. 1. Ед. хр. 922. Л. 4.

пересылать, остальная часть гонорара вносится здесь на ваш текущий счет в советских рублях, и вы можете ими распорядиться в любой момент, как это не раз делал, например, Эптон Синклер»⁴⁵.

Письмо Рокотова, написанное в крайне почтительном, уважительном тоне, весьма красноречиво свидетельствует о том, что дебют Стейнбека оказался столь важным событием для советской стороны, что Стейнбек, во-первых, практически в одночасье был поставлен в один ряд с таким маститым, давно известным в СССР автором, как Эптон Синклер, и более того, Стейнбеку была предоставлена возможность перевести часть его гонорара в американскую валюту, что делалось только для очень крупных и важных для СССР авторов.

Гонорары. Спустя месяц 16 марта 1940 года секретарь редакции «Интернациональной литературы» Е. Романова направила Стейнбеку извещение о том, что от журнала ему переведено 70,75 долларов, в качестве части гонорара за публикацию его романа на страницах журнала⁴⁶.

В ответном письме от 13 мая 1940 года литературный секретарь Стейнбека Э. Отис подтвердила получение Стейнбеком 70,75 долларов и полюбопытствовала, какую сумму составляет общий гонорар писателя, зачисленный на его счете в СССР, уточнив, что «м-р Стейнбек не намерен, разумеется, в ближайшее время побывать в России, но мне хотелось бы располагать этими данными». Также она передала благодарность Стейнбека за «хороший прием “Гроздьев гнева” в России» и сообщила о то, что сейчас писатель находится по пути в Мексику для работы над фильмом⁴⁷.

27 мая 1940 года Е. Романова написала о переводе Стейнбеку дополнительных 56,60 долларов от числа продаж романа в текущем месяце⁴⁸.

Спустя год редактором «Интернациональной литературы» было направлено последнее довоенное письмо Стейнбеку от 7 мая 1941 года, в котором тот сообщал о продолжении успешного шествия «Гроздьев гнева» по СССР и о посылке в Америку всех вышедших изданий на русском языке.

Переписка Стейнбека с Иностранной комиссией ССП. Практически одновременно разворачивалась переписка американского писателя с Иностранной комиссией Союза советских писателей. 17 декабря 1940 года вице-председатель Иностранной комиссии М.Я. Аплетин направил письмо, в котором благодарил Стейнбека за его «самую выдающуюся книгу», благодаря которой «в СССР у вас появилось тысячи преданных

⁴⁵ Там же. Л. 4.

⁴⁶ Там же. Л. 6.

⁴⁷ Там же. Л. 8.

⁴⁸ Там же. Л. 9.

друзей и почитателей», а также в своем поздравлении на Новый год желал писателю «снискать такого же успеха в 1941 году, какого бы добились с вашей книгой “Гроздь гнева”»⁴⁹.

Следующее письмо Аплетина было отправлено 12 марта 1941 года и содержало в себе извещение о посылке Стейнбеку в трех бандеролях шести авторских изданий книги «Гроздь гнева», опубликованных в Государственном литературном издательстве, и слова благодарности автору: «Разрешите мне также выразить свою глубокую признательность за то большое удовольствие и пользу, которую я получил от чтения вашей талантливой книги. Миллионы читателей по всему миру благодарны вам за вашу книгу в защиту человека и в особенности за ваше изображение матери, великой в своей простоте и столь трогательной, пропитанной человеколюбием и глубокой верой в будущее человечества. Существовала огромная необходимость в такой книге в эти трагические дни истории человечества»⁵⁰.

Письмо от Стейнбека прибыло в СССР только 26 июня 1941 года. В своем послании Стейнбек извещал М.Я. Аплетина о получении им книг из Москвы, выражал свою благодарность за них и сообщал о новых событиях своей жизни – работе над дневником «праздного путешествия с целью научных исследований “Море Кортеса”» (*Sea of Cortez: A Leisurely Journal of Travel and Research*); это исследование морской фауны тихоокеанского побережья Стейнбек вел совместно со своим другом, биологом Эдом Риккетсом..

В связи с этим Стейнбек обратился к вице-председателю Иностранной комиссии с просьбой разыскать научные труды, напечатанные еще в царское время и сохранившиеся только в Москве, содержащие нужные им материалы, в частности монографию «Аннулата 1877 года Груббе», в которой «заклучена вся существовавшая до выхода этой книги информация о морских червях annelid»⁵¹.

Вероятно, в связи с внезапным началом Великой отечественной войны ответа советской стороны на это письмо Стейнбека не последовало.

В целом, говоря о судьбе «Гроздь гнева» в СССР, в первую очередь об истолковании этого произведения советской прессой как пролетарского романа, «буревестника грядущей американской революции»⁵², важно отметить не только (или не

⁴⁹ РГАЛИ. Ф. 631. Оп. 11. Ед. хр. 85. Л. 1.

⁵⁰ Там же. Л. 2.

⁵¹ Там же. Л. 4.

⁵² Таким образом обозначила этот роман один из рецензентов книги Р. Миллер-Будницкая: «Во все сгущающемся над страной мраке реакции эта книга – буревестник грядущей американской революции – криком своим зовет надвигающуюся грозу великого народного гнева, взрыв революционной стихии, ее “девятый вал”» (Миллер-Будницкая Р. Книга гнева // Знамя. 1940. №8. С. 203). Примечательно также, что эту статью советский автор открыл двумя эпитафиями: один из которых в измененном виде был взят непосредственно из романа Стейнбека: «И в душах человеческих гроздь гнева наливаются и зреют, зреют для сбора», а второй – из знакового гимна русской революции «Песни о Буревестнике» М. Горького: «Буря! Скоро грянет буря!» (Там же. С. 191).

сколько) идеологически оправданное и преднамеренное искажение заложенного в него американским автором смысла со стороны советских критиков, но и большую субъективность прочтения романа его рецензентами в СССР. Об этом, в частности, свидетельствует статья, выделявшаяся на фоне других отечественных работ своим критически сдержанным отзывом на книгу – «Роман Стейнбека и его критики» (опубликована в «Интернациональной литературе» в конце 1940 года). Оставшийся неназванным автор этой статьи, представлявшей собой критику романа и двух отечественных рецензий на него (Ф. Человекова и Р. Миллер-Будницкой), отмечает, что «Стейнбек не революционер и далек от коммунистических идей. Однако такова сила социальной и художественной логики нарисованных им образов, что «Гроздь гнева» подводят читателя вплотную к проблеме социалистической революции. Не как к проблеме экономической теории и политики, но как к насущно жизненной проблеме, стоящей перед американским народом, «вопросу вилки и ножа», как выражались в старое время чартистские агитаторы»⁵³. Советский рецензент также говорит о неправомерном уподоблении героев «Гроздь гнева» Стейнбека и «Матери» Горького (в частности, убийцы Тома Джоуда и Павла Власова, которое использует в своей работе Ф. Человеков) и других «перегибах» советских критиков, указывая, тем самым, на скромное место романа Стейнбека рядом с прогрессивной советской литературой.

Так или иначе, роман «Гроздь гнева» открыл писателя Стейнбека советскому читателю и открыл дорогу Стейнбеку в Советский Союз, став произведением, успех которого в СССР не смогла повторить ни одна другая книга писателя. Даже «Зима тревоги нашей» (появившаяся на страницах советской печати почти спустя 25 лет и способствовавшая получению писателем Нобелевской премии) – единственный роман Стейнбека, чья популярность могла бы быть сопоставима с «Гроздьями гнева», не смогла повторить феноменальный успех этого романа в СССР.

Успех «Гроздь гнева» в СССР доказывают не только советские рецензии и литературно-критические статьи, которые единодушно называли этот роман лучшим творением Стейнбека (даже в некрологе, написанном Я.Н. Засурским, утверждалось, что «никогда больше после этого Стейнбек не достигал такой глубины и силы реалистического искусства»⁵⁴), но и многочисленные письма читателей⁵⁵, а также высказывания советских

⁵³ Роман Стейнбека и его критики // Интернациональная литература. 1940. №9-10. С. 220.

⁵⁴ Засурский Я. Умер Стейнбек // Литературная газета. 1968. 25 декабря. С. 9.

⁵⁵ См. напр. подборку читательских писем в рубрике «Интерлита»:

«Трибуна читателя»: Почему нам нравятся «Гроздь гнева» // Интернациональная литература. 1941. № 5. С. 187-189.

писателей, современников Стейнбека (И.Г. Эренбурга, Е.А. Евтушенко, И.Д. Хмарского), о том впечатлении, которое оказала на них эта книга.

Кроме того, триумфальный прием «Гроздьев гнева» в СССР не только во многом вытеснил в сознании советского читателя все другие произведения Стейнбека, поставив историю трудного пути Джоудов в высочайшее положение «вне конкуренции», но и в какой-то степени крепко привязал к этой книге личность самого Стейнбека, человека и писателя, который отныне и до самой смерти стал восприниматься в первую очередь как «певец “Гроздьев гнева”», то колеблющийся, предающий истину, высказанную в своей самой знаменитой книге, то вновь, подобно блудному сыну, возвращающийся к ней.

1.3. Антивоенная повесть «Луна зашла» и ее инсценировки в СССР

«Гроздьев гнева», появившимся в СССР в самом начале 1940-х гг., удалось в течение одного года завоевать любовь советских читателей и поставить перед руководителями советских организаций задачу расположить и развернуть к себе американского прозаика: советские газеты рассыпались в похвалах молодому писателю, редакторы интересовались его новыми произведениями, подкрепляя свои дружелюбные намерения денежными выплатами.

Однако в условиях начала Великой отечественной войны в Советском Союзе резко изменилась политика многих сфер общественной жизни, в том числе издательской и редакционной. В этой связи не только просьба американского писателя, связанная с его исследованиями морской фауны, но и его книга о жизненных трудностях оклахомских фермеров оказались затеряны среди сводок с советских фронтов, на которых шли ожесточенные бои с противником, каждый день уносившие тысячи жизней.

История создания книги. Жизнь американцев тем временем текла в привычном русле. В первые военные годы американцы не имели к войне прямого касательства, вследствие чего их интерес в основном исчерпывался обсуждением информационных сводок, шедших с театра военных действий из-за океана. Несмотря на это, военная тема не обошла стороной жизнь и творчество Стейнбека.

Весной 1940 г. писатель отправился в Мексику для работы над киносценарием «Забывтая деревня» (о чем редакции «Интернациональной литературы» в свое время сообщила Э. Отис), где неожиданно столкнулся с набирающим обороты механизмом нацистской пропаганды: газеты печатали восторженные статьи об экономическом чуде, «новом порядке» Гитлера в завоеванных странах, на улицах встречалась свастика. Встревоженный таким положением дел Стейнбек в письме к своему родственнику Дж. Гамильтону сообщает: «Немцы абсолютно превзошли союзников в плане пропаганды.

Если это продолжится, они окончательно отобьют Центральную и Южную Америку у Соединенных Штатов»⁵⁶.

Увидев своими глазами и осознав, что угроза нацистского вторжения не просто реальна, но очень близка, находится буквально у границ Америки, писатель едет из Мексики в Вашингтон, где добивается аудиенции Ф. Рузвельта и говорит с президентом о своих опасениях; а в октябре 1941 г. после одного из заседаний Службы иностранной информации (агентства, входившего в государственное Управление стратегических служб, чьей задачей как раз была борьба с нацистской пропагандой в Америке и за рубежом) Стейнбек принимается за написание повести о вооруженном захвате небольшого североевропейского города – «Луна зашла» (*The Moon is Down*).

«Луна зашла», повествовавшая об «эпической борьбе народов девятнадцати оккупированных стран Европы»⁵⁷, стала первой книгой Стейнбека, посвященной теме войны с нацизмом; примечательно, что она показывала ситуацию «в двойном освещении»: с точки зрения как жертв, так и оккупантов. При этом согласно первоначальному замыслу, действие книги должно было разворачиваться в США: Стейнбек полагал, что таким образом он, во-первых, мог бы описать события с большей достоверностью, «как если бы они произошли здесь», и во-вторых, сильнее воздействовать на читателей: «пробудить ото сна Америку и внушить ей симпатию к людям, в это самое время переживающим оккупацию за рубежом»⁵⁸. Однако Служба иностранной информации отвергла это авторское решение, посчитав, что оно может деморализовать население страны. В результате Стейнбек перенес место действия в Европу, не обозначив ни страну-агрессора, ни оккупированную страну и тем самым предельно обобщив повествование.

Окончательный вариант повести «Луна зашла»⁵⁹ появился на книжных прилавках Америки в марте 1942 г. вскоре после нападения на Перл-Харбор и вызвал большой интерес у читающей публики. Однако, несмотря на ажиотаж вокруг книги, американскими критиками «Луна зашла» была принята весьма прохладно: автору ставили в вину и отход от реалистической манеры письма, и слишком мягкое, человеческое изображение захватчиков, что сильно нивелировало агитационный запал книги⁶⁰. Так, критик К. Фадиман в журнале «New Yorker» пишет, что задачи пропаганды в 1942 г. требуют изображать немцев «как людей, которые ничем не могут искупить свои грехи, иначе мы можем утратить волю

⁵⁶ Steinbeck: A Life in Letters. P. 205.

⁵⁷ РГАЛИ. Ф. 631. Оп. 14. Ед. хр. 1070 Л. 92.

⁵⁸ Benson J.J. The True Adventures of John Steinbeck. P. 491.

⁵⁹ Steinbeck J. The Moon Is Down. – New York: Viking Press, 1942.

⁶⁰ Репрезентативная подборка материалов американской прессы находится в РГАЛИ: Ф. 631 Оп. 14. Ед. хр. 1070. Л. 103-109, Л. 119-131; Ф. 631. Оп. 14. Ед. хр. 1075. Л. 33-36.

бороться с ними»⁶¹. Фадиману вторит Луис Буденц из «Sunday Worker» (5 апреля 1942 г.): «Изображать немецкого офицера, как погруженное в самозерцание расслабленное существо, а именно это и делает Стейнбек, – значит просто давать картину, не соответствующую действительности»⁶².

Такая же судьба ждала постановку этой повести, осуществленную режиссером Оскаром Серлином и шедшую одновременно в нескольких бродвейских театрах. Премьера пьесы состоялась 8 апреля 1942 г., и первое время, несмотря на критику, спектакли шли в переполненных залах – что сильно удивляло самого автора⁶³. Но уже 19 мая «New York Times» опубликовала сообщение о снятии пьесы после 55 спектаклей со сцены нью-йоркских театров по причине малых сборов. Режиссер обвинил в провале постановки обрушившихся на пьесу критиков⁶⁴.

Препринты книги в СССР. В Советском Союзе книгу Стейнбека ждала еще более интересная судьба. Прежде чем советский читатель узнал о ее существовании, история издания и критические баталии в США вокруг повести/пьесы «Луна зашла» были проанализированы в Иностранной комиссии Союза советских писателей и в редакции журнала «Интернациональная литература». В своих отчетах советские референты выделяли основные тезисы американских статей, общее направление их полемики, а также от руки подчеркивали близкие, отвечавшие их собственному мнению о книге мысли⁶⁵.

Первым упоминанием о книге «Луна зашла» стала статья И. Сергеевой «Новая книга Джона Стейнбека», вышедшая 21 декабря 1942 г. в «Правде». Советский журналист отметила, что «эта книга Стейнбека явилась первым художественным произведением крупного американского писателя на тему войны против гитлеризма»⁶⁶, и дала подробный пересказ этой книги. Сергеева отмечает, что Стейнбек не дает национального обозначения ни одной из сторон, но в оккупантах читатель без труда узнает гитлеровцев. Это позволяет критику сделать следующий обоснованный вывод:

⁶¹ РГАЛИ. Ф. 631 Оп. 14. Ед. хр. 1070. Л. 105.

⁶² Там же. Л. 129.

⁶³ Об этом Стейнбек писал своему другу У.Ф. Стриту: «Странно, пьеса идет в переполненных залах невзирая на критику» (Steinbeck: A Life in Letters. P. 245).

⁶⁴ РГАЛИ. Ф. 631. Оп. 14. Ед. хр. 1075. Л. 61.

⁶⁵ К примеру, в отчете Иностранной комиссии Союза советских писателей и редакции журнала «Интернациональная литература» от 19 июня 1942 г. «О новой книге Джона Стейнбека “Луна заходит”», написанной по материалу рецензии «New York Times Books Review» (8 марта 1942), подчеркнуты многие фразы, в которых, по всей видимости, референт по США Н. Камионская находит близкие себе мысли, например: «У них нет времени, чтобы как-либо измениться. Они целиком раскрываются перед читателем. И все же, в этих пределах видишь все, что делают нацисты, стремясь покорить Европу, и как побежденная Европа борется с ними. Все это понимаешь безо всяких лишних уговоров и доказательств». (РГАЛИ. Ф. 631. Оп. 14. Ед. хр. 1069. Л. 19).

⁶⁶ Сергеева И. Новая книга Джона Стейнбека // Правда. 1942. 21 декабря. С. 4.

«Стейнбек с мастерством большого художника сумел передать мощь народного движения, напряженность и драматизм борьбы. Читателю становится ясно, что «никакая» страна – это всякая страна, оккупированная немцами. Это и Норвегия, и Дания, и Югославия, и Франция. Неизвестный маленький народ – это всякий свободолюбивый народ»⁶⁷.

В этом же духе автор статьи перефразирует слова, которыми завершается роман:

«Уходя на казнь, старик завещает своему другу доктору:

– Мечь немцам!»⁶⁸

(в близком к оригиналу переводе Н. Волжиной этот фрагмент, отсылающий к предсмертным словам Сократа, звучит так:

«Ступив через порог, он повернулся к доктору Уинтеру:

– Критон, я должен петуха Асклепию, – мягко сказал он. – Ты не забудешь уплатить мой долг?

Уинтер на секунду закрыл глаза и потом ответил:

– Долг будет уплачен»⁶⁹).

Публикация книги в СССР. В конце 1942 г. повесть была переведена на русский язык и уже в 1943 г. после публикации в журналах «Огонек»⁷⁰ и «Знамя»⁷¹ стала известна широкой публике. Кроме того, как сообщает газета «Литература и искусство»⁷² 22 января 1943 г., «отрывки из нового романа американского писателя Джона Стейнбека «Луна зашла» передал по радио Литературный отдел Всесоюзного радиокомитета. Отрывки читали М. Царев и В. Аксенов»⁷³.

Критика книги в СССР. Автор предисловия к американскому изданию книги Дональд В. Коерс отмечает, что, «несмотря на фактически единодушное неприятие повести советскими критиками, «Луна зашла» стала самой известной американской книгой в СССР военного периода»⁷⁴. На самом деле отношение советской литературной критики к книге Стейнбека было двойственным: с одной стороны, высказываются претензии, практически полностью совпадающие с мнением американских критиков – Фадимана, Буденса, Голда и др. Так, Е.Ф. Книпович в программной статье, вышедшей в журнале «Знамя» (1943), фактически повторяет слова американских коллег о несоответствии повести задачам

⁶⁷ Там же.

⁶⁸ Там же.

⁶⁹ Стейнбек Дж. Луна зашла // Стейнбек Дж. Неведомому Богу; Луна зашла – М.: Рекламно-компьютерное агентство газеты «Труд», 2000. – С. 350.

⁷⁰ Стейнбек Дж. Луна зашла // Огонек. 1943. №2-11.

⁷¹ Стейнбек Дж. Луна зашла // Знамя. 1943. №5-6. С. 34-97.

⁷² Под таким названием в 1942-1944 гг. выходила «Литературная газета» после слияния ее с газетой «Советское искусство». В ноябре 1944 г. «Литгазете» было возвращено ее прежнее название.

⁷³ Московская хроника // Литература и искусство. 1943. 22 января. С. 4.

⁷⁴ Coers D. V. Introduction to The Moon Is Down. // Steinbeck J. The Moon is Down. – New York. Penguin, 1995.

пропаганды. Книпович полагает, что в повести враг изображен менее опасным, чем он есть на самом деле: «Его разложение, внутреннее банкротство достигается слишком легко. В действительности дело победы над фашизмом потребует еще много усилий и жертв ото всех свободолюбивых народов мира. <...> У фашистов есть не только овечий хвост, который трясется в дни поражений, у них есть пока и волчьи клыки, которые способны рвать и терзать в дни временных успехов»⁷⁵.

В рецензии Т. Мотылевой «Непокоренный народ» также отмечается несоответствие данной Стейнбеком картины завоевателей реальному положению дел. К примеру, описывая эпизод свидания лейтенанта Тондера и вдовы расстрелянного шахтера Молли Морден, она пишет: «В жизни бывает иначе. Мы слишком хорошо знаем, что не со стихом и Гейне приходят фашистские скоты к женщинам оккупированных ими земель. Нет, для характеристики гитлеровского вояки можно и должно было найти иные слова, иные краски, – такие, которые абсолютно исключали бы снисхождение. Образы завоевателей, созданные Стейнбеком, при всем его психологическом мастерстве, при всей тонкости его иронии не внушают той лютой, жгучей ненависти, какой заслуживают фашистские рабовладельцы»⁷⁶.

В конечном итоге, рецензент заключает: «Образ народа, в романе «Луна зашла» носит на себе отпечаток внеисторической абстракции. И это мешает художнику с полной отчетливостью и ясностью показать те сложные и нелегкие пути, какими ведется антифашистская борьба в оккупированных странах Европы»⁷⁷.

С другой стороны, в статьях советских авторов военного периода присутствует стремление включить Стейнбека с его повестью в ряд дружественных СССР писателей-антифашистов. В той же статье Е.Ф. Книпович отмечает: «Стейнбек прав, утверждая своей книгой, что крах власти оккупантов неизбежен, что единственной неотвратимой судьбой гитлеровских преступников будет народная месть»⁷⁸. Более того, хотя в черновом варианте статьи критик далее пишет: «Но книга его написана по нашим сегодняшним понятиям давно и вдали от центра военных событий»⁷⁹, в журнальной версии эта фраза оказывается опущена. В этой и других советских рецензиях на книгу «Луна зашла» положительная оценка произведения американского автора («недостатки» которого заслуживают снисхождения) обусловлена чувством превосходства, характерным для советского критика – представителя передовой страны, ведущей ожесточенные бои с врагом, и потому

⁷⁵ Книпович Е. Новая книга Стейнбека // Знамя. 1943. №5-6. С. 242.

⁷⁶ Мотылева Т. Непокоренный народ: «Луна зашла» Джона Стейнбека // Литература и искусство. 1943. 4 сентября. С. 3.

⁷⁷ Там же.

⁷⁸ Книпович Е. Новая книга Стейнбека. С. 4.

⁷⁹ РГАЛИ. Ф. 618. Оп. 2. Ед. хр. 175. Л. 34.

претендовавшего на роль третейского судьи или даже наставника зарубежных авторов, нуждающихся в совете и руководстве.

Советские инсценировки книги военных лет. О значении, которое получила в СССР антивоенная повесть Стейнбека, свидетельствует и тот факт, что почти сразу после ее публикации в «Огоньке» начались попытки поставить это произведение на советской сцене. Всего в 1943-1948 гг. было не менее шести попыток инсценировать книгу Стейнбека, однако только три из них смогли пройти цензуру ГУРКа (Главного управления по контролю за зрелищами и репертуаром) и получить разрешение на постановку – это пьесы «Луна зашла» Л. Лемперта (1943), «Долг мэра Оурдэна» К. Розова (1944) и «Побежденные побеждают» А. Бородин (1944).

Главные вопросы, которые должны были решить для себя советские драматурги при переложении повести Стейнбека для сцены, – какова будет степень адаптации пьесы к советской действительности? Как приблизить пьесу «к центру военных событий», к войне, которую ведет советский народ? Как добиться того, чтобы пьеса не «деморализовала» зрителя (именно в этом упрекали Стейнбека и наши, и американские критики), но, напротив, способствовала боевому настрою советского зрителя, была ему близка и понятна, но и не внушала при этом ложного оптимизма?

Именно эти проблемы акцентируются в протоколах и отзывах сотрудников ГУРКа, решавших судьбу первой инсценировки книги «Луна зашла» Л. Лемперта. Всего этой пьесе довелось побывать в руках у трех рецензентов. Первый – заместитель начальника Главного управления по театрам (ГУТ) О.Н. Олидор⁸⁰ вынесла отрицательное решение в отношении пьесы, в результате чего автор инсценировки Л. Лемперт был вынужден обратиться к председателю Комитета по делам искусств М.Б. Храпченко⁸¹ с просьбой «лично ознакомиться с пьесой или же передать ее на рассмотрение еще одному авторитетному лицу». М. Храпченко отправляет пьесу в ГУРК, где она была рассмотрена еще двумя политредакторами: Р. Ольшевец и Б. Ростоцким⁸².

Р. Ольшевец, отмечая в своем отзыве некоторые положительные черты пьесы (единство мэра Оурдэна с народом и изображение народной борьбы с оккупантами), в целом оценивает ее резко отрицательно. Она подвергает критике как идейную сторону (в

⁸⁰ Олидор (Кайдалова) Ольга Николаевна (1913-1987) – театровед, профессор, автор книг по вопросам театра («В борьбе за сценический реализм» (1957), «Советское актерское искусство: 50-70 годы» (1982) и др.), в начале 1940-х гг. являлась заместителем начальника Главного управления театров Комитета по делам искусств при СНК СССР.

⁸¹ Храпченко Михаил Борисович (1904-1986) – специалист по истории и теории литературы, в 1939-1948 гг. – председатель Комитета по делам искусств при Совете народных комиссаров СССР. Герой Социалистического Труда.

⁸² Ростоцкий Болеслав Норберт Иосифович (1912-?) – историк театра и критик, доктор искусствоведения (1967), заведующий сектором искусства европейских социалистических стран Института истории искусств (с 1962 г.), профессор ГИТИСа (с 1967 г.). Основные работы посвящены истории советского и польского театра.

первую очередь трактовку образов завоевателей как «несчастливых и обманутых», которую она находит «неверной и неприемлемой»), так и ее драматургическое своеобразие: «Здесь нет ни крепкого сюжета, ни ярко очерченных характеров, а образы людей из народа просто расплывчаты»⁸³. Однако, как пишет редактор, без знакомства с оригинальным текстом она не может пропустить или запретить эту пьесу по следующим причинам:

1. Стейнбек – американский писатель-антифашист, друг Советского Союза. Это заставляет быть особенно внимательным к его произведениям.

2. Неизвестно, в какой степени усугублены недостатки романа инсценировкой его⁸⁴.

Третий рецензент Б. Ростоцкий, ознакомившись с материалами дела, пишет подробный, обстоятельный отзыв с разбором обоих произведений – как оригинальной повести Дж. Стейнбека, так и пьесы Л. Лемперта. В первую очередь он объясняет драматургическое своеобразие, «рыхлость пьесы» особенностями оригинала – повести Стейнбека: так, отвечая своему предшественнику, он заявляет, что критик «должен адресовать свои претензии не Лемперту, а уж только непосредственно Стейнбеку»⁸⁵. Во-вторых, он категорически не соглашается с той оценкой, которую дали предыдущие рецензенты изображению в повести/пьесе оккупантов: «...в индивидуальных портретах выведенных им офицеров-завоевателей Стейнбек, конечно, не раскрыл того специфического идейного и морального маразма, которым отмечены гитлеровцы. Но... образ фашистской армии в целом дан в романе (и в инсценировке) в основном верно и точно. Оккупанты действуют в пьесе как беспощадные, жестокие, циничные проводники пресловутой политики «железа и крови». Они именно грабят, убивают и насилуют (приведенная выше претензия тов. Ольшевец на сей счет совершенно непонятна), а в промежутках скулят по поводу тех «беспокойств», которые им доставляют «завоеванные». Очевидно, этот скулеж и показался противникам пьесы способным вызвать сочувствие к завоевателям. Но такое восприятие чисто субъективно и делать за него ответственным автора не приходится»⁸⁶.

Сам рецензент не закрывает глаза на некоторые спорные черты оригинала, например, он пишет, что «изображение врага, несомненно, страдает у Стейнбека излишним объективизмом, который, конечно, нежелателен на советской сцене»⁸⁷. Вместе с тем Ростоцкий считает, что недостатки, во-первых, не столь значимы по сравнению с художественным качеством произведения Стейнбека, а, во-вторых, преодолимы путем

⁸³ РГАЛИ. Ф. 656. Оп. 5. Ед. хр. 4539. Л. 5.

⁸⁴ Там же.

⁸⁵ Там же. Л. 6.

⁸⁶ Там же.

⁸⁷ Там же. Л. 7.

небольшой доработки, начало которой уже положено в пьесе Лемперта и может быть продолжено в самих театрах. В общей сложности, он дает высокую оценку работе Лемперта и выносит положительное решение, подписанное начальником ГУРКа Б. Мочалиным⁸⁸: «Разрешить к работе при условии внесения указанных в протоколе изменений с купюрами»⁸⁹.

Это расхождение во мнениях на счет книги Стейнбека двух советских рецензентов тем более показательно, что вполне отвечает духу имевшей место ранее полемики американских критиков: Р. Ольшевец является продолжательницей линии К. Фадимана, Дж. Тербера, М. Голда, а Б. Ростоцкий – линии П. Бак, Д. Томпсон, Л. Фейхтвангера и других защитников Стейнбека. Однако если в США дискуссия вокруг книги Стейнбека разворачивалась на страницах крупных изданий и послужила сначала катализатором читательского и зрительского интереса, а после привела к «дискредитации» произведения, то в СССР дебаты шли «в закулисье», в недрах властных и литературных институций, а окончательное решение принимал один человек, занимавший верхний пост в иерархической лестнице – в данном случае Б. Мочалин, который, в сущности, санкционировал появление этой и последующих пьес по книге Стейнбека.

Вторая инсценировка – драма в четырех частях «Непокоренные» П. Мелибеева⁹⁰ появилась в ГУРКе в сентябре того же 1943 г. Б. Ростоцкий посвящает ей краткий отзыв, в котором пишет, что находит пьесу П. Мелибеева по своим идейным и художественным качествам значительно более слабой, чем пьеса Л. Лемперта, и потому считает ее включение в репертуар «нецелесообразным»⁹¹. Тем не менее, Б. Мочалин дает разрешение к работе над пьесой П. Мелибеева «Непокоренные» Ставропольскому областному театру.

Следующая инсценировка К. Розова под названием «Долг господина Оурдэна» появилась в феврале 1944 года. Ее главным достоинством Б. Ростоцкий считает лаконичность: автор передает содержание оригинальной книги, не добавляя ничего лишнего. Кроме того, как отмечает рецензент, «этот лаконизм способствует тому, что пьеса

⁸⁸ В конце отзыва Б. Ростоцкого под подписью Б. Мочалина следует сделанная собственноручно запись: «В главном и существенном т. Ростоцкий прав». (Там же. Л. 7).

⁸⁹ Среди указанных критиком изменений можно выделить замену в диалоге захватчиков слова «вождь» на слово «фюрер»:

ТОНДЕР: Мне снилось, что фюрер (исправлено Б. Ростоцким – прим. Л.Ж.) сошел с ума... /Лофт и Хунтер смеются/.

ЛОФТ: Враги, пожалуй, узнали, насколько фюрер сумасшедший! Мне нужно будет об этом написать домой. Газеты вероятно напечатают. Враг узнал, насколько фюрер – сумасшедший...» (Там же. Л. 52).

⁹⁰ Мелибеев Петр Петрович (1908-1985) – писатель, драматург, автор около двадцати прозаических и драматических произведений, ставившихся на сцене Ставропольского и других театров. В числе самых известных произведений – повести «Садовая, 16» (1962), «Только один спектакль» (1964), «Та далекая весна» (1969) и др.

⁹¹ РГАЛИ. Ф. 656. Оп. 5. Ед. хр. 5319. Л. 1.

может быть разрешена при условии внесения сравнительно небольшого числа купюр»⁹². Предложенная им правка напрямую затрагивала оригинальный сюжет и касалась устранения «излишнего объективизма Стейнбека» в изображении захватнической армии. Так, корректуре подверглось несколько эпизодов с участием наиболее сомнительного персонажа – «погруженного в самосозерцание» лейтенанта Тондера: оказались купированы самые эмоциональные строки, в которых содержались его сетования на жизнь, его сомнения в адекватности действий фюрера, его желание покончить с войной и вернуться домой, а также примечательный монолог, в котором Тондер сравнивал положение своей армии с «мухами, завоевавшими липкую бумагу»⁹³. Также был вычеркнут детально прописанный К. Розовым эпизод ухаживания лейтенанта за Молли Морден, в котором он цитирует любовную лирику Гейне и произносит: «У нас осталось какое-то право на жизнь среди всех этих убийств»⁹⁴. Подобное «объективистское»⁹⁵ стейнбековское изображение немецкого офицера не только как оккупанта, но и как человека с его слабостями и страстями, желанием жить и любить, в СССР в 1944 г. было немыслимо и недопустимо и даже могло показаться кощунственным.

Все эти сценарии советских драматургов прямо следовали стейнбековскому оригиналу с минимальными изменениями, что положительно отмечалось цензорами ГУРКа. Зато появившаяся в ГУРКе в ноябре 1943 г. пьеса А. Ирошникова «Луна зашла» является ярким примером отступления от этого правила. Автор инсценировки не стал считаться со стейнбековской установкой на условность места и времени, прямо указав, что события пьесы происходят в Норвегии, а захватчиками являются немцы, фашисты. В соответствии с этим было изменено время действия (захват города происходит в апреле, а не осенью, как у Стейнбека) и введен целый ряд красноречивых деталей: в гостиной мэра появляется эстамп с бюстом Ибсена, в окне, сквозь дымку тумана, оказываются «видны далекие прибрежные скалы, омываемые синими водами фиарда»⁹⁶, а в качестве лейтмотива на протяжении всего действия должна звучать мелодия Э. Грига из сюиты «Пер Гюнт».

⁹² РГАЛИ. Ф. 656. Оп. 5. Ед. хр. 6822. Л. 1.

⁹³ Там же. Л. 42.

⁹⁴ Там же. Л. 47.

⁹⁵ Десять лет спустя в октябре 1953 г. в статье «Мои короткие романы» (My Short Novels) Стейнбек ответил критикам своей книги «Луна зашла» (в первую очередь К. Фадиману и Дж. Терберу): «Война приближалась, и я написал «Луна зашла» для прославления прочности демократии. Я не мог представить, что эта книга будет осуждена. Я написал о немце как о человеке, не как о сверхчеловеке, и это было принято за снисходительность по отношению к нему. Я не мог взять в толк все это, и теперь это представляется абсурдом, когда мы знаем, что немцы – люди и, как все люди, могут ошибаться и терпеть поражения». (Цит. по: Coers D.V. John Steinbeck as Propagandist: *The Moon Is Down Goes to War*. – Tuscaloosa, AL: University of Alabama Press, 1991. P. 22).

⁹⁶ РГАЛИ. Ф. 656. Оп. 5. Ед. хр. 3287. Л. 2.

Б. Ростокский отметил в своем отзыве, что «автор взял некоторые ситуации и образы из романа Стейнбека «Луна зашла» и по-своему переkreшил их, совершенно не считаясь с логикой их развития в первоисточнике»⁹⁷. Так, например, в пьесе Ирошникова любви Молли Морден добивается не лейтенант Тондер, а местный предатель Корелл, которого драматург в списке действующих лиц называет «квислинговцем». Кроме того, в пьесе отсутствуют основные женские персонажи пьесы – Мадам, Анни и большинство офицеров вражеской армии (майор Хантер, лейтенанты Тондер, Пракл и другие). Вместо жены мэра в постановке фигурирует его приемная дочь – Хэдда (отсутствовавшая в оригинале), а выразителем сомнений и отчаяния в рядах оккупационной армии вместо исчезнувшего Тондера стал капитан Лофт, самый хладнокровный и педантичный персонаж Стейнбека. Как отмечает Б. Ростокский, «тов. Ирошников попытался передать содержание романа Стейнбека в поистине телеграфном стиле, уместив его всего на 20 страницах. Попытка эта, конечно, не увенчалась успехом»⁹⁸.

Другой драматург А. Бородин в 1944 г. представил ГУРКУ сразу две пьесы по мотивам повести «Луна зашла». Первая под названием «Мухи завоевывают липкую бумагу» (апрель 1944 г.), представляла собой драматический этюд – инсценировку одной из глав повести и предварялась обширным предисловием, содержащим пересказ и оценку книги Стейнбека. В конце предисловия А. Бородин так суммировал основной смысл и ценность произведения: «Растерянность, стихийная ненависть и, наконец, организованное сопротивление – вот те три этапа, по которым проходит в повести Стейнбека пробуждающееся сознание завоеванного маленького народа. Глубокая вера автора в неисчерпаемую силу народного духа – яркая черта повести, которая сближает ее с «Гроздьями гнева»⁹⁹. Сам драматург выбрал для инсценировки всего один эпизод книги – свидание лейтенанта Тондера с Молли Морден, по всей видимости, считая его стержневым для понимания всего произведения, поскольку в нем местная девушка проходит один за другим все три обозначенных автором этапа: растерянность при встрече с молодым лейтенантом оккупационной армии, постепенное пробуждение и рост ненависти к врагу, причастному к расстрелу ее мужа, и, наконец, убийство Тондера.

Тем не менее, рецензент Б. Ростокский назвал выбор фрагмента крайне неудачным, не передающим всего масштаба произведения Стейнбека. Ростокский отметил, в частности, что при чтении данной инсценировки не знакомому с оригиналом человеку останется «неясным даже тот важнейший драматический момент, что Тондер является непосредственным

⁹⁷ Там же. Л. 1.

⁹⁸ Там же.

⁹⁹ РГАЛИ. Ф. 656. Оп. 5. Ед. хр. 880. Л. 3.

убийцей мужа Молли». Заключение цензора было отрицательным: «Совершенно нецелесообразно вводить в действующий репертуар эту малоудачную инсценировку»¹⁰⁰.

Однако еще до написания этюда «Мухи завоевывают липкую бумагу» в январе 1944 г. А. Бородин направил на суд ГУРКа другую инсценировку книги Стейнбека – драму в четырех частях «Побежденные побеждают». Об этой работе Ростоцкий отзывается положительно, отмечая, что драматург «сохраняет своеобразие повествовательной манеры американского автора и вместе с тем удачно усиливает некоторые важные мотивы (прежде всего, мотив активного сопротивления захватчикам), тактично и умело вводя некоторые дополнительные детали (например, короткая, но выразительная сцена в забое угольной шахты – 2-я картина)»¹⁰¹.

Если в оригинальном произведении Стейнбека основополагающую идею «народной власти» воплощал мэр Орден, который был не столько правителем города, сколько «рупором народа» («Мэр – это идея, родившаяся в мозгу свободных людей»¹⁰²), то в пьесе Бородина вместо «рупора» на сцену выступает сам народ – простые шахтеры, держащие в руках мотыгу и испачканные землей: Ларре, дедушка Ольсен, Джек Андерс и Алекс Морден. Несмотря на то, что они появляются всего в нескольких сценах, их образы тщательно прописаны, наделены выразительными речевыми характеристиками и весьма типичны для советских пьес. У Бородина именно на них завязаны все ключевые эпизоды инсценировки: они разрабатывают идею активного сопротивления захватчикам, они вдохновляют мэра на героическую смерть и дают обещание отомстить за него и, наконец, именно они, собирая сброшенный самолетами союзников динамит, обсуждают победы Красной армии над общим врагом:

«ДЕДУШКА ОЛЬСЕН. Так ты говоришь, русские продолжают наступать?

ЛАРРЕ. Да и как наступать! Они не наступают – они гонят.

ДЕДУШКА ОЛЬСЕН /усмехнувшись/. Это непобедимые увязнут в русских просторах. Их конец начинается. /Пауза/.

ЛАРРЕ. Знаете, дедушка Ольсен, – иной раз, когда я вот так ночью прислушиваюсь к тишине, мне кажется – мое ухо способно за тысячи километров уловить звуки русских пушек. Это так близко к сердцу.

ДЕДУШКА ОЛЬСЕН. Мне очень понятно, то что ты говоришь, Ларре. Это великая страна, там, на востоке... Она очень далеко от нас и все же она где то вот здесь, возле нас.

¹⁰⁰ Там же. Л. 1.

¹⁰¹ РГАЛИ. Ф. 656. Оп. 5. Ед. хр. 883. Л. 2.

¹⁰² Стейнбек Дж. Луна зашла. С. 349.

И там – в Европе, в Америке... всюду. /Помолчав/. Нам многому нужно у них поучиться»¹⁰³.

Бородин в своей пьесе не изменяет сколько-нибудь существенно ни одного эпизода, и не умаляет основной идеи и пафоса произведения Стейнбека, но путем внедрения персонажей «из народа» делает эту идею привычнее и понятнее советским людям.

В целом, говоря об инсценировках военного периода и особенно о тех, что получили разрешение ГУРКа на постановку в столичных театрах, нужно отметить их близость оригиналу, что свидетельствует об уважении к стейнбековскому замыслу и общности представлений о том, каким должно быть пропагандистское произведение военного времени. Добавления авторов и купюры редакторов ГУРКа касались деталей и ни в коей мере не затрагивали главного в повести – призыва к борьбе против нацизма, против его захватнической политики.

Инсценировка И.Л. Прута 1948 года. В качестве дополнения необходимо остановиться на анализе еще одной пьесы по книге Стейнбека, хотя ее рассмотрение выходит за хронологические рамки данной главы. Одна из особенностей пропагандистских сочинений заключается в том, что они быстро теряют свою популярность после изменения политической ситуации, которая и обусловила их появление. Такая судьба постигла многие советские и западные антифашистские произведения – после мая 1945 г. они оказались забыты.

Однако сочинение Стейнбека ждала иная и весьма необычная судьба. В 1948 г. в СССР появляется еще одна инсценировка по книге американского автора – «Господин мэр» И.Л. Прута. В архивах не сохранилось никаких документов, отзывов и даже свидетельств о ее прочтении сотрудниками ГУРКа, тем не менее, само содержание пьесы настолько примечательно, что требует отдельного рассмотрения.

За три года, прошедшие после окончания Второй мировой войны, политическая ситуация в мире радикально изменилась. Недавние союзники стали непримиримыми врагами: началась новая, холодная война. В СССР с 1947 г. набирает обороты массированная кампания антиамериканской пропаганды, к которой активно привлекаются и литературные институции¹⁰⁴. В этих условиях пишется новая, послевоенная инсценировка повести Стейнбека.

В пьесе И. Прута речь идет вовсе не о Второй мировой войне. Время действия здесь – «ближайшее будущее», место действия – некая европейская «нейтральная страна».

¹⁰³ Бородин А. Побежденные побеждают. Л. 89.

¹⁰⁴ См. напр.: Проект мероприятий по усилению антиамериканской пропаганды по Союзу советских писателей». 1.04.1949 // Сталин и космополитизм. Документы Агитпропа ЦК КПСС. 1945-1953 / Отв. ред. Д.Г. Наджафов, Сост. Д.Г. Наджафов, З.С. Белоусова. – М.: МФД; Материк, 2005. С. 346-348.

Действие начинается в «доме Оурдэна, мэра небольшого прибрежного шахтерского городка»¹⁰⁵. Пьеса построена на эффекте узнавания и осознания жителями города причин оккупации. Напряженность возникает с самых первых строк: оказывается, город захвачен, причем захватчиками оказываются войска некой дружественной союзнической державы. Это загадочное событие обсуждают Сарра (жена Оурдэна) и Роза (доктор Винтер), пытаются понять, что за «иностранные войска» внезапно вошли в их город и сравнивая это вторжение с пережитой во время войны нацистской оккупацией.

Только появление на сцене самих захватчиков – офицеров американской армии приносит с собой разгадку. Полковник Лансер сообщает, что они прибыли в этот город по приглашению правительства страны и их цель – не милитаристская, а экономическая – вывоз угля в Западную Германию, и жители города обязаны этому содействовать. Также выясняется, что вопреки давлению правительства, мэр Оурдэн предпочел честное и выгодное для горожан сотрудничество с русскими, а не с американцами, и вот тогда-то в город в «усмирительных целях» и были брошены американские войска.

Майор Хантер «популярно» объясняет впавшему в отчаяние Тондеру истинную цель вторжения: «Послушайте, лейтенант: нашими деньгами пользуются многие правительства; ряд стран зависит от нас; почти без крови – дешевыми товарами, отбросами с нашего стола, подкупом, угрозой – мы завоевали почти полмира! Должны же мы теперь навести порядок»¹⁰⁶.

Однако жители города отказываются смириться со своим подневольным положением и оказывают сопротивление захватчикам. И в этом им помогает некая «третья сила», отсутствующая не только у Стейнбека в оригинале, но и в других советских инсценировках: группа «красных» под предводительством Нильсена, сумевшего в ходе оккупации выскользнуть из лап захватчиков и покинуть город. Нильсен и его сторонники – внесценические персонажи, о которых, тем не менее, постоянно упоминается, как о некой невидимой, всемогущей и постоянно сопутствующей героям силе: многие шахтеры бегут в горы, образуя группы сопротивления, а Джозеф, дворецкий мэра, становится командиром отряда у Нильсена. Именно «красные» выступают против агрессоров и консолидируют вокруг себя весь народ – от шахтеров и кухарки Анни до доктора Уинтера и мэра Оурдэна.

Так, парадоксальным образом, созданное в 1942 г. в поддержку «народов девятнадцати оккупированных стран Европы» произведение американского автора Джона Стейнбека, писавшего в своей телеграмме Ф. Рузвельту о героизме Красной армии, которая

¹⁰⁵ РГАЛИ. Ф. 656. Оп. 5. Ед. хр. 6565. Л. 1.

¹⁰⁶ Там же. Л. 45.

«свыше года выносила и все еще выносит основной удар нацистской военной машины»¹⁰⁷, теперь послужило материалом для антиамериканской пьесы И. Прута, направленной против бывших союзников и ее автора в том числе.

Книга Стейнбека, в которой принципиально отсутствовали конкретные указания на национальную принадлежность оккупантов и их жертв, отличалась от других пропагандистских произведений как американской, так и советской литературы тем, что ее автор, избегая вопроса «кто виноват?», сосредоточился на вопросе «почему так произошло?», ответ на который ищут все персонажи – от мэра Оурдена до полковника Лансера и лейтенанта Тондера. И именно в силу этой особенности произведение Стейнбека «Луна зашла» после разгрома нацизма парадоксальным образом смогло стать оружием антиамериканской пропаганды по ту сторону «железного занавеса», в стране, кардинальным образом пересмотревшей свое отношение к писателю после 1945 года.

¹⁰⁷ РГАЛИ. Ф. 631. Оп. 14. Ед. хр. 1070. Л. 1.

ГЛАВА 2. СТЕЙНБЕК В СССР (1945-1960) – ВЗГЛЯД ИЗ-ЗА «ЖЕЛЕЗНОГО ЗАНАВЕСА»

Второй период взаимоотношений Стейнбека и СССР связан с началом «холодной войны» (1946), развернувшейся между двумя странами – союзниками во Второй мировой войне, и по логике своего развития делится на промежуток до 1954 года, сопровождавшийся жесткой критикой творчества и публицистических выступлений американского писателя, и после 1954 года, когда со смертью И.В. Сталина (1953) и началом процесса десталинизации (кульминацией которого стал XX съезд КПСС в 1956 г.) отношение к Стейнбеку в СССР начинает меняться, «теплеть», подготавливая почву для триумфального возвращения нобелевского лауреата, автора «Зимы тревоги нашей» в Советский Союз в 1963 году.

Важным событием этого периода, проливающим свет как на взгляд Стейнбека на СССР того времени и его «иллюзии», так и на позицию советских властей по отношению к американскому писателю, является приезд Стейнбека вместе с фотокорреспондентом Робертом Капой в СССР в 1947 году. Его итогом стали два «отчета» об этом визите – «Русский дневник» Стейнбека, опубликованный в США в 1948 году, и дневники советских сотрудников ВОКСа, сопровождавших писателя в этой поездке.

В отличие от предыдущей главы, охватывающей непродолжительный отрезок времени и характеризующейся относительной линейностью в отношении СССР к американскому писателю, вторая глава имеет в своей основе хронологическое членение (1945-1954 и 1954-1960 гг.), а также содержит небольшую вставку, показывающую «обратную перспективу» – взгляд Стейнбека на СССР, сложившийся у него в этот период.

2.1. Стейнбек и СССР в период холодной войны

Фултонская речь Черчилля 5 марта 1946 г. и ответ на нее Сталина, опубликованный в виде интервью в газете «Правда» неделю спустя¹⁰⁸, обозначили резкий перелом в мировой политике, фактически провозгласив официальное начало холодной войны. Оглашение в следующем году доктрины Трумэна (12 марта 1947 г.) и плана Маршалла (5 июня 1947 г.) окончательно поставило СССР и США на позиции двух соперничающих сверхдержав, равно претендующих на осуществление политической, экономической и культурной гегемонии в мире. Одновременно в СССР разворачивается антиамериканская пропагандистская кампания, борьба с «низкопоклонством» перед Западом; с 1948 г. набирает обороты борьба с космополитизмом.

Важнейшим событием этого времени стала публикация в «Правде» постановления Оргбюро ЦК ВКП(б) от 14 августа 1946 г. «О журналах “Звезда” и “Ленинград”», которое

¹⁰⁸ Сталин И.В. Ответ корреспонденту «Правды» // Правда. 1946. 14 марта. С. 1.

подвергло осуждению выходящие в журналах «произведения, культивирующие несвойственный советским людям дух низкопоклонства перед современной буржуазной культурой Запада»¹⁰⁹. Беспощадная критика Америки и всего американского в этой идейной борьбе заняла самое видное место, что демонстрирует, например, «Проект мероприятий по усилению антиамериканской пропаганды по Союзу советских писателей» 1949 года за подписью секретаря Союза К.М. Симонова, в котором советским общественным организациям и отдельным деятелям поручалось «обеспечить создание художественных произведений – пьес, киносценариев, повестей, романов, разоблачающих американский образ жизни», «создать серию из 10-15 документальных книг, написанных работниками советских закупочных комиссий, торговых представительств, ТАСС, АМКИНО, консульств, советскими инженерами, деятелями культуры, побывавшими в США, разоблачающих т.н. «американский образ жизни» и показывающих бедственное положение трудящихся США» и т.д.¹¹⁰

Однако ситуация со Стейнбеком не была однозначной. С одной стороны, в СССР он был и оставался в первую очередь автором «Гроздьев гнева», книги, являвшейся блестящим доказательством бесчеловечной политики американского империализма, оставлявшей без куска хлеба и каких-либо прав свой же народ. С другой стороны, произведения, написанные Стейнбеком с 1939 года, в глазах советской критики все отчетливее свидетельствовали об отходе автора с прогрессивных позиций. Об этих и других сомнениях на его счет в кругу ответственных советских лиц пишет И.Д. Хмарский, курировавший проезд писателя в СССР в 1947 году:

«Все зарубежные визитеры классифицировались в верхах по трем главным политическим категориям: друзья Советского Союза, нейтралы и чужаки. Оттенки обычно в расчет не принимались. Стейнбек в этом смысле для руководящих товарищей был фигурой довольно размытой. <...> Каково его политическое лицо? Ни публичных изъяснений в любви к первому в мире государству победившего социализма, ни зафиксированного где-либо благоговения перед вождем мирового пролетариата и гениальным полководцем, положившем на лопатки Гитлера, ни ярко выраженных симпатий к компартии США. Право же, было над чем призадуматься»¹¹¹.

Советская пресса о Стейнбеке. Так или иначе, в этот непродолжительный период (1945-1948), закончившийся с выходом в США «Русского дневника», советская рецепция

¹⁰⁹ Власть и художественная интеллигенция. Документы ЦК РКП(б) – ВКП (б), ВЧК – ОГПУ – НКВД о культурной политике. 1917-1953. Под ред. А.Н. Яковлева. Сост. А.Н. Артизов, О.В. Наумов. – М.: Международный фонд «Демократия», 1999. С. 588.

¹¹⁰ Проект мероприятий по усилению антиамериканской пропаганды по Союзу советских писателей. 1.04.1949. С. 346-348.

¹¹¹ Хмарский И.Д. Месяц с Джоном Стейнбеком // Волга-Саратов. 1991. №4. С. 157.

Стейнбека была неоднородной. Изредка в печати появлялись положительные упоминания о Стейнбеке, например, в выступлении Г. Фиша о положении колхозов: «Мне вспоминаются некоторые книги современных писателей о зарубежном крестьянстве: романы американской писательницы Перл Бак «Земля» и «Мать», роман американского писателя Стейнбека «Гроздь гнева». <...> А Стейнбек показывает, как источником горя и несчастья американского фермерства становится техника в руках капиталистов»¹¹² или в «Американских впечатлениях» И. Эренбурга: «Я очень высоко ставлю американских писателей: Хемингуэя, Фолкнера, Стейнбека, Колдуэлла, некоторых других. <...> Крупные писатели – не отщепенцы, не салонные отшельники, это люди, связанные с народом, даже, если широкие читательские массы не читают их книг. Стейнбек был батраком, Фолкнер – маляром и почтальоном. Это не отщепенцы, это люди, которые выражают сокровенные чаяния своего народа, его мечту о большом сердце, которое не способны заменить никакие сверхмощные моторы»¹¹³.

Интересной представляется заметка о первом съезде немецких писателей, на котором, в частности, выступал «живой поджигатель войны», независимый американский писатель Ласки, говоривший о свободе слова и вставший на защиту Зощенко. О выступлении Ласки (которого писательская аудитория освистала) В. Катаев высказался следующим образом: «Мне неизвестно <...>, какие книги написал Ласки. Я знаю других американских писателей. Я знаю Эдгара По, Марка Твена, Колдуэлла, Хемингуэя, Стейнбека и многих других. Но Ласки мне совершенно неизвестен. Я думаю, что если когда-нибудь этому Ласки будет поставлен памятник, то на нем благодарные американцы напишут: “Могила неизвестного писателя”»¹¹⁴.

Тем самым, благодаря наложению литературного контекста на политический в этом инциденте, Катаеву риторически удалось не просто поставить «проходимца» на место, но и противопоставить ему Стейнбека и других перечисленных писателей не только по их известности и силе дарования, но и по их политическим взглядам.

Тем не менее, с 1945 года (и чем дальше, тем больше) в советской печати начинают превалировать отрицательные отзывы о Стейнбеке. Пионером этой критической линии можно считать А. Старцева¹¹⁵, выступившего в 1945 г. со статьей «Литературные споры в

¹¹² Фиш Г. В боях за хлеб // Литературная газета. 1947. 29 марта. С. 2.

¹¹³ Эренбург И. Американские впечатления // Литературная газета. 1946. 16 ноября. С. 2.

¹¹⁴ Первый съезд немецких писателей // Литературная газета. 1947. 11 октября. С. 4.

¹¹⁵ Судьба автора этой статьи, доктора филологических наук А.И. Старцева, в контексте исследуемой темы весьма показательна. В 1947 году был разгромлен только что вышедший первый том академической «Истории американской литературы», выполненный в ИМЛИ АН СССР под его редакцией. Впоследствии Старцев по обвинению в антисоветской пропаганде был осужден и выслан в лагерь, а второй запланированный том «Истории американской литературы» так и не вышел.

США». В этой статье Старцев пишет о кризисе социального романа в Америке и в качестве примера приводит Стейнбека и его творчество последних лет:

«Недавно вышедшая новая книга Стейнбека «Консервный ряд» — вообще вне общественной тематики; она вся под знаком скептического индивидуализма. <...> Это следующий шаг отступления на очень хорошо знакомые Стейнбеку позиции, ибо именно с них он выходил в конце 30-х годов, чтобы принять участие в создании большого американского социального романа»¹¹⁶.

Кроме того, в своей статье Старцев говорит уже не об оригинальности и самобытности авторского дара Стейнбека, как писали о том советские критики в начале 1940-х гг. применительно к «Гроздьям гнева», но, напротив, о типичности и даже посредственности его творчества, позволяющих рассматривать его в качестве «флюгера» настроений американского общества:

«Мы приводим пример Стейнбека не потому, что хотим здесь сосредоточить внимание на его произведениях, а потому, что, как утверждают компетентные американские критики, творчество Стейнбека выполняет в литературе США в качестве одной из своих функций службу, сходную со службой измерительного прибора, показывающего общее состояние атмосферы. К тому же Стейнбек наделен по характеру своего дарования малой сопротивляемостью. Он последним взбирается в гору и первым спускается под гору. «Гроздья гнева» как бы завершали развитие американского социального романа 30-х годов не потому, что книга была лучшей из всех, но потому, что она вобрала в себя опыт многих предшествовавших ей и была наиболее типической и итоговой. Сейчас новая книга Стейнбека, сама по себе не имеющая сколько-нибудь выдающегося значения и не «делающая погоду», по-видимому, сигнализирует о новых сдвигах в американской литературе»¹¹⁷.

В целом, советская печать 1945-1947-х гг. не только подвергла критике последние книги Стейнбека («Консервный ряд» (1945), «Заблудившийся автобус» (1947)), но и пересмотрела уже вышедшие и ранее «одобренные» в СССР произведения Стейнбека, например, упомянутую в негативном тоне Старцевым повесть «Луна зашла»: «Фашизм, с одной стороны, и буржуазная демократия, с другой, представлены в повести как некие абсолютные силы зла и добра; манекенчики, выполняющие роль персонажей, произносят положенные им тирады в этом смысле. В искренности антифашистских взглядов автора не приходится сомневаться, и книга не лишена некоторых художественных достоинств, но

¹¹⁶ Старцев А. Литературные споры в США // Литературная газета. 1945. 11 августа. С. 2.

¹¹⁷ Там же.

неискушенный читатель может подумать, что повесть написана другим Стейнбеком, однофамильцем автора «Гроздьев гнева»¹¹⁸.

Или, к примеру, Е. Гальперина в статье «О добротности критики», иллюстрируя оплошности отдельных советских рецензентов, в частности Т.Ю. Хмельницкой, пишет о «путанном и либеральном демократизме романа «Луна зашла» Стейнбека», который никак нельзя было равнять с «действительно ясной и простой точкой зрения Олдриджа, защищающего последовательно демократические идеи»¹¹⁹.

М. Мендельсон в статье «Страусовая утопия», представляющей собой рецензию на «Консервный ряд», также отдельно отмечает две книги, написанные Стейнбеком во время войны («Луна зашла» и «Бомбы вниз»), из которых ни одна «не удовлетворила тех читателей, которые ожидали от автора «Гроздьев гнева» глубокого проникновения в проблему борьбы с фашизмом»¹²⁰.

2.1.1. Рецепция романов Стейнбека в СССР второй половины 1940-х гг.

2.1.1.1. «Консервный ряд» (1945).

В начале 1945 года на американских прилавках появилась новая книга Стейнбека «Консервный ряд», которая мгновенно была раскуплена и, так же, как и «Луна зашла», встретила достаточно прохладный прием у критиков¹²¹. По словам С. Иванько, «сам писатель считал, что «Консервный ряд» подвергся «жестокому избиению со стороны критиков, они зашли слишком далеко». Критики упрекали писателя в том, что он не создал ничего нового, а просто повторяет ситуации и характеры, уже хорошо известные по повести «Квартал Тортилья-Флэт»¹²².

В феврале 1945 года референт Иностранной комиссии Союза советских писателей Н. Каминская сделала подборку американских статей, в которую вошли две рецензии «New York Times Book Review» и «Newsweek» на «Консервный ряд» Стейнбека.

Автор первой статьи, американский литературовед левых социалистических взглядов Ф. О. Матиссен¹²³ оценивает повесть крайне негативно: «Сюжет так же прост, как сценарии фильма для подростков, совершенно непонятно, зачем Стейнбеку понадобилось напечатать эту вещь на настоящем этапе своего писательского пути. <...> Живой фольклор был одним из самых привлекательных элементов «Гроздьев гнева», в данной же книге его оттесняет на

¹¹⁸ Там же.

¹¹⁹ Гальперина Е. О добротности критики // Литературная газета. 1946. 28 сентября. С. 2

¹²⁰ Мендельсон М. Страусовая утопия // Литературная газета. 1947. 12 апреля. С. 4.

¹²¹ См. статьи: The Bowery of Monterey // Time. 1945. Jan 1. P. 62; Prescott O. Books of the Times // New York Times. 1945. Jan 2. P. 17; Tobin J.E. Cannery Row // Best Sellers. 1945. Jan 2. P. 191-192; Cowley M. Steinbeck Delivers a Mixture of Farce and Freud // Pictures Magazine. 1945. Jan 14. P. 15; Hampson J. Cannery Row // Spectator. 1945. Nov 2. P. 418-420; Walton E. Cannery Row // Tomorrow. 1945. Mar. P. 77-78 и др.

¹²² Иванько С.С. Джон Стейнбек. С. 35.

¹²³ Mathiessen F.O. Review of Cannery Row // New York Times Book Review. 1944. Dec 31. P. 1.

Подробнее см. Гиленсон Б. А. Матиссен // Краткая литературная энциклопедия. Т. 4. С. 687.

задний план процессия благородных «сынов природы» и мадам с золотыми сердцами – хозяек борделей»¹²⁴.

Статья «Newsweek»¹²⁵, на которую ссылается рецензент Иностранной комиссии ССП, оценивает новую книгу Стейнбека более благосклонно, хотя также не скрывает налета разочарования: «У повести нет никакой морали, кроме той, какую Стейнбек провозгласил еще прежде, а именно – дикие бродяги и никчемные парни могут стать большими философами. Стейнбек не интересуется их побуждениями. Он не спрашивает, как в «Гроздьях гнева», почему эти люди такие, какие они есть. Некоторых читателей, может быть, и не удовлетворит такое некритическое отношение к ситуации, но Стейнбек снова доказывает, что он остается большим художником, даже если он и не пытается преобразовать мир»¹²⁶.

Отношение советской критики к «Консервному ряду», в целом, было также резко негативным. Авторы упомянутых выше статей А. Старцев и М. Мендельсон были одинаково удивлены выходом в конце войны этого столь резко отличного от «Гроздьев гнева» и своей по тематике, и по стилистике произведения и строили предположения, с чем это могло быть связано. Особенно интересна в этом отношении статья Старцева, написанная в августе 1945 года и во многом предвосхищающая разгромные рецензии и статьи об американской литературе, которыми будет заполнена советская печать в годы холодной войны.

В своей рецензии Старцев пишет об общем для Америки кризисе жанра социального романа и приводит в пример высказывания американских критиков Ван Вин Брукса¹²⁷ и Бернарда де Вото¹²⁸, которые с разных позиций подвергают острой критике «негативизм и пессимистическую направленность новейшей западной литературы» и призывают американских писателей к созданию «оптимистического и утверждающего национального искусства» – называемого де Вото ««подлинным американизмом», иначе говоря – признанию американского общественного устройства конечным социальным идеалом, в духе идей этого рода, господствовавших в США в первой половине XIX века и питавшихся еще более ранними пережитками эпохи буржуазной революции»¹²⁹. Критика, с одной стороны, пессимизма американских писателей, которая впоследствии в разные годы будет звучать применительно к книгам Стейнбека «Заблудившийся автобус», «Жемчужина», «К востоку от рая» (как и к книгам других авторов, например, к повести Хемингуэя «Старик и

¹²⁴ РГАЛИ. Ф. 631. Оп. 14. Ед. хр. 1101. Л. 40.

¹²⁵ Steinbeck Straight. Review of Cannery Row // Newsweek. Jan 1, 1945. P. 78-79.

¹²⁶ РГАЛИ. Ф. 631. Оп. 14. Ед. хр. 1101. Л. 42-43.

¹²⁷ См. Гиленсон Б. А. Брукс // Краткая литературная энциклопедия. Т. 1. С. 749.

¹²⁸ См. Орлова Р. Д. Де Вото // Там же. Т. 2. С. 551-552.

¹²⁹ Старцев А. Литературные споры в США. С. 2.

море»), а также стремления «американских империалистов» представить свой тип демократии единственным и лучшим – с другой, на долгие годы станет в советской прессе общим местом.

Старцев отмечает тревожные симптомы того, что в послевоенной Америке «многие из писателей покинут поле социального романа и уйдут в так называемую «башню из слоновой кости». Об этом, видимо, и говорит последняя книга Стейнбека»¹³⁰.

К этому же выводу приходит и М. Мендельсон в своей оценке «Консервного ряда»: «Маку и его друзьям мир буржуазных отношений не по душе, но, будучи бесконечно далекими от мысли о возможности или желательности борьбы против него, они просто умывают руки и стараются предельно ограничить свои связи с действительностью. Они поворачиваются спиной к жизни, притворяясь, что ничего не замечают. Вот основа той «страусовой» утопии, которую рисует Стейнбек в своей последней повести. Объективно книга проповедует «эскейпизм» – бегство от жизни с ее труднейшими проблемами послевоенного периода»¹³¹.

Рецензент отмечает, что в «Консервном ряду» автор, предельно дистанцируясь от социальной проблематики «Гроздьев гнева», от реальной жизни и «от принимающей все более острые формы борьбы сил реакции и демократии»¹³², в то же время возвращается к мотивам своей ранней книги «Квартал Тортилья-Флэт», с тем отличием, что трагический финал первой книги свидетельствовал об иллюзорности и недолговечности существования подобных беспечных братств, тогда как в новом романе Стейнбек, напротив, сообщает этому далекому от реальности миру оттенок образцовости и постоянства, что советскому критику в современных условиях представляется невозможным. И единственный выход для американского автора он видит лишь в возвращении к «критическому реализму» истории Джоудов.

Другие советские авторы также зачастую прибегали именно к этому роману Стейнбека, чтобы показать всю «глубину падения» современной американская литература после Второй мировой войны. Например, журналист «Правды» С. Кафтанов в статье «Разложение буржуазной культуры», пишет: «Атмосфера, пропитанная ядом реакционных идей империализма, нередко отравляет и отдельных, в прошлом прогрессивных писателей. <...> В книге «Консервный ряд» Стейнбек изображает люмпенпролетариев американского города. В его описании – это люди, примирившиеся со своей судьбой. Лживая идея классовой гармонии, с помощью которой империализм пытается отвлечь массы от

¹³⁰ Там же.

¹³¹ Мендельсон М. Страусовая утопия. С. 4.

¹³² Там же.

классовой борьбы, пронизывает всю эту книгу»¹³³. Эта линия продолжается и в период «оттепели»: например, в 1958 г. автор статьи с выразительным заглавием «О второсортности» Б. Изаков связывает писательскую неудачу стейнбековского «Консервного ряда» с «коммерческим интересом издательских монополий». Так, журналист пишет: «Возьмем, к примеру, одного из самых известных писателей в США – Джона Стейнбека. Его перу принадлежат такие книги большого таланта, как «Гроздь гнева», «Жемчужина». Но наряду с этим он выпустил на потребу книжному рынку вполне второсортные романы из серии «Консервного ряда»: в них он рисует в розовых, идиллических тонах жизнь американского «дна» — на этом странном «дне» копошатся сентиментальные, бродяги и добродетельные проститутки, а в ночлежке и публичном доме царит христианская мораль. Не мудрено, что Голливуд с восторгом занялся экранизацией такой пародии на жизнь»¹³⁴.

2.1.1.2. «Заблудившийся автобус» (1947).

Следующий вышедший в 1947 году большой роман Стейнбека «Заблудившийся автобус» (*The Wayward Bus*) как раз формально принадлежал к жанру «социального романа». В этом произведении Стейнбек оказался предельно далек от принципов «эскапизма», в котором его обвиняли советские критики, его «Заблудившийся автобус», напротив, был обращен к действительности лицом и вскрывал пороки и язвы Америки.

В США, по мнению Дж. Бенсона, на новый роман Стейнбека последовали разные и «взаимоисключающие» отзывы¹³⁵. Например, рецензент «New York Herald Tribune Books» Де Вото положительно отметил совершенно «несентиментальный» характер книги и разворот Стейнбека «от изображения милых никчемностей, которыми в последнее время был увлечен»¹³⁶. В противовес ему, Бен Рэй Редмен из «American Mercury» счел недостатком книги как раз отсутствие в ней «сентиментальной теплоты и эмоциональной вовлеченности»¹³⁷, которые присутствовали в других произведениях писателя.

В мае 1947 года Иностранная комиссия Союза советских писателей сделала обзор американских рецензий на эту книгу: в подборку вошли статьи из «Time»¹³⁸ и «New York Herald Tribune Books»¹³⁹. Внимание советского референта привлекает в основном анализ слабых сторон романа, отмеченных американской прессой.

¹³³ Кафтанов С. Разложение буржуазной культуры // Правда. 1948. 25 июля. С. 3.

¹³⁴ Изаков Б. О второсортности // Литературная газета. 1958. 4 сентября. С. 3.

¹³⁵ Benson J. J. The True Adventures of John Steinbeck, Writer: a Biography. P. 593.

¹³⁶ De Voto B. John Steinbeck's Bus Ride into the Hills // New York Herald Tribune Books. 1947. Feb 16. P. 2.

¹³⁷ Redman B. R. The Case of John Steinbeck // American Mercury. 1947. May. P. 631.

¹³⁸ Repent! // Time. 1947. Feb 24. P. 118-120.

¹³⁹ De Voto B. John Steinbeck's Bus Ride into the Hills. P. 1-2.

Так, в реферате статьи «Time» сотрудник Иностранной комиссии ССП концентрирует свое внимание на неутешительном вердикте, вынесенном американским журналистом роману «Заблудившемуся автобусу»: «По теме и развитию сюжета, роман является второсортным и вызывает разочарование <...> В конце книги автобус увязает в грязи под скалой, на которой виднеется полусмытая надпись: «Покайся». Что общего между этим символом раскаяния и действующими лицами Стейнбека (поглощенными своими сексуальными отношениями) – неясно. Но читатели, которым известна слава Стейнбека и его большой талант, сочтут, что у него, как у писателя, есть основания покаяться»¹⁴⁰.

Также, по мнению советского референта, хотя Де Вото дает более высокую оценку роману Стейнбека, не скупится на похвалы художественному мастерству писателя («его мастерство превосходно, и его проза, которая всегда прозрачна, но несколько разжижена в последних книгах, снова приобретает свою рельефность»)¹⁴¹, и тем не менее, он признает невысокое значение этой книги среди других произведений Стейнбека («как роман он удовлетворителен и не больше»)¹⁴², выраженное разве что в возвращении ее автора на рельсы реалистического направления: «Заблудившийся автобус» – это занятный, неглубокий роман, значение которого заключается в том, что в нем Стейнбек отказывается от довольно неприятной тенденции, которую он, видимо, начал проявлять. <...> Если эта перемена носит постоянный характер, то это весьма отрадн»¹⁴³.

В советской прессе об этом романе практически не сообщалось. Первое короткое упоминание о нем относится к 1951 году – в переводной статье Дж. Кларка «Искусство в современной Америке», опубликованной в «Советском искусстве» и посвященной упадку литературы, живописи, театра и музыки в США, свидетельствующему о кризисе американского империализма. В качестве иллюстрации этого упадка в статье приводилось творчество Стейнбека последних лет – роман «Заблудившийся автобус» и пьеса «Светло горящий» (*Burning Bright*, 1950). В ней говорится следующее: «Чрезвычайно показательна судьба писателя Джона Стейнбека. Под влиянием прогрессивного движения 30-х годов Стейнбек сумел создать произведение такой большой разоблачительной силы, как роман «Гроздь гнева». Однако последующие произведения Стейнбека говорят о его деградации как писателя. В романе «Заблудившийся автобус» Стейнбек умудрился возвести непоследовательность и бесцельность в принцип и одобрил сюжет изрядной дозой

¹⁴⁰ РГАЛИ. Ф. 631. Оп. 14. Ед. хр. 1128. Л. 12.

¹⁴¹ Там же.

¹⁴² Там же. Л. 13.

¹⁴³ Там же. Л. 13-14.

сексуальности. <...> Так, подвергнутый проверке в критические времена, когда «испытываются души людей», Стейнбек ушел из настоящего искусства»¹⁴⁴.

Об этой же «деградации» писала в статье «Философия мистера Стейнбека» Е. Романова: «Последующие произведения Стейнбека (после «Гроздьев гнева» – прим. Л.Ж.), вроде книги «Заблудившийся автобус» или пьесы «Горящий ярко», не раз вызвали чувство законного недоумения, досады и горечи по поводу того, как низко может пасть писатель, сумевший в свое время с большой силой воспроизвести увиденное им в жизни»¹⁴⁵.

Таким образом, тенденциозность и однобокость этих высказываний о послевоенных романах Стейнбека наглядно демонстрируют работу механизма антиамериканской пропаганды, рассматривавшей произведения американской литературы исключительно как иллюстрацию всестороннего упадка и деградации «империалистической» Америки, которые распространились на творчество даже такого в прошлом талантливого автора, как Стейнбек.

2.1.2. Поездка в СССР (1947) и «Русский дневник» (1948)

2.1.2.1. Замысел «русской» книги и поездки Стейнбека

В 1947 году произошло событие, напрямую связавшее Стейнбека с СССР: поездка писателя вместе с фотокорреспондентом Робертом Капой в Советский Союз, описанная ими в книге «Русский дневник» (*A Russian Journal*), опубликованной в США в 1948 году.

О возникновении замысла этой книги и поездки в СССР, послужившей для нее основой, Стейнбек пишет в «Русском дневнике»: «Ежедневно в газетах появляются тысячи слов о России. О чем думает Сталин, что планирует русский генштаб, где дислоцированы русские войска, как идут эксперименты с атомной бомбой и управляемыми ракетами, и все это пишут люди, которые в России не были, а их источники информации далеко не безупречны. И нам вдруг пришло в голову, что в России есть много такого, о чем вообще не пишут, и именно это интересовало нас больше всего. Что там люди носят? <...> Ведь существует же у русского народа частная жизнь, но о ней нигде не прочтешь – об этом никто не пишет и не фиксирует на фотопленке»¹⁴⁶.

Из первой главы «Русского дневника» также следует, что мысль о написании книги, которая дала бы ответ на эти вопросы и показала бы частную жизнь советского народа, возникла совершенно случайно – из разговора, произошедшего в конце марта 1947 года со случайно зашедшим в бар отеля «Бедфорт» Робертом Капой. Однако в действительности

¹⁴⁴ Кларк Дж. Искусство в современной Америке // Советское искусство. 1951. 6 января. С. 4.

¹⁴⁵ Романова Е. «Философия» мистера Стейнбека // Литературная газета. 1954. 10 июля. С. 4.

¹⁴⁶ Стейнбек Дж. Русский дневник. – М.: Мысль, 1989. С. 8.

идея создания произведения, способного показать жизнь советских людей изнутри, сложилась у Стейнбека еще до войны. Об этом свидетельствует письмо Стейнбека от 22 февраля 1939 года ответственному редактору журнала «Интернациональная литература» Т.А. Рокотову. Отвечая на вопрос о развитии культурных связей между СССР и США и искажении буржуазной прессой информации о жизни в СССР, американский писатель заявил следующее: «Когда я начинаю думать о современном общем культурном обмене, я прихожу в недоумение. Я знаю, что в России читают некоторых американских писателей – Лондона, Синклера, Хемингуэя, Драйзера. Но что касается того, что идет из России в Америку, тут полная путаница. В США множество людей всю свою информацию о Советском Союзе черпают из яро антисоветских источников. Херстовские газеты ежедневно печатают всевозможные вымыслы, ложь с начала до конца; такие реакционные группы, как Комитет Дайеса, все социальные и экономические беды в мире приписывают деятельности коммунистов. <...> Мы не знаем, как живут обыкновенные русские люди, как они радуются, какие у них существуют препятствия к их счастью. Мы знаем, например, кое-что о вредительстве, но ни один писатель не показал нам такой важной вещи, что чувствовал народ, а это очень важно. <...> Нам нужна книга, которая рассказала бы нам о том, что у вас люди любят и что они ненавидят. Мы должны знать вас как людей, а не как идеи, а это мог бы осуществить русский писатель, обладающий чувством юмора и пониманием»¹⁴⁷.

Итак, по версии самого Стейнбека, поскольку, несмотря на прошедшие 8 лет и Вторую мировую войну, реалии, о которых он еще до войны писал Рокотову, остались теми же, и 1947-м, как и в 1939-м, американцы испытывали дефицит объективной и надежной информации о том, что «любят и чувствуют русские люди», ему пришлось взяться за восполнение этого пробела, не дождавшись подобной информативной и объективной книги с советской стороны.

Существует, впрочем, и другая версия причин и целей этой поездки. В монографии Брайана Кеннерда «Стейнбек: гражданин-шпион. Неизвестная история отношений Стейнбека и ЦРУ» (2013)¹⁴⁸ высказано предположение о том, что сотрудничество писателя с разведкой (первые документальные свидетельства которого относятся к 1952 г.) началось как раз в связи с поездкой в СССР в 1947 г. – и подозрения принимающей советской стороны, воспринимавшей фотоаппарат как орудие шпионажа, а интерес к

¹⁴⁷ РГАЛИ. Ф. 631. Оп. 14. Ед. хр. 1058. Л. 2-3.

¹⁴⁸ Kannard, Brian. Steinbeck: Citizen Spy. The Untold Story of John Steinbeck and the CIA. – Nashville, TN: Grave Distractions Publications, 2013.

производственной статистике как «сбор данных» были отнюдь не беспочвенны – в условиях начавшейся холодной войны.

Деятельность ВОКСа по организации поездки Стейнбека и Капы в СССР. Возобновлению интереса писателя к частной жизни русского народа дал импульс рост напряженности на международной арене и стремительное ухудшение отношений двух сверхдержав, бывших союзников, а теперь соперников по осуществлению политической гегемонии в мире. В этот переломный внутренне- и внешнеполитический момент истории в страну приезжают американцы, желающие написать «честную книгу» об увиденном. Ответственность за прием Стейнбека и Капы в СССР легла на американский отдел ВОКСа – Всесоюзного общества культурной связи с заграницей, среди основных задач которого на 1947 год значилось: «вести активную наступательную пропаганду против идеологии американских реакционных кругов, разоблачать поджигателей войны, разоблачать антисоветских клеветников»¹⁴⁹. В течение двух неполных месяцев с американцами работали зам. председателя ВОКСа А.В. Караганов, зав. американским отделом И.Д. Хмарский, младший референт американского отдела С.Г. Литвинова («Светлана», прозванная американцами «Sweet Lana»), зам. председателя УОКС А.И. Полторацкий, председатель ГОКС Н.М. Микава и др.

О том, как воспринимался ими этот «подарок» судьбы, пишет в своих воспоминаниях сорок лет спустя И.Д. Хмарский – один из главных персонажей «Русского дневника», который пробыл с американцами в СССР большую часть времени:

«Сейчас все это выглядит по меньшей мере странным: казалось бы, соперничество между Союзом писателей и ВОКСом должно было идти как раз за право принять у себя известного во всем читающем мире американского романиста, но в 40-е годы существовала своя логика и свои представления о том, что такое хорошо и что такое плохо. Начать хотя бы с того, что все зарубежные визитеры классифицировались в верхах по трем главным политическим категориям: друзья Советского Союза, нейтралы и чужаки. Оттенки обычно в расчет не принимались. Стейнбек в этом смысле для руководящих товарищей был фигурой довольно размытой. <...> А вдруг он выкинет какой-нибудь политический фортель, как это сделал в свое время Андре Жид <...>?»

– Надо будет его как следует прощупать, – напомнил мне ВэЭс (Владимир Семенович Кеменов, председатель ВОКСа – . Л.Ж.). – Говорят, он после «Гроздьев гнева» качнулся вправо. В общем, не поддавайтесь гипнозу имени, а последовательно отстаивайте нашу линию на разоблачение американского империализма и зачинщиков холодной войны»¹⁵⁰.

¹⁴⁹ ГАРФ. Ф. 5283. С.2. Оп. 22с. Ед. хр. 19. Л. 15.

¹⁵⁰ Хмарский И.Д. Месяц с Джоном Стейнбеком. С. 157.

В соответствии с правилами, сложившимися еще в 1920-е гг., курировавшие гостей в разных городах сотрудники ВОКСа регулярно составляли отчеты в виде докладных записок и дневников, а также вели записи проведенных с американцами разговоров и интервью. Все эти материалы своевременно направлялись в высшие инстанции, в первую очередь в МИД СССР (зам. министра иностранных дел СССР А.Я. Вышинскому, зам. министра иностранных дел СССР Я.А. Малику, зав. отделом США МИД СССР Ф.Т. Орехову, зав. отделом печати МИД СССР В.С. Василенко, зам. заведующего отделом США НКВД-МИД СССР В.И. Базыкину) и в ЦК ВКП/б/ (зам. заведующего отделом ЦК ВКП/б/ Л.С. Баранову). Таким образом, Стейнбек и Капа, приехавшие в СССР наблюдать жизнь советских людей, сами оказались под наблюдением¹⁵¹.

За полтора месяца Стейнбек и Капа посетили Москву, Киев, Сталинград, Тбилиси, Батуми, осмотрели украинские колхозы, хлебзавод, сталинградский тракторный завод (который им, впрочем, запретили фотографировать), пообщались с советскими писателями – К.С. Симоновым, И.Г. Эренбургом, В.П. Катаевым, А.Е. Корнейчуком, В.Л. Василевской и др., увидели празднование 800-летия Москвы и многое другое.

2.1.2.2. Результаты «русской» поездки Стейнбека и его отношение к СССР

В целом, исходя из написанного Стейнбеком в «Русском дневнике», работу сотрудников ВОКСа в этой поездке можно назвать успешной. Они смогли, особенно в гостеприимных украинских колхозах и в названной Стейнбеком «советским раем» Грузии расположить американцев к советскому народу, показать, несмотря на «атомную лихорадку» того времени, миролюбивые настроения советских людей. Более того, в каких-то местах им удалось усыпить бдительность двух опытных журналистов, продемонстрировав им то, что нужно было показать, а не то, что было на самом деле: так, за обильнейшими переменами блюд, которыми американцев потчевали в украинских колхозах, Стейнбеку оказалось сложно поверить в голод на Украине – т.н. «третий голодомор», в результате которого в СССР в 1946-1947 гг. погибли сотни тысяч людей, а после лицемерия роскошного патриаршего богослужения в Грузии – говорить о притеснении религии в СССР.

С другой стороны, тонким художественным чутьем Стейнбеку удалось уловить те вещи, которые от него пытались скрыть или которые не могли заметить его советские провожатые, например, витающую в воздухе тревогу и боязнь контактов с иностранцами на улицах Москвы (причиной тому, в частности, являлись многочисленные «суды чести»,

¹⁵¹ Корпус материалов сотрудников ВОКС собран в книге: Жданова Л.И. «Русский дневник» Джона Стейнбека в советской оптике: публикация материалов фондов спецотдела ВОКСа Государственного архива РФ. – М.: Издательские решения, 2016. – 252 с.

последовавшие после «дела КР») или отмеченный в «Русском дневнике» культ Сталина в СССР (за десятилетие до возникновения и широкого распространения этого термина в стране)¹⁵².

Другим ярким примером, говорящим о проницательности Стейнбека в отношении советской действительности, стала критика им одной из известнейших советских пьес того времени – «Русский вопрос» Симонова, шедшей одновременно в пяти основных столичных театрах. Сюжет этой пьесы крайне напоминал его собственное положение в СССР – американского журналиста, пишущего книгу о советской России. По словам Стейнбека, это была не самая хорошая пьеса, «на каком бы языке она не шла», ее герои не говорят и не ведут себя, как американцы, а американские издатели не имеют такой огромной власти, как то было представлено в пьесе, и не подчиняются ничьим приказам сверху¹⁵³. Чтобы показать всю нелепость представленной в пьесе картины, Стейнбек придумал «перевертыш» – историю о поездке русского писателя Симонова в США, который внезапно обнаруживает, что Америка не являет собой пример «загнивающей западной демократии», по возвращении на родину пишет об этом статью и автоматически теряет членство в Союзе писателей, загородный дом, жену и умирает от голода. Своим советским собеседникам Стейнбек комментировал анекдотичность этого сюжета следующим образом: «Если вы находите это смешным, то это не смешнее, чем пьеса Симонова «Русский вопрос» об Америке. Обе пьесы по одинаковым причинам одинаково плохи»¹⁵⁴. Однако, после непридуманных гонений на А.А. Ахматову и М.М. Зощенко в 1946 году и совсем недавно произошедшего разбора «дела КР», история, придуманная Стейнбеком, на самом деле не могла показаться особенно смешной ни Симонову, ни другим советским знакомым американского писателя¹⁵⁵.

Тем не менее, несмотря на критику отдельных сторон советской жизни в «Русском дневнике», и в многочисленных разговорах с советскими людьми, те же страницы

¹⁵² В «Русском дневнике» Стейнбек пишет об этом: «Во всей истории нет человека, кого бы так почитали при его жизни. В этом отношении можно разве что вспомнить Августа Цезаря, но мы сомневаемся, имел ли Август Цезарь при жизни такой престиж, поклонение и богоподобную власть над народом, какой обладает Сталин. То, что говорит Сталин, является для народа истиной, даже если это противоречит естественным законам...» (Стейнбек Дж. Русский дневник. С. 110).

¹⁵³ Там же. С. 75.

¹⁵⁴ Там же.

¹⁵⁵ Автор многотомного историко-литературного труда «Сталин и писатели» Б.М. Сарнов в главе о К.М. Симонове комментирует этот эпизод следующим образом: «Своей пародией на «Русский вопрос» Стейнбек и Капа хотели обнажить, наглядно продемонстрировать нереальность, нелепость, абсурдность основной коллизии этой симоновской пьесы. Но то, что в приложении к Америке им представлялось абсурдом, в приложении к российской, советской действительности обернулось наиреальнейшей реальностью. Мыслимое ли это дело — хотели они сказать этой своей пародией, — чтобы журналист или писатель, написавший не ту книгу, какая была ему заказана, был подвергнут остракизму, фактическому запрету на профессию и даже обречен на нищенское, голодное существование? Смешно! Но в Советском Союзе такое было не то что возможно, а ТОЛЬКО ТАК И БЫВАЛО». (Сарнов Б.М. Сталин и писатели. Кн. 4 – М.: Эксмо, 2011. С. 974).

«дневников» сотрудников ВОКСа убедительным образом показывают, что Стейнбек и Капа пытались во многом идти навстречу принимающей стороне, писать об СССР как можно лояльнее. Это видно и по многократно провозглашенной на различных встречах с советскими людьми цели их приезда – «служить мостом взаимопонимания между двумя странами»¹⁵⁶, наладить контакты, взаимный обмен людьми между двумя странами между США и СССР, и по «Русскому дневнику», в котором злоключения американцев, их сражения с советскими бюрократическими препонами поданы в юмористическом свете и много внимания уделено хорошим положительным чертам советских людей – их трудолюбию, сплоченности, способности веселиться среди всех трудностей по восстановлению городов после всех пережитых во время войны бед.

Вместе с тем, отрицательные черты, отмеченные Стейнбеком в «Русском дневнике» – критика культа Сталина, бюрократизма, манеры чиновников перекладывать ответственность на вышестоящих по рангу, а не принимать решение самостоятельно, описание царских покоев Кремля, о которых Стейнбек пишет как о «самом мрачном месте в мире» («нетрудно себе представить, как легко решиться здесь на убийство, как отец мог убить сына, а сын – отца и как реальная жизнь за пределами дворца становилась такой отдаленной, что казалась несуществующей» – пишет Стейнбек в «Русском дневнике»¹⁵⁷, не принимая в расчет, каких бюрократических трудностей стоила ВОКСу организация посещения Кремля иностранцами) – говорят о внутреннем отношении писателя к СССР, его пока еще скрытой неприязни к диктатуре советской власти, которая будет усугубляться в нем с годами.

Отношение к Стейнбеку советской стороны. В то же время при близком рассмотрении Стейнбек оказался вовсе не таким, каким он представлялся в СССР после публикации в советской прессе романа «Гроздь гнева». Записи сотрудников ВОКСа, сопровождающих американцев в поездке, пестрят неожиданными открытиями о характере прославленного писателя, среди которых стоит упомянуть следующие наиболее важные замечания.

Во-первых, Стейнбек не приветствовал любые упоминания о его самой известной в СССР книге – «Гроздьях гнева», показывая, что написанное в этом произведении – это вчерашний день, в настоящий момент совершенно ему чуждый и неинтересный. Так из разговора с писателем зам. председателя УОКС А.И. Полторацкий сделал следующее заключение: «О своем творчестве Стейнбек говорит сухо. Очень недоволен, когда ему напоминают о большом успехе “Гроздьев гнева” – он дает понять, что это был эпизод из

¹⁵⁶ ГАРФ. Ф. 5283.с.2. Оп. 22с. Ед. хр. 26. Л. 176.

¹⁵⁷ Стейнбек Дж. Русский дневник. С. 138.

жизни Америки, который кончился. Сейчас его интересуют другие более современные темы»¹⁵⁸.

Во-вторых, известный американский писатель показал удивительную для сотрудников ВОКСа неосведомленность в вопросе современной американской литературы и также не разбирался ни в классической мировой литературе, ни в философии, и при разговоре с советскими людьми всячески уклонялся от этих литературных тем:

«Из беседы со Стейнбеком я вынес впечатление, что он почти совершенно не знаком с русской классической и советской литературой»¹⁵⁹;

«Я спросил Стейнбека, какой философской системы он придерживается: материализма или идеализма. “Никакой”, – ответил Стейнбек. Он обнаружил слабое знание элементарных философских категорий и, в частности, не представляет себе разницы между идеализмом как философской системой и идеалом»¹⁶⁰;

«Утром состоялась беседа грузинских писателей под руководством т. Чиковани со Стейнбеком... Стейнбека познакомили вкратце с историей грузинской литературы и затем начали задавать вопросы:

– Каковы основные направления в современной американской литературе?

Стейнбек тихо сказал мне: «Я не знаю», затем посмотрел на Капу. Капа ответил вместо Стейнбека, что в настоящее время невозможно определить течения, как нельзя было сделать это в начале века, когда начинали свою деятельность такие писатели, как Драйзер. Такая возможность появится позже»¹⁶¹.

В-третьих, Стейнбек стремился видеть жизнь советского народа, его трудов, радостей и забот вне контекста его взаимоотношений с советским правительством и партией. Так, например, после осмотра Партизанской выставки в Киеве Хмарский заключил: «Стейнбек и Капа смотрели выставку с рассеянным и равнодушным видом людей, которым наперед известно, что им скажут. Из предыдущих бесед, реплик и всего поведения Стейнбека и Капы можно заключить, что все, связанное с темой защиты родины, с патриотизмом, они рассматривают как советскую пропаганду»¹⁶².

Кроме того, Стейнбек, нисколько не стесняясь, выдал несколько нелестных комментариев в отношении важных в СССР лиц, крупнейших прогрессивных писателей Америки и Европы и прогрессивных деятелей: членов американской компартии (которую он назвал «сектой»), Т. Драйзера (который, по его словам, «недостаточно владел

¹⁵⁸ ГАРФ. Ф. 5283.с.2. Оп. 22с. Ед. хр. 26. Л. 182.

¹⁵⁹ ГАРФ. Ф. 5283.с.2. Оп. 22с. Ед. хр. 21. Л. 158.

¹⁶⁰ Там же. Л. 170.

¹⁶¹ Там же. Л. 179.

¹⁶² Там же. Л. 158.

английским»), Э. Синклера (который, «подобно Симонову, начал писать слишком много. <...> Это отразилось отрицательно на качестве»), С. Льюиса («плохой писатель и чем дальше, тем пишет хуже»), М. Голда («когда-то это был способный, умный писатель, а сейчас превратился в фанатика-коммуниста, пишет монотонные, скучные и бездарные статьи и его в Америке забыли»), Э. Рузвельте («дурак, который написал глупую книгу. Эллиот ничуть не похож на своего отца и никаким авторитетом в США не пользуется») и других. Все эти и другие замечания после опубликования Стейнбеком в «New York Herald Tribune» статей о поездке в СССР будут собраны И.Д. Хмарским и направлены на рассмотрение главному редактору «Литературной газеты» В.В. Ермилову¹⁶³.

2.1.2.3. Критика «Русского дневника» в США и СССР (март-апрель 1948)

«Русский дневник» был опубликован в США в апреле 1948 года. Однако, вопреки ожиданиям, Стейнбек и Капа практически не услышали в адрес своей книги ни ожесточенной критики, ни большого одобрения. Отзывы, последовавшие на эту книгу, были краткими и по большей части – нейтральными. По мнению профессора П. Полинни, «“Русский дневник” оказался едва ли не «единственной книгой Стейнбека, которую игнорировали. Ее не заметили. Хотя после ее выхода появились две-три похвальных рецензии, остальные рецензии были скептические. Большинство читателей даже не знают, что Стейнбек написал книгу о России»¹⁶⁴.

Некоторая часть американской критики положительно отозвалась о замысле и художественном воплощении «Русского дневника», сфокусировавшего свое внимание на показе частной жизни русского народа. Так, Ориана Аткинсон из «New York Times Book Review» назвала репортажную работу Стейнбека и Капы великолепной¹⁶⁵, рецензент «Los Angeles Times» Бен Клэр также отметил, что «Русский дневник» дает хорошее представление «о русских, живущих в руинах и все же способных улыбаться в своих разрушенных нацистами городах и деревнях, восстанавливающих свои дома, общественные здания и многоэтажные строения, работающих бок о бок в миллионы рук, чтобы взрастить и собрать урожай, заново насадить сожженные нацистами фруктовые сады...»¹⁶⁶, Ричард Уоттс-мл. из «New Republic» добавил, что «сегодня представляется особенно важным достичь эмоционального понимания русских как людей, не слишком отличных от нас, и

¹⁶³ ГАРФ. Ф. 5283.с.2. Оп. 22с. Ед. хр. 81. Л. 189-191.

¹⁶⁴ Тольц В.С. Три дневника. По маршруту Стейнбека полвека спустя [Электронный ресурс] // Радио Свобода. 2002. 13 апреля. URL: <http://archive.svoboda.org/programs/cicles/stainbeck/>

¹⁶⁵ Atkinson O. John Steinbeck, and Robert Capa, Record a Russian Journey // New York Times Book Review. 1948. May 9. P. 3.

¹⁶⁶ Clare B. Iron Curtain Penetrated by Steinbeck // Los Angeles Times. 1948. April 18. P. 3.

книга Стейнбека на свой скромный лад вносит свою лепту в достижение именно этого типа понимания»¹⁶⁷.

Однако немало было и скептических оценок травелога Стейнбека. Орвилл Прескотт из «New York Times», оценив легкий приятный стиль Стейнбека и его «политическую сдержанность» в качестве основных достоинств книги, заявил, что «Русский дневник» «гораздо лучше большинства других книг о России, но куда более поверхностен, чем многие из них»¹⁶⁸. А согласно мнению Луиса Фишера из «Saturday Review», новая книга Стейнбека не является ни «прорусской», ни «антирусской», вообще не является достаточно «русской». Автор статьи пишет, что в книге «больше места отведено описанию рациона, того, что ел и пил Стейнбек, и его подтруниваем над Капой, чем каким-либо аспектам советской жизни», – и заключает: «“Русский дневник” – это не портрет русских людей. Это в большей степени портрет американского художника, примерившего на себя роль полицейского репортера в полицейском государстве»¹⁶⁹.

По словам писателя и публициста В.В. Большакова, обещание Стейнбека и Капы написать «честный репортаж без комментариев, без выводов о том, что мы недостаточно хорошо знаем, и без раздражения на бюрократические препоны», которое они с успехом выполнили в своей книге, как раз «стало причиной того, что судьба «Русского дневника» оказалась не самой счастливой. Скрупулезно точный репортаж Стейнбека о Советском Союзе не понравился ни в России, ни в Америке. Для тогдашнего СССР «Русский дневник» был пугающе реален, для тогдашних США недостаточно антисоветским. <...> Официальная советская критика охарактеризовала «Русский дневник» Стейнбека как “низкопробный памфлет с клеветой на нашу действительность”»¹⁷⁰.

Но в целом, советская пресса выход порочащей Советский Союз «русской книги» Стейнбека замалчивала. Сопровождавшая писателя в его поездке в СССР сотрудница ВОКСа С.Г. Литвинова в беседе с В.С. Тольцем спустя 50 лет сообщила: «Книжка пришла к нам, он прислал ее, прислал мне. И эту книжку поставили в шестигранник¹⁷¹ и убрали ее. И я ее получила уже тайком, она у меня лежит уже без его подписи. А так где-то она в Главлите, где она сейчас — я не знаю...»¹⁷²

Все же, по словам Литвиновой, реакция сотрудников ВОКСа на эту книгу, в целом, была положительной: «...Хотя в шестигранник поставили, но в основном все

¹⁶⁷ Watts R., Jr. The Eye of the Observer // New Republic. 1948. April 19. P. 22-23.

¹⁶⁸ Prescott O. Books of the Times. // New York Times. 1948. April 16. P. 21.

¹⁶⁹ Fischer L. Conducted USSR Tour // Saturday Review. 1948. May 15. P. 13-14.

¹⁷⁰ Большаков В.В. Правда о стране Советов и Соединенные Штаты Америки // Писатели США о Стране Советов. – Л.: Лениздат, 1983. С. 299.

¹⁷¹ Шестигранник («шайба») – цензорский знак, которым отмечалась литература, ограниченная или закрытая для общего пользования, представлявшая цензором Главлита. Был введен 10 июня 1938 года.

¹⁷² Тольц В.С. Три дневника.

положительное, и все считали, что я хорошо поработала, и Хмарский, и все остальные, все показали, что надо, и в Киеве, и в Сталинграде. Кстати сказать, я, читая эту книгу, с точки зрения тех взглядов, понимаю, что она была просоветская»¹⁷³. Однако даже положительная оценка работы ВОКСа не могла изменить отношение советских властей к «Русскому дневнику» и высказанной в нем критике культа Сталина, работы советских учреждений, советской литературы – все это, хотя и было обрисовано Стейнбеком в ироничном свете и доброжелательно по отношению к советским людям, коренным образом расходилось с политикой СССР времен холодной войны и не могло быть предано огласке. Поэтому уже после выхода в начале 1948 года в «New York Herald Tribune» первых публикаций Стейнбека о его поездке с Капой в страну Советов (которые после составят отдельные главы его «Русского дневника»), в высших литературных инстанциях СССР началась подготовка «ответа» на высказывания американского писателя, который должен был выйти в «Литературной газете».

И.Д. Хмарский в письме главному редактору «Литературной газеты» В.В. Ермилову сообщил свои личные впечатления о Стейнбеке, который, по его мнению, «вел себя в СССР как в высшей степени самодовольный заурядный американец с достатком, для которого решительно все ясно, и он путешествует ради собственного удовольствия, не будучи стеснен временем», и в процессе ознакомления со страной «самые ничтожные житейские мелочи обычно поглощали гораздо больше его внимания, чем главное, что характеризует истинные достижения советского народа»¹⁷⁴. К примеру, Стейнбек «крайне неохотно посещал музеи и с явным отвращением относился к беседам советских людей по вопросам культуры. Но, буквально повторяя А. Жида, он уделял анекдотически большое внимание проблеме “туалетной бумаги”»¹⁷⁵.

Замечания Хмарского коснулись и политических воззрений писателя, высказанных во время поездки: «Политические взгляды Стейнбек целиком соответствуют основным тезисам официальной американской реакционной и антисоветской пропаганды. Стейнбек упрямо защищал свои реакционные взгляды, вопреки совершенно очевидным фактам. <...> Таков идейный и моральный уровень Стейнбека»¹⁷⁶.

Во время пребывания писателя в Советском Союзе у него было взято два интервью – на Украине редактором «Литературной газеты» т. Серпилиным¹⁷⁷ и в Грузии журналистом

¹⁷³ Там же.

¹⁷⁴ ГАРФ. Ф. 5283.с.2. Оп. 22с. Ед. хр. 81. Л. 190.

¹⁷⁵ Там же.

¹⁷⁶ Там же.

¹⁷⁷ Из докладной записки о пребывании в Киеве американцев зампреда УОКС А.И. Полторацкого: «Для того, чтобы иметь оружие против Стейнбека, если его устные высказывания о лояльности к советскому народу окажутся ложными – с ним было проведено интервью редактором «Литературной газеты» тов.

«ТАСС» т. Свердловым, для того чтобы «прощупать настроение Стейнбека после его поездки по СССР, перед тем как устраивать его беседу с корреспондентом ТАСС в Москве»¹⁷⁸. Упомянутое третье интервью (только уже «Литературной газете») должно было увенчать поездку писателя и служить в качестве алиби советской стороне в случае появления «клеветнических измышлений» Стейнбека по его возвращении на родину. На этом особенно настаивал зам. председателя ВОКСа А.В. Караганов: «Это интервью поможет получить от Стейнбека ряд заявлений о советском народе, которые в какой-то степени будут связывать Стейнбека, когда он приступит к опубликованию своей книги об СССР по возвращении в США»¹⁷⁹.

Тем не менее, ни эти интервью, ни призванная «разоблачить антисоветские высказывания американского писателя Дж. Стейнбека в его “Русском дневнике”»¹⁸⁰ статья А.В. Корнейчука, о которой говорит в письме В.В. Ермилову И.Д. Хмарский, ни другие материалы, напрямую свидетельствующие о поездке американского писателя в СССР, в 1947-1950-х гг. опубликованы не были.

2.1.2.4. «Разоблачение клеветы» Чаковского

Единственной публикацией, прорезавшей молчание советской прессы и всецело продемонстрировавшей ее отношение к русской поездке и книге Стейнбека, является статья А.Б. Чаковского¹⁸¹, вышедшая в «Известиях» 17 марта 1948 под заголовком «Разоблачение клеветы: по поводу кинофильма “Русский вопрос”». Формально эта статья представляет собой рецензию на новый фильм М. Ромма, экранизацию всесоюзно известной пьесы К.М. Симонова. Однако описанию самого фильма и мастерству исполнителей главных ролей уделено лишь несколько абзацев, обрамлявших статью (ок. 250 слов из 1500). Далее автор переходит к анализу того, что составляет, по его мнению, «силу этого фильма» – его правдивости и буквально с первых строк перемежает события фильма и события реальные, сравнивая персонаж Симонова – Гарри Смита – со Стейнбеком.

Чаковский в своей статье раскрывает советскому читателю «истинное лицо» американской журналистики, рассказывая об отдельных ее представителях и представляя картину их преступлений «против правды и гуманности»: о медиамагнате Херсте, в 1934 году «фактически подкупленном немецкими фашистами и получавшем от нацистов

Серпилиным. Интервью, подписанное Стейнбеком, затрагивало два основных вопроса: его отношение к виденному на Украине, где он высказывался кратко и в сдержанных тонах. Однако, он высоко оценил все виденное и заявил, что не верит в агрессивную политику советского Союза. Вторая половина касалась вопросов американской литературы». (ГАРФ. Ф. 5283.с.2. Оп. 22с. Ед. хр. 26. Л. 221).

¹⁷⁸ ГАРФ. Ф. 5283.с.2. Оп. 22с. Ед. хр. 21. Л. 181.

¹⁷⁹ ГАРФ. Ф. 5283.с.2. Оп. 22с. Ед. хр. 26. Л. 231.

¹⁸⁰ Там же.

¹⁸¹ Чаковский Александр Борисович (1913-1994) – советский писатель и журналист, лауреат Сталинской (1950), Ленинской (1978) и Государственной премий СССР (1983). Член Союза писателей с 1941 года. Главный редактор журнала «Иностранная литература» (1955-1963), «Литературной газеты» (1962-1988).

миллион марок в год», «небезызвестной профашистке» Дороти Томпсон, журналисте Дрю Пирсон, «названном Рузвельтом «профессиональным лжецом»¹⁸² и других реальных людях – «коллегах» литературного персонажа пьесы Симонова – Гарри Смита, после чего переходит к поездке в СССР Джона Стейнбека:

«Писатель Стейнбек, подобно Гарри Смигу, побывал по заданию одной из американских редакций в Советском Союзе. Он видел, как живут и трудятся советские люди. <...> Есть русская поговорка: «Чужая душа – потемки». Поэтому мы не будем размышлять над проблемами борьбы писательской совести с желанием угодить антисоветским вкусам диктаторов современной Америки и тому подобными моральными категориями применительно к душе писателя Стейнбека. Позволим себе лишь одну догадку: очевидно, по представлении в редакцию своего «Дневника» Стейнбеку не нужно было возвращать аванс, он не оказался, конечно, подобно Смигу, уволенным из числа сотрудников...»¹⁸³

Автор рецензии демонстративно отказывается говорить о книге Стейнбека¹⁸⁴, сообщая, что «в “Русском дневнике” нас в данном случае интересует лишь место, относящееся к пьесе Симонова “Русский вопрос”»¹⁸⁵. Чаковский последовательно разбивает все высказанные Стейнбеком претензии к «неправдивой» пьесе Симонова о камень советской пропаганды, приведя пример совершенно реальной, служащей «капиталу, богатству и власти»¹⁸⁶ газеты «New York Herald Tribune», от которой Стейнбек и Капа и приехали в СССР для создания своей «русской» книги».

Таким образом, в своей статье Чаковский, виртуозно смешивая художественную реальность и настоящую действительность, с одной стороны, уравнивает Стейнбека как журналиста и писателя с противниками литературного персонажа Гарри Смита – Мерфи, Гульдом, Макферсоном, к которым советский читатель и зритель после просмотра «Русского вопроса» испытывает глубокую неприязнь, а с другой, претворяет в жизнь сюжет симоновской пьесы, представляя реальных американцев – журналистов, издателей, писателей – такими, какими их показал Симонов, и используя в качестве аргумента реальную поездку Стейнбека и его «Русский дневник».

¹⁸² Чаковский А.Б. Разоблачение клеветы: По поводу кинофильма «Русский вопрос» // Известия. 1948. 17 марта. С. 3.

¹⁸³ Там же.

¹⁸⁴ Лишь в одном месте ниже он допускает маленькую, но многозначительную ремарку: «...Разумеется, бумага, в особенности американская газетная бумага, все терпит. Но, должно быть, тысячи честных американцев — читателей «Гроздьев гнева» возмущались, читая лживый репортаж Стейнбека на страницах «Нью-Йорк геральд трибюн». (Там же).

¹⁸⁵ Там же.

¹⁸⁶ Там же.

Стоит отметить, что «Русский вопрос» К.М. Симонова был опубликован в 1946 году – т.е. за год до поездки Стейнбека и Капы в СССР и за два года до выхода «Русского дневника» в США в 1948 году. При этом пьеса Симонова фактически явилась выполненным в художественной форме отчетом писателя по совершенным ранее поездкам в Японию (декабрь 1945 – апрель 1946 года) и в США (апрель 1946 – июнь 1946): «Мне показалось, что рассказать о том, что я знал больше и лучше, ближе наблюдал — не столько даже в самой Америке, сколько перед этим в Японии, — о политических и нравственных проблемах, связанных с жизнью и деятельностью американской прессы, я смогу лучше в драматургической форме. Так я написал «Русский вопрос»...»¹⁸⁷.

В этом показательном параллелизме обоих сюжетов можно увидеть, в первую очередь, способность обоих авторов тонко чувствовать и реагировать на запросы своего времени – эпохи холодной войны, а также их стремление объяснить своим соотечественникам, кто, какие люди находятся по ту сторону «линии фронта». В пьесе Симонова хорошим американцем является лишь один герой – Гарри Смит, способный ценой своей жизни поддерживать правоту советской страны, а плохими американцами – все остальные. В книге Стейнбека, напротив, весь советский народ, как в своих отдельных представителях, так в совокупности, предстает положительным персонажем, непрым для понимания, но довольно симпатичным и внушающим уважение, тогда как отрицательными чертами являются некоторые аспекты советского строя – от бюрократизма советских чиновников до бюстов Сталина, в пугающем количестве взорвавших на американцев во всех концах страны, в которых они побывали. Однако Чаковский завершает свою статью уверенным вердиктом: пьеса Симонова сильна своей правдивостью, поскольку представляет настоящий образ Америки, а репортаж Стейнбека об СССР – лжив и, кроме того, зловреден, т.к. способствует обострению непонимания между двумя народами и «разжиганию войны»: «Джон Стейнбек пишет свои дневники в 1948 году, в дни, когда американская буржуазная пресса дошла до гималайских высот клеветы на Советский Союз, травли прогрессивных людей Америки <...> Думал ли об этом Джон Стейнбек, американский писатель, когда диктовал свой «Русский дневник»? Ведь того, о чем не знал, чего не понимал средний американский журналист Гарри Смит, не может не знать, не понимать Джон Стейнбек!...»¹⁸⁸.

Наконец, в контексте рассмотрения темы «Стейнбек и СССР» пьеса Симонова «Русский вопрос» важна еще потому, что ее заключительные строки, финальный монолог

¹⁸⁷ Симонов К.М. Истории тяжелая вода. Сост., подгот. текста, вступ. ст. Л. Лазарева. – М.: Вагриус, 2005. – С. 366-367.

¹⁸⁸ Чаковский А.Б. Разоблачение клеветы. С. 3.

Смита о «двух Америках» — Америке Херста и противостоящей ей Америке Линкольна и Рузвельта – фактически предсказали и озаменовали собой все последующее направление публикаций советской прессы о США и ее гражданах: лишь некоторые из них, такие же одинокие и беспомощные, как Смит, являются хорошими честными американцами, отстаивающими правду маленького человека, а другие – многочисленные гульды и макферсоны – продажными империалистическими акулами. И Стейнбек, в соответствии с отношением к нему редакционной номенклатуры СССР, чем дальше, тем больше в конце 1940-х – начале 1950-х гг. будет переходить из первой когорты во вторую.

2.1.3. Всемирный конгресс деятелей культуры в защиту мира (август 1948)

25-28 августа 1948 года в польском Вроцлаве состоялся Всемирный конгресс деятелей культуры, в котором приняли участие 500 деятелей науки, литературы и искусства, среди них Пабло Пикассо, Бертольд Брехт, Олдос Хаксли, Поль Элюар, Илья Эренбург, Александр Фадеев Анна Зегерс, Ирен и Фредерик Жолио-Кюри, Ян Дембовский, Поль Робсон, Пабло Неруда и др. Разговоры о возможности проведения такого конгресса звучали уже во время приезда Стейнбека в 1947 году. В частности, с американцами об этом завел речь принимавший их в Киеве писатель А.Е. Корнейчук:

«Т. Корнейчук высказал мысль о том, что прогрессивные писатели всего мира должны собираться на конгресс в защиту мира.

Стейнбек начал было говорить, что такой конгресс был бы полезным, но Капа перебил его, заявив следующее: “Я боюсь за одно: понимание прогрессивного у писателей разных стран находится на различном уровне, и поэтому необходимо его вначале унифицировать”.

Тов. Корнейчук ответил на это, что прогрессивные писатели всех стран хотят мира и это могло бы стать единой платформой для созыва конгресса. Стейнбек неопределенно согласился с этим. Он подчеркнул, что главное состоит в том, чтобы люди различных стран понимали друг друга, и привел такой пример. Когда он был в колхозе, один мальчишка, взглянув на него, сказал: “А американцы такие же, как и наши”. “Этот мальчишка, – сказал Стейнбек, – выразился умнее всех министерств иностранных дел. Я хочу, чтобы то, что сказал маленький украинский мальчик, поняли все”.

В. Василевская вставила в этом месте: “Но, чтобы этот мальчик мог спать спокойно, не боясь атомных бомб, мы с вами должны бороться против поджигателей войны”»¹⁸⁹.

Этот разговор, приведенный И.Д. Хмарским в его дневнике, весьма показателен для определения отношения советских писателей и американских гостей к такому мероприятию, как Всемирный конгресс деятелей культуры.

¹⁸⁹ ГАРФ. Ф. 5283.с.2. Оп. 22с. Ед. хр. 21. Л. 169.

Как видно из слов Корнейчука и Василевской, советская пропаганда, решительно делила население земного шара на две части: защитников мира и «поджигателей войны». При этом деление на первых и вторых производилось исключительно по политическому критерию – уровню лояльности отдельных лиц к СССР и к его внутренней и внешней политике: «друзья» Советского Союза выступали за мир и противостояли недоброжелателям СССР, «поджигателям войны, реакционерам, фашистам».

Стейнбек в этом отношении, как уже было отмечено Хмарским, представлял собой «размытую» фигуру, занимающую на политической шкале срединное положение. Приведенные им слова украинского мальчика, открывшего для себя, что американцы – такие же люди, как русские и украинцы, т.е. что их общечеловеческая, биологическая общность куда более значима, чем разделяющие их политические, идеологические разногласия, выражали любимую мысль самого писателя, идею, положенную в основу его «Русского дневника» – и, соответственно, идею, кардинально расходящуюся с установками советской пропаганды.

Будучи в 1947 году сторонником линии Уоллеса, Стейнбек стоял на позициях сохранения мира с Советским Союзом. Тем не менее, эта линия вовсе не предполагала убежденности Стейнбека в том, что «советский общественный строй является лучшей формой организации общества, чем любой несоветский общественный строй» (И.В. Сталин)¹⁹⁰. При всем своем интересе и нескрываемой симпатии к русскому народу советский строй Стейнбек категорически не принимал, и поездка 1947 г. не сделала его более терпимым к политике, проводимой советским правительством. Об этом свидетельствуют частные разговоры Стейнбека с советскими людьми, например, беседа с председателем ГОКСа Н.М. Микавой, в ходе которой он заявил: «Американский народ будет иметь социализм, но он никогда не будет иметь коммунизма», т.к. «он чужд характеру американца»¹⁹¹. Накануне отъезда из СССР Капа так комментировал эту точку зрения Стейнбека: «Он (Стейнбек) считает, что все, что происходит здесь, прогрессивно для России, но что для Америки такой путь совершенно не годится»¹⁹². Данная позиция писателя при всем «прогрессивизме» его взглядов в конце 1940-х гг. вычеркивала автора «Гроздьев гнева» из списка «друзей СССР» и автоматически переносила на сторону врагов, «поджигателей войны».

¹⁹⁰ Сталин И.В. Речь на предвыборном собрании избирателей Сталинского избирательного округа города Москвы 9 февраля 1946 г. // Кардашов В.И., Семанов С.Н. Иосиф Сталин: жизнь и наследие. – М.: Новатор, 1998. – С. 486.

¹⁹¹ ГАРФ. Ф. 5283.с.2. Оп. 22с. Ед. хр. 21. Л. 180.

¹⁹² Там же. Л. 176.

Конгрессы в защиту мира, согласно Большой советской энциклопедии, «объединили людей доброй воли, ведущих борьбу против войны, против применения варварских средств массового уничтожения людей – атомного, бактериологического и химического оружия, за мирное сосуществование государств с различным социальным строем»¹⁹³. Однако на Конгрессе большое внимание было уделено обсуждению не только мирных инициатив, но и козней врагов: так, красной нитью в выступлениях делегатов Конгресса прошел эпизод с трехмесячным заключением американского писателя Говарда Фаста из-за того, что он отказался предоставить Комитету по расследованию антиамериканской деятельности список лиц, помогавших испанским антифашистам.

Один из выступающих, советский делегат Д.И. Заславский, сравнил подобное отношение Америки к «поборникам мира и демократии» с приемом в СССР Стейнбека, которому, напротив, «предоставили широкие возможности видеть все, что он пожелает»: «Мы здесь не только обменялись комплиментами <...> но и поспорили. В этом нет большой беды. Мы за идейные принципиальные споры в среде людей, борющихся за правду, ибо советские люди не боятся правды»¹⁹⁴.

В речи И. Эренбурга на Конгрессе также была затронута тема Америки, но не как «тюрьмы» для своих свободолюбивых граждан, а как опасного друга-«опекуна» жителей Европы, лишаящего их знакомства с культурой и достижениями прогрессивных стран, и взамен насаждающего свою продукцию. По словам Эренбурга, «захватывая страны Западной Европы, янки несут с собой не Эйнштейна, не Стейнбека, не Фолкнера, не Фаста, не Хемингуэя, не Чаплина, а стандартные детективные романы, стандартные гангстерские фильмы»¹⁹⁵.

Илья Эренбург, который, как и Симонов, познакомился со Стейнбеком еще во время их поездки в США в 1946 году, год спустя неоднократно встречался с ним в СССР: принимал участие во встрече писателей в доме К.М. Симонова в Переделкине, сопровождал американцев в поездке в Загорск (Сергиев Посад), участвовал в последнем прощальном ужине, организованном для Стейнбека и Капы Союзом писателей. В его материалах, опубликованных до 1947 года, как и в произведениях более позднего времени (в том числе в его книге воспоминаний 1960-х гг. «Люди, годы, жизнь»¹⁹⁶) помещены выбивающиеся из общего контекста выступлений советской прессы самые лояльные

¹⁹³ Крылов Б.С. Всемирные конгрессы и конференции в защиту мира // Большая советская энциклопедия. 1969-1978. Т. 5. С. 450.

¹⁹⁴ На Всемирном конгрессе деятелей культуры в защиту мира // Известия. 1948. 29 августа. С. 4.

¹⁹⁵ Эренбург И. Мир народам! // Правда. 1948. 12 сентября. С. 3.

¹⁹⁶ Эренбург И. Люди, годы, жизнь. Т. 3. – М.: Советский писатель. 1990.

отзывы о Стейнбеке, где он называет его в ряду лучших американских писателей и указывает на его близость советским людям¹⁹⁷.

В марте 1950 года на третьей сессии Постоянного комитета Всемирного конгресса сторонников мира было принято т.н. Стокгольмское воззвание о запрете использования атомного оружия. Спустя несколько дней после его обнародования Эренбург снова обратился к Стейнбеку, наравне с другими «прогрессивными» западными писателями (Эрнесту Хемингуэю, Роже Мартену де Гару, Джону Б. Пристли, Эрскину Колдуэллу, Андре Шамсону, Альберто Моравиа), с призывом подписать это обращение. Это открытое письмо Эренбурга, представлявшее собой, с одной стороны, личное обращение к известным писателям с подтверждением их былых заслуг в деле защиты мира, а фактически – ультиматум, было напечатано в качестве передовицы апрельского номера «Правды» и содержало в себе следующее обращение к Стейнбеку:

«Я обращаюсь к вам, Джон Стейнбек. Вы говорили мне, что нужно развеять предвоенный туман. Вы побывали недавно в нашей стране, и вы написали книгу о вашей поездке. В этой книге вы говорите, что вам не понравилась советская пьеса, изображающая американцев, которые изготавливают предвоенный туман. <...> Вы заметили (и вы об этом написали), что советский народ не хочет войны. Я полагаю, что американский народ также не хочет войны. Именно поэтому я приглашаю вас выступить против кучки людей, строящих свое благосостояние на опасной и преступной игре с атомными бомбами. Я надеюсь, что вы не уклонитесь от вашего долга»¹⁹⁸.

Стейнбек, никак не отреагировав на призыв своего советского коллеги, от этого «долга» уклонился. И, хотя Эренбург писал про обращение Постоянного комитета, что «это не приговор, это – предупреждение», в отношении Стейнбека и других западных писателей, дистанцировавшихся в этот период от вопросов политики и отношений государств Восточного и Западного блоков, это стало настоящим «приговором». Если раньше в отношении Стейнбека сохранялись надежды, что однажды он займет просоветскую позицию» то теперь его «молчание» было расценено в негативном ключе как позорное бегство, капитуляция перед нарастающей силой реакции США, отказ от своих прежних «прогрессивных» воззрений – не только на бумаге, но и в жизни.

Совсем скоро идеологический «приговор» печатных советских институций вступил в силу. В июле 1950 года в «Известиях» вышла статья за подписью Д. Шостаковича «Запретить атомное оружие!», в котором автор поименно назвал вошедших в лагерь поджигателей войны известных культурных деятелей, «потерявших честь и совесть»,

¹⁹⁷ См. напр.: Эренбург И. Американские впечатления // Литературная газета. 1946. 16 ноября. С. 2.

¹⁹⁸ Эренбург И. Открытое письмо писателям Запада // Литературная газета. 1950. 5 апреля. С. 1.

«ушедших от своего народа, хоронящих свою культуру»: Андре Мальро, Жан-Поля Сартра, Андре Жида, Эптона Синклера и Джона Стейнбека. По поводу последнего он высказался отдельно: «Советским читателям хорошо известен Джон Стейнбек, автор романа «Гроздь гнева». Но из-под пера этого некогда умевшего мыслить писателя вышла книга «Бомбы вниз!». Стейнбек совершил прыжок из лагеря прогресса и человеколюбия в лагерь оголтелой реакции, варварства и каннибализма. Таков отвратительный облик этих предателей, верных слуг капитализма»¹⁹⁹.

Спустя полгода на Втором Всемирном конгрессе сторонников мира в Варшаве Д. Шостакович заговорил о необходимости «получить возможность принести свои достижения, сообщать свои мысли другим народам», «наладить обмен всеми культурными ценностями, относящимися к прошлому, к настоящему и даже существующим лишь как предположение для будущего, между всеми народами земли»²⁰⁰. И, чтобы наглядно продемонстрировать, как «наши враги борются с культурой», как в разных странах относятся к «инакомыслящим», выходцам из других систем, он рассказал о теплом приеме американского писателя Стейнбека в СССР («Из американцев последним в нашей стране был Стейнбек и, кажется, никогда не жаловался на прием»²⁰¹) и недавнем отказе на въезд в США советским писателям Фадееву, Тихонову, Эренбургу, Симонову и его собственной неудавшейся попытке провести концерт в Великобритании, когда английское правительство отказало ему в получении визы²⁰².

К обращению Эренбурга к Хемингуэю и Стейнбеку в декабре 1950 года присоединился П. Неруда, чье письмо было также опубликовано в передовице «Литературной газеты». Оно было еще более риторическим и эмоционально окрашенным: «Стейнбек, автор замечательных книг! Почему ты ничего не говоришь о Говарде Фасте? Или ты согласен с тем, что большой писатель, выступающий в защиту мира, должен писать свои романы в тюрьме? Стейнбек, Стейнбек! Что сделал ты со своим братом?»²⁰³

¹⁹⁹ Шостакович Д. Запретить атомное оружие! // Известия. 1950. 6 июля. С. 2.

²⁰⁰ Речь Д. Шостаковича // Правда. 1950. 23 ноября. С. 5.

²⁰¹ Там же.

²⁰² Так же, как в случае с писателем Андреем Платоновым, важно отметить двусмысленность этих и других громких высказываний, приписываемых Д.Д. Шостаковичу. Помимо известного факта о непростом характере композитора и о его сложных взаимоотношениях с советскими властями, существуют множество устных и письменных свидетельств того, как и за счет чего формировался в прессе публичный образ Шостаковича, и отношения к этому самому музыканта. В качестве одной из иллюстраций можно привести воспоминание скульптора Эрнста Неизвестного о том, как Шостакович советовал ему подписать письмо, написанное за него Е.А. Евтушенко в идеологическую комиссию ЦК, и тот в свою очередь спросил музыканта:

«- Дмитрий Дмитриевич, а Вы все подписывали?

Он вдруг очень резко и раздраженно сказал:

- Да, да, да, я подписываю все! Я даже научился подписывать любые бумаги вверх ногами, чтобы НЕ ЧИТАТЬ!» (Неизвестный Э.И. Я буду говорить о Шостаковиче // Лебедь. 2002. 22 декабря. № 303).

²⁰³ Неруда П. Борьба и песни // Литературная газета. 1950. 28 декабря. С. 1.

2.1.4. Советская пресса о Стейнбеке (1951-1954 гг.)

Красноречиво свидетельствуют об окончательном изменении отношения советской прессы к Стейнбеку две статьи американских авторов, вышедшие в 1951 году на страницах советской печати и напрямую касающиеся Стейнбека и его творчества. Упомянутая ранее переводная статья Дж. Кларка говорит об упадке искусства США на примере писательской судьбы Дж. Стейнбека: «Под влиянием прогрессивного движения 30-х годов Стейнбек сумел создать произведение такой большой разоблачительной силы, как роман “Гроздь гнева”. Однако последующие произведения Стейнбека говорят о его деградации как писателя. <...> Так, подвергнутый проверке в критические времена, когда “испытываются души людей”, Стейнбек ушел из настоящего искусства. Правда, Стейнбек не изъял из обращения роман “Гроздь гнева”. Но есть писатели, которые идут на эту позорную форму капитуляции (далее автор обращается к книге И. Шоу “Хороните мертвых”, которую автор решил изъять из обращения. – Л.Ж.)»²⁰⁴.

Вторая статья принадлежала перу Г. Фаста, который после своего непродолжительного тюремного заключения в глазах советских людей продолжал оставаться мучеником, «узником свободы», главным символом ущемления прав личности США. В своей статье Фаст обратился к писателям-соотечественникам – «к Джону Стейнбеку и Артуру Миллеру, к Эрскину Колдуэллу и Эрнсту Хемингуэю, к Лилиан Хеллман и Ирвину Шоу, к Винсенту Шиэну и Бадду Шалбергу, к Арчибальду Маклишу и Карлу Сэндбергу, к Джону Херси и всем другим из этой большой компании “молчальников”»²⁰⁵.

Предметом его речи послужила казнь семи негров в Мартинсвилле, Вирджиния, обвиненных в изнасиловании белой женщины. По мнению Фаста, американские писатели, «закутавшись в мантию великолепного молчания, стали соучастниками еще одного из многих чудовищных преступлений, которые хранит память угнетенных народов»²⁰⁶. И в конце он бросает своим коллегам предупреждение: «Вам не сбросить с плеч ответственности, которая лежит на вас, ибо ныне даже мертвые не молчат; и вы услышите их голоса, даже если будете глухи»²⁰⁷.

Эпизод с отказом Стейнбека присоединить свою подпись к Стокгольмскому воззванию еще неоднократно будет возникать в ряде советских заметок, все более выставляя Стейнбека как участника этого «молчаливого предательства». Так в рецензии, посвященной недавно опубликованному в СССР роману американского писателя и физика

²⁰⁴ Кларк Дж. Искусство в современной Америке. С. 4.

²⁰⁵ Фаст Г. Предательское молчание // Литературная газета. 1951. 17 мая. С. 4.

²⁰⁶ Там же.

²⁰⁷ Там же.

М. Уилсона «Жизнь во мгле» (в переводе Н. Ветошкиной, оригинальное название романа – «Live with Lightning», 1949) о проблеме использования атомной энергии, советский журналист связал общественную позицию ряда американских авторов, в том числе и Стейнбека, с «наступлением фашиствующей реакции на интеллигенцию» и с различной реакцией ее представителей:

«Одни – такие, как Поль Робсон, Говард Фаст, Альберт Мальц, Виктор Джером, Альберт Кан и другие, – мужественно и стойко продолжали начатую ими борьбу. Другие, подобно Джону Стейнбеку, Клиффорду Одетсу, Ирвину Шоу, капитулировали перед поджигателями войны, продали им свои перья и сами превратились в трубадуров реакции и агрессии. Третьи пытаются отмолчаться»²⁰⁸. В этих строках советского рецензента отчетливо виден перевод Стейнбека с нейтральных позиций «молчальников» в стан врагов.

Однако еще более заметным этот перелом отношения к Стейнбеку стал в публикациях «Правды» о поездке Стейнбека в качестве корреспондента «Collier's» в Северную Африку и Европу. В центре рассмотрения советского издания оказалась одна поездка писателя в винодельческий район Франции провинцию Юра, чтобы, как и в Советском Союзе, на земле в разговорах с местными жителями постичь «душу Франции».

Автор заметки, М. Поликанов, начинает ее так: «Американский писатель Стейнбек, давно сменивший служение литературе на служение доллару, недавно посетил Францию. Миссия этого провокатора войны состояла в том, чтобы разведать настроение французского народа, а также проверить, насколько эффективна империалистическая пропаганда войны, в частности, пропаганда против Советского Союза и других миролюбивых народов»²⁰⁹.

В основе статьи лежит рассказ самого Стейнбека об этой поездке, напечатанный им в «Collier's» от 30 августа 1952 года²¹⁰, однако советский автор не дает перевода оригинального текста Стейнбека, а пересказывает его содержание, по-своему расставляя акценты. Так, в советской интерпретации беседуя с простыми французскими крестьянами Стейнбек пытался сбить их с «правильного пути», убедить в необходимости перевооружения и подготовки к войне ввиду наличия сильнейшей русской и коммунистической опасности, однако в ответ слышал упреки французов по поводу назначения Риджуэя и присутствия американских войск в Франции, а также их неоднократные заявления о ненависти к войне и неизменной приверженности миру.

Статья Поликанова заканчивается живой сценкой:

²⁰⁸ Ветошкина Н. Талантливая книга // Литературная газета. 1952. 7 августа. С. 4.

²⁰⁹ Поликанов М. Отпор проповеднику ненависти // Правда. 1952. 14 сентября. С. 6.

²¹⁰ Steinbeck J. The Soul and Guts of France // Collier's. 1952. August 30. P. 26-30.

«Стейнбек опять попытался застрашать крестьян уже не только “русской”, но и “коммунистической опасностью”. И опять не имел успеха.

– Все, чего мы хотим, это – мир! – воскликнул один из крестьян <...> Война нам надоела! Война нам отчаянно надоела!

– Считаете ли вы, что все французы так настроены? – спросил Стейнбек.

– Думаю, что да, – последовал ответ.

Так провокатор войны получил отпор у простых французских крестьян. Его проповедь войны и ненависти между народами провалилась»²¹¹.

К вопросу о поездке Стейнбека во Францию М. Поликанов вернулся еще раз – в начале 1953 года в статье «Характерные признания». В этой заметке речь шла о проверке, которую провел в департаменте Юра депутат французского парламента Виатт, представляющий христианско-демократическую партию МРП²¹², по следам визита американского писателя.

На создание Стейнбеку репутации яростного поджигателя войны, подкупленного реакционным правительством США, нацелена и заметка члена компартии США, журналиста и писателя М. Голда под названием «Мысли об американских писателях» (1953). В отличие от французского очерка Стейнбека, фактически переписанного советским рецензентом заново, статья Голда (перепечатка из журнала «Masses and Mainstream»), несмотря на большой объем, была опубликована практически целиком.

Творческий талант Стейнбека М. Голд оценивает весьма скептически: «После многих лет барахтанья в мистике Стейнбек лишь один раз приблизился к правде и к народу, когда он написал реалистическую эпопею кризиса – “Гроздь гнева”»²¹³. Далее в своей статье он вспоминает встречу со Стейнбеком еще до написания «Гроздь гнева». По его словам, в то время Стейнбек жил в бревенчатой хижине и приветствовал приехавших гостей с бурной радостью. Он показал им телеграмму, которую получил в то утро от своего издателя, в которой сообщалось, что его книга «О мышах и людях» только что вышла в свет и имела грандиозный успех:

«Стейнбек проливал слезы в рюмку: “Первый мой успех! Боюсь его до смерти, боюсь! Не хочу быть богатым! Писатель должен всегда оставаться бедным и честным! Что теперь со мной будет?!”

Увы, опасения оправдались! Стейнбек ездит во франкистскую Испанию и поет ей дифирамбы, в то время как кровь героев, отказывающихся подчиниться фашизму, льется на

²¹¹ Поликанов М. Отпор проповеднику ненависти. С. 6.

²¹² МРП от фр. Mouvement républicain populaire – «Народно-республиканское движение».

²¹³ Голд М. Мысли об американских писателях // Литературная газета. 1953. 2 июля. С. 3.

улицах. На страницах журнала “Кольерс” Стейнбек выступает, как активный пропагандист атомного империализма»²¹⁴.

2.1.5. Биографические справки о Стейнбеке ИК ССП (1950-1954)

Идеологические установки холодной войны не менее ясно видны во внутренней документации советских литературных институций. За период 1950-1954 гг. Иностранной комиссией Союза советских писателей (ИК ССП) было составлено три биографические справки о Стейнбеке.

В первой из них от 1950 г. после краткого обозначения творческого пути Стейнбека до «Гроздьев гнева» сказано: «Весь дальнейший путь Стейнбека – путь политического отступничества и творческого падения»²¹⁵.

Автор этого документа подробно акцентирует свое внимание на недостатках военного и послевоенного творчества Стейнбека. Так, по его мнению, в романе «Луна зашла», описывая историю оккупации немцами некоей европейской страны, Стейнбек «извращает задачи и метода антифашистской борьбы». В книге «Бомбы вниз!», написанной по личному заказу генерала Арнольда, Стейнбек «выступает вербовщиком молодежи в ряды военно-воздушных сил США, совершенно умалчивает о характере и целях войны и откровенно заявляет о том, что США начали борьбу за мировое господство и “выйдут из войны в роли руководителя и будут вершить делами послевоенного мира”». В романе «Консервный ряд» советский рецензент видит проповедь «пассивного отношения к жизни и возврат к “простым радостям жизни”, т.е. к удовлетворению животных инстинктов», а в «Заблудившемся автобусе» – клевету автора на американский народ, в которой он ухитряется оболгать прогрессивную Америку и под видом «псевдогуманистического копания в жизни “маленького человека” учит смиренно принимать американскую действительность, уверяет в бесполезности попыток изменить ее». О «Русском дневнике» сказано только, что в этой книге Стейнбек допускает ряд антисоветских выпадов. И, наконец, в отношении последней пьесы Стейнбека «Горящий ярко» (Burning Bright, 1950) приводится мнение прогрессивного журнала «Masses and Mainstream» о том, что «общество, история, подлинные взаимоотношения живых людей – все это остается за пределами книги, написанной в невыносимо претенциозном духе псевдопоэзии»²¹⁶.

Таким образом, автор данной биографической справки приходит к выводу, что «все творчество Стейнбека последних лет свидетельствует о реакционности его мировоззрения и декадентском характере его творчества»²¹⁷.

²¹⁴ Там же.

²¹⁵ РГАЛИ. Ф. 631. Оп. 14. Ед. хр. 1163. Л. 15.

²¹⁶ Там же. Л. 15-16.

²¹⁷ Там же. Л. 16.

Биографические сведения о литературной деятельности и политической позиции Джона Стейнбека 1951 года²¹⁸ полностью повторяет предыдущие.

В справке о жизни писателя за 1954 год появляется добавление, связанное с выходом его последнего романа «К востоку от рая», о котором говорится, что он «глубоко реакционен по своему идейному содержанию»²¹⁹. Также советский референт говорит об антисоветских выступлениях Стейнбека в периодической печати: «...Стейнбек в последние годы неоднократно выступал с политическими высказываниями, весьма недвусмысленно объявляя борьбу идеям не только коммунизма, но и коллективизма вообще и клеветца на Советский Союз. Совсем недавно во французской печати было опубликовано политическое кредо Стейнбека²²⁰, изобиловавшее злобно антикоммунистическими и антисоветскими измышлениями»²²¹.

2.1.6. «К востоку от рая» (1952)

В сентябре 1952 года в издательстве «Viking Press» был опубликован новый роман Стейнбека – «К востоку от рая» (*East of Eden*). И, как и в других работах Стейнбека, оценки критики о ней кардинальным образом разошлись, что не помешало книге в скором времени войти в список бестселлеров.

Рецензент «New York Times» Орвилл Прескотт в рецензии к только что опубликованному роману отметил, что «сегодня была опубликована лучшая и наиболее амбициозная работа Стейнбека со времен «Гроздьев гнева». Громоздкая по своей структуре и обезображенная непомерными мелодраматизмами и в большом количестве встречаемой дешевой сенсационностью, «К востоку от рая», тем не менее, серьезная и в целом успешная попытка автора совладать с огромной темой. <...> Его герои, мужчины и женщины, уже не слабые и недалекие животные, как это было в «Консервном ряде» и «Заблудившемся автобусе». Они – люди, сильные и слабые, мудрые и глупые, иногда порочные, но их жизни представлены многозначительно в «торжестве их выбора». «К востоку от рая» – это провозглашение Стейнбеком свободной воли и внутренне присущего благородства человека»²²².

Х. К. Уэбстер из «Saturday Review» в своей рецензии также отметил эту двойственность восприятия нового романа Стейнбека: «Несмотря на то, что «К востоку от рая» не является великим произведением согласно строгому соглашению о формальной

²¹⁸ РГАЛИ. Ф. 631. Оп. 26. Ед. хр. 3774. Л. 1-2.

²¹⁹ РГАЛИ. Ф. 631. Оп. 26. Ед. хр. 3813. Л. 4.

²²⁰ Имеется в виду статья в «Le Figaro littéraire» от 18 сентября 1954 года, в которой «Стейнбек выступал с клеветническими измышлениями по адресу коммунистических партий и стран демократического лагеря, повторяя избитые тезисы самой реакционной пропаганды о «подавлении свободы личности» и т.д.» (РГАЛИ. Ф. 631. Оп. 26. Ед. хр. 3828. Л. 10).

²²¹ Там же.

²²² Prescott O. Books of the Times // New York Times. 1952. September 19. P. 21.

чистоте, широко распространенной сейчас, потребуется равное количество надменности и глупости, чтобы отрицать, что это одно из лучших произведений последних десяти лет и лучшая книга Джона Стейнбека, написанная со времен "Гроздьев гнева"²²³.

Немало было и отрицательных отзывов на книгу. Так, по мнению «Time», «в том виде, в каком он есть, роман "К востоку от рая" – это огромная сборная солянка, в которой бессмысленность и несообразность мелодрамы выплывает столько же часто, как хорошая повествовательная манера и правдоподобное сопровождение. <...> Но даже в качестве рассказа о первопоселенцах в новой стране или просто о мужчинах и женщинах, реализующих свою частную земную судьбу, роман "К востоку от рая" представляется слишком неумелым и некорректно выполненным, чтобы строить на этом все повествование»²²⁴. А разбор рецензента «New Yorker» Энтони Уэста²²⁵ показался Стейнбеку настолько ехидным и неприятным, что тот в свою очередь в письме Карлтону А. Шеффилду иронически отметил: «Интересно, что так сильно разозлило его – ведь это был действительно злой текст. Я бы хотел увидеться с ним, чтобы обсудить, что стало причиной его столь сильной ненависти и страха перед этой книгой»²²⁶.

В целом, хотя многие критики колебались между положительной и отрицательной оценкой книги, большинство статей американской периодики отнеслись к ней как к «серьезному большому достижению серьезного большого автора»²²⁷.

В СССР знакомство с книгой «К востоку от рая» произошло в начале 1953 года, когда сотрудник Иностранной комиссии Союза советских писателей Е. Романова подготовила реферат отзывов американской печати, посвященных этому роману. В основу этого реферата была положена статья журналиста «People's World», центрального печатного органа компартии США, Роберта Фридмена от 17 ноября 1952 года.

В свой реферат Е. Романова включила утверждение Фридменом антигуманного и шовинистического характера романа: «В одном из своих авторских отступлений, – пишет Фридмен, – Стейнбек пускается в рассуждения о своей вере в свободу и в личность. Но когда свобода и личное достоинство превращается в чисто демагогические лозунги для прикрытия настоящей антидемократической программы правящего класса и его выразителей – этого противоречия не скроешь никак. А Стейнбек, уже давно поставивший свое перо на службу поджигателей войны с Уолл-стрита, с готовностью вторит и их шовинизму. Для него индейцы из Салинаса – «низшая каста, лишенная энергии,

²²³ Webster H. C. Out of the New-born Sun // Saturday Review. 1952. September 20. P. 11.

²²⁴ It Started in a Garden // Time. 1952. September 22. P. 110.

²²⁵ West A. California Moonshine // New Yorker. 1952. September 20. P. 22-23.

²²⁶ Steinbeck: A Life in Letters. P. 458.

²²⁷ Benson J. J. The True Adventures of John Steinbeck, Writer: a Biography. P. 731.

изобретательности и культуры». Негров он упоминает дважды: он рассказывает о негритянке, заразившей солдата гражданской войны венерической болезнью, и о содержательнице дома терпимости (следуя шовинистическим традициям, он именуется ее презрительной кличкой "ниггер")»²²⁸.

Также Романовой была взята на вооружение обрисовка Фриденмом настоящего политического облика Стейнбека и его отношение к последним мировым событиям:

«Стейнбек ныне целиком связан с этим реальным (хотя и преходящим) злом, злом империалистических войн и расизма. Вот почему этот некогда одаренный художник может теперь писать: “В наше время массовое или коллективное производство вошло в нашу экономику, нашу политику и нашу религию настолько, что отдельные нации подменили идеей коллективизма идею бога. Это в мое время и является угрозой”. И в другом месте: “Я считаю, что все в мире сводится к одной единственной проблеме... Люди – в жизни, в мыслях, в устремлениях, в их жадности и жестокости, равно как и в их доброте и великодушии – попадают в сети добра и зла”.

Не массовые убийства в Корее, не расовая ненависть к негритянскому народу, не полицейский террор представляется Стейнбеку угрозой. “Коллектив” для него пугало. Единение людей в борьбе за мир и за демократию – грозный признак, а непреодолимая “сеть добра и зла” – вот тот барьер, который не может якобы преодолеть человечество. Так Стейнбек лакейски служит госдепартаменту»²²⁹.

Отзыв самой Романовой о книге Стейнбека «К востоку от рая» появился только спустя полтора года в «Литературной газете» и представлял собой опровержение вышедшим хвалебным отзывам о романе «реакционных» журналов «Saturday Review» и «New York Herald Tribune».

В этой заметке Е. Романова вслед за рецензентом из «People's World» представляет книгу Стейнбека как коллекцию жестоких и «омерзительных сцен насилия и разврата», обвиняя автора в низкопробном материале и в бесформенности сюжетно-композиционной структуры романа: «Предельная аморфность литературной формы свидетельствует о деградации писателя, некогда приблизившегося, было, к подлинным высотам художественного мастерства»²³⁰.

Причины этой творческой неудачи советский автор видит в «глубоко реакционном характере основной идеи романа, которая выражается и в образах действующих лиц и в авторских отступлениях»:

²²⁸ РГАЛИ. Ф. 631. Оп. 26. Ед. хр. 3799. Л. 13.

²²⁹ Там же. Л. 14.

²³⁰ Романова Е. «Философия» мистера Стейнбека // Литературная газета. 1954. 10 июля. С. 4.

«На протяжении всего романа Стейнбек перепевает множество избитых в реакционной буржуазной литературе США мотивов. Здесь и антинаучные измышления о цикличности исторического процесса, и варварские разглагольствования о присущем человеку инстинкте убийства, и циничные предостережения тем, кто вступает в борьбу против власти денег. <...> Стейнбек делает все, чтобы принизить войны освободительные и превознести захватнические, хищные набеги на чужие территории. О войне американцев за независимость он развязно заявляет: “Мы побили их (англичан. – *E. P.*), но хорошего это нам дало немного. Приобрели мы всего-навсего спаленный пожаром Белый дом и десять тысяч вдов на пособия”. Вот война с Мексикой — это совсем иное дело: “...Мы получили много западных земель, почти вдвое расширили свои владения...”. К тому же это была, по мнению Стейнбека, неплохая “тренировка для американских генералов”»²³¹.

В вину писателю также ставится очернение идеи коллективизма, в котором тот видит наибольшую опасность нашего времени, его высокомерно расистское пренебрежение к другим национальностям (в частности, китайцам и индейцам) и текстуальное приближение, фактически уравнивание человека и животного, оскорбляющее советского гражданина.

Наконец, автор выносит следующий вердикт новому роману Стейнбека: «Политический смысл этой идеи достаточно ясен. Посеять в человеке семена уныния, безверия, покорности, отдать его во власть рабей психологии, — вот какую цель преследует роман Стейнбека, и вот за что рукоплещет ему реакционная критика»²³².

Вплоть до начала 1960-х гг. статья Романовой представляла собой единственное упоминание в советской прессе об этом романе Стейнбека.

2.2. Стейнбек об СССР после «Русского дневника» (1948-1960)

2.2.1. «Дуэль без пистолетов» (1952)

В конце 1950-х гг. и в 1960-х гг. было написано несколько «открытых писем» Джону Стейнбеку. Эта традиция сложилась в сталинское время: открытые письма выполняли политический заказ и представляли собой глубоко идеологизированный ритуал эпохи сталинизма. После 1953 г. цель этих акций также заключалась не в получении ответа от адресата, но в «создании прецедента, формировании общественного мнения»²³³. Такими, например, были открытые письма Стейнбеку советского критика А.Н. Макарова (опубл. в «Иностранной литературе», 1957), писателя Ф.Т. Кравченко (находится в архиве «Литературной газеты», напечатано не было, 1964), Е.А. Евтушенко (опубл. в «Литературной газете», 1966). О реакции Стейнбека на эти советские письма никаких

²³¹ Там же.

²³² Там же.

²³³ Вайль П., Генис А. 60-е. Мир советского человека. – М.: Новое литературное обозрение. 2001. – С. 178.

свидетельств не сохранилось, вполне возможно, он даже не догадывался об их существовании. Однако о том, каким могло быть отношение Стейнбека к инвективам советских авторов можно предположить по инциденту, который произошел во время поездки американского писателя в Италию в 1952 году и был им подробно описан и опубликован в «Collier's» в статье под названием «Дуэль без пистолетов» (Duel Without Pistols)²³⁴.

Волей судьбы во время въезда в Рим Стейнбек оказался в кортеже только что прибывшего в столицу генерала М. Риджуэя, сменившего Эйзенхауэра на посту верховного главнокомандующего вооруженными силами НАТО в Европе и направлявшегося в тот же отель, что и Стейнбек. Через какое-то время писатель увидел на римских прилавках газету с громким названием «Открытое письмо Джону Стейнбеку» и был польщен подобным вниманием к его приезду. Однако оказалась, что эта заметка была напечатана в крупнейшем коммунистическом издании Италии – «L'Unità» и ее автор Эцио Таддеи использовал совпавший по времени приезд Стейнбека и Риджуэя, чтобы обвинить США в применении бактериологического оружия в Корее и бесчинствах американских солдат, которые «вымостили дорогу для своих танков телами маленьких детей»²³⁵. Все это также ставилось в вину Стейнбеку, который не осудил действия главнокомандующего и своей страны, санкционировавших эти преступления против человечности. Подобно своим коллегам из Советского Союза, итальянский журналист риторически восклицал: что же случилось с человеком, когда-то написавшим «Гроздь гнева»?

Стейнбек, который обычно никогда не отвечал газетчикам, считая это «заранее проигранной игрой», потому что «ты ответишь колумнисту один раз, а у него ежедневная колонка»²³⁶, в этот раз не смог промолчать. Он подсчитал, что «выпад Таддея против Америки» могут прочитать более миллиона человек: «В течение недели значительная часть из этого миллиона будет считать, что все, о чем там написано, было действительно мной сказано. И, если я не отреагирую, я был уверен, что красные начнут громко вопить, что я испугался, либо они расценят мое молчание как согласие с ними. По своему опыту я знал, что они довольно нечестные соперники»²³⁷. Поэтому Стейнбек принял решение ответить на вызов Таддея (Стейнбек поясняет в статье, что в этом решении он руководствовался не благородными мотивами, а просто был «ужасно зол на человека, который пытался его втянуть в грязную политику»²³⁸) и в течение нескольких дней направил в редакцию

²³⁴ Steinbeck J. Duel without Pistols // Collier's. 1952. August 23. P. 13.

²³⁵ Ibid.

²³⁶ Ibid.

²³⁷ Ibid.

²³⁸ Ibid.

«L'Unità» ответ на выступление итальянского журналиста «на десять страниц, где абзац за абзацем комментировал письмо Таддея, благо, тот совершил ошибку, использовав ложные утверждения, которые было легко опровергнуть отсылками к официальным документам»²³⁹.

Ответ Стейнбека в «L'Unità» был рассмотрен, но там его сочли излишне длинным и предложили немного сократить, что американский писатель наотрез отказался делать. Последовавшая затем встреча Стейнбека и итальянских коммунистов, по его словам, была крайне вежливой и бестолковой, поскольку на ней представители «L'Unità» пытались «мягко» убедить писателя сократить свой текст самостоятельно, а Стейнбек также мягко и твердо настаивал на своем авторском праве представлять к публикации тот текст, который он считает нужным. Стейнбек говорил, что в противном случае он отдаст свой материал другой итальянской газете, на что итальянцы возражали, что они ни одна газета в Италии не возьмется печатать текст Стейнбека из-за его длины.

В результате в «L'Unità» все же опубликовали «коммунистически укороченный» вариант письма Стейнбека, присовокупив в нему комментарий Таддея, который оказался длиннее оригинала письма американского автора. Однако Стейнбек был готов к такому повороту и своевременно направил полный вариант своего письма в другое итальянское еженедельное издание – газету «Il tempo», напечатавшую его без купюр.

На следующий день, после того как полный текст письма Стейнбека вышел в «Il tempo», по его словам, «случилась небольшая лихорадка. «L'Unità» объявила, что я фашист и что моя публикация была проплачена фашистами. Коммунисты сказали также, что «Collier's» является частью широко известной национал-фашистской-империалистической-уолл-стритовской каннибалистской группы, которая была организована с целью подорвать рабочие классы. Более того, они подвергли пересмотру мои произведения, которые оказались никудышными»²⁴⁰.

У этого эпизода, помимо прямой аналогии с характером советских заметок о Стейнбеке, имеется несколько деталей, отсылающих к советскому опыту Стейнбека, его поездке в СССР в 1947 году.

Во-первых, перед встречей с представителем редакции «L'Unità», с которым он должен был обговорить условия публикации своего письма в их издании, Стейнбек обдумывал различные каверзы, которые могли его ожидать при этом разговоре, например: «если они последуют технике русских²⁴¹, их человек не будет не знать английского,

²³⁹ Ibid.

²⁴⁰ Ibid.

²⁴¹ В «Русском дневнике» Стейнбек пишет об этой трудности коммуникации с советскими журналистами. После того, как журналист ТАСС по Украине взял у него интервью, Стейнбек попросил перевести его ответы

соответственно он придет не один. И в результате все будет обговорено через посредника, и я так и не узнаю, что произошло»²⁴².

Во-вторых, когда после этого инцидента также присутствовавшая в Риме жена Стейнбека Элейн решила сделать фотографию Таддея, чтобы проиллюстрировать статью мужа, она столкнулась с тем, что Стейнбек обозначил в «Русском дневнике» понятием «русский гамбит»²⁴³: первая англоговорящая девушка, поднявшая трубку в редакции «L'Unità», сказала, что их офис не работает и откроется не раньше пяти тридцати, во второй раз после означенного времени трубку взял итальянец, не говоривший по-английски, в третий раз – другой итальянец с голосом, очень похожим на предыдущего, но уже говоривший по-английски. Он сказал, что узнает насчет возможности получить фотографии у Э. Таддея, в настоящий момент, к сожалению, отсутствующего в офисе, и перезвонит. Но, как пишет Стейнбек, конечно же, не перезвонил.

В этой статье Стейнбек с присущим ему юмором описал свою «дуэль без пистолетов» не только с итальянскими газетчиками, но с коммунистическим мировоззрением вообще. Эта дуэль, с его точки зрения, походила на борьбу Дон Кихота с ветряными мельницами (а этого персонажа Стейнбек особенно любил и нередко себя с ним ассоциировал), на первый взгляд бессмысленная, но на самом деле важная и необходимая. О необходимости вести эту борьбу несмотря ни на что писал Стейнбек в послании другу – шведскому художнику Бо Бескову: «Если это (советский тоталитаризм – Л.Ж.) то, к чему мы идем, я надеюсь не увидеть это своими глазами и не увижу, потому что буду бороться с этим. Бог знает, что мы далеки от совершенства, но мы гораздо лучше, чем это. Мы можем создать шум, даже если немногие услышат его»²⁴⁴.

2.2.2. Письма Стейнбека об СССР (1947-1958)

По словам биографа Стейнбека Дж. Бенсона, «“антикоммунизм” писателя происходил в значительной степени от его осведомленности о том, как коммунизм душит индивидуальность. Он наблюдал это среди молодых коммунистов 1930-х гг. в Калифорнии,

с русского обратно на английский и убедился, что записанные ответы не соответствовали тому, что он сказал изначально. Стейнбек прокомментировал эту ситуацию следующим образом: «Здесь не было злого умысла, и дело даже не в трудности перевода с одного языка на другой. К языковым проблемам это не имело прямого отношения. Это был перевод с одного образа мышления на другой. Наши собеседники были приятные и честные люди, но мы не могли найти с ними общего языка. Это интервью стало последним, больше я на них не соглашался». (Стейнбек Дж. Русский дневник. С. 74).

²⁴² Steinbeck J. Duel without Pistols. P. 13.

²⁴³ В «Русском дневнике» Стейнбек рассказывает о природе этого явления следующее:

«Мы слышали о русской игре – назовем ее «русский гамбит» – выиграть в которой редко кому удается. Она очень проста. Чиновник из государственного учреждения, с которым вы хотите встретиться, то болен, то его нет на месте, то он попал в больницу, то находится в отпуске. Это может продолжаться годами. <...> И нет способа противостоять этому гамбиту. От него нет никакой защиты, единственный выход – расслабиться». (Стейнбек Дж. Русский дневник. С. 21).

²⁴⁴ Steinbeck: A Life in Letters. P. 403.

и видел это в России, и был в ужасе от того, с какой тщательностью и жестокостью там выслеживаются и искореняются все следы независимой мысли. (При том, что он в каком-то роде являлся специалистом по России, посетив эту страну трижды – и две поездки длились по несколько месяцев каждая – и увидев большую часть страны и поговорив с большим количеством ее людей, чем большинство дипломатов и журналистов, которые здесь останавливались)»²⁴⁵. Факты, приведенные в исследовании Б. Кеннарда, также свидетельствуют о том, что, несмотря на сложившуюся в конце 1930-х гг. репутацию Стейнбека, как левого писателя, его убеждения и взгляды отличались сложностью и динамичностью. Документально подтвержденная готовность Стейнбека сотрудничать с разведкой в 1952 г., тот факт, что в разгар маккартизма его (автора «Гроздьев гнева», к тому же дважды побывавшего в СССР) ни разу не потревожила Комиссия по расследованию антиамериканской деятельности (HУАС)²⁴⁶ – все это убедительно свидетельствует об изменении позиции Стейнбека, который на протяжении 1940-1960-х гг. все более последовательно придерживался идеи американского патриотизма, занимал охранительную позицию по отношению к американской демократии, вплоть до решительного «поправения» – к началу войны во Вьетнаме.

Антикоммунистические убеждения росли и развивались в течение всей жизни Стейнбека – от интереса к левому движению 1930-х гг. в Калифорнии (результатом которого отчасти стало написание книг «В сомнительной схватке» и «Гроздьев гнева») до открытого декларативного неприятия, осуждения коммунизма и политики СССР в его вьетнамских «Письмах к Алисии» 1960-х гг., т.е. последнего периода его жизни.

Кроме того, можно сказать, что в силу особенностей его характера антикоммунистические воззрения писателя носили в большей степени латентный характер. За исключением некоторых немногочисленных фраз, реже пассажей, в его статьях и книгах, в его творчестве имеется очень мало прямых оценок того, что происходило в Советском Союзе. Даже в «Русском дневнике» одним из его основных постулатов было – «избегать политики и крупных проблем», «держаться подальше от Кремля, от военных и от их замыслов»²⁴⁷.

Меж тем, происходящее в России, хотя было далеко не его главным интересом, в течение многих лет являлось одной из тем, крайне занимавших и задевавших писателя за живое. Доказательством тому, помимо его многократных поездок в СССР, служат личные

²⁴⁵ Benson J. J. The True Adventures of John Steinbeck, Writer: a Biography. P. 720.

²⁴⁶ См.: Kannard, Brian. Steinbeck: Citizen Spy. P.155.

²⁴⁷ Стейнбек Дж. Русский дневник. С. 9.

письма американского автора друзьям, в которых он в разные годы снова и снова возвращался к теме коммунизма и советского строя.

Примечательно, что в письмах, созданных Стейнбеком непосредственно в СССР, так же, как и в статьях, печатавшихся в «New York Herald Tribune», и «Русском дневнике», вышедшем по результатам этой поездки, американский автор пишет о Советском Союзе, хотя насмешливо, но в целом весьма доброжелательно. В собрании писем Стейнбека «Steinbeck: A Life in Letters» (1975) помещены три его письма из СССР – два адресованных издателю Паскалю Ковичи из Киева и одно жене писателя Гвиндолин из Сталинграда, которые выражают его очень сильные и теплые эмоции по отношению к советским людям и к местам, где он побывал. К примеру, из Киева Стейнбек пишет: «Это прекрасная страна и прекрасный город, который, к сожалению, был жестоко и безумно разрушен немцами. Восстановление идет по всем фронтам, но с приложением больших усилий – из-за того, что до сих пор не хватает машин. <...> Эти украинцы очень гостеприимны и с прекрасным чувством юмора. Я записал все разговоры с крестьянами и рабочими из опаски, что позабуду их. Нам ужасно повезло, что мы находимся здесь. Мы увидели здесь очень много»²⁴⁸.

В.С. Тольц в своем исследовании объясняет столь теплую, полную симпатии оценку обоими американцами увиденного в конце поездки психологическим моментом: «С ними приключилась довольно обычное: как многие богатые иностранцы после достаточно длительного пребывания в бедных странах, они пообвыкли к окружающей, поначалу поразившей их повседневной скудости, и это положение дел стало казаться обычным, приемлемым и даже улучшающимся»²⁴⁹.

В продолжении самой поездки сам Стейнбек от многочисленных вопросов, в обилии постулавших к нему от советских людей о том, каковы его впечатления о Советском Союзе, как правило, уклонялся, отвечая, что «его впечатления не формируются так быстро»²⁵⁰. И в самом деле, когда его отделила от СССР временная и пространственная дистанция – спустя полгода после поездки в США – положительные картины быта простых советских людей стали все больше вытесняться невеселыми размышлениями об отсутствии в СССР того, без чего Стейнбек не мыслил своего существования, – творческой жизни.

Так, в процессе подготовки к печати «Русского дневника» в Америке, в феврале 1948 года Стейнбек пишет своему другу, шведскому художнику Бо Бескову: «Русские куски в газетах получились здесь весьма успешными. Я не знаю, что сделает книга. Русские

²⁴⁸ Steinbeck: A Life in Letters. P. 298.

²⁴⁹ Тольц В.С. Три дневника.

²⁵⁰ ГАРФ. Ф. 5283.с.2. Оп. 22с. Ед. хр. 21. Л. 161.

сделали столько всего плохого в последнее время со своим художественным отуплением, своими глупыми нападками на музыкантов²⁵¹ и запретом на общение собственных граждан с иностранцами, что это не может не печалить меня. Похоже на то, что мы там оказались последними на долгое время. Из-за нового запрета мы бы не смогли пообщаться ни с одним тех людей, с которыми мы общались. Они практически полностью уничтожили всю хорошую или хотя бы интересную живопись²⁵². У них осталось не очень много хорошей литературы, и теперь они управились с музыкой. Тупые сукины дети. Интересно, ведется ли какая-нибудь скрытая работа в их литературе и живописи. Я буду удивлен, если горстка творческих личностей не занимается этим в каком-нибудь подвале. Обычные русские – такие хорошие люди»²⁵³.

Следующее письмо, адресованное тому же Бо Бескову в 1950 году, также явилось реакцией на упомянутое выше заявление Д. Шостаковича²⁵⁴, сделанное им после третьей сессии Постоянного комитета Всемирного конгресса сторонников мира. В этом письме Стейнбек продолжает свою мысль о гнетущем влиянии коммунистической идеологии и образа жизни на своих же граждан – советских людей, однако углубляет ее и поднимается почти до эсхатологических пророчеств:

«Меня ужаснул подкравшийся паралич, который исходит от Кремля, смерть искусства и мысли, смерть личности и единственной творческой вещи на земле – индивидуальности. Когда я был в России пару лет назад, я не увидел ни одной творческой вещи. Интеллектуалы, как попугаи, повторяли статьи, которые они прочитали в безопасных журналах. Это вызывает у меня не просто сожаление, это вызывает тошноту. Из всех книг, испрошенных и посланных тем, кто просил об этом, ни одна не была получена. И даже теплый свитер и варежки для девочки, и кукла для малышки не были разрешены к выдаче. Я не думаю, что войны могут решить проблемы, но как-то нужно это остановить, иначе с

²⁵¹ Речь идет о Постановлении Политбюро ЦК ВКП(б) Об опере «Великая дружба» В. Мурадели 10 февраля 1948 г., опубликованном в «Правде» 11 февраля 1948 г. и осудившим «формализм в музыке», нашедший «свое наиболее полное выражение в произведениях таких композиторов, как гг. Д. Шостакович, С. Прокофьев, А. Хачатурян, В. Шебалин, Г. Попов, Н. Мясковский и др., в творчестве которых особенно наглядно представлены формалистические извращения, антидемократические тенденции в музыке, чуждые советскому народу и его художественным вкусам». (Постановление Политбюро ЦК ВКП(б) Об опере «Великая дружба» В. Мурадели 10 февраля 1948 г. / Власть и художественная интеллигенция. Документы ЦК РКП(б) – ВКП (б), ВЧК – ОГПУ – НКВД о культурной политике. 1917-1953 / Под ред. А.Н. Яковлева, сост. А.Н. Артизов, О.В. Наумов. – М.: Международный фонд «Демократия», 1999. С. 631).

²⁵² Во время приезда Стейнбека и Капы в СССР в 1947 г. неоднократно поднималась тема современного искусства и, в частности музыки и живописи. Для понимания различия в отношении к нему американских гостей и советских служащих характерен следующий разговор:

«Вечером у меня возник со Стейнбеком спор по вопросам искусства. Я высказал Стейнбеку свое личное мнение о современной упаднической музыке, которую народ не любит и не понимает. Стейнбек сказал, что все новое прогрессивно уже потому, что оно ново. Он отнес к прогрессивным течениям в искусстве футуризм, кубизм и пр. По мнению Стейнбека, в искусстве, как и в жизни, не бывает движения назад». (ГАРФ. Ф. 5283.с.2. Оп. 22с. Ед. хр. 21. Л. 131).

²⁵³ Steinbeck: A Life in Letters. P. 306.

²⁵⁴ Шостакович Д. Запретить атомное оружие! // Известия. 1950. 6 июля. С. 2.

миром будет покончено, он рухнет в черный хаос, снова начнутся темные века. Если это то, к чему мы идем, я надеюсь не увидеть это своими глазами и не увижу, потому что буду бороться с этим. Бог знает, что мы далеки от совершенства, но мы гораздо лучше, чем это. Мы можем создать шум, даже если немногие услышат его.

Шостакович на днях объявил меня каннибалом. Конечно, его вынудили к этому – каждый, кто скажет, что его произведение, написанное честно, является неправдивым, неправильным, потому что так сказала партия – будет лжецом, и его совесть как художника будет нечиста. Можно называть произведение неумелым, плохо сделанным, незрелым или неразвитым, но ни один художник не может быть *неправ*. Я полагаю, есть немало людей, которые бы также желали обуздать мысль, но они не добьются этого. Они не должны этого добиться! Если кажется, что, говоря об этом, я впадаю в неистовство, то это потому, что я видел и вижу это. Здесь кому-то может не нравиться то, что я говорю, но я могу это написать, и люди смогут это прочесть – и на самом деле читают! И это все, что мне нужно. И я думаю (так как наш биологический вид – творец по природе) о тех подпольных художниках в России, которые рисуют за задернутым занавесом, исполняют музыку воплолоса, пишут стихи, а потом сжигают или прячут их. Не верю, что система, где царит такое насилие, может быть долговечна. Но пока она существует – и она будет разрушаться и калечить людей еще какое-то время»²⁵⁵.

К концу 1957-х гг. отношение Стейнбека к советской тирании никак не поменялось, разве что стало еще более политизированным. Так, в январе 1957 года он направляет письмо директору Информационного агентства США Артуру Ларсону, в котором в качестве независимого эксперта по Западной и Восточной Европе сообщает свои мысли о том, как наладить отношения с соседями. Так, по мнению писателя, первым шагом диктатуры является закрытие границ для поездок, товаров и идей. Для Стейнбека представляется естественным, что в первую очередь необходимо размокнуть эти границы – с помощью книг. В письме Ларсону Стейнбек пишет: «В 1936 году я был в качестве туриста в России и на Балканах. В 1947 году вместе с Робертом Капой мы посетили Россию и несколько стран-сателлитов по заданию «New York Herald Tribune». Мы спрашивали многих людей, проявивших к нам доброту, что мы могли бы прислать им. Ответ был неизменно: «Книги». По возвращении мы отослали им книги. Никто их не получил. Мы послали их снова – и снова никому не удалось их получить. <...> Поэтому я считаю, что книги крайне важны. Книга – это что-то настоящее там, где пропаганда вызывает

²⁵⁵ Steinbeck: A Life in Letters. P. 403.

подозрения. Отрицание права читать то, что люди хотят, одно из наиболее горьких и непереносимых проявлений советской тирании»²⁵⁶.

Также Стейнбек очень едко высказался в адрес советской власти в ноябре 1958 года в письме Стюарту Л. Хэннону, ассистенту директора радио «Свободная Европа», о присуждении Б.Л. Пастернаку Нобелевской премии и его травле в СССР. Для письма Стейнбека инцидент с Пастернаком – лишь повод: по сути, письмо представляет собой пасквиль на «встроенных в систему» советских писателей, коллег Пастернака по цеху, выступивших в роли «погромщиков». Письмо Стейнбека – обвинительная речь в их адрес: «Награждение Нобелевской премией Пастернака и советский протест против нее преисполняет меня чувством жалости, но не к Пастернаку. Он выполнил свои обязанности как писатель, он увидел мир, описал его и дал свой комментарий. То, что результат его творчества нашел отклик по всему миру, везде, где роман был разрешен к прочтению, должно стать для него вознаграждением. Поэтому его не стоит жалеть, как бы жестко с ним не обращались. Я жалею бедных номенклатурных писателей, ставших судьями книги, которую им не разрешили прочитать. Этих неспособных летать стервятников от искусства, которые сами помогают подрезать себе крылья, повергает в праведное негодование полет презирающего их гордого орла. Они, убогие, хромые и кривые, столь жалки, что их злоба против тех, кто, находясь под тем же гнетом, не поддался ему и достиг успеха, совершенно естественна. Они несут гроб Советской Литературы и должны теперь остерегаться веса своего покойника.

Чтобы они за глаза ни говорили о Пастернаке, как бы ни раболепствовали, его книга доказывает их бессилие – сейчас и всегда. Предатели от литературы, несправедные судьи Пастернака, они будут наказаны так же, как судьи Сократа – их имена забудутся, и вспоминать будут только их тупость и ограниченность»²⁵⁷.

Как видно на примере последних двух писем, в конце 1950-х гг. в отношении к СССР Стейнбек решительно отказался и от нейтральности и лояльности «Русского дневника», и от отстраненного юмора, с которым описано итальянское происшествие в «Дуэли без пистолетов». Он твердо встал на позиции неприятия и категоричного осуждения советской идеологии и политической системы – как писатель, понимающий пагубность советского строя для литературы (и творчества вообще).

Интересно, что Стейнбек окончательно пришел к такому убеждению как раз в тот момент, когда в СССР началась «оттепель». Причиной такой «замедленной реакции», возможно, была личностная особенность Стейнбека, в которой он не раз признавался в

²⁵⁶ Steinbeck: A Life in Letters. P. 547.

²⁵⁷ Steinbeck: A Life in Letters. P. 602.

своих поездках в СССР в 1947 и 1963 году – медлительность «переваривания» разного рода впечатлений и постепенное вызревание отношения к ним²⁵⁸. Ко второй половине 1950-х гг. Стейнбек действительно осознанно стал врагом советского строя. Если во время приезда в СССР он предполагал найти свободу от партийной пропаганды в простом народе²⁵⁹, то по возвращении на родину его надежды остались связаны лишь с советскими людьми искусства, нонконформистами, подобно Пастернаку непризнанными в своем государстве, «подпольными художниками в России, которые рисуют за задернутым занавесом». Но, при этом, отказавшись от позиции нейтралитета, сменив ее на резкий категоричный тон, он тем самым парадоксальным образом сблизился с авторами тех самых советских пасквилей, которых ненавидел и осуждал. В результате его письмо в защиту Пастернака, нацеленное против советской писательской номенклатуры, крайне напоминает статьи советских авторов (Чаковского, Поликанова и др.), направленные против него самого.

2.3. «Потепление» в отношениях Стейнбека и СССР (1954-1960)

2.3.1. Советская пресса о Стейнбеке (1955-1958)

В то время как Стейнбек все более укреплялся в своем неприятии советского строя, в советской периодической печати начиная с 1955 года наметилось ощутимое потепление к Стейнбеку, связанное, в первую очередь, с изменениями во внешней и внутренней политике СССР: смерть Сталина, начавшаяся «десталинизация» и либерализация общества, XX съезд КПСС (февраль 1956 г.) и начало «оттепели». Мгновенно применительно к Стейнбеку исчезли такие эпитеты как «поджигатель войны», «изменник», «предатель», «фашист» и другие, неизменно сопутствовавшие любому упоминанию о нем в прессе в предшествующий период. Материалы о нем большей частью стали носить нейтральный характер, началось движение к возвращению имени Стейнбека в стан «великих американских писателей».

Так, в апреле 1955 года Иностранной комиссией Союза советских писателей был подготовлен перевод статьи Стейнбека, опубликованной в еженедельнике «Saturday Review»²⁶⁰ и посвященной делу разоблачения профессионального осведомителя Х. Матусоу. Уже первые фразы этой статьи были для советских чиновников весьма показательными: «Для всякого вдумчивого человека показания Матусоу все равно, что букет незабудок на могиле Маккарти. Смехотворность всей нелепой серии расследований

²⁵⁸ ГАРФ. Ф. 5283.с.2. Оп. 22с. Ед. хр. 21. Л. 161.

²⁵⁹ Из дневника сопровождавшего американцев в поездке по Украине И.Д. Хмарского: «Стейнбек высказал руссоистскую мысль о том, что человек тем лучше, чем ближе он стоит к природе и чем меньше на нем различных «наслоений». Задача художника состоит в том, чтобы «очистить» его от этих наслоений и показать таким, каким он есть в действительности. Он подчеркнул, что именно в этом смысле ему особенно нравятся украинские колхозники, в которых он заметил много непосредственного юмора, силы характера и трудолюбия». (ГАРФ. Ф. 5283.с.2. Оп. 22с. Ед. хр. 21. Л. 170).

²⁶⁰ Steinbeck J. The Death of a Racket // Saturday Review. 1955. April 2. P. 26.

стала теперь очевидной даже для тех, кого один из моих друзей называл “любителями погрызть каштаны”»²⁶¹.

В своей статье на примере человека, который из соображений корысти притворился раскаявшимся коммунистом, т.е. стал профессиональным лжесвидетелем, Стейнбек показывает, как маккартистские гонения на коммунистов, превратившись в моду, источник наживы, «доходный рэкет», оказались доведены до абсурда. О политических преследованиях, ставших причиной подобных явлений, Стейнбек говорит в прошедшем времени и возлагает надежды на то, что теперь с ними будет покончено: «Таковы были веяния времени, что некоторые глупости проходили незамеченными. Например, человек с совершенно чистым прошлым вынужден был проходить проверку прежде, чем получить разрешение на служение правительству. Одного подозрения в близости к коммунистической партии было достаточно, чтобы уволить человека. При этом он подвергался расследованию со стороны покаявшихся экс-коммунистов. <...> Я говорю обо всем этом в прошедшем времени потому, что я верю в то, что со всем этим почти покончено. Я подозреваю, что правительственные осведомители, даже если они говорили правду, не смогут уцелеть под показаниями Матусоу. Он назвал это доходным рэкетом. Так вот, Матусоу покончил с этим. Никогда он уже не возродится»²⁶².

Примечательно, что эта статья Стейнбека, все эти годы, в целом, не изменявшего своим установкам: последовательно отстаивавшего свободу личности и творчества, воевавшего с конформизмом, проявлениями тоталитаризма и в СССР, и у себя дома в эпоху маккартизма, оказалась особенно актуальна именно в Советском Союзе, в то время, когда изменилась генеральная линия партии, и началось разоблачение «перегибов» и «культы личности Сталина». Также интересно, что после перевода данной статьи референтом Иностранной комиссии ССП было сделано замечание: «Наряду с этим необходимо напомнить о двух выступлениях Джона Стейнбека, относящихся к осени 1954 года. В статье для французской газеты “Фигаро литерер” от 18 сентября 1954 года Стейнбек выступал с клеветническими измышлениями по адресу коммунистических партий и стран демократического лагеря, повторяя избитые тезисы самой реакционной пропаганды о «подавлении свободы личности» и т.д. В передаче на радиостанции “Свободная Европа”, как видно из книжного обозрения “Нью-Йорк Таймс” от 19 сентября 1954 года, Стейнбек грубо клеветал на советскую культуру. Еженедельник утверждал, что к подобному выступлению Стейнбека побудило постоянно использование его романа “Гроздь гнева” в антиамериканской пропаганде, и что Стейнбек “решил, что, наконец, настало время для

²⁶¹ РГАЛИ. Ф. 631. Оп. 26. Ед. хр. 3828. Л. 8.

²⁶² Там же. Л. 9.

контрудара»²⁶³. Эта ремарка, встречавшаяся уже в библиографической справке автора за 1954 год, имеет двойной смысл: с одной стороны – осторожного напоминания о «былых прегрешениях» писателя, с другой – объяснения его прежних антисоветских выпадов боязнью маккартизма, эпитафию которому он помещает в своей статье.

Пересказ статьи Стейнбека о деле Матусоу буквально в те же дни появился на страницах «Правды» с подзаголовком «Как в США фабрикуются обвинения»²⁶⁴, что фактически ознаменовало «новый курс» советской печати и литературной критики в отношении Стейнбека (и всей американской литературы).

После успешно проведенного в июле 1955 года в Женеве совещания глав правительств четырех держав (президента США Д. Эйзенхауэра, председателя Совета министров СССР Н. А. Булганина, премьер-министра Франции Э. Фора и премьер-министра Великобритании Э. Идена при участии Первого секретаря ЦК КПСС Н.С. Хрущева), посвященного проблемам разрядки международной напряженности, в советской периодике последовала серия статей, авторы которых постулировали необходимость мира между советским и американским народом и заверяли в своей любви и уважении американскому народу-труженику и американской литературе.

Например, Б. Лавренев в статье «Перелистывая страницы истории...» отметил, что исторические корни дружбы и мирного сотрудничества между советским и американским народами уходят в далекое прошлое и прослеживаются с самого начала появления Америки на карте земли. А следствием непрекращающейся «культурной «диффузии» и обмена ценностями духа, взаимными влияниями» стало влияние на крупнейших американских писателей творчества Л. Толстого, Тургенева, Горького, Чехова, Достоевского и успех различных американских авторов в СССР, среди которых Синклер Льюис, Эрнест Хемингуэй, Колдуэлл и Джон Стейнбек²⁶⁵.

В двух декабрьских номерах «Литературной газеты» вышли заметки об Америке писателя Н.М. Грибачева, который находился в США осенью 1955 года в составе группы сопровождения Н.С. Хрущева. Эти статьи по своей форме и содержанию напоминали «дофултоновские» «американские впечатления» Эренбурга 1946 года и «Русский дневник» Стейнбека. Советский журналист описывает Манхэттен, нью-йоркские биржи, банки, редакции, университеты, в которых изучается творчество Хемингуэя, Фолкнера, Стейнбека, Миллера, О'Нила, а также Генри Джеймса и Уитмена²⁶⁶.

²⁶³ РГАЛИ. Ф. 631. Оп. 26. Ед. хр. 3828. Л. 10.

²⁶⁴ Как в США фабрикуются обвинения // Правда. 1955. 3 апреля. С. 4.

²⁶⁵ Лавренев Б. Перелистывая страницы истории... // Литературная газета. 1955. 23 июля. С. 4.

²⁶⁶ Грибачев Н. Америка и американцы: среди небоскребов // Литературная газета. 1955. 8 декабря. С. 4.

В другой статье Грибачев поведал о встречах, «которые никогда не забудутся»: с Лионом Фейхтвангером, Говардом Фастом, Полем Робсоном, Майклом Голдом, Альбертом Каном, Этель Лилиан Войнич. Также советский автор сообщил, почему им не удалось увидеться со Стейнбеком: автор «Гроздьев гнева» живет в Южных штатах, посещение которых иностранцами не поощряется. Грибачев добавляет, намекая на существующую в США внутреннюю цензуру: «Мы были иностранцами — этим все сказано»²⁶⁷.

Весной 1956 года в советской прессе широко освещался случай увольнения Л. Лэвели, профессора колледжа Диккинсон в Карлайле (штат Пенсильвания), после того как тот предстал перед комиссией по расследованию антиамериканской деятельности и, сославшись на конституцию, отказался отвечать на вопросы. Этот и другие подобные инциденты подавались в СССР как «преследование демократически и либерально настроенной интеллигенции в США». В июне этого года «Литературной газетой» освещался еще один случай притеснения прогрессивной американской интеллигенции: «В городе Райсвилле (штат Айова) анекдотическим нападкам подвергся учитель Поль Райчер. Школьный совет «принял отставку» молодого учителя, обвинив его в том, что он «подрывал» умы учеников, читая им... отрывки из книги современного американского писателя Стейнбека «Гроздьев гнева»!»²⁶⁸.

Эти статьи стали «первыми ласточками» «оттепели», предвестников нового пересмотра отношения советских критиков к Стейнбеку, которое произойдет в 1960-е гг. после выхода в свет романа «Зима тревоги нашей», нашедшего признание в Советском Союзе, и последнего приезда американского писателя в СССР в 1963 году.

2.3.2. «Жемчужина» (опубл. в СССР в 1956 г.)

Органичным продолжением этой линии по возвращению имени Стейнбека в литературный контекст Советского Союза стала публикация его ранней повести «Жемчужина» (*The Pearl*) в переводе Н. Волжиной в последнем двенадцатом номере «Иностранной литературы» за 1956 год, спустя 11 лет после ее выхода на свет в США в 1945 году. Впоследствии она дважды выходила отдельной книгой в 1957 и 1958 гг.²⁶⁹, а также вместе с другим довоенным произведением Стейнбека – повестью «Квартал Тортилья-Флэт» (1935) – в 1963 году, в год третьего приезда американского писателя в

²⁶⁷ Грибачев Н. Америка и американцы: встречи, которые не забываются // Литературная газета. 1955. 17 декабря. С. 4.

²⁶⁸ Международная почта: Лорэнт Лэвели и другие // Литературная газета. 1956. 9 июня. С. 4.

²⁶⁹ Стейнбек Дж. Жемчужина. Повесть / Пер. с англ. Н. Волжиной. – М.: «Правда», 1957. – 69 с.; Стейнбек Дж. Жемчужина / Пер. с англ. Н. Волжиной. – М.: Изд. иностр. лит., 1958. – 74 с.

СССР. Предисловие к этому изданию написал М.О. Мендельсон, который ранее уже рецензировал повести «Консервный ряд» и «Квартал Тортилья-Флэт»²⁷⁰.

По мнению критика, «Жемчужина» на самом деле – «одна из лучших, наиболее значительных в идейном и художественном отношении повестей Стейнбека. Это взрыв боли, вызванный сознанием зла, которое творят деньги»²⁷¹.

Причиной этому стала антикапиталистическая направленность этой книги, в образной притчевой форме явленная с не меньшей силой, нежели двумя десятилетиями ранее в «Гроздьях гнева». Так, в этой книге, по мнению советского критика, «писатель с полной убедительностью показывает, что в обществе, где царит «американский магазин», даже прекрасное может служить источником горя и несчастья. Жемчужина прелестна, но именно поэтому она ценится очень дорого, именно поэтому она воплощает разрушающую мощь собственности»²⁷².

В представлении Мендельсона, жемчужина – это не языческое магическое существо, амбивалентное по своей природе, являющее собой невероятную красоту и притягательность для людей, но также корень зла, зависти и смерти для них (как героиня другого стейнбековского романа «К востоку от рая» – Кэти с ангельским лицом и характером дьявола), но невинная жертва своей исключительности, которая вместе со своими хозяевами, простой бедной мексиканской семьей Кино, Хуаны и младенца Койотито, пала жертвой алчности капиталистического мира.

Советский критик опустил в своей рецензии, к примеру, то обстоятельство, что мечты Кино, связанные с продажей жемчужины, были самыми что ни на есть «буржуазными»: обвенчаться в церкви, купить новую хорошую одежду (например, «синий матросский костюмчик из американского магазина» и маленькую капитанскую каскетку для Койотито), карабин и дать сыну образование, т.к. именно в этом герой Стейнбека видит признак личной свободы человека: «Мой сын будет листать и читать книги, и мой сын научится писать и понимать по писаному. И мой сын выучит цифры, и тогда мы станем свободными людьми, потому что он будет все знать, а от него и мы все узнаем»²⁷³.

При этом Мендельсон отдельно отмечает готовность Кино вступить в борьбу против несправедливости системы и вести ее до победы или поражения: «Вместе с тем в повести сильнее показаны гнев несправедливо преследуемого человека, его готовность вступить в бой с недругами. Кино отвечает на насилие насилием, и Стейнбек не осуждает за это своего

²⁷⁰ Мендельсон М. Страусовая утопия // Литературная газета. 1947. 12 апреля. С. 4.

²⁷¹ Мендельсон М. О Джоне Стейнбеке и двух его повестях // Стейнбек Дж. Жемчужина; Квартал Тортилья-Флэт: Повести. – М.: Гослитиздат, 1963. С. 18.

²⁷² Там же.

²⁷³ Там же. С. 44.

героя»²⁷⁴. Хотя Стейнбек скорее видел этот эпизод в фаталистическом ключе, и печальный финал повести – тому свидетельство, советский критик стремился увидеть в этом революционный призыв к борьбе, а не утверждение бесплодности этой борьбы и обреченности на поражение.

В советской печати эта книга вышла практически одновременно с повестью другого американского классика – «Старик и море» Хемингуэя. Ввиду некоторой тематической и сюжетной схожести произведений советские критики часто ставили их рядом и сравнивали с отечественными произведениями.

Так, в статье, вышедшей в 1957 году в «Литературной газете», под названием «Герой нашей литературы» говорится о пессимизме и безотрадности западной литературы: жизнь старика Сантьяго замкнута в цепи страданий, бесконечной борьбы и нищеты; герой Стейнбека также, выбросив в финале книги в море жемчужину, не смог добиться своей цели и остался внутри круга бедности и несчастий. Автор статьи замечает: «При всех наших симпатиях к героям Ремарка (герою книги «Время жить и время умирать» – прим. Л.Ж.), Хемингуэя, Стейнбека мы видим, что у этих героев безвыходная судьба одиночек, не приобщившихся к общему делу. Нам их искренне жаль, ибо мы знаем, что давно настала эпоха крушения индивидуализма, эпоха, когда все толкает человека на путь организованной борьбы Трудящихся. Вместе с тем нас радует, что писатели глубоко реалистически воссоздают картину страданий и мук человека, опутанного капиталистическим укладом жизни»²⁷⁵.

В статье, посвященной выходу новой книги А.В. Калинина «Суровое поле», главный герой которой, Михайлов, по профессии писатель, также всплывает тема различия западной и советской литературы:

«Однажды к Михайлову заехал давний друг, обкомовский работник Тарасов. Друзья говорили о многом, в том числе и о литературе. Тарасов восхищается «Жемчужиной» Стейнбека («Действительно, жемчужина!»), «Стариком и морем» Хемингуэя, но все-таки эти книги не приносят ему полного удовлетворения – их герои пассивны, они не борцы»²⁷⁶.

В начале 1960-х гг. известный советский актер театра и кино, мим, балетмейстер, педагог А.А. Румнев написал сценарий и поставил на сцене пантомиму по «Жемчужине» Стейнбека, которая впоследствии вошла в классическое наследие отечественной пантомимы²⁷⁷. Благодаря невербальности мимического искусства, этот сценарий, в отличие

²⁷⁴ Там же. С. 19.

²⁷⁵ Герой нашей литературы // Литературная газета. 1957. 14 февраля. С. 2.

²⁷⁶ Бушин В. «И вечный бой!..» // Литературная газета. № 110. 1958. 13 сентября. С. 3.

²⁷⁷ РГАЛИ. Ф. 2721. Оп. 2. Ед. хр. 6. Л. 13-18.

от советских рецензий, посвященных повести Стейнбека, парадоксальным образом оказался максимально близок к авторскому тексту и заложенному в него автором смыслу.

Таким образом, благодаря начавшейся «оттепели», «Жемчужина» Стейнбека была принята в СССР достаточно тепло, встав в один ряд с его лучшими произведениями – «Гроздьями гнева» и впоследствии и с романом «Зима тревоги нашей».

2.3.3. «Открытое письмо президенту Эйзенхауэру» (1956) и «открытое письмо Стейнбеку А. Макарова» (1957)

Своеобразной «интермедией» в этой веренице положительных отзывов о Стейнбеке второй половины 1950-х гг. в советской печати стал отклик на публикацию во второй половине 1956 года в «New York Times» «открытого письма президенту Эйзенхауэру» группой американских интеллигентов и лиц свободной профессии, обратившихся к правительству с требованием «решительного установления мира на Ближнем Востоке» и международного контроля над Суэцким каналом. Одним из подписавших это письмо был Джон Стейнбек.

Заметка, посвященная этому событию, была напечатана в декабрьском номере «Правды». С точки зрения ее автора, В. Боровского, «письмо Эйзенхауэру» повторяет «вздорные измышления американской пропаганды насчет мнимого «советского проникновения» на Среднем Востоке», также «изобилует грубыми выпадами против президента Египетской республики Насера, виновного в том, что он осмелился «провозгласить независимость» своей страны и возглавить ее оборону от агрессоров» и требует установления «американского протектората над этим районом»²⁷⁸.

Советский автор припомнил, что Стейнбек не «выступил со словами возмущения в адрес интервентов, творивших бесчеловечные преступления в Египте», «молчал в дни расправ с маленькой Гватемалой»²⁷⁹, а также во время захвата власти Баттистой в Кубе, войны в Алжире и нападения Англии на Йемен. Советский журналист сравнил подобное поведение Стейнбека и других американских интеллигентов с чеховским пескарем: они, «поддерживая разбойничьи деяния империалистов, приговаривают: «Ничего не поделаешь, батенька! Спасаем мир и цивилизацию...»; в конце статьи автор напоминал, что везде – на Востоке, в Африке, в Латинской Америке – все еще «зреют гроздья гнева»²⁸⁰.

На этот поступок Стейнбека появился отклик и в советской литературной среде. Во втором номере 1957 года «Иностранной литературы» было опубликовано «открытое письмо Джону Стейнбеку» советского критика А.Н. Макарова. Критик подчеркивает

²⁷⁸ Боровский В. Заметки на международные темы: клеветники на службе американского империализма // Правда. 1956. 23 декабря. С. 5.

²⁷⁹ Там же.

²⁸⁰ Там же.

контраст между «колонизаторской» позицией письма Эйзенхауэру – и гуманизмом «маленькой поэмы в прозе» «Жемчужина», только что опубликованной в «Иностранке» (1956 г. № 12). Критик отмечает, что, читая ее, он «снова был потрясен... жестокой правдой и человечностью этой маленького поэмы в прозе», «трагедией народа, ограбленного колонизаторами до нитки», и проникся «чувством святой и справедливой ненависти к колониализму и его апостолам»²⁸¹. Он недоумевает, как мог автор «Жемчужины», «Гроздьев гнева» и антифашистской повести «Луна зашла» такой книги стать подписантом письма Эйзенхауэру, в котором выражены колониаторские претензии американцев на Ближний Восток.

В поисках ответа на вопрос, как это могло произойти, Макаров, однако, не прибегает к обычным филиппикам рубежа 1940-х-1950-х гг. Риторика его письма предваряет новую эпоху 1960-х: «...Я кое-что смыслю в искусстве и понимаю, что человек не может быть полным лицемером в своих художественных творениях, иначе он перестает быть художником. Мне хочется думать, что и Ваша подпись под письмом – как и другие Ваши выступления, проявление Ваших блужданий на сложных перепутьях XX века, ибо выход, подсказываемый самой историей, Вы, как видно отвергаете»²⁸².

Об этом же – творческих «блужданиях» автора и всей американской литературы в 1950-х гг. – будут писать уже после выхода в СССР романа Стейнбека «Зима тревоги нашей», советские критики-«шестидесятники» Р.Д. Орлова и И.М. Левидова.

Макаров же в своем «открытом письме» говорит о конфликте книг и их создателя, в котором книги одерживают верх, оказываясь более «жизнеспособными», более «стойкими к великой битве века, чем создавший их автор»²⁸³.

Эти два упоминания о неприятном для советской стороны проявлении американского патриотизма Стейнбека оказались единственными и в советской прессе конца 1950-1960-х гг.; больше они не встречались, вытесненные другими публикациями об известном писателе, выдержанными в дружелюбной, «оттепельной» манере.

2.3.4. В преддверии 1960-х: советская пресса о Стейнбеке (1957-1960)

В 1957-1958 гг. «потепление» продолжается: советская пресса еще несколько раз прибегала к публикациям Стейнбека, в которых тот критиковал различные частные стороны политики своей страны. Например, в июле 1957 года в «Литературной газете» вышла статья «Кто для США является нежелательным гостем?», которая представляла

²⁸¹ РГАЛИ. Ф. 1573. Оп. 1. Ед. хр. 8750. Л. 5.

²⁸² Там же. Л. 6-7.

²⁸³ Там же. Л. 7.

собой перевод заметки Стейнбека «Игра в гостеприимство», опубликованной в еженедельнике «Saturday Review»²⁸⁴.

Поводом к написанию этой статьи послужила поездка писателя осенью 1957 года в Токио для участия в Конгрессе писателей, организованном международным Пен-клубом. Перед поездкой на Конгресс Стейнбек заинтересовался перспективами проведения такого мероприятия в США, в процессе чего выяснилось, что это невозможно, поскольку в США запрещен или затруднен въезд для многих известных писателей. Как пишет писатель, «для получения отказа не надо быть виновным в преступлении или злодеянии – достаточно быть просто человеком, о котором много говорят»²⁸⁵. Далее в статье Стейнбек составляет список исторических личностей, которым был бы запрещен въезд в страну свободы. В списке оказалось более 50 лиц – от «аморальных» Адама, Давида и Соломона до Вашингтона, Джефферсона и прочих «отцов-основателей». Начав тему, газета продолжает ее в следующем номере: автор помещенной в нем статьи «Друзья и враги мирного сосуществования»²⁸⁶, обличая американский милитаризм, ссылается на только что опубликованную заметку Стейнбека «Игра в гостеприимство».

Кроме того, в июле 1957 года во время заграничной туристической поездки М.А. Шолохова состоялась его встреча с Дж. Стейнбеком, который также проводил свой отпуск в Стокгольме. Беседе двух писателей освещалась практически всеми советскими изданиями в нейтрально-информативном ключе²⁸⁷.

Тем же летом Стейнбек вновь привлек внимание советских рецензентов своим выступлением в журнале «Esquire»²⁸⁸ в защиту своего друга драматурга Артура Миллера, который 31 мая 1957 года был вторично вызван на слушание в Комиссию по расследованию антиамериканской деятельности и приговорен к штрафу в 500 долларов, тридцатидневному аресту, лишению загранпаспорта и «запрету на профессию» из-за отказа назвать коммунистов из театральных кругов. При всем своем неприятии коммунизма и большом нежелании «лезть в политику», Стейнбек, ненавидевший тоталитаризм, оказался единственной знаменитостью, выступившей в защиту драматурга²⁸⁹.

Иностранная комиссия ССП в реферате статей американской печати отметила это событие: «Джон Стейнбек заявил, что процесс над А. Миллером, представляет собой «явную, возникшую сегодня перед нами опасность... Эта опасность угрожает не столько

²⁸⁴ Steinbeck J. A Game of Hospitality // Saturday Review. 1957. April 20. P. 24.

²⁸⁵ Кто для США является нежелательным гостем? // Литературная газета. 1957. 2 июля. С. 4.

²⁸⁶ Друзья и враги мирного сосуществования // Литературная газета. 1957. 13 июля. С. 1.

²⁸⁷ Беседа М. Шолохова с Д. Стейнбеком // Известия. № 156. 1957. 3 июля. С. 3.; Возвращение М.А. Шолохова из заграничной поездки // Правда. 1957. 6 июля. С. 4.; Возвращение М.А. Шолохова из заграничной поездки // Литературная газета. 1957. 6 июля. С. 1.

²⁸⁸ Steinbeck J. The Trial of Arthur Miller // Esquire. 1957. June. P. 86.

²⁸⁹ Benson J. J. The True Adventures of John Steinbeck, Writer: a Biography. P. 722.

Артуру Миллеру, сколько всему нашему изменяющемуся образу жизни... Писатель считает, что от любого человека, предающего своих друзей – а именно этого требовал конгресс от Миллера, заставляя его стать осведомителем – нельзя ожидать преданности родине. Мораль неделима. И наши добродетели начинаются в своем собственном доме. Они не изменяются в зале суда, кроме тех случаев, когда на нас оказывают давление запугиванием»²⁹⁰. На вопрос, как бы поступил он сам, если бы ему пришлось оказаться на месте Миллера, Стейнбек ответил: «Я не знаю, что бы я стал делать... но я хочу надеяться во имя себя и своих детей, что у меня хватило бы храбрости сохранить и защитить свой моральный облик, как это сделал Артур Миллер»^{291, 292}.

В 1960 году в «Saturday Review» вышла статья Стейнбека, посвященная положению негров в США²⁹³, которая была полностью приведена в августовском номере «Литературной газеты»²⁹⁴.

В 1958 году редакция журнала «Иностранная литература» поместила рецензию на новую книгу Стейнбека «Короткое царствование Пипина IV» на основе статей американской периодической печати («Observer» от 26 мая 1957 г., «Bookseller» от 27 мая 1957 г., «Daily Worker» от 30 мая 1957 г.). В целом, это произведение получило неплохие отзывы: так, по словам газеты «Observer», его герои «являются карикатурами на современных буржуазных политиков», а «Daily Worker» писала: «Перед нами новый Стейнбек, а, может быть, это не что иное, как возвращение того Стейнбека, который так восхищал нас своими первыми романами»²⁹⁵.

Осенью 1959 года в «Литературной газете» были опубликованы фрагменты из последней книги Стейнбека «Однажды была война» – сборника его военных очерков со Средиземноморского фронта, на котором он был в качестве корреспондента «New York Herald Tribune» в 1943 году. Как пишет в предисловии к публикации журналист «Литературной газеты», «сборник Джона Стейнбека созвучен нашему времени. Он

²⁹⁰ РГАЛИ. Ф. 631. Оп. 26. Ед. хр. 3903. Л. 58.

²⁹¹ Там же. Л. 58-59.

²⁹² Общий пафос статьи Стейнбека направлен на осуждение процесса попрания человеческих свобод, до сих пор происходящего в Америке, – без сомнения, это крайне интересовало советские органы и приветствовалось в СССР. Между тем, в той же статье имеется фраза, способная свидетельствовать о том, что слушания и следовавшие за ними преследования Комиссией американской интеллигенции писатель отчасти уподоблял сталинистским чисткам и гонениям, которые он никак не думал наблюдать в своей стране и с которыми, он считал, нужно вести такую же борьбу, как с ростом коммунистического влияния в мире. Так, в самом конце заметки Стейнбек приводит правила поведения, которым научил его отец и которые, по его убеждению, не потеряли своей силы и по сей день, и называет среди них: «давать открытый отпор тирании, независимо от того, исходила ли она от хулигана на школьном дворе, от иноземного диктатора или от местного демагога (выд. Л.Ж.)». (Там же. Л. 59).

²⁹³ Steinbeck J. Atque Vale // Saturday Review. 1960. July 23. P. 13.

²⁹⁴ Стейнбек Дж. Так здравствуй же! // Литературная газета. 1960. 20 августа. С. 5.

²⁹⁵ РГАЛИ. Ф. 1573. Оп. 1. Ед. хр. 69. Л. 79-80.

выражает протест писателя против войны, который так близок и понятен многим тысячам его читателей»²⁹⁶.

Тем не менее, несмотря на выход последних «более-менее успешных» книг Стейнбека, в советской прессе и критике сохранялось представление о послевоенном творчестве писателя как об «упадочном». Поэтому большим событием стала публикация в 1958 году монографии исследователя П. Лиски «Широкий мир Джона Стейнбека»²⁹⁷. Посвященная выходу этого труда рецензия А. Кейзина²⁹⁸, отреферированная Инкомиссией ССП открывалась словами, которые передавали отношение советской интеллигенции к творчеству Стейнбека последних лет: «Что случилось со Стейнбеком? Начиная с его первого удачного романа «Tortilla Flat» («Квартал Тортилья-Флэт» – прим. Л.Ж.) все его лучшие произведения увидели свет в тридцатых годах: «В сомнительной схватке», «О мышах и людях», «Большая долина», «Гроздь гнева» <...> Что побудило одного из наиболее талантливых американских писателей обратиться к банальной пропаганде, отмечающей повесть «Луна зашла», к нарочитой манерности «Консервного ряда», милого пустяка, высмеянного впоследствии самим Стейнбеком в издательском фарсе «Благостный четверг»? <...> Что же произошло со Стейнбеком?»²⁹⁹

В 1958 году советский писатель С.П. Злобин подготовил для Иностранной комиссии Союза советских писателей рецензию на статью Кейзина, после чего эта работа получила широкое распространение, и многие советские критики (И.М. Левидова, М.О. Мендельсон) впоследствии часто обращались к ней, рассуждая о причинах упадка позднего творчества Стейнбека.

Отчасти эти мысли повторяет очерк 1961 года Максвелла Гайсмара «Синклер Льюис, забытый герой», напечатанный в «Saturday Review» и упомянутый в «Литературной газете». В этой статье, в частности говорится об «упадке современных классиков»: «Речь идет о творчестве Хемингуэя, Дос Пассоса, Фолкнера, Стейнбека. Очерк выдержан в суровом тоне, порою напоминает инвективу: «Почему никто из них не создал в последнее десятилетие свежей или значительной книги?» Критик объяснял это тем, что писатели, сформировавшиеся в 20-е годы, оказались неспособны сказать серьезное слово о послевоенном мире»³⁰⁰.

Тем не менее, в конце 1950-х гг. количество советских статей, клеймящих Стейнбека за его отступничество от линии «Гроздь гнева», резко снижается и вытесняется

²⁹⁶ Стейнбек Дж. Когда-то была война... // Литературная газета. 1959. 10 октября. С. 4.

²⁹⁷ Liska P. The Wide World of John Steinbeck. – New Brunswick, N.J.: Rutgers University Press, 1958.

²⁹⁸ Kazin A. The Unhappy Man from Happy Valley // New York Times. 1958. May 4. P. 1.

²⁹⁹ РГАЛИ. Ф. 2175. Оп. 5. Ед. хр. 88. Л. 10.

³⁰⁰ Полемика: прошло ли время бунтарей? // Литературная газета. 1961. 11 апреля. С. 4.

упоминаниями имени американского писателя в положительном ключе, с признанием его былых и настоящих заслуг. Об окончательном переломе в отношении к Стейнбеку в СССР могут свидетельствовать публикации нескольких его интервью, которые вышли на рубеже 1950-1960-х гг. и которые демонстрируют интерес к частной жизни писателя, а не к его политическим высказываниям. К примеру, в декабре 1959 года «Литературная газета» поместила интервью американского автора, взятое у него английской газетой «Manchester Guardian»³⁰¹ и содержащее в себе частные детали его характера, его творческого процесса, жизни, никак не связанные с политикой³⁰².

Следующие интервью Стейнбека в советской прессе появились уже в 1961 году – после выхода его романа «Зима тревоги нашей» – события, которое вместе с получением писателем Нобелевской премии в 1962 году знаменует новый этап его взаимоотношений с СССР.

³⁰¹ Weatherby W.J. Big Man from Monterey // Guardian [Manchester, UK]. 1959. Oct 13.

³⁰² Джон Стейнбек о себе // Литературная газета. 1959. 17 декабря. С. 4.

ГЛАВА 3. ТРИУМФ, «ПРЕДАТЕЛЬСТВО» И ЗАБВЕНИЕ СТЕЙНБЕКА В СССР (1961-1968)

Хронологические рамки третьей главы диссертации охватывают два периода. Во-первых, окончание «оттепели», на которое пришелся второй зенит славы Стейнбека в СССР, связанный с получением им Нобелевской премии, выходом его нового романа «Зима тревоги нашей», продолжавшего реалистические традиции «Гроздьев гнева», и третьим приездом писателя в рамках культурного обмена в Советский Союз. Рассмотрению этого периода (1961-1965) посвящена первая часть главы. Второй период, которому посвящена вторая часть главы (1966-1968) носит прямо противоположный характер: участие Стейнбека во вьетнамской кампании полностью дискредитировало писателя в глазах советской общественности и привело к «бойкоту», длившемуся более 15 лет – до рубежа 1970-1980-х гг.

3.1. «Оттепель» в отношениях Стейнбека и СССР (1961-1965)

3.1.1. «Зима тревоги нашей» (1961/1962)

В 1961 году в издательстве «Викинг Пресс» (Viking Press) был опубликован последний роман Дж. Стейнбека «Зима тревоги нашей» (*The Winter of Our Discontent*)³⁰³. В этом произведении писатель вновь целиком обратился к современности и поднял проблему, занимавшую его на протяжении последних лет – «аморальность» американской жизни, которая, по его мнению, давно воспринимается не как недостаток, но как негласно постулируемое в обществе достоинство³⁰⁴.

На эту книгу Стейнбек возлагал большие надежды³⁰⁵, которые отчасти оправдались: так, при присуждении Нобелевской премии секретарь Шведской академии Андерс Остерлинг заявил, что именно роман «Зима тревоги нашей» заставил комитет почувствовать, что Стейнбек «снова обрел свою позицию – независимого и правдивого писателя, с безошибочным чутьем ко всему подлинно американскому – и хорошему, и плохому <...> вернулся к «высокому уровню» “Гроздьев гнева”»³⁰⁶.

³⁰³ Этот роман стал последним оконченным произведением Стейнбека, напечатанным при жизни писателя: незавершенный роман «Деяния короля Артура и его благородных рыцарей» (*The Acts of King Arthur and His Noble Knights*, 1959) был опубликован после его смерти в 1976 году.

³⁰⁴ Об этом он говорит, к примеру, в интервью газете «Die Welt»: «На вопрос, какова тема романа, писатель ответил: «Аморальность». По определению Стейнбека, пишет корреспондент, этот термин означает примерно следующее: стремление получить от жизни больше, чем желание дать ей» (РГАЛИ. Ф. 631. Оп. 26. Ед. хр. 4101. Л. 6.), а также в ряде своих писем конца 1950-х гг., например, письмах Адлаю Стивенсону и Дагу Хаммаршельду (*Steinbeck: A Life in Letters*. P. 651-653).

³⁰⁵ В письме Паскалю Ковичи (июль 1960) он говорил применительно к роману «Зима тревоги нашей»: «Роман — это крупное художественное произведение, имеющее свою форму, свое направление, свой ритм и свою цель. В худшем случае роман должен развлекать читателей, будет лучше, если он сумеет воздействовать на их чувства, но лучше всего, если он станет озарять им путь. Я не знаю, сумеет ли мой роман выполнить хотя бы одну из этих задач, но его цель относится к третьему пункту». (*Steinbeck: A Life in Letters*. P. 676-677).

³⁰⁶ РГАЛИ. Ф. 631. Оп. 26. Ед. хр. 4144. Л. 9.

Тем не менее, американскими критиками этот роман был принят по большей части отрицательно. Как пишет биограф писателя Дж. Бенсон, даже в самых благосклонных к роману Стейнбека рецензиях, например, статье журнала «Atlantic Monthly»³⁰⁷, в заслугу писателю ставилась «не его творческая эволюция как автора, проявившаяся в использовании новых интересных техник для диагностирования текущей нравственной болезни, но то, что эта книга напоминала собой “Гроздь гнева”»³⁰⁸. О речи А. Остерлинга один из известнейших американских журналов «Newsweek» отзывался следующим образом: «Он (А. Остерлинг – прим. Л.Ж.) упустил сказать, что в его собственной стране критики едва ли увидели в «Зиме тревоги нашей» тот возврат к «высоким стандартам» 1930-х годов, который был отмечен Нобелевским комитетом»³⁰⁹.

Тем временем в СССР отношение читателей и критиков к этой книге было совсем другим, во многом прямо противоположным. После окончания длительной партийно-правительственной антиамериканской пропагандистской кампании, в результате которой имя Стейнбека, как и других американских авторов, либо поливалось грязью, либо замалчивалось, и на фоне оттепели известие о выходе нового романа Стейнбека «Зима тревоги нашей» было встречено в СССР с большим интересом. Иностранная комиссия Союза советских писателей, как и в случае с другими произведениями писателя, тщательно просматривала и изучала реакцию на появление этой книги на родине Стейнбека³¹⁰. Особенное внимание в своих отчетах советские рецензенты уделили слабым местам романа, отмеченным американской критикой: например, изначальной слабости и непродуманности фабулы, о которой пишет рецензент «New York Herald Tribune Books» Вирджилия Петерсон³¹¹, или изначальное неверное авторское отношение, из-за которого Стейнбеку не удалось решить поставленные им проблемы, по мнению известного левого журналиста «Saturday Review» Гренвила Хикса³¹².

Параллельно с этим уже в мае 1961 года в «Литературной газете» появляется первое упоминание о романе «Зима тревоги нашей»³¹³. Первый фрагмент из романа был опубликован в «ЛГ» спустя два месяца 29 июля 1961 года³¹⁴.

³⁰⁷ Автор этой статьи отмечает среди достоинств нового романа Стейнбека следующее: «Джон Стейнбек был рожден, чтобы писать о морском побережье, и он делает это с особым вкусом и любовью. Его диалоги полны жизни, его провокация Этана на преступление весьма изобретательна, и моральный аспект этого романа свидетельствует о возвращении мистера Стейнбека к тому настроению и беспокойству, с которым были написаны “Гроздь гнева”». (Weeks, Edward. Review: The Winter of Our Discontent, by John Steinbeck // The Atlantic Monthly. 1961. July. P. 122).

³⁰⁸ Benson J. J. The True Adventures of John Steinbeck, Writer: a Biography. P. 898.

³⁰⁹ РГАЛИ. Ф. 631. Оп. 26. Ед. хр. 4144. Л. 10.

³¹⁰ См. Обзоры литературной жизни США за 1961 г.: РГАЛИ. Ф. 631. Оп. 26. Ед. хр. 4101. Л. 41-43; РГАЛИ. Ф. 631. Оп. 26. Ед. хр. 4102. Л. 1-2.

³¹¹ РГАЛИ. Ф. 631. Оп. 26. Ед. хр. 4102. Л. 1.

³¹² Там же. Л. 2.

³¹³ Стейнбек: делать что-то во имя жизни // Литературная газета. 1961. 25 мая. С. 4.

Перевод романа был выполнен Н.А. Волжиной и Е.Д. Калашниковой летом 1961 года. В ноябре-декабре в «Иностранной литературе» был поднят вопрос о печати романа на страницах журнала. Редколлегией (в которую входили, в том числе, Б.Г. Гафуров, Т.Л. Мотылева, Е.А. Долматовский, М.И. Рудомино, Л.В. Никулин, В.П. Терешкин и Е.Ф. Трущенко) было принято единогласное решение о публикации.

При этом оценка членами редколлегии романа «Зима тревоги нашей» была самой разной. К примеру, в своем отзыве о романе Л.В. Никулин пишет: «Роман будет иметь успех у читателей, я полагаю, понравится мягкий юмор, некоторая увлекательность сюжета, есть даже некоторая идейная глубина – обличение дельцов вроде директора банка Бейкера. По-моему, надо печатать»³¹⁵. В отличие от своего коллеги, Е.А. Долматовский отметил идейную слабость романа, заявив, что «Зима тревоги нашей» Стейнбека – «не лучшая его книга, но она должна быть напечатана. Вероятно, нам следует вслед дать статью на тему “исповедь среднего американца”»³¹⁶.

Самый обстоятельный отзыв о романе, его содержательном и художественном аспектах оставила Т.Л. Мотылева. В своей заметке рецензент отметила: «Новый роман Джона Стейнбека – значительное и интересное явление в современной американской литературе. Повествуя о будничной жизни провинциального города, о повседневных невзгодах и психологических перипетиях, приводящих продавца-бакалейщика Итена Хоули к тяжелому внутреннему надлому и конечной катастрофе – Стейнбек ставит под сомнение самые основы (выд. Т.Л. Мотылевой – Л.Ж.) «американского образа жизни». <...> Мы читаем о том, как хороший, неиспорченный от природы человек, горячо любящий жену и детей, честно служивший в армии во время войны и привыкший жить согласно велениям совести – жестокою логикою американского буржуазного общества вынужден стать подлецом, стяжателем, доносчиком: на этом пути перед Итенем Хоули могут открыться, и действительно открываются, перспективы богатства и почетной политической карьеры»³¹⁷.

На примере этого отзыва видно, что рецензент видит достоинство этого произведения не в обобщенно-нравственном, но в узко идеологическом ракурсе – как романа, ниспровергающего «самые основы "американского образа жизни"», капиталистической системы. Подобная оценка романа, встречающаяся и в ряде других рецензий, вызывает в памяти советское прочтение «Гроздьев гнева» исключительно как антикапиталистического романа, утверждающего неизбежный приход мировой пролетарской революции.

³¹⁴ Джон Стейнбек: За чашкой чая // Литературная газета. 1961. 29 июля. С. 4.

³¹⁵ РГАЛИ. Ф. 1573. Оп. 3. Ед. хр. 139. Л. 50.

³¹⁶ Там же. Л. 45.

³¹⁷ Там же. Л. 48.

Тем не менее, в рецепции обоих романов в Советском Союзе имеется весьма существенное различие. Его прекрасно иллюстрируют две крупные научно-исследовательские работы, вышедшие вскоре после публикации романа «Зима тревоги нашей» в СССР³¹⁸: статьи Р.Д. Орловой «Деньги против человечности. Заметки о творчестве Джона Стейнбека» (опубл. в «Иностранной литературе», 1962 г., после последних глав романа, а также в качестве послесловия к отдельному изданию романа, вышедшему в Издательстве иностранной литературы в 1962 г.) и И.М. Левидовой «Послевоенные книги Джона Стейнбека» (опубл. в журнале «Вопросы литературы», 1962 г.).

Р.Д. Орлова пишет о Джоне Стейнбеке, как «глубоко противоречивом писателе, противоречивом, как и формировавшая его действительность»³¹⁹. Между тем, в его разнородном творчестве она видит сквозную линию, проходящую через все произведения писателя – «деньги против человечности». По мнению рецензента, эта тема является основой и последнего романа – «старая и не стареющая коллизия американской действительности и американской литературы. Старая и не стареющая тема, лейтмотив творчества Джона Стейнбека»³²⁰.

И.М. Левидова также считает, что Стейнбек – «это человек единого (разумеется, развивающегося, и не всегда поступательно) взгляда на жизнь»³²¹. Стержень, объединяющий произведения писателя послевоенной поры, исследователь видит в его «раздумьях об индивидуальной моральной ответственности человека в борьбе между добром и злом» Эта «тема ответственности» прямо соотносится со стейнбековской темой «деньги против человечности», обозначенной Р.Д. Орловой.

Оба критика подробно останавливаются на сюжете и на центральной идее – положении человека, не вписывающегося в нормы окружающего мира и совершаемом им выборе в рамках господствующей системы. С точки зрения Р.Д. Орловой, главный герой «все время задает себе вопрос Раскольникова, перекроенный на современный американский лад: могу ли я приспособиться, принять господствующие – волчьи законы?»³²². И.М. Левидова также пишет, что целью неправдоподобного допущения, положенного автором в основу романа, было стремление раскрыть «трудную судьбу честных и лишенных долеяческой «жилки» людей в обществе, где залогом материального процветания

³¹⁸ Роман «Зима тревоги нашей» был опубликован в первых трех выпусках «Иностранной литературы» (январь-март) за 1962 год. В том же году вышли отдельные версии книги: издание серии «Роман-газета» (выпуск №15) и книжное издание Издательства иностранной литературы.

³¹⁹ Орлова Р.Д. Деньги против человечности (Заметки о творчестве Джона Стейнбека) // Иностранная литература. 1962. №3. С. 197.

³²⁰ Там же. С. 198.

³²¹ Левидова И.М. Послевоенные книги Джона Стейнбека // Вопросы литературы. 1962. №8. С. 124.

³²² Орлова Р.Д. Деньги против человечности. С. 197.

является способность наиболее эффективно использовать своих ближних в своих собственных интересах»³²³.

Несмотря на то, что оба исследователя в своих статьях повторяют, что объектом критики писателя является исключительно американское капиталистическое общество и присущая именно этой системе аморальность, не подлежит сомнению, что рецензенты видят ценность этого романа в рассмотрении проблем, важных и актуальных не только для американского, но и для советского общества и акцентируют внимание на этической составляющей романа.

Приведенные статьи наглядно демонстрируют, что роман «Зима тревоги нашей», опубликованный в СССР в 1962 г., на закате «оттепели», говорил советским читателям, и в первую очередь интеллигенции, об их собственном положении в стране и о непросто́м поиске компромисса между тем, что представляется верным, нравственным, и что навязывается извне; эта книга была близка их собственным «раздумьям об индивидуальной моральной ответственности человека в борьбе между добром и злом»³²⁴. Об этом поиске и утверждении иных ценностей, отличных от общепринятых, диктуемых окружающим миром, пишет Р.Д. Орлова: «Приказчик бакалейной лавки достигает богатства, но оказывается, что оно ему совсем не нужно, а нужно другое. Нужно вернуться к себе самому, вернуться к человеку»³²⁵. Эта «вывернутость понятий», о которой говорит Р.Д. Орлова, была присуща не только «буржуазной действительности», но и советской.

Однако выразить подобную точку зрения напрямую советскому исследователю даже в «оттепельное» время по-прежнему не представлялось возможным, в связи с чем обсуждение романа велось исключительно на американском «поле» и с помощью привычных со времен «Гроздьев гнева» (и еще ранее) клише, таких, как «критика буржуазной цивилизации», «аморализм основ капиталистической цивилизации», «обличение капиталистической системы», «бескомпромиссное осуждение буржуазной морали» и др.

В СССР этот роман неслучайно пользовался большим успехом; ощущалась его созвучность духу и настроениям оттепели – прежде всего, в переносе акцента с классовой на нравственную проблематику. «Зима тревоги нашей» была признана романом писателя, «который не может и не хочет отворачиваться от зла и горя, еще наполняющих мир, и неугасимой любовью ко всему живому»³²⁶, по-прежнему борющегося за человека против всего, что калечит его тело и душу.

³²³ Левидова И.М. Послевоенные книги Джона Стейнбека. С. 139.

³²⁴ Там же. С. 130.

³²⁵ Орлова Р.Д. Деньги против человечности. С. 208.

³²⁶ Левидова И.М. Послевоенные книги Джона Стейнбека. С. 142.

В целом, в 1960-х гг. роман «Зима тревоги нашей» был принят в СССР очень тепло. Е.А. Евтушенко в статье «Выдержанное вино из “Гроздьев гнева”» прямо говорит о большом внимании к этой книге культурных слоев СССР тех лет: «Вся интеллигенция России тогда зачитывалась недавно переведенным романом Стейнбека «Зима тревоги нашей», печатавшимся с продолжениями в журнале «Иностранная литература», у которого было триста-четыре тысячи подписчиков»³²⁷.

Критика писала о том, что новый роман Стейнбека не уступает по художественной силе «Гроздьям гнева». И когда, спустя год, в 1963 году нобелевский лауреат Джон Стейнбек в рамках культурного обмена приехал в Советский Союз, он был удивлен не только огромными тиражами его книги (300 тыс. экз.), за которые он как автор мог получить лишь установленную законом сумму в 1000 рублей, но и тем, что на сценах нескольких столичных театров вскоре должна была появиться постановка «Зима тревоги нашей»³²⁸ и одноименный телеспектакль, снятый ленинградским режиссером Р.А. Сиротой с И.М. Смоктуновским в главной роли³²⁹.

Во время посещения репетиции «Зимы» в МХТ им. Чехова жене Стейнбека, Элейн, показалось, что «они (русские – Л.Ж.) направили содержание книги Джона в русло марксистского толкования американской истории. Она попыталась донести свой протест до постановщиков пьесы, что в свою очередь повлекло за собой долгую дискуссию – весьма странную в этих условиях – о значении “Зимы”»³³⁰. Эта ремарка о состоявшейся долгой дискуссии между труппой МХТа и американским писателем представляется весьма интересной еще и потому, что говорит о желании и готовности актеров, изображавших в спектакле МХТ персонажей Стейнбека – американцев, но отчасти и самих себя, отстаять свое понимание этой книги здесь, в СССР, даже против мнения ее автора, что тоже ярко свидетельствует об «оттепельном» настроении эпохи.

³²⁷ Евтушенко Е.А. Выдержанное вино из «Гроздьев гнева». С. 51.

³²⁸ Увидев случайным образом на афише МХТ свое имя и объявление о том, что в настоящее время идут репетиции к спектаклю «Зима тревоги нашей», Стейнбек был ошарашен. По словам его биографа Дж. Бенсона, «Стейнбек объяснил, что такой пьесы не существует, но они сказали, что сделали ее. “Вы хотите сказать, - взревел Джон, - что ваши сукины дети не только украли мою книгу, но украли мою книгу и сделали пьесу из нее?”» (Benson J. J. The True Adventures of John Steinbeck, Writer: a Biography. P. 931).

В письме Элизабет Отис он сообщает об этом инциденте в более примирительном ироническом тоне: «Сообщи Анни Лори, что сценическая версия «Зимы» уже ставится на подмостках Московского художественного театра. Было бы забавно перевести ее и попробовать ее в Нью-Йорке. Вот было бы надувательство, не так ли?» (Steinbeck: A Life in Letters. P. 780-781).

³²⁹ По сообщению газеты «Правда»: «Премьера телевизионного фильма «Зима тревоги нашей», созданного местной студией, собрал у экранов весь театральный Ленинград. Накануне премьеры фильм был как бы авторизован самим Джоном Стейнбеком, который после просмотра фрагментов заявил, что ему очень понравилась игра артистов. В новом телевизионном фильме снимались ведущие актеры ленинградских театров». (Новости культурной жизни // Правда. 1963. 15 ноября. С. 4).

³³⁰ Benson J. J. The True Adventures of John Steinbeck, Writer: a Biography. P. 931

В этих обстоятельствах представляется еще более примечательной запись, сделанная Стейнбеком в первые дни его приезда в Москву в письме Элизабет Отис: «Я спросил у одного из писателей, почему «Зима...» так здесь популярна, и он ответил, что, возможно, это потому, что проблема эта здесь не безызвестна»³³¹. Возможно, именно эта «небезызвестность» «здесь», в СССР, проблемы нравственного выбора между благополучием и честностью, между жизнью «как у всех» и жизнью по совести, и стала причиной столь радушного приема книги «Зима тревоги нашей» в Советском Союзе.

Таким образом, как и в случае с повестью «Луна зашла», последний роман Стейнбека, цель которого была призвать американских читателей «посмотреть вокруг себя и заглянуть в собственную душу, так как в этом романе рассказано о том, что происходит сегодня почти во всей Америке»³³², оказался понят и принят гражданами совсем другой – советской – страны, для которых эта книга оказалась сродни веянию свежего ветра, пробившегося из-за железного занавеса, «соприкосновению с чем-то чистым, нетронутым, неоскверненным»³³³, а также зеркалом, в отражении которого они увидели не только проблемы лонг-айлендского бакалейщика и его семьи, но свою собственную жизнь.

3.1.2. Приезд в СССР (осень 1963)

В октябре 1963 г. Джон Стейнбек, будучи уже не только всемирно известным писателем, но и лауреатом Нобелевской премии, в третий раз посетил Советский Союз. На этот раз в страну Советов он приехал в рамках программы культурного обмена, инициированного американским Госдепартаментом (по предложению президента Дж. Ф. Кеннеди) и Союзом советских писателей, и вместе с женой Элейн и драматургом Эдвардом Олби в течение почти тридцатидневного пребывания (с 15 октября по 14 ноября 1963 г.) посетил Москву, Киев, Ереван, Тбилиси, Ленинград.

Непосредственно перед поездкой известный теле- и радиожурналист Эдвард Р. Марроу³³⁴, в то время директор Информационного агентства США, рассказал Стейнбеку о своих собственных впечатлениях в Советском Союзе и посоветовал писателю не быть слишком вежливым, но вместо этого «поднять столько шума, сколько это будет возможно», поскольку, с точки зрения журналиста, советский народ склонен симпатизировать людям, откровенно высказывающим свое мнение³³⁵.

³³¹ Steinbeck: A Life in Letters. P. 780.

³³² Стейнбек Дж. Зима тревоги нашей // Собрание сочинений: в 6 т. Т. 6. – М.: Правда, 1989. – С. 4.

³³³ Там же. С. 44.

³³⁴ Эдвард Р. Марроу (Edward R. «Ed» Murrow, 1908-1965) – один из основоположников американского теле- и радиовещания. Получил известность благодаря репортажам из Лондона во время Второй мировой войны, также один из активных участников борьбы за свободу слова и мысли во время маккартизма.

³³⁵ Benson J. J. The True Adventures of John Steinbeck, Writer: a Biography. P. 926.

Для самого Стейнбека это был также не первый опыт знакомства с СССР, и, с его слов, предыдущие два приезда в СССР в 1936 и 1947 гг. не оставили у него хороший впечатлений³³⁶. Так, в последовавшем после возвращения Стейнбека и Олби на родину интервью «Голосу Америки» 20 января 1964 года Стейнбек рассказал о своих впечатлениях от этой и других поездок: «Моя первая поездка в СССР совпала с тяжелым периодом расправы Сталина с военными руководителями – расстрел Тухачевского и др. В 1947 году я наблюдал там второй период сталинского безумия. В то время беседа с иностранцами без разрешения МИДа считалась преступлением»³³⁷.

Тем не менее, в 1963 г. Стейнбек ждал новую поездку в Советский Союз с большим нетерпением. В письме Лесли Брэди, атташе по культуре в посольстве США (13 мая 1963 г.), он пишет: «И все же я хочу ехать. Я должен ехать. Хотя бы потому, что теперь молодые советские писатели, экспериментаторы не так запуганы, как ранее. И это только одно из многих изменений, происшедших в этой стране с 1947 г. Другое – это перестройка сознания и появление нового поколения, которое не помнит ни войну, ни тяжелый гнет Сталина. Так что ради себя самого, я должен ехать»³³⁸.

В заявке Стейнбека, направленной американской стороной в Союз советских писателей, целью его поездки значилось «знакомство с советской культурой, литературой, искусством; встречи с писателями, творческой интеллигенцией, молодежью»³³⁹. В данном случае позиция Стейнбека и американских властей полностью совпала в своем стремлении «прорвать советский информационный блок, посеять там столько правды о Западе, сколько это будет возможно, и показать, что американцы не монстры, что они не только заняты добыванием денег, но и проявляют большое внимание к искусству и, более того, вольны сколько угодно критиковать свое государство и правительство – даже за границей»³⁴⁰.

В 1963 году отношение к программе культурных обменов советской стороны было вполне определенным: все прибывавшие в СССР американские писатели (неприменно прогрессивного толка) являли собой потенциальных ретрансляторов на Западе «настоящей» советской жизни, в которой царит мир и благоденствие, люди довольны своим государством и свободны в речах и поступках. С этой целью пребывание иностранных писателей в СССР было четко урегулировано и находилось в полном ведомстве ответственных лиц с советской стороны: от предоставления писателям не отходящего от

³³⁶ РГАЛИ. Ф. 631. Оп. 26. Ед. хр. 4191. Л. 7.

³³⁷ Там же. Л. 21.

³³⁸ Steinbeck: A Life in Letters. P. 769.

³³⁹ РГАЛИ. Ф. 631. Оп. 26. Ед. хр. 4178. Л. 1.

³⁴⁰ Benson J. J. The True Adventures of John Steinbeck, Writer: a Biography. P. 940.

них ни на шаг переводчика до организации всех звеньев программы, включая завтраки, обеды и ужины в компании проверенных людей со стойкой партийной позицией.

В отношении Стейнбека также была составлена подобная программа, учитывавшая пожелания самого писателя, предварительно высказанные им в памятной записке госдепартамента и переданные затем через 2-го секретаря американского посольства Питера Бриджеса. К примеру, первый день писателя, проведенный в Москве, должен был включать: 10:30-12:00 – визит в Посольство США, 12:00-13:00 – общее обсуждение программы в Секретариате Правления СП СССР (Чаковский, Межелайтис, Абдумомунов, Чугунов, Романова), 13:00-14:30 – обед писателя в ЦДЛ (Чаковский, Романова), 15:00-17:00 – прогулку в машине по городу и отдых³⁴¹.

Однако уже на первом этапе приезда Стейнбека советская сторона была вынуждена пойти на некоторые уступки писателю. В первую очередь это касается приезда вместе со Стейнбеком жены писателя – Элейн (что не соответствовало высказанному секретарем Правления Союза писателей СССР А. Сурковым в начале 1963 г. пожеланию о приезде американских писателей без жен)³⁴² и малоизвестного в СССР драматурга Эдварда Олби. Олби принадлежал к другому поколению, и благодаря этому, а также своему не столь высокому статусу в советской среде, имел больше возможностей для общения со своими сверстниками – советскими писателями-диссидентами.

Кроме того, уже в первые дни визита Стейнбека назрел конфликт, который мог поставить под угрозу всю программу пребывания писателя в СССР: автор «Гроздьев гнева» изъявил желание, чтобы американский дипломат П. Бриджес сопровождал его в его поездке не только по российской и украинской части Советского Союза, но и на юг страны – в Грузию и Армению, что было невозможно без долгого предварительного согласования. Как позднее писал об этом в своих воспоминаниях П. Бриджес, это произошло потому, что «в 1948 году (он ошибочно упоминает 1948 год, хотя предыдущий визит Стейнбека состоялся в 1947 году. – Л.Ж.) в СССР его использовали, и он не хотел, чтобы это повторилось вновь»³⁴³; он надеялся, что присутствие русскоговорящего человека из американского посольства сможет в какой-то мере обезопасить его от этого. Поэтому 21 ноября на встрече в Иностранной комиссии Союза советских писателей Стейнбек заявил, что если ему не пойдут навстречу, то он откажется от этой части программы: «Если представителю моего государства не доверяют, то нет никаких оснований доверять мне, поскольку я тоже являюсь представителем своего государства, и даже, если хотите, в известной мере

³⁴¹ РГАЛИ. Ф. 631. Оп. 26. Ед. хр. 4178. Л. 3.

³⁴² РГАЛИ. Ф. 631. Оп. 26. Ед. хр. 148. Л. 22.

³⁴³ Bridges P. A Note on Steinbeck's 1963 Visit to the Soviet Union // Steinbeck Review. 2007. Spring. 4.1. P. 82.

Государственного департамента, поскольку я совершаю эту поездку по официальному соглашению, подписанному Госдепартаментом. К тому же такие случаи постоянно имеют место у меня на родине, и я всегда встаю против этого. Я не намерен изменять своим правилам, где бы то ни было. Можете считать мою поездку на юг отмененной в случае, если Питеру Бриджесу будет в ней отказано»³⁴⁴. В записи этой беседы отмечено, что данное заявление было сделано «очень решительно, в ультимативной форме»³⁴⁵.

Необходимо понимать, что сама постановка такого рода вопроса была из ряда вон выходящей – как для ситуации 1963 года, так и 1947 года. В прошлый приезд во время путешествия Стейнбека и Капы по СССР не смогли состояться очень многие запланированные американцами мероприятия. В 1963 году П. Бриджесу в итоге была предоставлена возможность выехать вместе со Стейнбеком в упомянутые города, и это в общем-то оправдало надежды Стейнбека на то, что его будут «меньше использовать» в этой поездке: так, как пишет Дж. Бенсон, когда при переводе ответов Стейнбека его собеседникам переводчица писателя – Фрида Лурье – опускала какие-то его фразы, Бриджес ее поправлял и просил осуществить перевод фразы Стейнбека до конца; также он самостоятельно доводил до сведения Стейнбека все опущенные переводчицей нюансы значений русских слов³⁴⁶.

Впечатления писателя от пребывания в Советском Союзе во время этой поездки также были далеко неоднозначными. В первые дни своего приезда Стейнбек, взглядываясь в ряды отстроенных домов, обилие парков и более приветливые, спокойные лица людей на московских улицах, замечает в этом приметы «оттепели». На третий день своего пребывания в Москве он пишет литературному агенту Элизабет Отис: «Должен сказать тебе, что оттепель здесь очень явственна. Ты можешь почувствовать ее везде. Я теперь здесь снова за своего. Все вернулось к исходной точке»³⁴⁷.

Примером такого поворота к «оттепели» является обед, организованный для Стейнбека Ильей Эренбургом, на котором также присутствовали диссиденты Р.Д. Орлова и Л.З. Копелев. Об этой встрече Стейнбек впоследствии писал Э. Отис: «Прекрасный обед и много хороших разговоров. Здесь даже не стоит вопроса, есть ли оттепель на самом деле, люди – по крайней мере интеллектуалы – говорят свободно почти на все возможные темы, хотя, конечно, не имея опыта жизни во внешнем мире, они довольно ограничены в каких-то своих оценках»³⁴⁸.

³⁴⁴ РГАЛИ. Ф. 631. Оп. 26. Ед. хр. 4178. Л. 7-8.

³⁴⁵ Там же. Л. 8.

³⁴⁶ Benson J. J. The True Adventures of John Steinbeck, Writer: a Biography. P. 929.

³⁴⁷ Steinbeck: A Life in Letters. P. 780.

³⁴⁸ Ibid. 781.

Однако, по воспоминаниям писателя-шестидесятника Анатолия Гладилина, в 1963 г. ко времени приезда Стейнбека в СССР, эпоха либерализма уже подошла к концу, хотя советские писатели не были ни арестованы, ни высланы за границу и еще надеялись на какие-то изменения. Сам Стейнбек, чем дольше длилось его пребывание в Советском Союзе, все отчетливее ощущал привкус искусственности, сквозящий в речах людей, без конца поднимавших бокалы за «советскую власть» и следивших за реакцией американского гостя. К примеру, близко общавшийся с писателем во время его приезда в 1963 г. Евгений Евтушенко замечает, что «в поведении Стейнбека под шумной внешне раскованностью чувствовалась некоторая недоверчивая настороженность к проявлению восторженных чувств по отношению к нему – он подозревал в этом некую «организованность энтузиазма»³⁴⁹.

И, чем дольше длилась программа визита Стейнбека в СССР, тем чаще он имел возможность увидеть другую сторону советской жизни, тем сильнее в нем рос скепсис по отношению к политике действующей в стране Советов власти. Примером тому могут служить встречи Стейнбека с сотрудниками газеты «Известия», украинскими писателями, авторами журнала «Юность» и др. – на всех мероприятиях американский писатель пытался пообщаться с рядовыми сотрудниками, в первую очередь молодыми людьми, в которых видел возможность иного взгляда на СССР, на жизнь, однако в силу разных причин встречал в них покорное молчание и был вынужден вести фактически диалог с их председателями (А.И. Аджубеем, А.Е. Корнейчуком, Б.Н. Полевым).

Встреча Стейнбека с советскими писателями в редакции «Юности». Одним из самых показательных примеров подобных взаимоотношений советских писателей и Стейнбека служит эпизод, произошедший во время встречи Стейнбека с молодыми авторами журнала «Юность». Стейнбек лично настаивал на этой встрече, будучи наслышанным о ряде молодых советских поэтов и писателей, чье творчество характеризовалось свежим, современным взглядом на жизнь, во многом дерзким и независимым от установки властей.

Джексон Дж. Бенсон, биограф писателя, пишет, что Стейнбека в редакции «Юности» встретил главный редактор журнала Б.Н. Полевой. Он представил писателя группе постоянных сотрудников издания, включая В.П. Аксенова, В.С. Розова, Е.А. Евтушенко, А.Т. Гладилина, Б.А. Ахмадулину и др. Как только они сели за «стол переговоров», Стейнбек попытался (как он позднее напишет об этом в записях, сделанных во время поездки) вовлечь их в разговор о бунте и тех нововведениях, которыми характеризовалось творчество молодых писателей. Однако, как отмечает его биограф, «никто не говорил

³⁴⁹ Евтушенко Е. Выдержанное вино из «Гроздьев гнева». С. 51.

много, и он заметил, что присутствие Полевого действовало на них угнетающе. Наконец, Белла Ахмадулина сказала с каким-то сарказмом, что на самом деле все не так просто и, что бы Стейнбек ни подумал из их молчания, ее товарищи – люди храбрые и бесстрашные»³⁵⁰.

С советской стороны Анатолий Гладилин рассказывает, что перед той встречей Полевой по очереди вызывал к себе писателей и просил их быть осторожными, потому что Стейнбека непременно будет сопровождать человек из посольства, и если они не хотят закрытия журнала, то ради него, Полевого, пусть сдерживаются, не обращают внимания на провокационные вопросы, которые, несомненно, будут. В итоге все авторы дали главному редактору обещание «сдерживаться» и на протяжении всей встречи были связаны им. Гладилин по этому поводу пишет: «Мы знали, что создаем впечатление идиотов, но мы не могли пойти на поводу у этих издевок. Мы были не вправе подвести журнал, мы дали слово»³⁵¹.

Евгений Евтушенко в статье «Выдержанное вино из “Гроздьев гнева”» также описывает всю трагикомичность создавшегося положения. По его словам, Стейнбек около часа «ругал в хвост и в гриву собственное правительство, американское общество, прессу, а потом, наконец, остановился, перевел дух, вытер вспотевший лоб платком и подбадривающе подмигнул нам:

– Ну, я выложил вам то, что мне не нравится в моей стране. Теперь ваш черед – что вам не нравится в вашей? А ну, волчата, покажите зубы!

А волчата, то есть мы, смущенно переглядывались, краснели, пыхтели, нелепо улыбались, но никаких зубов не показывали, как будто, потеряв молочные, не отрасли новых...»³⁵².

В своих воспоминаниях все авторы отводят особое место ответу, который дала Стейнбеку молодая Белла Ахмадулина. А. Гладилин пишет, что посреди затянувшегося молчания Ахмадулина встала и от своего имени объяснила Стейнбеку, что есть разница между ним и нами: «он может говорить все, что угодно, а мы этого не можем себе позволить, и что если господин Стейнбек этого не понимает, то это его недостаток воспитания или образования. И он это понял. И совсем по-другому посмотрел на нее и на нас»³⁵³.

Евтушенко также сообщает любопытные детали этого разговора. По его словам, Стейнбек сам остановил свой взгляд на девушке, бывшей явно не в лучшем расположении

³⁵⁰ Benson J. J. The True Adventures of John Steinbeck, Writer: a Biography. P. 941.

³⁵¹ В своей книге Дж. Бенсон приводит адресованное ему письмо А. Гладилина с воспоминаниями об этом случае (Ibid. P. 942).

³⁵² Евтушенко Е. Выдержанное вино из «Гроздьев гнева». С. 51.

³⁵³ Гладилин А. Памяти Беллы // Российская газета. 2010. 29 ноября. С. 9.

духа, и поинтересовался, в чем причина ее грусти, если ей все нравится в «вашей самой замечательной, самой безукоризненной, самой уникальной стране без малейшего, даже очаровательного, недостатка?». На это незамедлительно последовал ответ Ахмадулиной: «У меня права отобрали, мистер Стейнбек, – поэтому я такая грустная». Хотя переводчица перевела слово «права» буквально (driver's license), представитель американского посольства тут же объяснил писателю, что русское выражение «отобрать права» имеет и другой смысл – «отнять права человека» (human rights)³⁵⁴.

Сама же Ахмадулина в своих воспоминаниях акцентирует внимание не на политической подоплеке этого события, а именно на воспоминании, воссоздании личного прошлого писателей-шестидесятников, для которых встреча с классиком американской литературы стала важной частью общей истории их поколения. В ахмадулинском портрете Стейнбека в первую очередь проступает ее собственное отношение к нему, ее восхищение писателем («Я восхищалась им. <...> Стейнбек говорил так умно, так смешно. Большое впечатление на меня произвел»³⁵⁵) и некоторое отчуждение. Касательно самой встречи она сообщает, что в тот день она действительно лишилась прав и потому на встречу с писателем опоздала. По мнению поэтессы, Стейнбек мгновенно оценил ее ответ, «понял, что не все так просто, что молодые волки, которые должны быть яростными, смелыми, неугодливыми, вовсе не свободны и права у них – только автомобильные...»³⁵⁶.

Позднее об этом эпизоде Евтушенко вспомнит в открытом стихотворном письме Стейнбеку, написанного по случаю поддержки последним войны во Вьетнаме (1966)³⁵⁷.

Важно отметить, что эта встреча оказала столь серьезное воздействие на каждого из ее участников, что редактор журнала Борис Полевой спустя год направил Стейнбеку письмо, в котором сообщил, что после их «весьма “вежливой” беседы ребята и девушки из журнала «Юность» окружили меня в некотором замешательстве и упросили передать Вам их извинения и сожаления за то, что события сложились таким образом»³⁵⁸. В том же письме Полевой объяснил причину скованности молодых писателей – присутствие дипломата, который, хотя «был хорошим и приветливым человеком, все равно оставался дипломатом»³⁵⁹. В конце письма Полевой выразил надежду, что Стейнбек вновь вернется с визитом в СССР, и тогда они вновь увидятся и на этот раз – без третьих лиц.

С другой стороны сохранился официальный отчет об этой встрече, предназначенный для ЦК КПСС и выполненный присутствовавшей на этом мероприятии референтом

³⁵⁴ Евтушенко Е. Выдержанное вино из «Гроздьев гнева». С. 51.

³⁵⁵ Мессерер Б. Промельк Беллы // Октябрь. 2013. № 8. С. 129.

³⁵⁶ Там же.

³⁵⁷ Евтушенко Е. Письмо Джону Стейнбеку: Стихи // Литературная газета. 1966. 7 июля. С. 4.

³⁵⁸ РГАЛИ. Ф. 631. Оп. 26. Ед. хр. 4240. Л. 9.

³⁵⁹ Там же.

Иностранной комиссии ССП, переводчицей Стейнбека, Ф.А. Лурье. В своем отчете о пребывании американского писателя в СССР она отметила, что «контакт с аудиторией у Стейнбека <...> не установился»³⁶⁰, поскольку в ответ на провокативные выпады Стейнбека, члены редколлегии журнала «Юность» (среди которых она называет критика Л. Лазарев, писателей В. Аксенова, А. Гладилина, Б. Ахмадулину) «выступили с защитой морально-этических принципов советской литературы»³⁶¹.

Встреча в редакции журнала «Юность» продемонстрировала особенности положения советских писателей-шестидесятников, их общей «юности» на фоне уходящей хрущевской «оттепели». С другой стороны, эта встреча стала важной частью «советского опыта» Стейнбека, яркой страницей в истории его взаимоотношений с СССР.

В своих отчетах по окончании своей поездки в СССР Стейнбек выделял молодую советскую интеллигенцию, которая «нашла в себе мужество встать против указаний Кремля»³⁶². Путешествовавший вместе со Стейнбеком драматург Эдвард Олби в интервью газете «New York Times» так описал настроение молодых авторов: «Эти писатели едко подшучивают над консерваторами, своими оппонентами в среде советских писателей, но, когда беседа грозит затронуть трудности их жизни, они попросту улыбаются или укрываются за иронией. Они не в состоянии депрессии, они не оптимистичны – они ироничны. <...> Я не могу не повторить это слово «ироничны»³⁶³.

Встреча Стейнбека с В. Некрасовым в Киеве. Подобная история еще до встречи в редакции «Юности» произошла и с другим советским писателем-диссидентом, находившимся в то время в опале – В.П. Некрасовым. Как сообщал в своих воспоминаниях о Некрасове писатель Г.И. Кипнис, 1963 г. – время приезда Стейнбека в СССР – «был тяжелым для Виктора Платоновича: в январе появилась в «Известиях» недоброй памяти реплика «Турист с тросточкой», в марте — яростные нападки из Москвы лично главы государства, самого Никиты Сергеевича, в апреле в здании Верховного Совета Украины состоялся республиканский актив, на котором Некрасову угрожал первый секретарь ЦК Подгорный, а как раз в дни, когда у нас находился Стейнбек, автора «В окопах Сталинграда» прорабатывали на уровне киевского горкома и Ленинского райкома партии»³⁶⁴.

В официальную «свиту», состоявшую из «больших и малых» украинских писателей, окружавшую Стейнбека во время его приезда в Киев, Некрасова, конечно, не включили. Но

³⁶⁰ РГАЛИ. Ф. 631. Оп. 43. Ед. хр. 195. Л. 35.

³⁶¹ Там же.

³⁶² РГАЛИ. Ф. 631. Оп. 26. Ед. хр. 4191. Л. 7.

³⁶³ Там же. Л. 16.

³⁶⁴ Кипнис Г.И. Как приезжал к нам Джон Стейнбек // Киевские новости. 1994. 22 апреля. С. 8.

Стейнбек, по словам А.Г. Полянкера, еще в США ознакомившийся с впечатлившим его эссе Некрасова об Америке «По обе стороны океана»³⁶⁵, а также получивший в Москве от Эренбурга напутствие встретиться в Киеве с автором «В окопах Сталинграда», твердо выражал украинским организаторам поездки свое намерение увидеться с Некрасовым и несколько раз получал от них ответ: «вы не можете увидеть его, потому что он болен; вы не можете увидеть его, потому что его нет в городе; вы не можете увидеть его, потому что он находится в середине своей работы над книгой»³⁶⁶.

Однако памятное свидание двух писателей все-таки состоялось. И, как в случае со встречей Стейнбека с молодыми авторами в редакции «Юности», сохранилось несколько версий произошедшего с советской и американской стороны.

Суть их сводилась к одному: во время торжественного приема Стейнбека, проходившего в огромном зале Союза советских писателей под председательством его бывшего главы А.Е. Корнейчука (также принимавшего у себя Стейнбека и Капу в 1947 году), Стейнбек отказался продолжать разговор до тех пор, пока не увидит Некрасова. По словам И.Л. Дегена, у которого в этот день гостил писатель, «в тот вечер в зале царил траурная атмосфера. Более часа хозяева и официальные гости сидели в напряженном состоянии, а «невоспитанный» Стейнбек не желал ни с кем общаться, пока не встретится с Некрасовым»³⁶⁷.

Некрасова, который жил в одном доме с Корнейчуком и был, разумеется, в добром здравии и свободен от дел, в результате пришлось искать по всему Киеву: из дома И.Л. Дегена (куда за писателем буквально через полчаса после его ухода явился чиновник в штатском) Некрасов отправился провожать кого-то в аэродром, а, вернувшись домой, был пойман сначала по телефону, а после лично – неким «Игорем» из Союза советских писателей, заведовавшим иностранными гостями, который и доставил его на машине на прием к Стейнбеку. Как рассказывал позднее сам Некрасов в передаче на радио «Свобода», «запыхавшийся Игорь сообщил мне, почему-то понизив голос, что в Союзе сейчас принимают Стейнбека и что тот заявил, что не уйдет, пока ему не покажут живого Некрасова. По имеющимся у него сведениям, я арестован. Все в панике, гонцы разосланы во все забегаловки и пивные точки города...»³⁶⁸.

Некрасов описал картину, увиденную им по прибытии в Союз писателей, следующим образом: «За длинным столом, на том месте, где обычно стоит гроб, расположилось все

³⁶⁵ Полянкер А.Г. «Перешедший реку» (Памяти Григория Полянкера). [Электронный ресурс] – Киев: Адеф-Украина, 2008. – URL: <http://www.nekrassov-viktor.com/AboutOfVPN/Nekrasov-Polianker-Grigoriy.aspx>

³⁶⁶ Benson J. J. The True Adventures of John Steinbeck, Writer: a Biography. P. 933.

³⁶⁷ Деген И.Л. Портреты учителей. [Электронный ресурс] // Библиотека Максима Мошкова. 2005. 17 ноября. URL: <http://lib.ru/MEMUARY/1939-1945/DEGEN/portrety.txt>

³⁶⁸ Кипнис Г.И. Как приезжал к нам Джон Стейнбек. С. 9.

начальство при всех орденах и регалиях и среди них, посередине, знатный гость – седой, востроглазый, с небольшой бородкой клинышком. Рядом с ним переводчица. На столе батарея бутылок отменных коньяков и всякого рода телятина и белорыбица. Вдоль стен – сидя и стоя – писатели второго сорта. Лица у всех напряженно-усталые – сидят уже третий час. Все, что положено, уже сказано и спрошено, говорить больше нечего. Всеобщее томление. Даже коньяки не лезут в глотку»³⁶⁹.

Жена Стейнбека Элейн, также присутствовавшая на этом приеме, весьма образно описала появление Некрасова в зале Союза писателей: «Все перестали говорить и посмотрели в его сторону. Это был совершенно точно один из самых великолепно выглядящих мужчин, которых я когда-либо видела, очень темный с крупным шрамом через лицо, очень лихой, чем-то похожий на крестьянина. Мужчина большими шагами пересек комнату, встал перед Джоном. Он хлопнул рукой по столу и сказал: «Некрасов!» И Джон хлопнул рукой поверх его и сказал: «Стейнбек!» И мужчина сказал: «Я слышал, вы искали меня. Я выбрался из подполья, чтобы увидеть вас». Это было нечто»³⁷⁰.

Вскоре после того, как Стейнбек «заполучил» себе Некрасова, он завершил пресс-конференцию и, покинув смущенное таким поворотом событий начальство Союза писателей, удалился вместе с советским автором в отель «Москва», где за столиком в ресторане проговорил с ним всю ночь.

Эпизод встречи Стейнбека и Некрасова был также задокументирован официальным представителем Союза писателей СССР Ф.А. Лурье. В ее отчете эта встреча была изображена как один из немногих эпизодов, способствовавших формированию у Стейнбека положительного впечатления о советских писателях (возможно, вследствие того, что по настоянию Виктора Некрасова в этом разговоре не принимал участия секретарь американского посольства Питер Бриджес). По словам Лурье, Стейнбек упорно настаивал на этой встрече и требовал, чтобы она происходила в неофициальной обстановке. Оказавшись после приема в Союзе писателей Украины в гостинице, Некрасов сразу же спросил Стейнбека, чем был вызван повышенный интерес к его особе американского гостя (ведь книг Некрасова Стейнбек скорее всего не читал), и предположил, что, вероятно, «критикой его последних произведений и той шумихой, которую в связи с этой критикой усиленно раздувают на Западе». Стейнбек ответил на это, что «много слышал о Некрасове как о честном писателе и намерен теперь прочесть все его книги, переведенные на английский язык»³⁷¹. После дружеской беседы, на которой советский писатель держал себя

³⁶⁹ Там же.

³⁷⁰ Benson J. J. The True Adventures of John Steinbeck, Writer: a Biography. P. 933.

³⁷¹ РГАЛИ. Ф. 631. Оп. 43. Ед. хр. 195. Л. 33.

с большим достоинством, Стейнбек подарил Некрасову свою трубку³⁷² и, как сообщает Лурье, в целом, «был глубоко взволнован этой встречей. Он сказал, что такие краткие встречи гораздо важнее и значительнее многословных разговоров на общие темы»³⁷³.

Данный эпизод, как и вышеописанная встреча Стейнбека с московскими шестидесятниками наглядно показывает, с одной стороны, сложившееся отношение американского автора к официальным советским властям, близкое к дерзости, связанное с пониманием того, что, как и зачем ему (как и в 1947 году), будут показывать, и чего он, в свою очередь, как нобелевский лауреат и фактически посланник президента Джона Ф. Кеннеди, может требовать от них. С другой стороны, эта встреча говорит об огромном и настойчивом желании Стейнбека во что бы то ни стало пробиться к настоящим, неангажированным коммунистической идеологией писателям, появление которых он предчувствовал еще в своих письмах 1950-х гг.³⁷⁴ и увидел в молодой поросли советских писателей-диссидентов, шестидесятников – Некрасове, Евтушенко, Аксенове, Ахмадуллиной и других независимых (в той степени, в какой это было для них возможно) советских авторах.

Освещение советской прессой приезда Стейнбека. В отличие от поездки 1947 года, проходившей в обстановке полной секретности, приезд нобелевского лауреата Стейнбека в 1963 году освещался советской прессой очень широко. Во всех основных периодических изданиях СССР в начале поездки писателя почти каждый день появлялись заметки о посещении автором «Гроздьев гнева» тех или иных мест, разговоры и интервью с ним и описание его встреч с читателями.

Первой о приезде Стейнбека в СССР читателям сообщила газета «Известия», опубликовав интервью, взятое у него в первый день его приезда в Москву. Заметка К. Вишневецкого носила программное название «Нам нужны контакты» и приводила следующие слова писателя: «В Советском Союзе я уже третий раз. Любопытство – вот что меня привело сюда. Когда мне предложили поехать в СССР, так сказать, по линии соглашения о культурном обмене между Советским Союзом и США, я обрадовался. Я сказал себе: пора. Пора туда ехать. Ты давно уже там не был...»³⁷⁵

Вишневецкий рисует положительный образ писателя, описывая его как представительного, серьезного мэтра, тем не менее, не потерявшего былую хватку и живой интерес к современности. В конце заметки он передает прощальные слова Стейнбека,

³⁷² В ответ на подарок Стейнбека Некрасов также прислал американскому романисту свою трубку. В приложенной к ней записке он написал: «Я курил эту трубку в годы войны в госпитале, когда у меня была ранена правая рука, и я не мог сворачивать сигарку». (Там же. Л. 34).

³⁷³ Там же.

³⁷⁴ См. письма Стейнбека 1950 г. и 1958 г. (Steinbeck: A Life in Letters. P. 403, 602).

³⁷⁵ Вишневецкий К. Дж. Стейнбек: Нужны контакты... // Известия. 1963. 16 октября. С. 4.

сообщающие о главной цели его пребывания в СССР – все то же наведение «мостов» и разного рода контактов между двумя странами, которое в 1947 году провозглашал Роберт Капа: «Я хотел бы, чтобы вы передали читателям «Известий» вот что, – говорит Стейнбек, – наибольшую важность сегодня имеют контакты между людьми, правительствами, странами. Когда эти контакты нарушаются – это опасно. Я надеюсь, что контакты между нашими странами будут восстановлены»³⁷⁶.

Статья «Литературной газеты» также помещает первые оптимистичные слова писателя, только что прибывшего в советскую страну: «Я хотел увидеть эти грандиозные перемены – вот цель моей поездки, – говорит Стейнбек. – Я собираюсь погостить у вас целый месяц. – Льют осенние дожди? Меня погода не смущает. Главное – люди, а они всегда представляют для меня интерес, в любое время года»³⁷⁷.

Возможно, самой известной публикацией, нарисовавшей портрет американского писателя в Москве, стал материал «Известий» того же К. Вишневецкого «Разговаривая со Стейнбеком». В этом интервью был нарисован простой, «свойский» образ писателя, не понаслышке знакомого с трудом, с творческими падениями и неудачами, близко наблюдавшего в 1940-е гг. военные действия союзников и с тех пор ненавидящего войну («и сейчас, когда разговариваешь с писателем, чувствуешь, что, если и есть что-либо для него наиболее ненавистное, так это война»³⁷⁸), горячо любящего свою страну и переживающего за ее темные пятна, такие как расовая дискриминация и маккартизм, с удовольствием вдыхающего осенний московский воздух, который напоминает ему «климат моего родного штата» и, наконец, испытывающего не иначе чем благоговение при соприкосновении с памятью своего великого советского собрата по цеху («Я как-то робею, стоять и фотографироваться на балконе, где был великий Горький...»³⁷⁹).

Впоследствии это интервью, напечатанное в крупнейшей советской газете и растиражированное во всех уголках Союза, куда прибывал американский писатель с визитом, столь часто упоминалось на встречах с ним, столь часто цитировалось, что Стейнбек, вернувшись в Москву и вновь оказавшись во время встречи с представителями советской и иностранной прессы лицом к лицу с К. Вишневецким, взявшим у него это интервью, не мог не сыронизировать по этому поводу. Так, ответив на вопрос советского журналиста о роли прессы в смягчении международной обстановки, Стейнбек добавил следующее: «Я хочу сказать своему другу из «Известий», что его газету очень широко читают в Советском Союзе. Я встречал читателей газеты «Известия» в Грузии, Армении, на

³⁷⁶ Там же.

³⁷⁷ Тугушева М. Стейнбек вновь в Москве // Литературная газета. 1963. 17 октября. С. 4.

³⁷⁸ Вишневецкий К. Разговаривая со Стейнбеком. С. 4.

³⁷⁹ Там же.

Украине и очень часто в беседах со мной цитировали мое интервью газете «Известия». Я, очевидно, единственный человек в Советском Союзе, который не читал его». Т. Вишневецкий попытался возразить: «Но вы говорили все это», на что Стейнбек ответил: «Я не знаю, потому что я не помню, что я говорил»³⁸⁰.

В целом, можно отметить, что в 1947 году Стейнбек в своих разговорах с советскими людьми часто прямо высказывал свое мнение о тенденциозности и «шовинизме»³⁸¹ советской прессы, ее «“нажмем” на сознание человека и таившемся в ней в силу этого “зле”»³⁸² и всякий раз встречал отпор со стороны своих советских собеседников, пытавшихся изменить это его мнение; в 1963 году он старательно избегал разговоров на эту и другие полемические темы, либо отшучивался. Так, по воспоминаниям Г.И. Кипниса, бравшего у американского писателя интервью от «Литературной газеты» в Киеве, Стейнбек позволил себе такой выпад и в сторону «Литературки», когда советские интервьюер спросил о его главных впечатлениях в СССР на настоящий момент:

«Стейнбек остановился и внимательно посмотрел на меня:

– Хотите знать, что поразило меня больше всего?

Он сильно затянулся и, стараясь скрыть волнение, произнес:

– «Литературная газета!» То, как она быстро и щедро отразила мое пребывание в Киеве...»³⁸³.

И в конце интервью, когда Кипнис вновь задал приевшийся уже американскому писателю вопрос о том, не желает ли он передать что-либо читателям «Литературной газеты», Стейнбек ответил: «– Читателям? – переспросил автор «Зимы тревоги нашей». – Читателям пока нет. А секретариату вашей газеты – мой большой и пламенный привет». И бросил палку...»³⁸⁴.

Кроме того, в своей мемуарной статье Г.И. Кипнис поднимает важный вопрос: почему в какой-то момент, приблизительно в середине поездки Стейнбека по СССР, после возвращения писателя из Киева и перед его поездкой в южные республики, в советской печати вдруг резко сократилось количество публикаций, освещавших его приезд. Как сообщает Кипнис, «почти вся центральная печать в день приезда выдающегося писателя дружно сообщила об этом факте информацией и фотографией. Было такое впечатление, что интерес к визиту будет нарастать по восходящей, но за исключением, кажется, только

³⁸⁰ РГАЛИ. Ф. 631. Оп. 26. Ед. хр. 4185. Л. 10

³⁸¹ ГАРФ. Ф. 5283.с.2. Оп. 22с. Ед. хр. 21. Л. 118.

³⁸² ГАРФ. Ф. 5283.с.2. Оп. 22с. Ед. хр. 26. Л. 181.

³⁸³ Кипнис Г.И. Как приезжал к нам Джон Стейнбек. С. 9.

³⁸⁴ Там же.

«Известий», давших целый четырехполосный «стояк», дело ограничилось небольшими «фитюльками»³⁸⁵.

Советский автор выдвигает предположение, что, по всей видимости, Стейнбек своим приездом в Москву преследовал самые высокие цели, в том числе намеревался увидеться с Н.С. Хрущевым и поговорить с ним о взаимоотношениях между США и СССР (о своем большом интересе к политике СССР и своей личной симпатии к первому секретарю ЦК КПСС Стейнбек в частности говорит в упомянутом выше интервью «Известиям»³⁸⁶). В Советском Союзе, видимо, тоже в начале его визита приглядывались к писателю, пытались разгадать его намерения. И, как пишет Кипнис, «ничего не получилось. Видимо, не понравился при ближайшем рассмотрении. Слишком своенравный и чересчур вольнодумный, что ли. Так или иначе, но встреча на высшем уровне не состоялась, а газетам спустили команду — перестать широко афишировать писателя, подумаешь. Нобелевский лауреат... Открытых нападков, как у нас делается, не было, но информация о встречах писателя была по сути скомкана»³⁸⁷. Взятое Кипнисом интервью писателя в «Литературной газете» также не было опубликовано.

Так или иначе, но после того бурного приветствия, которым ознаменовался приезд Стейнбека в Советский Союз, уже начиная где-то со второй недели его пребывания в стране, в «Известиях» и «Литературной газете» вышло всего несколько статей, посвященных Стейнбеку, среди них одно большое интервью Э. Межелайтиса, взятое им в первые дни пребывания нобелевского лауреата в Москве³⁸⁸, и несколько небольших заметок информационного характера. Соответственно отъезду писателя из СССР было уделено два коротких абзаца в «Литературной газете», в которых было вкратце сказано о том, что Стейнбек месяц гостил в СССР, посетил различные советские города, встретился с писателями, побывал в различных издательствах, редакциях газет и журналов³⁸⁹. И лаконичность этой заметки, пожалуй, является самым красноречивым свидетельством того, насколько успешно была выполнена цель поездки Стейнбека – налаживание контакта «между людьми, правительствами, странами», о которой он заявил в день своего приезда в Москву³⁹⁰.

3.1.2.1. Итоги Союза писателей СССР по приезду Стейнбека

О серьезных намерениях Джона Стейнбека добиться встречи с первым секретарем ЦК КПСС и гипотетической возможности такого события свидетельствуют архивные

³⁸⁵ Там же.

³⁸⁶ Вишневецкий К. Разговаривая со Стейнбеком. С. 4.

³⁸⁷ Кипнис Г.И. Как приезжал к нам Джон Стейнбек. С. 9.

³⁸⁸ Межелайтис Э. Познавший «Соль земли» // Литературная газета. 1963. 2 ноября. С. 4.

³⁸⁹ Отъезд Джона Стейнбека // Литературная газета. 1963. 16 ноября. С. 3.

³⁹⁰ Вишневецкий К. Дж. Стейнбек: Нужны контакты... С. 4.

документы. Как сообщает в своем отчете референт Иностранной комиссии ССП Ф.А. Лурье, Стейнбек дважды выражал свое пожелание встретиться с Н.С. Хрущевым – на приеме у А.И. Аджубея и в Союзе писателей СССР³⁹¹. И после половины срока пребывания американского писателя в Советском Союзе 4 ноября 1963 года Секретарь Правления ССП А.Б. Чаковский направил в ЦК запрос, в котором передавал просьбу Стейнбека об аудиенции у главы советского правительства и просил соответствующих указаний. К письму Чаковского также прилагалась подробная биография писателя, сообщение о переводах его книг в СССР и ходе его текущей поездки по СССР, в которой значительное место было уделено роли секретаря американского посольства Питера Бриджеса, о котором было отдельно сказано, что этот дипломат «использует самые разнообразные методы и приемы для отрицательного влияния на Стейнбека и его супругу, что чрезвычайно осложняет всю работу с ними»³⁹².

Уже после окончания визита американского писателя 20 ноября в ЦК был также направлен отчет Иностранной комиссии ССП о пребывании Джона Стейнбека и его супруги в СССР, составленный Ф.А. Лурье. Помимо описания самой поездки – каким образом она была задумана, спланирована, как проходила, в каких городах, контакты с какими советскими людьми включала в себя и т.д. – референт Иностранной комиссии отдельно остановила свое внимание на нескольких важных моментах.

В первую очередь анализу были подвергнуты поведение, характер, художественные вкусы и общественно-политические взгляды писателя, которые он демонстрировал им во время своего визита в СССР – их действительно можно было бы обозначить словами Г.И. Кипниса: «слишком своенравный и чересчур вольнодумный»³⁹³.

Однако самое большое пристальное внимание референт уделил изображению деятельности Питера Бриджеса, который на официальных основаниях (согласно указанию Госдепартамента по предварительной договоренности с ГККС), сопровождал Стейнбека и его супругу в этой поездке. В своем отчете Лурье обозначает этого дипломата как «умного, изворотливого и хитрого противника, не упускавшего ни малейшей возможности для соответственной обработки Стейнбека и его жены и оказания на них враждебного нам

³⁹¹ РГАЛИ. Ф. 631. Оп. 43. Ед. хр. 195. Л. 31.

³⁹² РГАЛИ. Ф. 631. Оп. 43. Ед. хр. 194. Л. 6.

³⁹³ К примеру, Ф.А. Лурье пишет, что на встречах со своими советскими коллегами Стейнбек затрагивал вопросы, связанные со «свободой творчества», «правом на эксперимент», «конфликтом между поколениями», говорил о «недопустимости вмешательства правительства в творческую жизнь художника» и т.п. Также референт ИК ССП сообщает: «В ряде случаев Стейнбек поднимал вопросы чисто политического характера, об отношении к Кубе и Фиделю Кастро, – в беседе с писателем К. Симоновым; об отношении к факту существования берлинской стены (на встрече с ленинградскими писателями) и т.п. Беседуя с писателями, Стейнбек многократно говорил об извечной «оппозиции» писателей официальным установлениям, «беспощадной критике недостатков» и т.п.» (РГАЛИ. Ф. 631. Оп. 43. Ед. хр. 195. Л. 29-30).

влияния»³⁹⁴. По словам референта, Бриджес, продемонстрировав «незаурядные способности к психологической обработке порученных ему “подопечных”»³⁹⁵, с первого дня завоевал расположение и дружбу Стейнбеков и использовал это в своих служебных целях: на протяжении поездки дипломат комментировал все происходящее, внося коррективы, высказывал по любому удобному поводу критические соображения, иронические замечания, обращал внимание американцев на негативные стороны советской жизни и преимущества американской системы, а также организовал свои собственные мероприятия: не значившиеся в программе ССП: поездку на Новодевичье кладбище, встречу без участия официальных лиц с Е.А. Евтушенко и др.

Вывод Ф.А. Лурье касательно этого опыта «сотрудничества» ИК ССП с представителем американского посольства однозначен: «Впредь практику «опеки» подобного рода следует решительно отвергать, поскольку американская сторона прибегает к ней с благовидными целями для оказания враждебного нам влияния на приезжающих в СССР американских писателей» и также: «Вряд ли целесообразно впредь при любых обстоятельствах предоставлять американским дипломатам, весьма враждебно относящимся к нашей стране и советскому народу, возможность поездок по республикам Советского Союза, даже в том случае, если отказ в такого рода поездках и будет угрожать продолжению контактов с американскими писателями в рамках официального соглашения»³⁹⁶ (выд. Л.Ж.).

3.1.2.2. Стейнбек о поездке в СССР

В целом, о личном отношении Стейнбека к СССР, сложившемся у него еще ранее и укрепившемся в этой поездке, красноречиво свидетельствует его тост, произнесенный на прощальном банкете в Тбилиси и задокументированный в отчете референта ИК ССП: «“Прощайте!”, – не “До свидания!”, а “Прощайте!”, – сказал он. – Идите своей дорогой, куда бы она вас ни привела. Если бы я не был атеистом, я бы сказал: “Да поможет вам Бог!”»³⁹⁷

Тем самым, в результате вновь повторившихся в этой поездке бесчисленных споров с советскими людьми о двух системах и тщетных попыток доказать своим хозяевам превосходство американской демократической системы, Стейнбек, как и в 1947 году³⁹⁸, пришел к мнению о невозможности переубедить своих идеологических оппонентов и

³⁹⁴ Там же. Л. 46.

³⁹⁵ Там же. Л. 36.

³⁹⁶ Там же. Л. 46-47.

³⁹⁷ Там же. Л. 42-43.

³⁹⁸ Эту точку зрения Стейнбека накануне отъезда из СССР в 1947 году Р. Капа определил следующим образом: «Он (Стейнбек) считает, что все, что происходит здесь, прогрессивно для России, но что для Америки такой путь совершенно не годится». (ГАРФ. Ф. 5283.с.2. Оп. 22с. Ед. хр. 21. Л. 176).

вынужденной необходимости принять их право на строительство своего (непонятного и чуждого ему) миропорядка в своей стране как данность.

Говоря о публикациях Стейнбека, посвященных его последней поездке в СССР, Элейн Стейнбек и Роберт Вэлстейн, составители сборника его писем, заметили: «Как обещал³⁹⁹ Стейнбек, еще находясь за Занавесом, он не написал публично о своих впечатлениях, полученных там. Вместо этого он написал большое число благодарственных писем»⁴⁰⁰, о которых сам автор красноречиво высказался в послании Л. Брэди: «Я должен известить тебя, что я написал несколько наиболее порфириносных писем, которые ты когда-либо мог увидеть, Союзу писателей Еревана, Тбилиси и Киева. Их содержимое может прозвучать для нас несколько простодушно и старомодно, но я выучился этому стилю, находясь там»⁴⁰¹.

Тем не менее, по приезде в США Стейнбеку необходимо было отчитаться о своей поездке в Вашингтоне, для чего он подготовил 40-страничный отчет о своих впечатлениях от СССР и восточноевропейских стран. Как он сообщал в письме П. Бриджесу, «если он (отчет – Л.Ж.) не понравится Департаменту, я отправлю его в «Newsday» или в один из других журналов, просивших у меня материал»⁴⁰².

Документы Стейнбека были приняты госдепартаментом, в настоящее время часть из них хранится в библиотеке Стэнфордского университета⁴⁰³.

Несмотря на данное Стейнбеком устное обещание не афишировать на Западе свои впечатления от СССР, Иностранная комиссия Союза советских писателей вскоре после его отъезда тщательно отслеживала прессу тех стран, в которые последовал Стейнбек из Москвы, собирая все записи и политически значимые высказывания писателя в отдельный документ.

В это отношении особо примечательна статья «New York Times», освещавшая встречу Стейнбека с советскими читателями в Библиотеке иностранной литературы в Москве 21

³⁹⁹ Об этом обещании Стейнбека не сообщать публично о своих впечатлениях от Советского Союза, также сообщает в отчете о пребывании Стейнбека в СССР в 1963 г. Ф.А. Лурье. По словам референта, на аэродроме перед вылетом в Варшаву Стейнбек заявил: «Мы с женой оставляем здесь много искренних и настоящих друзей. Мы полюбили народ вашей страны и никогда не скажем о нем ничего плохого. Протест, выраженный мною вчера в посольстве на пресс-конференции, связан лишь с фактом ареста профессора Баргхорна и никакого отношения к советскому народу не имеет. Я хочу, чтобы вы знали это <...> Журналисты могут исказить в печати смысл сделанного мною заявления». (Там же. Л. 44-45).

⁴⁰⁰ Steinbeck: A Life in Letters. P. 788.

⁴⁰¹ Там же.

⁴⁰² Bridges P. A Note on Steinbeck's 1963 Visit to the Soviet Union. P. 91-92.

⁴⁰³ Papers and memoranda based on State Department-sponsored trip to the U.S.S.R. and East European countries, 1963.

Об этих документах сообщает Дж. Бенсон в примечаниях к книге «The True Adventures of John Steinbeck, Writer: a Biography» (P. 1080) и к статье «Through a Political Glass, Darkly: The Example of John Steinbeck» (P. 59).

октября 1963 года⁴⁰⁴. В отличие от краткой заметки «Литературной газеты» (о которой уже говорилось выше), акцентировавшей внимание на необычайно теплом приеме писателя советской публикой, растопившим его сердце: «Я шел на это собрание, как на казнь, а встретил доброту и понимание»⁴⁰⁵, рецензируемая Иностранной комиссией статья «New York Times», помимо перечисления тем, «от абстрактного искусства и до негритянских писателей и джаза»⁴⁰⁶, на которые шла речь во время встречи, назвал еще ряд острых моментов. Во-первых, в статье было отмечено, что встреча в основном велась на одном поле – поле Стейнбека, т.к. на обращенный им в зал вопрос «об идеологическом наступлении Коммунистической партии в области искусства и литературы в начале этого года» никто не дал ответа, сославшись на то, что «здесь принято, чтобы иностранные писатели рассказывали сами о своей работе»⁴⁰⁷. Во-вторых, американский рецензент ответил, что слова Стейнбека об Эренбурге, «как “о своем друге, которым могут гордиться не только русские, но и весь мир”», были встречены публикой аплодисменты, после чего добавил, что «Эренбург был в числе тех, кого обвинили в этом году в отклонении от партийной линии»⁴⁰⁸.

Кроме того, журналист «New York Times» в конце статьи позволил себе сделать несколько более общих замечаний – о том, что книги Стейнбека приобрели в СССР большую известность, главным образом, после 1956 года, «когда кампания десталинизации открыла двери Советского Союза чуть пошире для иностранных книг»⁴⁰⁹, и что творчество Стейнбека в советской критике было разбито на разные периоды, и список «приемлемых» произведений писателя включает в себя “Гроздь гнева”, «оцененные здесь как «реалистическое отображение борьбы фермеров против монополий», “Квартал Тортилья-Флэт”, “Жемчужину” и “Зиму тревоги нашей”»⁴¹⁰.

В Варшаве Стейнбека застигло известие о трагической гибели Дж. Ф. Кеннеди 22 ноября 1963 года, по просьбе которого была совершена поездка писателя в СССР и которого Стейнбек хорошо знал лично. Тема его смерти и последующей политики американских властей поднималась на пресс-конференциях писателя в Варшаве, Вене, Праге.

На пресс-конференции в Вене Стейнбек высказал западным журналистам свое мнение о Н.С. Хрущеве: «Хрущев, – сказал Стейнбек, – хороший политик, который осуществляет

⁴⁰⁴ Steinbeck Meets the Soviet Press // New York Times. 1963. Oct 22. P. 34.

⁴⁰⁵ Встреча со Стейнбеком // Литературная газета. 1963. 24 октября. С. 4.

⁴⁰⁶ РГАЛИ. Ф. 631. Оп. 26. Ед. хр. 4191. Л. 1.

⁴⁰⁷ Там же. Л. 2.

⁴⁰⁸ Там же.

⁴⁰⁹ Там же.

⁴¹⁰ Там же.

разумное руководство. Это можно было увидеть не только во время дела Баргхорна, когда советский премьер-министр лично распорядился освободить Баргхорна, но еще в дни кубинского кризиса, когда кремлевский руководитель попытался, по возможности, выпустить пар из котла международной напряженности»⁴¹¹. Кроме того, памятуя о своих встречах с молодыми советскими писателями, Стейнбек отметил, что в области литературы в СССР «преодолен застой последних 35 лет, и в авангарде находится молодая советская интеллигенция, которая “нашла в себе мужество встать против указаний Кремля”»⁴¹².

О посещении Стейнбеком западного Берлина Иностранная комиссия ССП отобрала целых пять рецензий различных немецких и американских изданий. По словам писателя, о поездке в американскую часть Берлина его просил покойный президент Кеннеди. В целом, он старался воздерживаться от комментариев по поводу стены, но, как пишет «New York Herald Tribune» (выпуск 12 декабря 1963 года), подойдя к ней вплотную и увидев с восточной стороны часовых с автоматами, Стейнбек сказал, что в Москве он беседовал о берлинской стене со многими русскими: «Все они говорили мне, что единственная причина сооружения этой стены – это контроль над валютой. Эти русские утверждали, что никто ни в кого не стрелял у стены, кроме западноберлинской полиции»⁴¹³.

Спустя несколько дней в «New York Herald Tribune» появляется другая заметка, которая также привлекает внимание сотрудников Иностранной комиссии ССП – о том, что «Стейнбек отказывается посетить Восточный Берлин». В статье приводятся следующие слова писателя: «Хоть я и сочувствую заключенным, но не люблю тюремщиков. Если бы я мог помочь, я бы поехал, но не из любопытства». По его мнению, также следует, что «стена – это неудачное мероприятие»⁴¹⁴.

Наконец, завершающим аккордом посещения Стейнбека и Олби СССР, стали две радиопередачи, которые вышли по прибытии американцев на родину в начале 1964 года в «Голосе Америки» и были подробно задокументированы Иностранной комиссией ССП. В первой передаче от 13 января Стейнбек и Олби, в основном, рассказывали о своих впечатлениях от СССР и от общения с советскими писателями, о различиях в восприятии советскими и американскими авторами цели своего ремесла и роли художника в обществе. Например, по мнению Стейнбека, американские писатели «критикуют свое общество, если их не устраивает его мораль, не считая необходимым требовать при этом коренных изменений в его социальном устройстве», в то время как советские писатели, по словам

⁴¹¹ Там же. Л. 7.

⁴¹² Там же.

⁴¹³ Там же. Л. 11.

⁴¹⁴ Там же. Л. 14.

Стейнбека, «не могут этого делать, т.к. они должны поддерживать его политику»⁴¹⁵. Также из бесед с советскими писателями Стейнбек вынес убеждение, «что их интересует прежде всего политика, а потом уже проблемы морали, в то время как американских писателей и писателей Запада, прежде всего, занимают проблемы “морально-этические”»⁴¹⁶.

Во второй передаче от 20 января больше внимание было уделено вопросам культурных обменов между США и СССР. Оба писателя, Стейнбек и Олби, отметили полезность своей и подобных ей поездок и высказались за продолжение практики культурного обмена, считая его одним из важнейших средств для нахождения общего языка. Так, подобно тому, что он уже говорил в 1947 году, Стейнбек заявил: «Я думаю, что одна из самых больших опасностей в мире возникает тогда, когда закрываются двери и воздвигаются стены», – сказал Стейнбек... У нас произошла потеря понимания сигналов. Личные встречи и разговоры «помогают восстановлению общего языка»⁴¹⁷. Присоединившийся к мнению своего старшего коллеги Олби обозначил особенную важность «участия молодежи во взаимных поездках по культурному обмену», поскольку, по его словам, «молодежь доверяет друг другу больше, чем старшему поколению»⁴¹⁸.

В целом, говоря об отзывах Стейнбека о своем третьем визите в СССР, опубликованных в зарубежной прессе, нельзя не отметить, что, как и в «Русском дневнике», нобелевский лауреат, назначенный Кеннеди «послом мира», в своих заявлениях старательно обходил сложные политические вопросы, концентрируясь на том общем, что объединяет два народа, и, тем самым, демонстрировал свое лояльное отношение к СССР, политике Хрущева, в особенности возлагая надежды на новое поколение советских писателей, нашедшее в себе «мужество встать против указаний Кремля»⁴¹⁹. С другой стороны, показательным является то, что, если Стейнбек в первые дни своего пребывания в Москве с восторгом писал об «оттепели», которая чувствуется везде⁴²⁰, то спустя несколько месяцев по возвращении домой он осторожно добавлял: «Там есть оттепель. Не дошло до таяния. Но изменения по сравнению с тем, что я видел там в первый раз, налицо»⁴²¹.

3.1.2.3. Попытка приглашения советских писателей в США ПЕН-клубом

Вернувшись на родину и проанализировав результаты своего путешествия в страну Советов, Стейнбек и Олби задумались о том, чтобы изменить формат советско-американских «культурных обменов», убрав их политическую составляющую. С этой

⁴¹⁵ Там же. Л. 19.

⁴¹⁶ Там же. Л. 19-20.

⁴¹⁷ Там же. Л. 22.

⁴¹⁸ Там же.

⁴¹⁹ Там же. Л. 7.

⁴²⁰ Steinbeck: A Life in Letters. P. 780.

⁴²¹ РГАЛИ. Ф. 631. Оп. 26. Ед. хр. 4191. Л. 21.

инициативой они обратились к президенту американского ПЕН-клуба Джону Фаррару. И спустя полгода после поездки Стейнбека и Олби в СССР ПЕН-клуб направил шести молодым советским писателям (большинство из которых присутствовало на той встрече в редакции журнала «Юность») – В.П. Аксенову, Ю.П. Казакову, В.П. Некрасову, А.М. Володину, А.А. Вознесенскому и Е.А. Евтушенко (позднее в список были добавлены К.М. Симонов и М.П. Бажан) за подписью Стейнбека и Олби приглашение посетить Америку. В этом приглашении, направленном советским авторам, говорилось, в частности, следующее:

«Мы обсуждали наши впечатления от поездки со многими из наших коллег после нашего возвращения в Америку. В своих разговорах мы отметили в особенности возросшее значение того, о чем мы говорили с вами до нашего отъезда из Советского Союза: мы, писатели, можем сослужить хорошую службу в деле мира и международного понимания, причем сами по себе, без вмешательств и хлопот со стороны государств, официальных обменов и т.д. По крайней мере, так мы сможем увидеть, что писатели двух наших государств имеют возможность узнать друг друга, разделить свои мысли, обсудить различия между ними. И поэтому мы обратились с предложением к нашим коллегам пригласить писателей из Советского Союза посетить Соединенные Штаты в качестве личных гостей писателей Америки»⁴²².

Стейнбек и Олби от лица ПЕН-клуба предлагали советским писателям приехать в сентябре 1964 года (а в следующем письме, отправленном в ноябре, – весной будущего года) и провести в Америке 6 недель, в течение которых они бы могли всецело пообщаться со своими американскими коллегами, «увидеть наши университеты, наши города, наши пригороды»⁴²³ и, в целом, самостоятельно составить себе программу поездок, которая бы их устроила.

Приглашения на имя каждого из советских писателей поступили в Союз советских писателей. Некоторые из них ответили, что с радостью воспользуются приглашением, а некоторые, например А.М. Володин, сказали, что не смогут приехать в США осенью 1964 года. Однако в своем втором письме, направленном непосредственно К.А. Федину, генеральному секретарю ССП, Дж. Фаррар отметит, что никаких более определенных ответов они не получили «даже к 1-му сентября – число к которому мы ожидали приезд писателей!»⁴²⁴ Выразив сомнение, что, возможно, это произошло потому, что советские писатели получили приглашения слишком поздно и могли не успеть подготовиться к столь

⁴²² РГАЛИ. Ф. 631. Оп. 26. Ед. хр. 6345. Л. 18.

⁴²³ Там же. Л. 19.

⁴²⁴ Там же.

длительной поездке в другую страну, Фаррар предложил перенести поездку на весну следующего года, отметив, что организаторы этого мероприятия готовы пойти на отсрочку, хотя она будет сопряжена с некоторыми трудностями для ПЕН-клуба.

Ответ на письмо Фаррара последовал неутешительный. Секретарь Правления Союза Писателей СССР Георгий Марков, в связи с отсутствием К.А. Федина в Москве, сообщил, что «каждый из писателей, которых Вы приглашаете, живет по своему плану, все они много ездят – очень трудно, пожалуй, даже невозможно соединить их всех вместе, чтобы они приехали в США в одно и то же время. Сейчас, например, Константин Симонов находится в Западной Германии, в ближайшее время он предполагает посетить Финляндию, Италию, Латинскую Америку. Микола Бажан вскоре уезжает в Италию»⁴²⁵.

Он сообщил, что возможно, некоторые из названных писателей смогли бы приехать весной 1965 года в США, и обещал ответить, когда у него появится более подробная информация, а также попросил «заверить г.г. Джона Стейнбека и Эдуарда Олби, что советские писатели тронуты проявлением дружеских чувств с их стороны и благодарят их за приглашение»⁴²⁶. Однако дальше этого дело не продвинулось, что фактически поставило крест на попытке американских писателей организовать общение со своими молодыми советскими коллегами вне политического «кордона».

3.1.2.4. Письмо Стейнбека советским писателям и «открытое письмо» Кравченко

После поездки Стейнбека в СССР 1963 года произошел еще один инцидент, который напрямую коснулся многих представителей советской интеллигенции. 9 мая 1964 года многие из них неожиданно для себя получили письмо от Стейнбека с приложенной к нему «речью, произнесенной в декабре 1962 г. в Стокгольме по случаю получения Нобелевской премии по литературе»⁴²⁷. В этом письме Стейнбек, в частности, сообщал различные подробности их встреч в Москве, о том, как «у нас возникали споры, мы выражали разные точки зрения, но все это не помешало нашей дружбе», его воспоминания о том, как «в Москве мы много смеялись вместе»⁴²⁸ и др. Это письмо было написано писателем от руки, а затем размножено с помощью mimeографа и направлено огромному числу лиц, в том числе тем, с кем Стейнбек ни разу в жизни не встречался. Данный поступок известного американского писателя был воспринят его советскими коллегами с большим недоумением.

Писатель А.Ю. Кривицкий был один из многих советских деятелей культуры, кто обратился с вопросом по поводу этого письма в редакцию «Известий» (позднее он также

⁴²⁵ Там же.

⁴²⁶ Там же.

⁴²⁷ РГАЛИ. Ф. 1814. Оп. 9. Ед. хр. 2256. Л. 9.

⁴²⁸ Там же.

вспоминает этот случай в своей в биографической книге «Ветер на перекрестке, или Памфлеты и рассказы из “Кое-что...”»⁴²⁹). В своем письме Кривицкий описал то удивление, которое он почувствовал, сначала получив собственноручно написанное письмо известного американского писателя о событиях, участником которых он не был, а после узнав от своих знакомых в Центральном Доме литераторов, что многие из них получили точно такие же письма. Как сообщает советский автор, все адресаты Стейнбека задавались одним и тем же вопросом: «Если адресатом служит весь справочник Союза писателей, не проще ли обратиться к ним с открытым письмом в печати?»⁴³⁰.

Чтобы разобраться в случившемся, редакция «Известий» обратилась к собственному корреспонденту в США С. Кондрашову с просьбой как можно скорее тот связаться со Стейнбеком и прояснить ситуацию. Писателя в тот момент дома не оказалось, и корреспондент обратился с этим вопросом к литературному секретарю писателя Э. Отис. Через какое-то время Отис сообщила Кондрашову и «Известиям», что в этой истории виноват государственный департамент, который «все перепутал и по списку Союза писателей разослал письма Джона Стейнбека и тем, с кем он не виделся в Советском Союзе»⁴³¹.

Вскоре после этих неприятных разбирательств, сам Стейнбек прислал в «Известия» письмо, которое обозначил как «Дорога в ад и добрые намерения» и просил его опубликовать в газете, чтобы «собрать» развалившиеся, как Шалтай-Болтай (англ. Humpty-Dumpty)⁴³², первоначальные добрые намерения и вернуть уважение советских людей.

Стейнбек объяснил путаницу с адресами желанием, возникшим у него вскоре после отъезда из СССР, отблагодарить многочисленных советских друзей и послать им «напоминание о себе, нечто редкое, что могло бы послужить маленьким знаком моей признательности за оказанное мне добросердечное отношение»⁴³³, а также своей плохой памятью, из-за которой он не мог вспомнить, по каким именно адресам ему было необходимо отправить это послание; по этой причине он действительно решил воспользоваться справочником Союза советских писателей – организации, гостями которой он и его супруга были.

Объяснив причину возникновения сотен копий письма, которое он отправлял в СССР с самыми добрыми намерениями, в своем послании «Известиям» Стейнбек пишет, что

⁴²⁹ Кривицкий А.Ю. Тень друга. Ветер на перекрестке. – М.: Советская Россия, 1984. С. 415-416.

⁴³⁰ Письма из-за границы и за границу // Известия. 1964. 29 августа. С. 3.

⁴³¹ Там же.

⁴³² Используя образ «развалившегося на части Шалтая-Болтая» (так в переводе С.Я. Маршака звучит имя персонажа книги Льюиса Кэрролла «Алиса в Зазеркалье» и английского детского стихотворения), которого «надо снова собрать», Стейнбек выразил намерение вернуть утраченный смысл его первоначальным добрым намерениям при отправке этого письма.

⁴³³ Письма из-за границы и за границу. С. 3.

очень дорожит дружбой многих русских людей, и что «было бы очень печально, если бы некоторая бестактность с моей стороны изменила или в какой-то степени поколебала это чувство»⁴³⁴.

Некоторые из писателей отнеслись к этому инциденту с юмором и пониманием, например, Н.Г. Винников, который направил американскому автору следующий ответ: «Мне было бы очень приятно сохранить для мемуаров собственноручное письмо автора превосходной книги «Гроздь гнева» о его теплых встречах со мной, если бы появление Вашего литографированного манускрипта в моем почтовом ящике не было вызвано явным недоразумением. Дело в том, что мы с Вами, к сожалению, никогда не встречались ни в Москве, ни в какой-либо другой точке земного шара. Поэтому, если буду в Нью-Йорке, я с большим удовольствием воспользуюсь Вашим приглашением, чтобы восполнить этот пробел в наших биографиях»⁴³⁵.

Другие посчитали нужным в резонерском и даже язвительном тоне уведомить автора «Гроздь гнева» о том, что подобное отношение к себе они считают недопустимым. Так, писатель С.Л. Львов пишет в ответном письме Стейнбеку:

«Как и все мои коллеги – советские писатели – я высоко ценю мнение коллектива и коллективные действия на благо людей. Но не думаете ли Вы, дорогой друг, что, если писатель пишет письмо писателю, как личное, а потом размножает его и рассылает «всем, всем, всем», это выражает упрощенное представление о личности писателя в коллективе писателей. И разве Вы не были бы удивлены, если бы кто-нибудь из ваших московских адресатов свой ответ, предназначенный Вам, размножил бы и разослал всем нью-йоркским писателям по адресам, взятым из справочника. Ваше обращение ко мне как к другу дает мне право, как мне кажется, на это откровенно высказанное соображение.

Я буду рад получить от вас личное письмо, если вы пожелаете мне ответить. Я не возражаю и против того, чтобы получить то Ваше письмо, которое Вы будете снова рассылать как циркуляр, если вы полагаете возможным сохранить такую форму общения с коллегами по профессии. Но совмещение этих двух эпистолярных жанров представляется мне несколько странным»⁴³⁶.

Отдельного упоминания заслуживает «открытое письмо» Стейнбеку украинского писателя Ф.Т. Кравченко, которое было опубликовано в «Литературной газете» 12 июля 1964 года, т.е. до появления в «Известиях» объяснения Стейнбека.

⁴³⁴ Там же.

⁴³⁵ РГАЛИ. Ф. 2834. Оп. 1. Ед. хр. 80. Л. 1.

⁴³⁶ РГАЛИ. Ф. 631. Оп. 26. Ед. хр. 4240. Л. 8.

Это письмо полно обиды на оскорбившего его знаменитого американца и имеет своей целью поставить зазнавшегося капиталистического писателя на место. Памятуя о «дружеском» приветствии Стейнбека к нему в своем письме, Кравченко пишет: «Вы в своем письме, господин Стейнбек, назвали меня «дорогим другом». Но ведь друзья – это единомышленники! На что же Вы рассчитываете, желая завязать со мной хотя бы заочную дружбу? На то, что я приму Вашу идеологию? Но это же смешно! Если Вы вдумаетесь в то, что я Вам написал, Вам никогда и в голову не придет, что это когда-либо случится. Вам нравится класс эксплуататоров, а я страстно ненавижу его с детских лет; Вы видите свое призвание в том, чтобы примирить два класса – эксплуататоров и эксплуатируемых, <а я с детских лет> хочу только одного: полного истребления таких же помещиков и капиталистов, как и те, которые, как говорится, сосали кровь из моего отца – рабочего – и моего дела – раба, несчастного крепостного мужика, которому не позволяли даже говорить на родном языке...»⁴³⁷

«Всеобщему страху» и «малокалорийному отчаянию», о котором пишет Стейнбек в своей нобелевской речи, украинский писатель противопоставляет путь «советского народа, ведомого в светлое будущее созданной Лениным Коммунистической партией», <...> когда не будет эксплуататоров и эксплуатируемых, (а следовательно и войн не будет), и исчезнут последние признаки того страха, который, кстати сказать, продиктовал письмо, полученное мною сейчас, и заставил Вас произнести столь «смутную», с точки зрения философской, и безнадежную для писателя (если он хочет быть полезным человечеству!) речь в Стокгольме»⁴³⁸.

Однако случай Ф.Т. Кравченко был скорее исключением, связанным не с личной неприязнью к Стейнбеку, но со стремлением советского автора следовать в фарватере идеологии (и «подвернувшийся» ему нобелевский лауреат оказался для этого прекрасным поводом). Как пишет в своей биографии А.Ю. Кривицкий, в целом, «мы (советские писатели – прим. Л.Ж.) дружески извинили Стейнбеку его неловкость, усугубленную проворством чиновников госдепартамента тех времен. Но вот вызывающий полет писателя на боевом самолете над истерзанным Вьетнамом вызвал осуждение во всем мире»⁴³⁹.

3.1.3. Советская пресса о Стейнбеке довьетнамского периода (1964-1966)

«Полет писателя на боевом самолете над истерзанным Вьетнамом», о котором говорил Кривицкий, произошел на рубеже 1966-1967 гг., а до этого времени в сознании советского читателя Стейнбек продолжал оставаться дружественным СССР автором,

⁴³⁷ РГАЛИ. Ф. 631. Оп. 26. Ед. хр. 4299. Л. 11-12.

⁴³⁸ Там же. Л. 13-14.

⁴³⁹ Кривицкий А.Ю. Тень друга. Ветер на перекрестке. С. 416.

создателем всенародно любимых книг «Гроздь гнева» и «Зима тревоги нашей», в своем последнем визите – хотя бы на уровне широко известного интервью «Известиям» – подтвердившим свою репутацию писателя-гуманиста и противника войн и свое доброе отношение к советскому народу.

Это хорошее отношение к писателю отразилось в публикациях советской прессы о Стейнбеке 1964-1966-х гг. В некоторых из них содержались отсылки к последней поездке Стейнбека. Например, в статье «Литературной газеты», нацеленной против измышлений американской прессы об СССР, в качестве положительного примера говорится о визите Стейнбека в Ереван:

«Приятным гостем Еревана был Джон Стейнбек. Он познакомился со многими писателями и учеными, художниками, строителями и колхозниками. Он встретил уважение и теплый прием и сам проникся чувством уважения к Советской Армении и армянам.

Стейнбек многое помнит об Армении, исполненный любви и сердечного тепла. Он пишет: «Я будто вижу древний величавый Ереван, который помнит десятки и десятки поколений, маячащих вдаль, как горы, и шагающий в будущее... — прелестную страну и славный народ, хранящий традиции и, что самое главное, непрерывно идущий вперед».

Таким увидел нашу страну и нас Джон Стейнбек»⁴⁴⁰.

Другая статья «Литературной газеты» относилась к визиту Стейнбека в Киев и его посещению музея поэта Т. Шевченко, судьба и лирика которого весьма впечатлили американского автора. В качестве неопровержимого доказательства мирового значения украинского поэта автор статьи А. Полторацкий приводит строки из письма Стейнбека, в котором тот говорит о Шевченко: «Можно ли вплести еще какие-либо слова в венок шевченковской славы — славы, которую безоговорочно признает весь мир? Тот, кто ищет плодов человеческой деятельности, которым суждено жить вечно, — может найти их у Шевченко... Даже ваш любимый Днепр немного изменил свое течение и передвинул свои песчаные косы. Но слова Шевченко, прозвучавшие когда-то, остались неизменными навсегда. И я не знаю, можно ли прибавить еще что-либо для его прославления»⁴⁴¹.

Также «Известия» в качестве объяснения того, почему в кандидаты президенты США от республиканцев был выдвинут Голдуотер, ссылаются на слова своего недавнего визитера: «Пусть ответит столь авторитетный знаток американской жизни, как писатель Джон Стейнбек. В прошлом году он побывал в гостях у «Известий». И когда мы спросили его, может ли в Соединенных Штатах голову поднять фашизм, он ответил:

⁴⁴⁰ Порция желчи: басни американского журнала «Репортер» // Литературная газета. 1964. 4 апреля. С. 4.

⁴⁴¹ Полторацкий А. Джон Стейнбек о Тарасе Шевченко // Литературная газета. 1964. 9 июня. С. 1.

– У нас, в Америке, всегда существовала угроза фашизма. Реакция всегда гнездилась в сердце нашей страны с самого начала, с первых дней после революции (американской). Достаточно сказать, что у нас был Маккарти»⁴⁴².

В 1964 году на подмостках Москвы и Ленинграда успешно шли постановки по прозаическим произведениям американского автора: в МХАТе им. Горького шла инсценировка романа Стейнбека «Зима тревоги нашей» (постановщик – Б. Норд, режиссер – В. Марков, в роли Итена Хоули – П. Массальский), а в Ленинградском академическом театре оперы и балета имени С.М. Кирова – одноактный балет по «Жемчужине» (композитор – Н. Симонян, в главных партиях – К. Федичева, Ю. Соловьев, А. Осипенко, С. Кузнецов, И. Зубковская). Рецензии на эти спектакли были опубликованы с интервалом в полгода в «Советской культуре»⁴⁴³. В 1965 году в Русском драматическом театре им. Леси Украинки также была поставлена впервые переведенная на русский язык пьеса Стейнбека «О мышах и людях»⁴⁴⁴.

В середине 1960-х гг. по следам разразившегося в мировом литературном сообществе спора о «новом романе» (один из этапов которого проходил в Ленинграде в 1963 году – на Конгрессе о судьбах романа, в котором приняли участие известнейшие западные писатели – Жан-Поль Сартр и Симона де Бовуар, Натали Саррот, Уильям Голдинг, Джузеппе Унгаретти, Ганс Вернер Рихтер и др.) Стейнбек в представлении советской прессы стал выступать как яркое живое доказательство превосходства реалистического романа – об этом говорят статьи 1964 г. Р. Самарина «Размышления о романе»⁴⁴⁵ и «Широкой дорогой реализма»⁴⁴⁶.

Кроме того, если в 1940-х гг. после выхода «Гроздьев гнева» все упоминаемые советской прессой случаи, иллюстрирующие «бедственное положение американского фермерства», стали связываться исключительно с этим романом, так после широкого распространения в СССР романа «Зима тревоги нашей» сюжет этого произведения стал универсальным примером пагубного влияния капиталистического уклада жизни на моральные устои американцев. Этот вопрос подробно разбирался в упомянутой литературоведческой работе Р.М. Самарина «Широкой дорогой реализма», статье доктора философских наук И.С. Кона о юношеском самоопределении «Что такое “найти себя”?»⁴⁴⁷,

⁴⁴² Полянов Н. Беседа с читателями: человек, который хочет отменить XX век // Известия. 1964. 18 июля. С. 3.

⁴⁴³ Право быть «средним»? // Советская культура. 1965. 5 января. С. 2-3; Дьяконов А. Несчастливая «Жемчужина» // Советская культура. 1965. 10 июля. С. 3.

⁴⁴⁴ Горят «Днепровские зори» // Литературная газета. 1965. 25 сентября. С. 1.

⁴⁴⁵ Размышления о романе // Правда. 1965. 5 декабря. С. 3.

⁴⁴⁶ Самарин Р. Широкой дорогой реализма // Правда. 1964. 15 ноября. С. 3.

⁴⁴⁷ Кон И. Что такое «найти себя»? // Известия. 1965. 25 августа. С. 4.

А.Н. Николукина «Блудные дети Америки»⁴⁴⁸ и заметке Л.Н. Толкунова «Духовное обнищание: антикоммунизм на службе агрессии», в которой советский автор дает марксистское истолкование проблемам, поднимаемым Стейнбеком в его большом эссе «Америка и американцы»⁴⁴⁹ («кризис правящего класса, который не может выдвинуть сколько-нибудь захватывающих национальных целей, глубокий кризис всего американского общества»⁴⁵⁰).

3.1.4. Публикация в СССР книг Стейнбека и книг о Стейнбеке (1964-1966)

В эти годы появились на свет и первые научные работы о Стейнбеке. Так, «Литературная газета» в начале 1965 года анонсировала⁴⁵¹ появление на советских прилавках книги В.В. Смирновой «Современный портрет»⁴⁵², в которую были включены литературные портреты советских и зарубежных писателей, помимо Дж. Стейнбека, в ней присутствовали статьи об Э. Колдуэлле, Э. Хемингуэе, А. де Сент-Экзюпери, Я. Корчаке. В 1964 году вышла монография М.О. Мендельсона «Современный американский роман»⁴⁵³, одна из глав которого посвящена анализу прозаического наследия Стейнбека. В 1965 году в серии «Современная зарубежная литература» также появилось небольшое по размеру исследование творчества писателя – книга А.А. Федорова «Джон Стейнбек»⁴⁵⁴.

Также в советской печати вышли новые произведения писателя: в 1965 году издательство «Прогресс» опубликовало последнее законченное произведение Стейнбека «Путешествие с Чарли в поисках Америки»⁴⁵⁵. Украинский журнал «Всесвіт» (редактором которого был хорошо известный Стейнбеку по его поездкам в СССР в 1947 и 1963 гг. А.И. Полторацкий) планировал также перевести на русский язык и издать в 1967 году роман Стейнбека «Заблудивший автобус»⁴⁵⁶, что впоследствии не было осуществлено.

Наконец, в 1966 году, по сообщению «Литературной газеты», на заседании Комитета по печати при Совете Министров СССР обсуждался вопрос о выпуске Библиотеки избранных произведений всемирной литературы, который было решено приурочить к 50-летию Великого Октября. Научное руководство изданием планировалось осуществить ИМЛИ имени А.М. Горького Академии наук СССР, а выпуск библиотеки возложить на издательство «Художественная литература».

⁴⁴⁸ Николукин А. Блудные дети Америки // Литературная газета. 1966. 22 декабря. С. 4.

⁴⁴⁹ Steinbeck J. America and the Americans // Saturday Evening Post. 1966. July 2. Pp. 33–38, 40–41, 44, 46–47.

⁴⁵⁰ Толкунов Л. Духовное обнищание: антикоммунизм на службе агрессии // Известия. 1966. 25 августа. С. 2.

⁴⁵¹ Вышли из печати // Литературная газета. 1965. 9 января. С. 3.

⁴⁵² Смирнова В.В. Современный портрет. – М.: Советский писатель, 1964.

⁴⁵³ Мендельсон М. О. Современный американский роман. – М.: Наука, 1964. – С. 269–348.

⁴⁵⁴ Федоров А.А. Джон Стейнбек. – М.: Высшая школа, 1965.

⁴⁵⁵ Стейнбек Д. Путешествие с Чарли в поисках Америки. – М.: Прогресс, 1965.

⁴⁵⁶ Григорьев К. Сто номеров «Всесвіта» // Литературная газета. 1966. 27 октября. С. 4.

В третьей серии издания, представлявшей собой современную литературу XX века и по плану включавшей в себя 70 томов, должны были находиться и избранные сочинения Стейнбека. Однако в 1967 году в силу изменившейся ситуации этого не произошло по идеологическим причинам, и первый двухтомный выпуск «Избранных произведений» Стейнбека с предисловием С. Батурина в той же «Художественной литературе» вышел только в 1981 году⁴⁵⁷.

3.2. Участие Стейнбека во вьетнамской кампании: «ледяной душ» в отношениях с СССР

3.2.1. Стейнбек и война во Вьетнаме: «несмываемое пятно» на литературной репутации (1966-1967)

Изыъявления горячей симпатии к американскому писателю резко обрываются в Советском Союзе с наступлением 1966 года. Это было связано с участием Стейнбека – прямым и косвенным – во вьетнамской кампании, столь диссонировавшим с прежними антивоенными и гуманистическими убеждениями писателя.

В СССР поддержка Стейнбеком ввода американских войск во Вьетнам оказалась полной неожиданностью, поскольку в глазах рядового советского читателя Стейнбек был в первую очередь писателем-гуманистом, певцом справедливости и человеческого достоинства. Так, литовский советский поэт Э. Межелайтис, встречавший долгожданного гостя в московском аэропорту, писал, резюмируя свои мысли о жизни и творчестве Стейнбека: «С той поры, как мы, не отрываясь, прочли «Гроздь гнева», мы знали, что Стейнбек не просто большой писатель, он друг человека. Друг без мизантропии, без прекраснотушия, без фальшивых назидательных сентенций»⁴⁵⁸.

Сам Стейнбек во время своего визита в СССР в 1963 г. неоднократно подтверждал это мнение. В своих многочисленных интервью и заявлениях, сделанных в ходе этого визита, в разговорах на политические темы Стейнбек в первую очередь отмечал то общечеловеческое, что объединяет оба народа, и ратовал за разоружение и прекращение «холодной войны», путь к чему он видел в установлении дружеских контактов между странами, в первую очередь на культурном уровне. Об этом же, к примеру, говорилось в большом интервью с писателем газете «Известия», которое было прочитано тысячами советских граждан:

«И сейчас, когда разговариваешь с писателем, чувствуешь, что, если и есть что-либо для него наиболее ненавистное, так это война. Стейнбек горячо выступает за разоружение,

⁴⁵⁷ Стейнбек Дж. Избранные произведения: в 2-х Т. / Пер. с англ., вступит. статья С. Батурина. – М.: Художественная литература, 1981.

⁴⁵⁸ Межелайтис Э. Познавший «соль земли» // Литературная газета. 1963. 2 ноября. С. 4.

за ликвидацию страха, презрительно говорит об американской доктрине «равновесия страха».

– Самое опасное – это страх! – говорит он. – Я не видел ни одного с ног до головы вооруженного человека, который бы в душе не трясся от страха. Страх заставляет нас вооружаться. Страх должен быть ликвидирован. С ним можно бороться, лишь устанавливая контакты, добиваясь взаимопонимания.

– Если задумаешься над тем, что разделяет американцев и русских и что их объединяет, то можно прийти лишь к единственно правильному выводу: мы более схожи, чем различны. Вот об этом надо говорить, об этом надо писать, это надо утверждать»⁴⁵⁹.

Кроме того, это стойкое, исключавшее любые сомнения убеждение советских людей в том, что Стейнбек займет в этой кампании антивоенную позицию, наглядно демонстрирует небольшая заметка Л. Никулина «Бронтозавры на краю пропасти»: «Мы видим как бы две Америки. Одну Америку – Хемингуэя, Фолкнера, Стейнбека, – страну, где, по словам газет, четырнадцать граждан из пятнадцати стоят за мирное разрешение конфликта. Другая Америка – Америка Голдуотера, Бэрча, белых балахонов, огненных крестов. Именно по ее настоянию продолжается трагедия во Вьетнаме»⁴⁶⁰.

В целом, эта монолитность и однозначность образа Стейнбека, создававшегося в советской прессе со времен выхода его романа «Зима тревоги нашей», писателя-гуманиста, всю жизнь отстаивавшего в своих произведениях право маленьких людей на свободу и на счастье, привела к тому, что поддержка Стейнбеком войны во Вьетнаме стал громом среди ясного неба – полной неожиданностью для тысяч его советских почитателей. В итоге положительный образ Стейнбека, сложившийся в СССР, оказался разбит вдребезги.

3.2.1.1. «My Dear Fiend Genya...» (открытая переписка Стейнбека и Евтушенко о событиях во Вьетнаме)

Знаковым событием в этом контексте стала короткая переписка двух друзей, находившихся по разные стороны «железного занавеса», Дж. Стейнбека и Е. Евтушенко. С советским поэтом Дж. Стейнбек свел знакомство на встрече с молодыми советскими авторами журнала «Юность» в ноябре 1963 года; после отъезда Стейнбека на родину общение писателей продолжилось и переросло в дружбу. Когда в 1965 году многие американские деятели культуры – писатели, драматурги, журналисты, музыканты, выразили свой протест против войны во Вьетнаме, заняв антивоенную позицию⁴⁶¹, в СССР

⁴⁵⁹ Вишневецкий К. Разговаривая со Стейнбеком. С. 4.

⁴⁶⁰ Никулин Л. Бронтозавры на краю пропасти // Литературная газета. 1965. 23 февраля. С. 4.

⁴⁶¹ К примеру, Е. Евтушенко говорит о «двухмиллионной демонстрации в Нью-Йорке против войны во Вьетнаме, когда в одной колонне в обнимку шли Артур Миллер, Бенджамин Спок, Мартин Лютер Кинг и свои песни пели тогда еще совсем молодые Джоан Байез и Боб Дилан» (Морозов А. Поэт Евгений Евтушенко:

эту новость встретили с большим воодушевлением. Е. Евтушенко, который также живо интересовался происходящими во Вьетнаме событиями и общественной позицией своих коллег за рубежом, был удивлен, не найдя в списке американских пацифистов имени Стейнбека. Свое удивление он выразил в стихотворном «Письме Стейнбеку», опубликованном в июльском номере «Литературной газеты» за 1966 год.

В этом письме Евтушенко обращается к «одному из моих любимых писателей и друзей Джону Стейнбеку, у которого я хочу учиться» и вспоминает встречу в редакции журнала «Юность», на которой Стейнбек призвал молодых советских авторов «показать свои зубы», т.е. открыто без боязни высказать свою критическую позицию в отношении того, что происходит в стране. В тот раз советские писатели (среди которых, помимо Е. Евтушенко, были В. Аксенов, Б. Ахмадуллина, А. Вознесенский, А. Гладилин и др.) были вынуждены молчать, скованные присутствием советских и американских дипломатов, но теперь ситуация в корне изменилась, и уже Евтушенко в своем письме призвал американского писателя присоединить свой голос к людям всего мира, протестующим против ведения США войны во Вьетнаме.

В своем обращении Евтушенко напоминает о прежнем революционном духе писателя, его внимании к «униженным и оскорбленным», отстаивании правды и справедливости в своих произведениях:

Кусаться надо, Джон...

Того гляди,

и вовсе потеряют зубы прочность.

Пусть чьи-то «Гроздья гнева» впереди,

но неужели Ваши –

только в прошлом?!

Всегда умели слушать время Вы.

Вы слышите –

из дальнего Вьетнама

сквозь джунгли

до Нью-Йорка,

до Москвы

летит,

прося защиты:

Скука – мать фашизма // Новые известия. 2005. 12 декабря. С. 5). По всей видимости, речь идет о Марше протеста против войны во Вьетнаме, состоявшегося 27 ноября 1965 года, в котором приняли участие А. Миллер, Б. Спок, М.Л. Кинг и другие известные общественные деятели США.

«Мама... мама...»

И Чарли Ваш когтями пол скребет,
и Вам не страшно этими ночами,
когда летит детей бомбить пилот,
быть может,

с Вашей книгою о Чарли?!..⁴⁶²

Это письмо было переведено и опубликовано спустя несколько дней в «New York Times»⁴⁶³. Спустя несколько дней Стейнбек дал ответ Евтушенко, который был напечатан в лонг-айлендской газете «Newsday»⁴⁶⁴.

В своем открытом письме Стейнбек, во-первых, подтверждает свое отрицательное отношение к войнам в целом и добавляет, что к этой «инициированной Китаем» войне он испытывает особую «личную ненависть». Однако писатель замечает, что Евтушенко в своем письме говорит лишь об одной стороне войны – вводе американских войск во Вьетнам, но не упоминает об участии СССР в этом конфликте, о чем советский поэт не может не знать: «Так же, как и я, Женя, ты знаешь, что мы бомбим нефтяные склады, транспорт и тяжелые, современные орудия, от которых умирают наши сыновья. Откуда происходит эта нефть и орудия вы должны знать лучше, чем я. Они все маркированы китайскими иероглифами или кириллицей»⁴⁶⁵. В соответствии с этим Стейнбек выступает со встречным предложением к Евтушенко – осудить всю войну, и американскую, и советскую ее составляющие.

Также Стейнбек в своем письме утверждает, что ввод американских войск во Вьетнам оказался лишь ответом на присутствие в этой стране иностранных сил, что не позволяет говорить об этом конфликте как исключительно внутривьетнамском.

Во-вторых, Стейнбек со своей стороны призывает Евтушенко употребить свое влияние как писателя, чтобы убедить людей и правительство остановить посылку «убийственных» грузов в Северный Вьетнам, которые могут быть использованы против Южного Вьетнама. В свою очередь нобелевский лауреат обещает, что при выполнении СССР этих условий, американские войска и орудия будут выведены из Вьетнама «мгновенно и автоматически»⁴⁶⁶.

И наконец, он заключает, что в тот момент, когда Северный Вьетнам согласится добросовестно начать переговоры, «бомбардировки прекратятся навсегда. Ружья тихо

⁴⁶² Евтушенко Е. Письмо Джону Стейнбеку: Стихи. С. 4.

⁴⁶³ Anderson R. H. Soviet Poet Bids Steinbeck Speak // New York Times. 1966. July 8. P. 6.

⁴⁶⁴ Anderson R. H. Moscow Reports Steinbeck Reply // New York Times. 1966. July 17. P. 5.

⁴⁶⁵ Steinbeck J. An Open Letter to Poet Yevtushenko // Newsday. 1966. July 11. P. 3.

⁴⁶⁶ Ibid.

опустятся, и наши дорогие сыновья вернутся домой. Это так же просто, как то, мой дорогой друг, что я очень надеюсь вскоре увидеть тебя и твою жену Галю»⁴⁶⁷.

Вскоре «New York Times» опубликовал сообщение, что письмо Стейнбека «Литературной газетой» получено и рассматривается⁴⁶⁸. По словам американского издания, редактор «Литературной газеты» на вопрос о содержании письма Стейнбека, которое должно было появиться на страницах советской печати, заявил: «Ждите и увидите»⁴⁶⁹.

В заметке «New York Times» также было отмечено, что при публикации в Советском Союзе письма Стейнбека с его недвусмысленной критикой политики Ханоя, Пекина и Москвы у «Литературной газеты» могут возникнуть заметные трудности, поскольку для советских читателей это будет «первым указанием на то, что упомянутые столицы несут часть ответственности»⁴⁷⁰ за происходящие в Южном Вьетнаме события.

Тем не менее, реакция на письмо Стейнбека все-таки последовала в «Литературной газете» появилась заметка под названием «И вот Стейнбек нарушил молчание...»⁴⁷¹. Однако вместо непосредственной публикации стейнбековского «открытого письма советскому поэту Евтушенко» в статье «Литературной газеты» содержался его краткий пересказ следующего содержания: «Джон Стейнбек ответил на днях в американской газете «Newsday» на это письмо. Он не только отвергает содержащийся в стихах Евтушенко призыв осудить агрессию США, но и фактически оправдывает действия Белого дома и Пентагона. Стейнбек пытается отрицать очевидные всему миру факты – бомбардировку мирных городов и сел, убийство мирных жителей, женщин и детей. Он повторяет избитые аргументы официальной пропаганды США, искажающие правду о войне во Вьетнаме и ее виновниках»⁴⁷².

После этого газета ссылается на мнение о позиции Стейнбека других иностранных изданий и приводит с сокращениями статьи коммунистических и левых газет – американской «Worker», французской «L'Humanite», а также независимой «Le Monde».

«Worker» в заметке, озаглавленной «Падение Стейнбека» сообщает, что в своем ответном письме Стейнбек предстал в качестве «сторонника политики Джонсона во Вьетнаме» и, чтобы оправдать себя, не стал считаться с фактами. Журналист «Worker» пишет: «Он утверждает, что эта война «вдохновлена китайцами», когда всем известно, что война во Вьетнаме продолжается только потому, что президент Джонсон отправил во Вьетнам сотни тысяч американских солдат, тысячи американских самолетов и десятки

⁴⁶⁷ Ibid.

⁴⁶⁸ Steinbeck's Letter Meets Soviet Delay // New York Times. 1966. July 15. P. 10.

⁴⁶⁹ Ibid.

⁴⁷⁰ Ibid.

⁴⁷¹ И вот Стейнбек нарушил молчание // Литературная газета. 1966. 16 июля. С. 4.

⁴⁷² Там же.

американских военных кораблей, тщетно пытаюсь подавить сопротивление миролюбивого народа, борющегося за свободу»⁴⁷³. Напоследок автор заметки советует Стейнбеку, иронизирующему по поводу мнения Евтушенко, что американские летчики бомбят детей, чаще «читать американские ежедневные газеты, и тогда он увидит, что это именно то, что совершают «наши летчики»⁴⁷⁴.

Автор заметки «Le Monde» говорит о том, что Стейнбек просто-напросто «переводит стрелки». По его словам, «Стейнбек как бы говорит ему: «Стреляйте первыми» или, вернее: «Прекратите огонь первыми», или еще точнее: «Первыми добейтесь прекращения огня», учитывая, что «именно американцы находятся в Южном Вьетнаме, а не русские, и даже не китайцы, и даже не северные вьетнамцы»⁴⁷⁵.

Андре Вюрмсер⁴⁷⁶, автор статьи «Причины гнева», опубликованной французским коммунистическим изданием «L'Humanité», также один за другим ниспровергает доводы Стейнбека. Французский писатель, член французской коммунистической партии, заявляет: «Тот, кто молчит, когда совершается преступление, отрекается от Ромена Роллана, Золя и Виктора Гюго. Стейнбек знает это, и его ответ – попытка оправдаться, которая не убедит ни одного из почитателей «Гроздьев гнева»⁴⁷⁷. Касательно обещания Стейнбека вывести американские войска из страны, когда Советский Союз перестанет поставлять оружие повстанцам, а Южный Вьетнам пойдет на переговоры, журналист язвительно замечает: «Спрашивается, с каких это пор грабители, проникшие в чужой дом с помощью взлома, требуют, чтобы пострадавший вел с ними «переговоры со всей искренностью»?»⁴⁷⁸

В заключение, Вюрмсер выносит приговор политике, проводимой во Вьетнаме правительством США: «Плохо скрываемая истина заключается в том, что Соединенные Штаты, затеявшие военную интервенцию, которая их бесчестит, считают себя достаточно сильными, чтобы предписывать развязанной ими войне именно то завершение, которое им угодно: вы-де, мол, согласитесь с нашими условиями или мы вас уничтожим, да еще мы обвиним вас в половине наших преступлений, и, кроме того, мы обвиним тех, кто будет помогать вам защищаться, что они убивали наших детей...»⁴⁷⁹

⁴⁷³ Там же.

⁴⁷⁴ Там же.

⁴⁷⁵ Там же.

⁴⁷⁶ Андре Вюрмсер (André Wurmser, 1899-1984) – французский писатель, журналист, критик. Член французской коммунистической партии с 1934 г. С 1954 г. – член редакции газеты «L'Humanité». С 1935 г. был членом исполнительного комитета Ассоциации друзей Советского Союза и главным редактором ее журнала «Russie d'aujourd'hui» («Россия сегодня»), его очерки и статьи с конца 1950-х часто появлялись в советских газетах; после его поездки в Советский Союз, в СССР была издана его книга «СССР с открытым сердцем» («L'URSS à coeur ouvert», 1960, совместно с Л. Мамаином, рус. пер. 1961)».

⁴⁷⁷ И вот Стейнбек нарушил молчание. С. 4.

⁴⁷⁸ Там же.

⁴⁷⁹ Там же.

Наконец, рядом со статьей на странице «Литературной газеты» была помещена фотография вьетнамской женщины с обезображенным ребенком на руках, после которой следует набранная курсивом надпись: «Вот они, страшные следы американских бомбардировок во Вьетнаме: женщина с тяжелораненым ребенком на руках в южновьетнамской деревне. Эту фотографию публикует американский журнал «Лайф». Странно, что писатель Стейнбек не видел этот и ему подобные многочисленные снимки, которые изо дня в день появляются в журналах и газетах его страны»⁴⁸⁰.

Таким образом, по совокупности всех составляющих по прочтении данной заметки «Литературной газеты» у советских читателей складывался новый образ Стейнбека как непоследовательного писателя, предавшего в угоду руководящей политике Белого дома свои гуманистические идеалы времен «Гроздьев гнева» и цинично закрывающего глаза на судьбу беспомощных вьетнамских детей, ежесекундно находящихся под обстрелом американских войск.

При этом, разумеется, поскольку оригинал письма Стейнбека не был напечатан, в публикации «Литературной газеты» остались за скобками не только его политические аргументы, но и мягкий дружественный тон писателя, его призыв смотреть на ситуацию не столь однозначно и не перекладывать полностью ответственность за происходящее на одну из сторон.

После данного инцидента имя Стейнбека надолго пропадает из советской печати. Оно появляется там только в начале 1967 года, после того как Стейнбек в декабре 1966 года самолично приезжает в Сайгон и начинает публиковать в «Newsday» заметки о жизни американских солдат во Вьетнаме под названием «Письма к Алисии»⁴⁸¹.

3.2.1.2. «Письма к Алисии»: причины поддержки Стейнбеком американских действий во Вьетнаме

Возникает вопрос, почему Стейнбек, чье творчество, как еще недавно подчеркивала советская критика, от первой до последней книги пропитано гуманизмом, настоящей любовью к человеку⁴⁸², в годы Вьетнамской войны сознательно выбрал и открыто отстаивал эту позицию – защитника официальной линии Белого дома, говорившей о необходимости военной интервенции США во Вьетнам.

⁴⁸⁰ Там же.

⁴⁸¹ Steinbeck J. Letters to Alicia // Newsday. From 3 December 1966 through 20 May 1967.

⁴⁸² Р.Д. Орлова и И.А. Левидова в своих статьях «Деньги против человечности» (Иностранная литература, 1962. № 3. С. 197-208) и «Послевоенные книги Джона Стейнбека» (Вопросы литературы, 1962. № 8. С. 122-142) сходятся во мнении об активном гуманизме и «борьбе за человеческое в человеке» как основной и ведущей теме всего творчества американского писателя, формального разного и неровного.

Существует ряд причин и жизненных обстоятельств писателя, которые в середине 1960-х гг., привели его к этой позиции⁴⁸³. Во-первых, необходимо назвать глубокую неприязнь американского писателя к коммунистическому строю и диктатуре советской власти, которая, по словам биографа Стейнбека Дж. Бенсона, окончательно оформилась после его последней поездки в СССР в 1963 году. По мнению биографа, «Советский Союз с его чистками и лишением свободы в его сознании был куда ближе к нацистской Германии, чем к социалистической Швеции. Подобное восприятие не было новой его позицией, но оно росло в нем все сильнее, чем старше он становился, не потому что он делался все консервативней, но потому, что появлялось все больше информации о России сталинских времен, и он видел все меньше оправданий для совершавшихся репрессий. Но политика, связанная с этим доктринами и реабилитациями, была не столь важна для него – его больше заботило реальное человеческое поведение, которое могло помогать или вредить другим людям»⁴⁸⁴. Однако вновь важно отметить, что эта ненависть Стейнбека к советскому руководству не просто не противоречила, но органично вытекала из его личной приязни к советским людям, многих из которых он любил и уважал, вел с ними переписку на протяжении всей своей жизни. С точки зрения писателя, тоталитарная советская система губила и уродовала лучшее в людях: стремление к творчеству и свободе, разрушала их жизнь, была источником постоянного страха и гнета. В качестве примера можно привести слова Стейнбека из одного из «писем к Алисии»: «Это неизменная практика коммунистов – работать очень медленно, потихоньку затягивать петлю, так что жертва верит, что это новый галстук. Затем, когда все готово, они нападают, мгновенно и безжалостно. Оппозиция полностью разбита, и бедные идеалисты, помогавшие им, разгребают эту кучу экскрементов. Этот процесс невозможно изменить»⁴⁸⁵.

Люди, борющиеся против распространения этого «зла» на Востоке, ставившие под угрозу свою жизнь, представлялись Стейнбеку настоящими героями. По словам Дж. Бенсона, «в его глазах они демонстрировали тот тип рожденного в бедствиях благородства, который он видел в знакомых ему с юности людях, противостоявших

⁴⁸³ Важно отметить, что мнение писателя по вопросу участия США во вьетнамской кампании не было линейным и претерпевало изменения в течение 1965-1967 гг. По мнению Дж. Бенсона, точка зрения писателя на вьетнамскую войну в своем основании совершила полный круг: от сомнений в необходимости участия в этой войне американской стороны (лето 1965 г., письмо Стейнбека к Дж. Валенти) к безоговорочному принятию военного вторжения во Вьетнам, кульминацией которому стала работа Стейнбека военным корреспондентом в Сайгоне и публикация им «писем к Алисии» (лето 1966 г. – зима 1967 г.), и, наконец, возвращению к усиливающемуся скепсису в отношении этой войны (лето 1967 г., письмо Стейнбека к Э. Отис). [Benson J. J. The True Adventures of John Steinbeck, Writer: a Biography. P. 967, 1018.]

⁴⁸⁴ Ibid. P. 967.

⁴⁸⁵ Steinbeck J. Letters to Alicia // Newsday. 1967. May 6.

Пыльному котлу⁴⁸⁶, банкам и насмешкам коренных калифорнийцев. Наши солдаты сражались за выживание других людей и за человеческое достоинство против враждебного окружения, против жестокого и совершенно беспощадного врага, ограниченные в средствах ведения боя, без полной поддержки и понимания у себя на родине»⁴⁸⁷. И в письме президенту Джонсону от 18 января 1967 года Стейнбек счел нужным выделить в качестве своего главного впечатления во Вьетнаме исключительное достоинство американских солдат, участвующих в этой кампании: «Я был во Вьетнаме около шести недель и большую часть этого времени провел на полях сражений с нашими войсками всех подразделений так же, как с некоторыми из войск союзников. <...> В действительности я был свидетелем первой атаки операции Тейер II, хотя не писал об этом, поскольку операция еще не была закончена. Я думаю, что я знаю сейчас наших мужчин очень хорошо, поскольку я жил с ними и стрелял вместе с ними. Я знаю, мистер Президент, что у вас имеется множество ваших официальных источников информации. Но я хотел бы сказать вам свое совершенно личное мнение, что во Вьетнаме мы имеем лучших, отлично тренированных, самых интеллигентных и самых преданных солдат, которых я видел в какой бы то ни было армии, а я их видел много в свое время. Это лучшие люди, которых у нас когда-либо были»⁴⁸⁸.

Если Евтушенко в 1966 году и много лет спустя видел американских патриотов в людях, выступающих против войны во Вьетнаме, считая, что «сущность истинного патриотизма в том, «чтобы открыто бороться против того, что пятнает честь нации», т.е. против «новых варварских налетов американской авиации на мирные города Вьетнама»⁴⁸⁹, и к этому же он призывал и Стейнбека, то для американского писателя молодые демонстранты, «мирники» (peaceniks) или «вьетники» (Vietnicks), как их называл в своих письмах Стейнбек, составляли, напротив, не честь, но позор нации, воплощая в себе все ее недостатки: эгоизм, избалованность, потакание своим личным желаниям и отсутствие чувства ответственности перед своей страной. Так в другом своем «письме к Алисии» Стейнбек сравнивает людей, воюющих во Вьетнаме и оставшихся в Америке:

«В подлеске, тоньше которого я не видел, видны лица и в действительности только глаза. Пестрые каски и камуфляж теряются на общем фоне. Черные и белые лица от пота и грязи становятся универсально рыже-серыми. Только глаза остаются живыми и выразительными. И, когда мы устраиваемся и ротор замолкает, открываются рты и они

⁴⁸⁶ Пыльный котел (англ. Dust Bowl) – серия катастрофических пыльных бурь, происходивших в прериях США и Канады в 1930-1936 гг. Это явление, совпавшее по времени с Великой депрессией в США, вызвало большой отток населения из расположенных в прериях штатов. События этого времени были положены в основу романа Дж. Стейнбека «Гроздь гнева» (1939).

⁴⁸⁷ Benson J. J. The True Adventures of John Steinbeck, Writer: a Biography. P. 969.

⁴⁸⁸ Там же. P. 1008.

⁴⁸⁹ Евтушенко Е. Письмо Джону Стейнбеку: Стихи. С. 4.

снова мужчины и какие мужчины! Можете ли вы понять мимолетный отсвет гордости, которая возникает от одного осознания принадлежности к той же породе, что и они?

Я полагаю, что это нечто противоположное той дрожи стыда, который я иногда испытываю дома, когда вижу вьетников, грязные одежды, грязные умы, кислый запах отходов и их неприятных и бесплодных раздутых товарищей. Их ерзанье, медлительные протесты, в которых они призывают не убивать людей, весьма нелепы. Они-то сами в безопасности. Они сами ударить-то не смогут»⁴⁹⁰.

В этом описании видно, что Стейнбек по-прежнему стоит на позициях гуманизма, защиты, прежде всего, человеческого в человеке и ненависти ко всему, что, по словам советского исследователя Стейнбека Р.Д. Орловой, «уродует человека»⁴⁹¹. Однако представления о том, что есть добро и зло для человека, что необходимо отстаивать и против чего бороться, у него и советских людей были прямо противоположными.

Кроме того, определенное влияние на позицию Стейнбека в этом вопросе оказывало личное общение и дружба писателя с президентом Джонсоном. Стейнбек во многом разделял мнение президента о событиях во Вьетнаме и о том, что является национальным долгом американцев как защитников демократических принципов во всем мире, а также считал нужным поддерживать его при принятии важных политических решений, несмотря на их критику со стороны общественности. Л. Д. Джонсон в свою очередь не скрывал своей признательности писателю и, например, после прочтения открытого письма Евтушенко президент написал Стейнбеку 12 июля 1966 г.: «Ваши слова сказали то, что я сам пытался сказать, и вы сказали это убедительно и тепло – почему наше дело правое и почему мы должны сражаться, и как мир сможет войти в эту маленькую страну, если агрессор просто отправится домой. Как обычно, Джон, вы проникли в самую суть дела и это то, что по-настоящему ценно»⁴⁹².

Немаловажным было и непосредственно личное отношение Стейнбека к этой войне, которая затрагивала весьма уязвимую часть его природы: оба сына Стейнбека проходили военную службу, причем младший – Джон IV Стейнбек служил непосредственно во Вьетнаме. Поэтому строки Стейнбека о советских орудиях, которыми убивают «американских сыновей», могут быть не очень сильным аргументом с политической, рациональной точки зрения, но выдают личную боль и переживания писателя.

Обозначенные выше причины привели к тому, что, по словам исследователя творчества Стейнбека Т. Хаяши, «поддержка президента Джонсона и его политики

⁴⁹⁰ Steinbeck J. Letters to Alicia: «I wish I could tell you» // Newsday. 1967. January 7. P. 2W.

⁴⁹¹ Орлова Р.Д. Деньги против человечности. С. 208.

⁴⁹² Benson J. J. The True Adventures of John Steinbeck, Writer: a Biography. P. 994.

американизации войны во Вьетнаме стали для Стейнбека личным, моральным и политическим долгом»⁴⁹³.

Наконец, важно отметить, что вьетнамская кампания совпала по времени с очень сложным периодом в жизни писателя, связанным с резким ухудшением здоровья и потерей близких людей (многолетнего издателя и друга Паскаля Ковичи, сестры Мэри, друга и единомышленника Адлая Стивенсона). На это накладывались трудности Стейнбека в творческой сфере, вызванные, не в последнюю очередь, неприятием американской критикой последнего романа писателя «Зима тревоги нашей». Поездка во Вьетнам в качестве военного корреспондента была для Стейнбека возможностью не только вспомнить события двадцатилетней давности, свое участие в боевых действиях в Европе во времена Второй мировой войны, но и писать, высказывать свое мнение о событиях этой кампании, имеющей историческое значение для него и всей страны.

Кроме того, сам формат работы Стейнбека – необходимость писать статьи для периодического издания о том, что происходит в его окружении здесь и сейчас – не позволял автору особенно углубляться в материал, подвергать его рефлексии, поскольку не предполагал наличия времени на его осмысление с разных сторон (этого времени у Стейнбека не будет и после его возвращения на родину, сопровождавшегося быстрым ухудшением его состояния и скорой кончиной). Отсюда же повышенное внимание писателя к людям, к различным видам вооружения, зачастую приводившее к желанию опробовать их самолично, и восхищение людьми: солдатами, летчиками, снайперами – профессионалами своего дела, что внешне сильно расходилось с гуманистическими установками Стейнбека (и что сделала основным предметом обсуждения зарубежная левая и советская пресса в 1967 г.).

Несмотря на то, что либеральная американская критика⁴⁹⁴, в отличие от советской, не была столь категорична в своей оценке происходящего, во вьетнамских письмах Стейнбека она также вычитывала в первую очередь воинствующий пафос его заметок, оправдание политики Белого дома, ведущего эту войну, и осуждение приверженцев антивоенного движения – «мирников». Исследователи М.Р. Глэдстейн и Дж. Х. Мередит в работе «Джон Стейнбек и трагедия Вьетнамской войны» отмечают, что, будучи другом и единомышленником президента Джонсона и патриотом Америки, верящим в демократию, Стейнбек в своих «письмах к Алисии» демонстрировал на публике непоколебимую веру в правильность выбранного курса, отвращение к коммунизму и необходимость продолжения

⁴⁹³ Hayashi T. John Steinbeck and the Vietnam War // Steinbeck Monograph Series. Vol.12. – Muncie, IN: Steinbeck Research Institute, Ball State University, 1986. P. 12.

⁴⁹⁴ См. напр.: Steinbeck Loses Bet // New York Times. 1967. January 12. P. 2; Steinbeck Up Front // Newsweek. 1967. January 30. P. 71.

войны, что закрепило за ним в американской среде определение «hawkish» – ястребиный, воинствующий. Сомнения в нравственной оправданности этой войны, чувство справедливости и сочувствия угнетенным, его любовь к Америке стали предметом его внутренних личных переживаний, изложенных в письмах, адресованных друзьям и близким⁴⁹⁵.

Кроме того, Дж. Бенсон сообщает, что, «за исключением атак коммунистических изданий из-за границы, в его собственной стране последовало очень мало реакции во время печати этих писем и даже после. Позднейшие отзывы были по большей части беглыми отсылками к его «провоенной позиции во Вьетнаме» или «ястребиным» взглядам на войну (как, например, в некрологах), а его дружба с Джонсоном стала рассматриваться в качестве предмета насмешки или сожаления, но вновь – очень поверхностно, бегло. Настоящая же горечь, которую породили его отчеты о войне на родине писателя, казалось, чаще всего выражалась лично, иногда друзьями Стейнбека, но гораздо чаще его знакомыми»⁴⁹⁶.

Таким образом, следом за американскими исследователями писателя (Джексон Дж. Бенсон, Тетсумаро Хаяши, Мими Р. Глэдстейн и Джеймс Х. Мередит) можно заключить, что позиция Стейнбека в отношении вьетнамской войны была нелинейной, развивающейся на всем протяжении этого конфликта: от попытки обоснования присутствия американских войск во Вьетнаме (как, например, в письме, адресованном Евтушенко), сменившейся его деятельностью в качестве военного корреспондента, находящегося по одну сторону фронта с американскими солдатами, до переосмысления войны в последний год жизни писателя, после получения писем от сына, участвующего в боевых действиях, и начала непосредственной рефлексии над увиденным (см. письмо Стейнбека Э. Отис 31 августа 1967 года⁴⁹⁷). Тем не менее, убеждение Стейнбека в 1966-1967 гг. о необходимости ведения войны во Вьетнаме не только не противоречило его гуманистическим убеждениям, но, напротив, вытекало из них, и в этом отношении было не антитезой, предательством идей его романа «Гроздьев гнева» (как о том писалось в советской прессе), но их логичным продолжением.

Стоит отметить, что политические и идеологические разногласия двух писателей – Джона Стейнбека и Евгения Евтушенко не сумели пробить брешь в их личных дружеских отношениях, о чем советский поэт пишет в статье «Выдержанное вино из “Гроздьев гнева”» (2002).

⁴⁹⁵ Gladstein M.R., Meredith J.H. John Steinbeck and the Tragedy of the Vietnam War // Steinbeck Review. 2011. Vol. 8. Issue 1. P. 54.

⁴⁹⁶ Benson J. J. The True Adventures of John Steinbeck, Writer: a Biography. P. 1009.

⁴⁹⁷ Steinbeck: A Life in Letters. P. 847-849.

В ней он сообщает, что спустя несколько месяцев после обмена письмами в «Литературной газете» и «Newsday» в ноябре 1966 года, когда поэт прибыл в США для выступления на поэтических вечерах в различных городах страны, перед его дебютом в Куинс-колледже два писателя связались друг с другом по телефону. Евтушенко спросил Стейнбека, не обидело ли его летом стихотворение, на что последовал ответ:

– Нет... – ответил он. – Задело, но не обидело. Знаешь, по-моему, в этой истории мы оба не правы – и ты и я. И знаешь в чем? В таких случаях нельзя принимать ничью сторону, потому что обе стороны в чем-то виноваты. Жаль, что я это понял с опозданием. Ты это тоже когда-нибудь поймешь⁴⁹⁸.

По словам Евтушенко, в начале вечера он, во время его представления публике, отыскал глазами Стейнбека, подошел, обнял его и поцеловал руку его жене. После в американской прессе это было представлено как то, что советский поэт изменил своей антивоенной позиции и просил у Стейнбека прощения за свое стихотворение, что, разумеется, вновь не соответствовало истине. Стейнбек сам написал опровержение в газету, но прежде позвонил Евтушенко. В своей статье поэт приводит слова Стейнбека:

«← Eujenio, que cabrones ellos son – estos periodistos⁴⁹⁹... – прорычал он по-испански. – Они хотели бы всех нас поссорить насмерть, потому что не умеют любить и завидуют всем, кто любит друг друга. Не обращай внимания на эту провокацию. Я сам написал им ответ. Завтра прочтешь. <...> Pego recuerda. Eujenio – quando escribes prosa, hay que usar sobre la silla el culo completo... claro, que juntos con el corazon⁵⁰⁰. Мы тебя ждем с женой в следующий четверг – это твой свободный день. Я хочу тебе прокрутить мой старый фильм “Вива Сапата!” <...> Не забывай клич из “Книги Джунглей” “Мы одной крови – ты и я...” Я не забыл этого клича, Джон»⁵⁰¹.

3.2.2. Советская пресса о смерти писателя (1967-1968)

По словам Дж. Бенсона, произошедшая история сильнейшим образом сказалась на уже ослабленном здоровье писателя, в последние годы перенесшего два сердечных приступа. Позднее Стейнбек писал другу Карлтону А. Шеффилду: «Не понимаю, как я впутался в эту дискуссию. Ведь я знаю ничуть не больше, чем все те, кто совершает эти ошибки»⁵⁰².

С 1967 года в СССР начался очередной виток травли Стейнбека в советской прессе. Писатели и журналисты, знавшие Стейнбека по его нескольким поездкам в страну,

⁴⁹⁸ Евтушенко Е. Выдержанное вино из «Гроздьев гнева». С. 53.

⁴⁹⁹ «Какие козлы эти самые «журналисты» (прим. Е.А. Евтушенко). [Там же].

⁵⁰⁰ «Но помни, Eujenio, – когда пишешь прозу, все-таки нужно сидеть на стуле не частью задницы, а полностью... Желательно вместе с душой» (прим. Е.А. Евтушенко). [Там же].

⁵⁰¹ Там же.

⁵⁰² Steinbeck: A Life in Letters. P. 852.

посвящавшие ему хвалебные отзывы несколько лет тому назад, после ознакомления с его «Письмами к Алисии» мгновенно отреклись от автора «Гроздьев гнева».

В СССР «Письма к Алисии» упоминались и приводились либо в пересказе, либо фрагментарно – в контексте авторских статей, обличавших «перо, отданное Пентагону»⁵⁰³, «замаравшее себя в грязи несправедливой войны»⁵⁰⁴. В этот момент на нобелевского лауреата вновь вылились потоки грязи и обвинений в чрезмерной гордыне, тщеславии, жестокосердии, человеконенавистничестве; были даже сравнения с соратниками Гитлера. Например, датский писатель-коммунист Ханс Шерфиг в своей заметке, опубликованной в «Литературной газете», пишет: «Известно: ни один сколько-нибудь значительный немецкий писатель в годы гитлеровской войны не опускался так низко. Не нашлось ни одного выдающегося немецкого литератора, который бы защищал зверства нацистов. Томас Манн занимал совершенно иную позицию, чем Джон Стейнбек»⁵⁰⁵.

Статья С. Кондрашова «Перо, отданное Пентагону» фактически представляет собой пасквиль на материалы в «Newsday», призванный вызвать отторжение у советских читателей: «Кто же автор сих творений, уподобляющий убийц в чужом небе виолончелистам и гордый оттого, что принадлежит к «тем же особям». Имя его Джон Стейнбек. Нет, не однофамилец. Тот самый. 64 лет от роду знаменитый писатель добровольно отправился в Южный Вьетнам, чтобы поставить свое перо и свою репутацию на службу грязной войне. Желанный гость генерала Уэстморленда, он не просто пишет. Стейнбек еще и стреляет. В канун нового года ему позволили пальнуть из 105-миллиметровой гаубицы в расположение партизан под Сайгоном. Он счел это за «большую честь». «Это был гордый момент», – писал он Алисии»⁵⁰⁶.

Украинский писатель Натан Рыбак, с которым Стейнбек дважды встречался в СССР, в своей статье заявил следующее: «Несколько лет назад во время пребывания в Киеве Джон Стейнбек подарил мне книгу с теплым автографом. Теперь я перечитываю слова, написанные его рукой, и содрогаюсь от сознания, что эта же рука выводила недавно строки, оправдывающие американскую напалмовую чуму на вьетнамской земле. Совместимо ли это с пониманием писателем своей ответственности перед человечеством?»⁵⁰⁷

В целом, на репутации Стейнбека в СССР до конца жизни писателя и еще долго после его смерти стояло клеймо «изменника», предавшего свои гуманистические идеалы времен

⁵⁰³ Название получившей широкую известность статьи «Известий». (Кондрашов С. Перо, отданное Пентагону // Известия. 1967. 9 января. С. 5).

⁵⁰⁴ Там же.

⁵⁰⁵ Шерфиг Х. 100 строк зарубежного публициста: непредумышленное убийство // Литературная газета. 1967. 11 января. С. 9.

⁵⁰⁶ Кондрашов С. Перо, отданное Пентагону. С. 5.

⁵⁰⁷ Рыбак Н. Мы в ответе за будущее человечества // Литературная газета. 1967. 7 июня. С. 1.

«Гроздьев гнева». Так, спустя год после смерти писателя А.Б. Чаковский⁵⁰⁸ во время публичного выступления на Объединенном пленуме правлений творческих союзов СССР в декабре 1969 г. скажет о нем: «Этот человек в глазах прогрессивных людей мира умер задолго до своей физической смерти, он умер как художник и гражданин, когда полетел на военном самолете во Вьетнам и с удовольствием наблюдал, как летчик бьет пулеметными очередями по мирному населению Вьетнама»⁵⁰⁹.

Смерти писателя в СССР была посвящена небольшая заметка в «Литературной газете», написанная Я.Н. Засурским. Свой некролог советский автор со следующего определения: «20 декабря в возрасте шестидесяти шести лет скончался Джон Стейнбек — один из крупнейших и в то же время самых противоречивых американских писателей XX века»⁵¹⁰.

Кратко отметив крупные достижения писателя – романы «Гроздьев гнева» (о котором автор статьи сказал, что «никогда больше после этого Стейнбек не достигал такой глубины и силы реалистического искусства»⁵¹¹), «Зима тревоги нашей», упомянув присуждение ему Нобелевской премии, Засурский перешел к последним событиям жизни писателя: «К сожалению, Джон Стейнбек далеко не всегда оказывался на высоте ответственности перед человечеством. Его выступления в поддержку агрессии США во Вьетнаме не только перечеркнули его гражданскую репутацию, оттолкнули от него читателей, но и губительно отразились на его литературном таланте. В последние годы он не создал сколько-нибудь значительных произведений»⁵¹².

Вердикт, вынесенный американскому классику советским критиком, а вместе с ним и всей советской литературной общественностью, был следующим: «Джон Стейнбек останется в истории американской литературы как художник большого масштаба, и вместе с тем как человек, который в напряженный момент борьбы очутился по ту сторону баррикады, попытавшись защитить неправо дело»⁵¹³.

Возвращение Стейнбека к советскому читателю состоялось спустя почти двадцать лет после смерти писателя – на рубеже 1970-1980-х гг. Тогда один за другим стали выходить переиздания его книг: «Квартал Тортилья-Флэт» и «Жемчужина» (1977), избранные произведения в двух томах (1981, 1988), сборник писем Стейнбека «Посмотрим правде в

⁵⁰⁸ Чаковский Александр Борисович – советский писатель, журналист, главный редактор журнала «Иностранная литература» (1955-1963), «Литературной газеты» (1962-1988). Неоднократно встречался со Стейнбеком во время его приезда в СССР в 1963 году.

⁵⁰⁹ Выступление Александра Чаковского // Литературная газета. 1969. 17 декабря. С. 4.

⁵¹⁰ Засурский Я. Умер Стейнбек // Литературная газета. 1968. 25 декабря. С. 9.

⁵¹¹ Там же.

⁵¹² Там же.

⁵¹³ Там же.

глаза» (1985), «Гроздь гнева» и «Зима тревоги нашей», (1987, 1988), шеститомное собрание сочинений (1989) и «Русский дневник» (1989).

В XXI веке в России были опубликованы остальные художественные произведения Стейнбека: «Неведомому Богу» (2000), «Короткое правление Пипина IV» (2004), а также его последний неоконченный роман – «Легенды о короле Артуре и рыцарях Круглого Стола» (2010).

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Обширный и разнообразный фактический историко-литературный материал, представленный в исследовании, тем не менее, позволяет выстроить динамичную, но при этом достаточно цельную картину отношений писателя Дж. Стейнбека и СССР. «СССР», к которому должен был выработать и определить свое отношение Стейнбек, – понятие многоплановое. Оно включает советский строй, идеологию, общественные и, в особенности, литературные институты, конкретных людей – советских вождей, писателей, литературных критиков, журналистов, чиновников от литературы, представителей общественных организаций, наконец, простых советских людей, с некоторыми из которых Стейнбек знакомился лично и общался в ходе своих поездок в Советский Союз. Кроме того, это также и советский читатель – понятие обобщенное, но для писателя, вместе с тем, и вполне конкретное. Читатель – тот, кому адресовано писательское творчество, был в СССР «точкой схождения» всех силовых линий: читатель воплощал все лучшее, что Стейнбек обнаружил в простых советских людях и в коллегах по цеху; и вместе с тем, как писатель отлично понимал, читательская масса была объектом воздействия советской пропаганды, идеологической обработки, формировавших и задававших ее отношение к писателю и его творчеству.

В первую очередь необходимо отметить наличие обоюдного интереса Стейнбека и советских литературных институтов на протяжении всего рассматриваемого в диссертации периода (1939-1968). Отправной точкой во взаимоотношениях писателя и СССР стала публикация романа «Гроздь гнева» в США, положившая начало переписке Стейнбека с редактором «Интернациональной литературы» и вице-председателем Иностранной комиссии Союза советских писателей (1939). Отношения Стейнбека и советских институтов, начавшиеся в 1939 г., были неоднородными и развивались нелинейно.

Отношение Стейнбека к СССР в своем развитии прошло несколько этапов. Интерес писателя к Советскому Союзу был подготовлен изначально присущим ему интересом к низам общества – «простым людям», люмпенам, рабочим и фермерам, а также его знакомством с левым движением в 1932-1935-е гг. Все это отразилось в его рассказах и романах 1934-1939 гг. («Налет», «В сомнительной схватке», «Гроздь гнева»). Союзнические отношения СССР и США во Второй мировой войне и усилия Стейнбека как писателя-пропагандиста упрочили его литературную репутацию в СССР.

Однако по мере распространения в США информации о «перегибах» сталинского режима и в особенности после самоличной продолжительной поездки Стейнбека по разным городам и республикам СССР в 1947 году, осмысленной в 1950-х гг. в русле поступающих к нему сведений о притеснении свободы (в первую очередь творческой) советских людей,

мнение Стейнбека об СССР кардинальным образом изменилось и фактически раздвоилось: решительное неприятие тоталитаризма, самым зловещим воплощением которого был сталинский режим, сочеталось у Стейнбека с симпатией к простым советским людям и свободомыслящему творческому меньшинству – советским интеллектуалам-нонконформистам, находящимся в оппозиции к правящему режиму. Этой позиции в отношении к СССР американский писатель, в целом, придерживался до конца своей жизни.

Некоторая перемена в отношении Стейнбека к советской власти наметилась в начале 1960-х гг., когда до американского автора дошли известия о происходящей в стране «оттепели» и появлении в СССР плеяды дерзких молодых писателей-шестидесятников, выпадающих в своем творчестве из общей партийной линии, открыто бросающих ей вызов. Однако последовавшая в 1963 году новая поездка Стейнбека в СССР в рамках культурного обмена развеяла его иллюзии о возможности значительных изменений в этой стране (связываемых им с уменьшением влияния и давления партии на жизнь советских людей и либерализацией общества) и не привела к радикальной переоценке его устоявшегося мнения об СССР.

В конце жизни неприятие Стейнбека к советскому тоталитаризму, не только отравляющему жизнь своих граждан, но стремящемуся распространить свое влияние по всему миру, достигло такого размаха, что отчасти спровоцировало участие писателя во вьетнамском конфликте, вину за развязывание которого он возлагал на коммунистические страны – СССР и Китай. Но даже события во Вьетнаме, поставившие крест на репутации Стейнбека в СССР, не стали причиной разрыва отношений Стейнбека с советскими писателями, например Е.А. Евтушенко, с которым он продолжил дружеское общение, несмотря на политические разногласия и разделявшие их идеологические установки.

Отношение СССР к Стейнбеку также было далеко не линейным и претерпевало метаморфозы в зависимости от внутривнутриполитической ситуации в стране и от того или иного идеологического заказа. Интерес к американскому автору возник на рубеже 1930-1940-х гг. в связи с публикацией романа «Гроздь гнева», представленного в Советском Союзе как «зрелый плод пролетарской литературы США»⁵¹⁴. Взгляд на Стейнбека как на ведущего прогрессивного американского писателя укрепился с выходом его антивоенной повести «Луна зашла», неоднократно инсценированной в СССР в военное время (1943-1944 гг.).

Резкое изменение отношения к писателю было вызвано началом холодной войны и стартом широкой антиамериканской кампании в СССР, вследствие которой в 1946-1954 гг. имя Стейнбека в советской прессе и критике стало упоминаться исключительно как пример «некогда талантливого» автора, который в связи с общим упадком и деградацией

⁵¹⁴ Ольгин М. Гроздь гнева. С. 5.

американского общества и культуры изменил своим прогрессивным взглядам времен «Гроздьев гнева» и в последовавший послевоенный период не написал ни одного стоящего произведения.

Смягчение позиции по отношению к Стейнбеку в СССР началось после смерти Сталина и «смены вех» (1954 г.), когда в советской печати была предпринята попытка реабилитации американского автора: были опубликованы некоторые его произведения (например, повесть 1947 г. «Жемчужина»), возобновился интерес к публицистическим высказываниям писателя, отвечавшим духу происходящей в стране «оттепели». Кульминация этого триумфального возвращения Стейнбека к советскому читателю пришлось на первую половину 1960-х гг. Это публикация романа «Зима тревоги нашей» (во многом отразившего переживания и размышления о своей судьбе советской интеллигенции тех лет) и приезд писателя в страну Советов в 1963 г. в качестве «живого классика», новоявленного нобелевского лауреата, признанного мэтра американской литературы. Благожелательное отношение к Стейнбеку в СССР было подорвано его участием в американской военной кампании во Вьетнаме, которую писатель поддерживал и описывал в своих «Письмах к Алисии» (1966-1967). То, насколько этот получивший широкое освещение в прессе политический акт Стейнбека повлиял на его дальнейшую репутацию в СССР, демонстрируют слова главного редактора «Литературной газеты» А.Б. Чаковского, прозвучавшие спустя год после смерти писателя: «Этот человек в глазах прогрессивных людей мира умер задолго до своей физической смерти, он умер как художник и гражданин, когда полетел на военном самолете во Вьетнам и с удовольствием наблюдал, как летчик бьет пулеметными очередями по мирному населению Вьетнама»⁵¹⁵.

В целом, позицию СССР по отношению к себе Стейнбек достаточно емко и точно выразил в выступлении на радио «Голос Америки», последовавшем после его последнего визита в Советский Союз (1964): «Я считался там то хорошим, то плохим. Мнения критиков менялись, но я все время оставался самим собой»⁵¹⁶.

Кроме того, несмотря на то, что Стейнбек в своих отношениях с советскими институциями занимал совершенно четко позицию писателя, далекого от вопросов политики и имеющего по отношению к СССР исключительно определенный журналистский интерес, касающийся быта и частной жизни советских людей (что он неоднократно озвучивал во время своего приезда в страну в 1947 году) – его неоднократные поездки в СССР, личное общение с советскими людьми, сквозящий в его переписке эмоциональный отклик на происходящие в стране события и многое другое

⁵¹⁵ Выступление Александра Чаковского. С. 4.

⁵¹⁶ РГАЛИ. Ф. 631. Оп. 26. Ед. хр. 4191. Л. 21.

свидетельствует о том, что интерес писателя к СССР как *политической утопии и антиутопии одновременно, к советской политической мифологии* был гораздо глубже, затрагивал его внутренние установки и базовые ценности. Будучи активным участником общественной жизни США и по своим убеждениям «ангажированным писателем»⁵¹⁷, Стейнбек не мог игнорировать опыт, полученный в СССР: он активно на протяжении всей своей жизни осмыслял этот опыт, пытался выяснить свое к нему отношение, пропагандировал лучшие стороны советской действительности, боролся с тем, что было для него неприемлемо.

Проведенное исследование темы «Джон Стейнбек и СССР» в значительной степени позволило приблизиться не только к воспроизведению объективной историко-литературной канвы, в которой происходило узнавание Стейнбеком советского народа и советской действительности и написание его «Русского дневника» (1948), но и к воссозданию картины советской рецепции американского писателя в течение почти тридцати лет, иллюстрирующей работу идеологического аппарата, направленного на «формовку» образа иностранных, в первую очередь американских, писателей в СССР.

Проделанное в диссертации исследование открывает дальнейшую перспективу изучения жизни и творчества Джона Стейнбека и рецепции его творчества в СССР / России и других странах (например, в «странах народной демократии»).

⁵¹⁷ Референт ИК ССП в обзоре литературной жизни США за 1947 год приводит интервью Стейнбека, данное французской газете «Les Lettres Françaises» 11 июня 1947 года, в котором тот ответил о своем отношении к ангажированным писателям (советский референт перевел слово «engagement» как «вербовка»): «Я спросила его, что он может сказать о “вербовке” и о “завербованных писателях”. – “Завербованных”? Я сам завербован, потому что я живу. Пусть те, кто хочет, устанавливают принцип “Искусства для Искусства”. Это тоже концепция, как всякие другие. Я лично ее не разделяю. Я бы не мог...» (РГАЛИ. Ф. 631. Оп. 14. Ед. хр. 1128. Л. 83).

БИБЛИОГРАФИЯ

Источники

Тексты Стейнбека

1. The Acts of King Arthur and His Noble Knights: From the Winchester Manuscript and Other Sources / Ed. by Chase Horton. – New York: Farrar, Straus & Giroux, 1976.
2. America and Americans. – New York: Viking, 1966.
3. Atque Vale // Saturday Review. 1960. July 23. P. 13.
4. Bombs Away: the Story of a Bomber Team. – New York: Viking, 1942.
5. Burning Bright: a Play in Story Form. – New York: Village Press, 1950.
6. Burning Bright: a Play in Three Acts. – New York: Dramatists Play Service, 1951.
7. Cannery Row. – New York: Viking, 1945.
8. Challenge to Soviets // Newsday. 1967. Jan 5. Pp. 5, 75.
9. Cup of Gold: a Life of Sir Henry Morgan, Buccaneer, with Occasional Reference to History. – New York: McBride, 1929.
10. The Death of a Racket // Saturday Review. 1955. Apr 2. P. 26.
11. Duel without Pistols. // Collier's. 1952. Aug 23. Pp. 13-15.
12. East of Eden. – New York: Viking, 1952.
13. A Game of Hospitality // Saturday Review. 1957. Apr 20. P. 24.
14. The Grapes of Wrath. – New York: Viking, 1939.
15. In Dubious Battle. – New York: Covici-Friede, 1936.
16. John Steinbeck to a Russian Friend // Reader's Digest. 1967. Aug. P. 41.
17. Journey Into Russia: People of the Soviet // Illustrated. 1948. May 1. Pp. 3-22.
18. Letters to Alicia // Newsday. 1966, December 3 – 1967. May 16.
19. The Log from the Sea of Cortez. – New York: Viking, 1951.
20. The Long Valley. – New York: Viking, 1938.
21. The Moon Is Down. – New York: Viking, 1942.
22. The Moon Is Down: a Play in Two Parts. – New York: Dramatists Play Service, 1942.
23. My Dear Friend Genya... // Reader's Digest. 1966. Sept. P. 128.
24. Of Mice and Men. – New York: Covici-Friede, 1937.
25. Of Mice and Men: a Play in Three Acts. – New York: Covici-Friede, 1937.
26. Once There Was a War. – New York: Viking, 1958.
27. An Open Letter to Poet Yevtushenko // Newsday. 1966. July 11. P. 3.
28. The Pastures of Heaven. – New York: Brewer, Warren & Putnam, 1932.
29. The Pearl. – New York: Viking, 1947.
30. The Red Pony. – New York: Covici-Friede, 1937.

31. A Russian Journal // New York Herald Tribune. 1948. Jan 14-31.
32. A Russian Journal. – New York: Viking, 1948.
33. Sea of Cortez: a Leisurely Journal of Travel and Research / by John Steinbeck and Edward F. Ricketts. – New York: Viking, 1941.
34. The Short Reign of Pippin IV: a Fabrication. – New York: Viking, 1957.
35. Soviet Youth Answer the Great Steinbeck. Pamphlet // Northern Book House. 1967. P. 776.
36. The Soul and Guts of France // Collier's. 1952. Aug 30. Pp. 26-30.
37. Speech Accepting the Nobel Peace Prize for Literature. – New York: Viking, 1962.
38. Steinbeck: A Life in Letters / Ed. by Elaine Steinbeck and Robert Wallsten. – New York: Viking, 1975.
39. Sweet Thursday. – New York: Viking, 1954.
40. Their Blood Is Strong. – San Francisco, CA: Simon J. Lubin Society, 1938.
41. To a God Unknown. – New York: Ballou, 1933.
42. Tortilla Flat. – New York: Covici-Friede, 1935.
43. Travels with Charley: In Search of America. – New York: Viking, 1962.
44. The Trial of Arthur Miller // Esquire. 1957. June. P. 86.
45. Viva Zapata! – Rome: Edizioni Filmcritica, 1952.
46. The Wayward Bus. – New York: Viking, 1947.
47. The Winter of Our Discontent. – New York: Viking, 1961.
48. Women and Children in the U.S.S.R. // Ladies Home Journal. 1948. Feb. Pp. 44-59.
49. Working Days: The Journals of The Grapes of Wrath / Ed. by Robert DeMott – New York. Viking, 1989.

50. Гроздь гнева / Пер. с англ. Н. Волжиной, послесловие И. Анисимова. – М.: Художественная литература, 1940.
51. Гроздь гнева / Пер. с англ. Н. Волжиной. – М.: Гослитиздат, 1941. (Роман-газета. № 1-3).
52. Гроздь гнева / Пер. с англ. Н. Волжиной. Предисл. Б. Изакова. – М., Гослитиздат, 1957.
53. Гроздь гнева. Зима тревоги нашей. – Минск: Ураджай, 1985.
54. Гроздь гнева. Консервный ряд. Зима тревоги нашей. – Кишинев: Лумина, 1986.
55. Гроздь гнева. Зима тревоги нашей. – М.: Правда, 1987.
56. Гроздь гнева. Зима тревоги нашей / Пер. с англ. Н. Волжиной, Е. Калашниковой. – Минск: Ураджай, 1987.

57. Гроздь гнева. Зима тревоги нашей. – М.: Худож. лит., 1988.
58. Жемчужина / Пер. с англ. Н. Волжиной. – М.: «Правда», 1957.
59. Жемчужина / Пер. с англ. Н. Волжиной. – М.: Изд. иностр. лит., 1958.
60. Жемчужина. Квартал Тортилья-Флэт / Пер. с англ., предисл. М. Мендельсона. – М.: Гослитиздат, 1963.
61. Жемчужина. – М.: «Высшая школа», 1964.
62. Заблудившийся автобус. Путешествие с Чарли в поисках Америки / Пер. с англ. В.П. Гольшева, Н.А. Волжиной. – СПб.: Полисет, 1993.
63. Зима тревоги нашей / Пер. с англ. Н. Волжиной и Е. Калашниковой. – М.: Гослитиздат, 1962. (Роман-газета. №15).
64. Зима тревоги нашей / Пер. с англ. Н. Волжиной и Е. Калашниковой. Послесл. Р. Орловой. – М.: Изд. иностр. литературы, 1962.
65. Зима тревоги нашей / Пер. с англ. Н. Волжиной, Е. Калашниковой. – М.: Эксмо-Пресс, 2001.
66. Зима тревоги нашей / Сост., предисл., общ. ред. Р.В. Грименкова. Пер. с англ. И.Г. Гурова и др. – СПб.: Кристалл, 2001.
67. Зима тревоги нашей. Заблудившийся автобус / Пер. с англ. Н. Волжиной и др. – М.: Эксмо-Пресс, 2001.
68. Золота чаша / Дж. Стейнбек. Капитан Шарки / А. Конан-Дойль. – Челябинск: Лилия, 1992.
69. Избранные произведения: в 2-х Т. / Пер. с англ., вступит. статья С. Батурина. – М.: Худож. лит., 1981.
70. Избранные произведения / Пер. с англ. И. Гуровой и др. – М.: Правда, 1988.
71. Избранные произведения. – М.: Панорама, 1998.
72. К востоку от Эдема: в 2-х Т. / Пер. с англ. А. Михалева, О. Сороки, Г. Злобина. – М.: СЛОВО / SLOVO, 2003.
73. К востоку от Эдема / Пер. с англ. Л.Б. Папилиной, Г. Злобина. – М.: АСТ, 2016.
74. Квартал Тортилья-Флэт. Гроздь гнева. Жемчужина. / Пер. с англ., вступ. ст. и примеч. А. Мулярчика. – М.: Худож. лит., 1977.
75. Короткое правление Пипина IV / Пер. с англ. Д. Могилевцева. – СПб.: Азбука-классика, 2004.
76. Легенды о короле Артуре и рыцарях Круглого Стола / Пер. Т. Мининой. – М.: Эксмо, Мидгард, 2010.
77. Луна зашла / Пер. с англ. Л. Бедяева. – Магадан: Советская Колыма, 1943.

78. Наедине со временем. Письма американских писателей / Пер. с англ., вступ. ст., сост.: Я. Засурский. – М.: Прогресс, 1988.
79. Неведомому Богу; Луна зашла / Пер с англ. И. Переведенцева, Н. Волжиной. – М.: Реклам.-компьютер. агентство газ. «Труд», 2000.
80. Писатели США о литературе: в 2 т. – М.: Прогресс, 1982.
81. Посмотрим правде в глаза: Письма Джона Стейнбека / Пер. с англ. и коммент. В. Погостина. – М.: Правда, 1985.
82. Путешествие с Чарли в поисках Америки / Пер. с англ. Н. Волжиной., предисл. И. Левидовой. – М.: Прогресс, 1965.
83. Путешествие с Чарли в поисках Америки / Пер. с англ. Н. Волжиной. – М.: Армада-Пресс, 2002.
84. Русский дневник. – М.: Мысль, 1989.
85. Собрание сочинений в 6 т. – М.: Правда, 1989.
86. Уши Джон Медведя. Рассказы / Пер. с англ. Д. Жукова. – М.: «Правда», 1963.

Архивные материалы

87. Американская буржуазная печать о новом романе Стейнбека // РГАЛИ. Ф. 631. Оп. 26. Ед. хр. 3811.
88. Бородин А. Мухи завоевывают липкую бумагу. Драматический этюд по повести Д. Стейнбека «Луна зашла». Приложен протокол ГУРК // РГАЛИ. Ф. 656. Оп. 5. Ед. хр. 880.
89. Бородин А. Побежденные побеждают. Драма по повести Дж. Стейнбека «Луна зашла». Прилож. протокол ГУРК и заявление автора // РГАЛИ. Ф. 656. Оп. 5. Ед. хр. 883.
90. Винников В.В. Письмо Дж. Стейнбеку // РГАЛИ. Ф. 2835. Оп. 1. Ед. хр. 80.
91. Дискуссионные статьи в американской прессе о романе Дж. Стейнбека «Луна заходит» // РГАЛИ. Ф. 631. Оп. 14. Ед. хр. 1070.
92. Жаров М.И. Роль Мэра из пьесы Дж. Стейнбека «Луна зашла», сыгранная в Малом театре // РГАЛИ. Ф. 3061. Оп. 1. Ед. хр. 39.
93. Жаров М.И. Фотографии М.И. Жарова, индивидуальные и в группах с С.Г. Бирман, А.П. Зуевой, Д. Стейнбеком и др. // РГАЛИ. Ф. 3061. Оп. 1. Ед. хр. 965.
94. Записи бесед с иностранцами. Том 2-ой. // ГАРФ. Ф. 5283.с.2. Оп. 22с. Ед. хр. 21.
95. Заславский Д.И. Письмо Стейнбеку // РГАЛИ. Ф. 2846. Оп. 1. Ед. хр. 260.

96. Зима тревоги нашей. Литературный сценарий И. Авербаха, И. Смоктуновского по одноименному роману Дж. Стейнбека // РГАЛИ. Ф. 2914. Оп. 6. Ед. хр. 209.
97. Ирошников А. Луна зашла. Сценическая композиция в 3-х картинах по роману Д. Стейнбека. Прил. протокол ГУРК // РГАЛИ. Ф. 656. Оп. 5. Ед. хр. 3287.
98. Кравченко Ф. Открытое письмо Джону Стейнбеку // РГАЛИ. Ф. 631. Оп. 26. Ед. хр. 4299.
99. Лемперт Л. Луна зашла. Пьеса в 4-х действиях по роману Д. Стейнбека. Прил. письмо автора, отзыв о пьесе и протокол ГУРКа о разрешении постановки // РГАЛИ. Ф. 656. Оп. 5. Ед. хр. 4539.
100. Лидин В.Г. Рецензии на произведения Р.К. Агишева, А.Н. Афиногенова, Дж. Стейнбека и др. // РГАЛИ. Ф. 3102. Оп. 1. Ед. хр. 134.
101. Материалы о пребывании в СССР Джона Стейнбека с 16 окт. по 14 ноября 1963 г. // РГАЛИ. Ф. 631. Оп. 26. Ед. хр. 4178.
102. Мелибеев П. Непокоренные. Драма в 4-х д., 8-ми к. по роману Д. Стейнбека «Луна зашла». Прил. протокол ГУРКа // РГАЛИ. Ф. 656. Оп. 5. Ед. хр. 5319.
103. Неустановленный автор. Слово о Стейнбеке. Статья // РГАЛИ. Ф. 631. Оп. 26. Ед. хр. 4345.
104. Обзор заявлений Джона Стейнбека и Эдварда Олби о смерти Джона Кеннеди и пребывании в СССР // РГАЛИ. Ф. 631. Оп. 26. Ед. хр. 4191.
105. Обзор переписки Дж. Стейнбека с его литературными агентами Макинтошем и Отисом, изданной в США // РГАЛИ. Ф. 631. Оп. 14. Ед. хр. 1111.
106. Письмо редакции журнала «Интернациональная литература» об успехе в СССР его романа «Гроздь гнева» // РГАЛИ. Ф. 1397. Оп. 3. Ед. хр. 109.
107. Переписка В. В. Ермилова с ВОКСом о публикации статей, посвященных Дж. Стейнбеку, Г. Фасту, конференции в США по вопросам культуры и гражданских свобод // РГАЛИ. Ф. 634. Оп. 4. Ед. хр. 27.
108. Переписка редакции журнала «Интернациональная литература» со Стейнбеком о русско-американских культурных связях, об успехе его произведений в СССР и др. // РГАЛИ. Ф. 1397. Оп. 1. Ед. хр. 922.
109. Переписка с Америкой. Том 1-й. 1948 год // ГАРФ. Ф. 5283.с.2. Оп. 22с. Ед. хр. 81.
110. Переписка с Америкой. Том 3-й. 1947 год // ГАРФ. Ф. 5283.с.2. Оп. 22с. Ед. хр. 26.
111. Переписка с генеральным секретарем международного ПЕН-клуба Дэвидом Кавером, с представителями национальных ПЕН-центров, с зарубежными

- литераторами об участии советских писателей в работе международного ПЕН-клуба // РГАЛИ. Ф. 631. Оп. 26. Ед. хр. 6345.
112. Переписка с Джоном Стейнбеком о его пребывании в СССР // РГАЛИ. Ф. 631. Оп. 26. Ед. хр. 4240.
113. Переписка с секретариатом правления Союза советских писателей СССР по приему иностранных писателей // РГАЛИ. Ф. 631. Оп. 26. Ед. хр. 150.
114. Переписка Союза советских писателей СССР с ГККС и СОД о приеме иностранных писателей, организации юбилеев, участие в международных конгрессах, организации туристических поездок советских писателей в зарубежные страны // РГАЛИ. Ф. 631. Оп. 26. Ед. хр. 148.
115. Переписка Союза советских писателей СССР с МИД СССР и посольствами о пребывании в СССР иностранных писателей и поездках советских писателей в зарубежные страны // РГАЛИ. Ф. 631. Оп. 26. Ед. хр. 146.
116. Переписка Стейнбека с Иностранной Комиссией ССП об издании в СССР его книги «Гроздь гнева» и его работе над книгой «Море Кортеса» // РГАЛИ. Ф. 631. Оп. 11. Ед. хр. 85.
117. «Пиплс Уорлд» о новом романе Джона Стейнбека // РГАЛИ. Ф. 631. Оп. 26. Ед. хр. 3799
118. Письма американских писателей о развитии культурных связей между СССР и США // РГАЛИ. Ф. 631. Оп. 14. Ед. хр. 1058.
119. Письма в ЦК КПСС, МГК КПСС о пребывании в СССР американского писателя Джона Стейнбека, о поездках членов Московской писательской организации за рубеж, о пребывании в СССР английского писателя Чарльза Сноу и др. // РГАЛИ. Ф. 631. Оп. 43. Ед. хр. 194.
120. Письма в ЦК КПСС, МГК КПСС о пребывании в СССР американского писателя Джона Стейнбека, о создании в Лондоне антисоветского журнала, о поездке советских писателей в Китай и др. // РГАЛИ. Ф. 631. Оп. 43. Ед. хр. 195.
121. Письмо Стейнбеку о поездке К.М. Симонова в США // РГАЛИ. Ф. 631. Оп. 26. Ед. хр. 4270.
122. Письмо Правления Союза советских писателей СССР Издательству Иностранной литературы о выплате гонорара Дж. Стейнбеку. Переписка с редакцией журнала «Иностранная литература» // РГАЛИ. Ф. 631. Оп. 26. Ед. хр. 155.

123. Письмо Уолтера Кармона о новых произведениях Ричарда Райта, Джона Стейнбека, Ленгстона Хьюза // РГАЛИ. Ф. 631. Оп. 14. Ед. хр. 1092.
124. Планы работ ВОКС на 1947 год // ГАРФ. Ф. 5283.с.2. Оп. 22с. Ед. хр. 19.
125. Протокол № 43 по обсуждению отчета делегации СП СССР о поездке в Китай в соответствии с соглашением о культурных связях на 1963 г., пребывании в СССР американского писателя Дж. Стейнбека // РГАЛИ. Ф. 631. Оп. 30. Ед. хр. 1008.
126. Прут И. Господин мэр. Инсценировка в 4-х д. по повести Д. Стейнбека «Луна зашла» // РГАЛИ. Ф. 656. Оп. 5. Ед. хр. 6565.
127. Рецензия на книгу Дж. Стейнбека «Своенравный автобус» // РГАЛИ. Ф. 5283. Оп. 14. Ед. хр. 67.
128. Рецензия на роман Дж. Стейнбека «Луна заходит»: «Нью-Йорк таймс бук ревью» // РГАЛИ. Ф. 631. Оп. 14. Ед. хр. 1069.
129. Розов К. Долг мэра Сурдэна. Драма в 4-х д. по роману Д. Стейнбека «Луна зашла». Приложен протокол ГУРК // РГАЛИ. Ф. 656. Оп. 5. Ед. хр. 6822.
130. Справка о приеме в Союзе советских писателей СССР иностранных писательских делегаций и отдельных писателей за 1963 г. // РГАЛИ. Ф. 631. Оп. 26. Ед. хр. 142.
131. Симонов К.М. Письма и телеграмма Стейнбеку // РГАЛИ. Ф. 1814. Оп. 9. Ед. хр. 812.
132. Сообщение о снятии со сцены нью-йоркских театров пьесы Стейнбека «Луна зашла». «Нью Йорк таймс» // РГАЛИ. Ф. 631. Оп. 14. Ед. хр. 1075.
133. Справка об интервью Джона Стейнбека корреспонденту газеты «Ди Вельт» // РГАЛИ. Ф. 631. Оп. 26. Ед. хр. 4104.
134. Статьи американских авторов об актуальных международных событиях, внешней политике, внутреннем положении. На англ. языке. Пер. с англ. языка. Имеются статьи Филлина Боноски, Дж. Стейнбека // РГАЛИ. Ф. 634. Оп. 4. Ед. хр. 2658.
135. Стейнбек Дж. Взыскательность романиста. Статья // РГАЛИ. Ф. 3158. Оп. 1. Ед. хр. 572.
136. Стейнбек Дж. Интервью французскому еженедельнику «Лэз Этуаль» о выборах во Франции, беседе с послом Уланским, его военных впечатлениях и др. // РГАЛИ. Ф. 631. Оп. 14. Ед. хр. 1111.

137. Стейнбек Дж. Нобелевская речь в Стокгольме. Приложено сопроводительное письмо Дж. Стейнбека в адрес М.И. Юфин на англ. яз. // РГАЛИ. Ф. 2883. Оп. 1. Ед. хр. 338.
138. Стейнбек Дж. Письма Симонову К.М. // РГАЛИ. Ф. 1814. Оп. 9. Ед. хр. 2256.
139. Стейнбек Дж. Письмо Союзу писателей Армении // РГАЛИ. Ф. 634. Оп. 5. Ед. хр. 899.
140. Стейнбек Дж. Письмо Благиной Е.А. // РГАЛИ. Ф. 1448. Оп. 4. Ед. хр. 198.
141. Стейнбек Дж. Письмо Гроссману Л.П. // РГАЛИ. Ф. 1386. Оп. 3. Ед. хр. 38.
142. Стейнбек Дж. Письмо Инбер В.М. // РГАЛИ. Ф. 1072. Оп. 3. Ед. хр. 250.
143. Стейнбек Дж. Письмо Рокотову Т.А. // РГАЛИ. Ф. 631. Оп. 14. Ед. хр. 1058.
144. Стейнбек Дж. Письмо Щедрину Р.К. // РГАЛИ. Ф. 3267. Оп. 2. Ед. хр. 772.
145. Стейнбек Дж. Письмо Эренбургу И.Г. // РГАЛИ. Ф. 1204. Оп. 2. Ед. хр. 2192.
146. Стейнбек Дж. Олби Э. Письмо в Союз советских писателей СССР с приглашением шести советским писателям посетить США // РГАЛИ. Ф. 631. Оп. 26. Ед. хр. 6345.
147. Стейнбек Дж. Отзыв о романе «Доктор Живаго» и присуждении Б.Л. Пастернаку Нобелевской премии // РГАЛИ. Ф. 379. Оп. 5. Ед. хр. 295.
148. Стенограмма беседы Джона Стейнбека с представителями советской и иностранной прессы // РГАЛИ. Ф. 631. Оп. 26. Ед. хр. 4185.
149. Телеграммы о прибытии зарубежных писателей в СССР. Том 7 // РГАЛИ. Ф. 631. Оп. 26. Ед. хр. 167.
150. Фотографии советских и зарубежных деятелей литературы и искусства: А. Баталова, М. Карима в группе с вьетнамскими писателями, Дж. Стейнбека в мастерской у М. Сарьяна и др. // РГАЛИ. Ф. 634. Оп. 5. Ед. хр. 741.
151. Щедрин Р.К. Письмо Стейнбеку. // РГАЛИ. Ф. 3267. Оп. 2. Ед. хр. 211.
152. Эдмунд Уилсон о творчестве Джона Стейнбека // РГАЛИ. Ф. 631. Оп. 14. Ед. хр. 1067.
153. Эренбург И.Г. Письмо Стейнбеку Дж. // РГАЛИ. Ф. 1204. Оп. 2. Ед. хр. 950.

Советская периодика о Стейнбеке

154. Абрамов А. Джон Стейнбек // Интернациональная литература. 1940. №3-4. С. 222-232.
155. Балашов П. Певец народного гнева // Новый мир. 1940. № 10. С. 200-216.
156. Беседа М. Шолохова с Д. Стейнбеком // Известия. 1957. 3 июля.

157. Боровский В. Заметки на международные темы: клеветники на службе американского империализма // Правда. 1956. 23 декабря.
158. Бушин В. «И вечный бой!..» // Литературная газета. 1958. 13 сентября.
159. Весна в Калифорнии // Правда. 1939. 23 августа.
160. Ветошкина Н. Талантливая книга // Литературная газета. 1952. 7 августа.
161. Вишневецкий К. Дж. Стейнбек: «Нужны контакты...» // Известия. 1963. 16 октября.
162. Вишневецкий К. Разговаривая со Стейнбеком // Известия. 1963. 22 октября.
163. Встреча со Стейнбеком // Литературная газета. 1963. 24 октября.
164. Выступление Александра Чаковского // Литературная газета. 1969. 17 декабря.
165. Вышли из печати // Литературная газета. 1965. 9 января.
166. Гальперина Е. О добротности критики // Литературная газета. 1946. 28 сентября.
167. Герой нашей литературы // Литературная газета. 1957. 14 февраля.
168. Гладилин А. Памяти Беллы // Российская газета. 2010. 29 ноября.
169. Голд М. Мысли об американских писателях // Литературная газета. 1953. 2 июля.
170. Грибачев Н. Америка и американцы: среди небоскребов // Литературная газета. 1955. 8 декабря.
171. Григорьев К. Сто номеров «Всесвіта» // Литературная газета. 1966. 27 октября.
172. «Гроздь гнева» // Литературная газета. 1939. 20 августа.
173. «Гроздь гнева» – запрещенная книга в США // Известия. 1939. 17 ноября.
174. «Гроздь гнева» на экране // Известия. 1940. 6 марта.
175. Гроу М. Страна, где зреют «Гроздь гнева» // Литературная газета. 1939. 5 декабря.
176. Гроу М. Съезд американских писателей // Литературная газета. 1939. 5 июля.
177. Джон Стейнбек о себе // Литературная газета. 1959. 17 декабря.
178. Друзья и враги мирного сосуществования // Литературная газета. 1957. 13 июля.
179. Дьяконов А. Несчастливая «Жемчужина» // Советская культура. 1965. 10 июля.
180. Евтушенко Е. Письмо Джону Стейнбеку: Стихи // Литературная газета. 1966. 7 июля.
181. Засурский Я. Умер Стейнбек // Литературная газета. 1968. 25 декабря.
182. Злобина М. Герои Стейнбека // Новый мир. 1963. № 10. С. 262-267.
183. И вот Стейнбек нарушил молчание // Литературная газета. 1966. 16 июля.

184. Изаков Б. О второсортности // Литературная газета. 1958. 4 сентября.
185. Как в США фабрикуются обвинения // Правда. 1955. 3 апреля.
186. Кафтанов С. Разложение буржуазной культуры // Правда. 1948. 25 июля.
187. Кипнис Г. Как приезжал к нам Джон Стейнбек // Киевские новости. 1994. 22 апреля.
188. Клевета на героев Стейнбека // Литературная газета. 1939. 6 октября.
189. Кларк Дж. Искусство в современной Америке // Советское искусство. 1951. 6 января.
190. Книпович Е. Новая книга Стейнбека // Знамя. 1943. №56. С. 238-242.
191. Кон И. Что такое «найти себя?» // Известия. 1965. 25 августа.
192. Кондрашов С. Перо, отданное Пентагону // Известия. 1967. 9 января.
193. Кто для США является нежелательным гостем? // Литературная газета. 1957. 2 июля.
194. Кусенко П. Коричневая черепица // Литературная газета. 1967. 7 июня.
195. Лавренев Б. Перелистывая страницы истории... // Литературная газета. 1955. 23 июля.
196. Ландор М. Стейнбек и его критики // Вопросы литературы. 1959. №1. С. 238-243.
197. Левидова И. Послевоенные книги Джона Стейнбека // Звезда. 1962. №8. С. 122-142.
198. Межелайтис Э. Познавший «Соль земли» // Литературная газета. 1963. 2 ноября.
199. Международная почта: Лорэнт Лэвели и другие // Литературная газета. 1956. 9 июня.
200. Мендельсон М. Дважды прозвучавший вопрос // Звезда. 1962. № 8. С. 169-177.
201. Мендельсон М. Страусовая утопия // Литературная газета. 1947. 12 апреля.
202. Мессерер Б. Промельк Беллы // Октябрь. 2013. №8. С. 127-147.
203. Мештерхази Л. Мир и культура // Советская культура. 1955. 10 ноября.
204. Миллер-Будницкая Р. Книга гнева // Знамя. 1940. №8. С. 191-203.
205. Морозов А. Поэт Евгений Евтушенко: Скука – мать фашизма // Новые известия. 2005. 12 декабря.
206. Мотылева Т. Непокоренный народ. «Луна зашла» Дж. Стейнбека // Литература и искусство. 1943. 4 сентября.
207. На Всемирном конгрессе деятелей культуры в защиту мира // Известия. 1948. 29 августа.

208. Немеровская О. Книга о любви и ненависти // Звезда. 1940. №8-9. С. 271-277.
209. Неруда П. Борьба и песни // Литературная газета. 1950. 28 декабря.
210. Николюкин А. Блудные дети Америки // Литературная газета. 1966. 22 декабря.
211. Никулин Л. Бронтозавры на краю пропасти // Литературная газета. 1965. 23 февраля.
212. Н. М. Джон Стейнбек «В сомнительной схватке» // Интернациональная литература. 1937. №4. С. 221-222.
213. Ольгин М. Гроздь гнева // Правда. 1939. 15 августа.
214. Орлова Р. Деньги против человечности // Иностранная литература. 1962. №3. С. 197-208.
215. Отъезд Джона Стейнбека // Литературная газета. 1963. 16 ноября.
216. Первый съезд немецких писателей // Литературная газета. 1947. 11 октября.
217. Письма из-за границы и за границу // Известия. 1964. 29 августа.
218. Поликанов М. Отпор проповеднику ненависти // Правда. 1952. 14 сентября.
219. Полторацкий А. Джон Стейнбек о Тарасе Шевченко // Литературная газета. 1964. 9 июня.
220. Полянов Н. Беседа с читателями: Человек, который хочет отменить XX век // Известия. 1964. 18 июля.
221. Порция желчи: Басни американского журнала «Репортер» // Литературная газета. 1964. 4 апреля.
222. Право быть «средним»? // Советская культура. 1965. 5 января.
223. Премия Пулитцера // Литературная газета. 1938. 15 сентября.
224. Произведения Дж. Стейнбека на экране // Искусство кино. 1949. №11. С. 141-142.
225. Размышления о романе // Правда. 1965. 5 декабря.
226. Речь Д. Шостаковича // Правда. 1950. 23 ноября.
227. Роман Стейнбека и его критики // Интернациональная литература. 1940. №9-10. С. 220-222.
228. Романова Е. «Философия» мистера Стейнбека // Литературная газета. 1954. 10 июля.
229. Рыбак Н. Мы в ответе за будущее человечества // Литературная газета. 1967. 7 июня.
230. Самарин Р. Понимаем Вашу тревогу, Стейнбек! // Известия. 1962. 10 ноября.
231. Самарин Р. Широкой дорогой реализма // Правда. 1964. 15 ноября.
232. Сергеева И. Новая книга Джона Стейнбека // Правда. 1942. 21 декабря.

233. Старцев А. Литературные споры в США // Литературная газета. 1945. 11 августа.
234. Стейнбек Дж. Когда-то была война... // Литературная газета. 1959. 10 октября.
235. Стейнбек Дж. Так здравствуй же! // Литературная газета. 1960. 20 августа.
236. Суд Линча над романом Стейнбека // Правда. 1939. 19 ноября.
237. Толкунов Л. Духовное обнищание: антикоммунизм на службе агрессии // Известия. 1966. 25 августа.
238. Тугушева М. Стейнбек вновь в Москве // Литературная газета. 1963. 17 октября.
239. Хмельницкая Т. «Гроздь гнева» Стейнбека // Литературный современник. 1940. №12. С. 156-160.
240. Хмарский И. Месяц с Джоном Стейнбеком // Волга-Саратов. 1991. №4. С. 156-176.
241. Фаст Г. Предательское молчание // Литературная газета. 1951. 17 мая.
242. Фильм «О мышах и людях» // Искусство кино. 1941. №3. С. 50-53.
243. Фиш Г. В боях за хлеб // Литературная газета. 1947. 29 марта.
244. Фоменко В. Безответственные златоусты // Литературная газета. 1941. 6 апреля.
245. Чаковский А. Разоблачение клеветы: По поводу кинофильма «Русский вопрос» // Известия. 1948. 17 марта.
246. Человеков Ф. Гроздь гнева // Литературное обозрение. 1940. №12. С. 37-40.
247. Шерфиг Х. Непредумышленное убийство // Литературная газета. 1967. 11 января.
248. Шостакович Д. Запретить атомное оружие! // Известия. 1950. 6 июля.
249. Эренбург И. Американские впечатления // Литературная газета. 1946. 16 ноября.
250. Эренбург И. Мир народам! // Правда. 1948. 12 сентября.
251. Эренбург И. Открытое письмо писателям Запада // Литературная газета. 1950. 5 апреля.

Американская периодика о Стейнбеке

252. Adams, Scott. New Books Appraised. // Library Journal. 1948. April 15. P. 650.
253. Aksyonov, Vassily. An Exile in Literary America // New York Times Magazine. 1985. April 14. P. 52.
254. Anderson, Raymond H. Moscow Reports Steinbeck Reply // New York Times. 1966. July 17.

255. Anderson, Raymond H. Soviet Poet Bids Steinbeck Speak // *New York Times*. 1966. July 8.
256. Angeloni, Richard. Steinbeck Reigns in Soviet Union, Scholars Say // *Californian*. 1989. Aug 7.
257. Atkinson, Oriana. John Steinbeck, and Robert Capa, Record a Russian Journey. Rev. of *A Russian Journal* // *New York Times Book Review*. 1948. May 9. P. 3.
258. *The Bowery of Monterey* // *Time*. 1945. Jan 1. P. 62.
259. Briefly Noted: General. Rev. of *A Russian Journal* // *New Yorker*. 1948. May 1.
260. Calta, Louis. Albee Leaving for Soviet to Join Steinbeck in Cultural Exchange // *New York Times*. 1963. Nov 1.
261. Capa, Robert. A Russian Story // *New York Herald Tribune Forum 1947: Modern Man: Slave or Sovereign? – NY: New York Herald Tribune*. 1947. – P. 194-198.
262. Carpenter, Frederic I. John Steinbeck: American Dreamer // *Southwest Review*. 1941. Summer. Pp. 454-467.
263. *Challenge* // *Newsweek*. 1963. Nov 4.
264. Charlton, Linda. Travels with Yevgeny More Funny than Poetic // *Newsday*. 1966. Dec 21.
265. Clare, Ben. Iron Curtain Penetrated by Steinbeck // *Los Angeles Times*. 1948. April 18.
266. Columnists: The Eye of the Veteran // *Time*. 1966. Dec 30. P. 41.
267. Cowley, Malcolm. Steinbeck Delivers a Mixture of Farce and Freud // *Pictures Magazine*. 1945. Jan 14. P. 15.
268. Daniloff, Nicholas. Steinbeck Enters Soviet Controversy // *Monterey Peninsula Herald*. 1963. Oct 22.
269. DeVoto, Bernard. John Steinbeck's Bus Ride into the Hills // *New York Herald Tribune Books*. 1947. Feb 16. Pp. 1-2.
270. *It Started in a Garden* // *Time*. 1952. Sept 22. P. 110.
271. Fischer, Louis. Conducted USSR Tour // *Saturday Review*. 1948. May 15. Pp. 13-14.
272. Frankel, Max. Soviet Republishes John Reed's Book, Other U. S. Works // *New York Times*. 1975. Aug 20.
273. *From Russia to Steinbeck* // *Newsday*. 1967. Jan 11.
274. George, David R. Steinbeck Rebutts Soviet Writer // *Newsday*. 1966. July 11.
275. Hampson J. Cannery Row // *Spectator*. 1945. Nov 2. Pp. 418-420.
276. John Steinbeck in U.S.S.R. under Cultural Program: Steinbeck in Moscow // *New York Times*. 1963. Oct 22.

277. John Steinbeck Says: «I Must Be Far More Guilty» // Times. 1963. Nov 15. P. 14.
278. John Steinbeck Writes Column for Californian: «Letters to Alicia» // Californian. 1965. Dec 17.
279. Jones, Claude E. Proletarian Writing and John Steinbeck // Sewanee Review. 1940. Oct.-Dec. Pp. 445-456.
280. Kunitz, Stanley. The Other Country inside Russia // New York Times Magazine. 1967 Aug 20. P. 48.
281. Link between Kremlin and White House // Times. 1967. Jan 12. P. 7.
282. Longfellow in Moscow // New York Times. 1957. Aug 22.
283. Matthiessen F.O. (Francis Otto). Some Philosophers in the Sun // New York Times Book Review. 1944. Dec 31.
284. Moscow Answered by Mr. Steinbeck // Times. 1966. July 12. P. 8.
285. Names in the News // Newsday. 1966. July 16.
286. Paperbacks. Rev. of A Russian Journal // Publishers Weekly. 1970. Mar 9. P. 91.
287. People // Time. 1963. Nov 1.
288. People // Time. 1966. July 22.
289. Political Story // Monterey Peninsula Herald. 1948. Jan 23.
290. Prescott, Orville. Books of the Times // New York Times. 1945. Jan 2.
291. Prescott, Orville. Books of the Times // New York Times. 1948. Apr 16.
292. Prescott, Orville. Books of the Times // New York Times. 1952. Sept 19.
293. Raymont, Henry. Yevtushenko, Irritated by Criticism, Answers Leftists Here // New York Times. 1966. Nov 14.
294. Redman, Ben Ray. The Case of John Steinbeck // American Mercury. 1947. May. Pp. 624-630.
295. Repent! // Time. 1947. Feb 24. Pp. 118-120.
296. Reston, Richard. Steinbeck Play Quietly Shut down in Moscow: Action Follows Visit by Writer to Viet Front, Bitter Attack in Soviet Papers // Los Angeles Times. 1967. Mar 26.
297. Richards, Edmund C. The Challenge of John Steinbeck // North American Review. 1937. Summer. Pp. 406-413.
298. Russian Assails Authors // New York Times. 1950. July 7.
299. Russian Journal // Time. 1948. Jan 26.
300. Russian Royalty // Newsweek. 1958. Dec 27. P. 63.
301. Russians Reply to Steinbeck Column. Letter // Newsday. 1967. Jan 13.

302. Salisbury, Harrison. Russia Tightens the Iron Curtain on Ideas // New York Times Magazine. 1948. Dec 26.
303. Sirica, Jack. The U.S. Army vs. John Steinbeck: Documents Tell How Doubts about Writer's Loyalty Kept Him Out of WWII // San Jose Mercury News. 1984. June 2.
304. Solomon, Charles. Review of A Russian Journal // Los Angeles Times. 1989. Nov 19.
305. Soviet and Bulgaria Criticize Steinbeck // New York Times. 1967. Jan 23.
306. Soviet Assails Steinbeck // New York Times. 1948. Mar 18.
307. Soviet Glorifies a Poet of 1700s // New York Times. 1963. Nov 3.
308. Soviet Theaters Schedule 3 Plays from U. S. Authors // New York Times. 1964. Sept 14.
309. Soviets Dodge Steinbeck Bid // Newsday. 1966. July 18.
310. Steinbeck and Albee Queried // New York Times. 1964. Jan 4.
311. Steinbeck Loses a Bet: Russians Print Letter // New York Times. 1967. Jan 12.
312. Steinbeck 'Mad'; JFK Calls Prof Arrest Unwarranted // Californian. 1963. Nov 14.
313. Steinbeck Meets the Soviet Press // New York Times. 1963. Oct 22.
314. Steinbeck Sees Error by Soviet // New York Times. 1963. Nov 27.
315. Steinbeck Straight. Review of Cannery Row // Newsweek. 1945. Jan 1.
316. Steinbeck Tells Soviets Woes of U.S. Authors // Los Angeles Times. 1963. Nov 3.
317. Steinbeck Views Printed in Soviet // New York Times. 1963. Oct 26.
318. Steinbeck War Reports Denounced by Izvestia // New York Times. 1967. Jan 10.
319. Steinbeck's Letter Meets Soviet Delay // New York Times. 1966. July 15.
320. Steinbeck's Challenge // Newsday. 1967. Jan 7.
321. Tanner, Henry. Izvestia Comes to Steinbeck's Aid, Putting Humpty Dumpty Together Again // New York Times. 1964. Aug 30.
322. Tanner, Henry. Steinbeck and Albee Speak Out in Soviet for U.S. Professor // New York Times. 1963. Nov 15.
323. Text of Translated First Broadcast to the Russians by Agency of the State Department // New York Times. 1947. Feb 18.
324. Tobin, James Edward. Cannery Row // Best Sellers. 1945. Jan 2. Pp. 191-192.
325. Topics of the Times // New York Times. 1947. Feb 19.
326. Untitled // Times. 1937. Sept 8.
327. U.S.S.R.: Yankee Come Here // Newsweek. 1963. Sept 9.
328. Van Gelder, Robert. News and Views of Three Visiting Russian Writers // New York Times. 1946. May 19.

329. Walton, Edith. Cannery Row // Tomorrow. 1945. Mar. Pp. 77-78.
330. Watts, Richard, Jr. The Eye of the Observer. Rev. of A Russian Journal // New Republic. 1948. Apr 19. Pp. 22-23.
331. Weatherby, William J. Big Man from Monterey // Guardian. 1959. Oct 13.
332. Webster, Harvey Curtis. Out of the New-Born Sun. Rev. of East of Eden // Saturday Review. 1952. Sept 20. Pp. 11-12.
333. Weeks, Edward. Review: The Winter of Our Discontent, by John Steinbeck // Atlantic Monthly. 1961. July. P. 122.
334. West, Anthony. California Moonshine // New Yorker. 1952. Sept 20.
335. Why We Are in Vietnam // Newsday. 1967. Jan 13.
336. Writers and Editors Group Invites Soviet Authors Here // New York Times. 1964. June 8.
337. Yevtushenko Plea to Steinbeck // Times. 1966. July 8. P. 9.
338. Yevtushenko, Yevgeny. A View of the Summit from Soviet Union Poet // San Francisco Chronicle. 1988. June 15.
339. Yevtushenko, Yevgeny. Dear Kind Old John // McGill Daily. 1966. Nov 4.

Исследования

340. Батурин С.С. Джон Стейнбек и традиции американской литературы. – М.: Художественная литература. – 1984.
341. Большаков В.В. Правда о стране Советов и Соединенные Штаты Америки // Писатели США о Стране Советов. – Л.: Лениздат, 1983. С. 293-301.
342. Вайль П.Л., Генис А.А. 60-е. Мир советского человека. – М.: Новое литературное обозрение, 2001.
343. Власть и художественная интеллигенция. Документы ЦК РКП(б) – ВКП (б), ВЧК – ОГПУ – НКВД о культурной политике. 1917-1953 / Под ред. А.Н. Яковлева. Сост. А.Н. Артизов, О.В. Наумов. – М.: Международный фонд «Демократия», 1999.
344. Гиленсон Б.А. В поисках «другой Америки»: из истории прогрессивной литературы США. – М.: Художественная литература, 1987.
345. Гиленсон Б.А. История литературы США. – М.: Издательский центр «Академия», 2003.
346. Гиленсон Б.А. Социалистическая традиция в литературе США. – М.: Наука, 1975.

347. Гудкова В.В. «Многих этим воздухом и просквозило...»: Антиамериканские мотивы в советской драматургии (1946—1954). // Новое литературное обозрение. 2009. № 95. С. 187- 216.
348. Деген И.Л. Портреты учителей. [Электронный ресурс] // Библиотека Максима Мошкова. 2005. 17 ноября. – URL: <http://lib.ru/MEMUARY/1939-1945/DEGEN/portrety.txt>
349. Добренко Е.А. Формовка советского писателя. Социальные и эстетические истоки советской литературной культуры. – СПб.: Академический проект, 1999.
350. Добренко Е.А. Формовка советского читателя: Социальные и эстетические предпосылки рецепции советской литературы. – СПб.: Академический проект, 1997.
351. Дэвид-Фокс М. Витрины великого эксперимента. Культурная дипломатия Советского Союза и его западные гости, 1921-1941 годы / Пер. с англ. В. Макарова. – М.: Новое литературное обозрение, 2015.
352. Жданова Л.И. «Русский дневник» Джона Стейнбека в советской оптике: Публикация материалов фондов спецотдела ВОКСа Государственного архива РФ. – М.: Издательские решения, 2016.
353. Зверев А.М. Дорога никуда: «Заблудившийся автобус» – М.: Новый мир, 1979.
354. Злобин Г.П. Как зрели «Гроздья гнева» // По ту сторону мечты: страницы американской литературы XX века – М.: Художественная литература, 1985. – С. 3-32.
355. Иванько С.С. Джон Стейнбек // Собрание сочинений: в 6 Т. Т. 1. – М., Правда: Библиотека «Огонек», 1989. – С. 3-50.
356. История русской литературной критики: советская и постсоветская эпохи / Под ред. Е. Добренко и Г. Тиханова. – М.: Новое литературное обозрение, 2011.
357. Ковалева М.В. Путешествие Дж. Стейнбека в СССР 1947 г.: работа ВОКСа и советская повседневность глазами автора «Русского дневника» // Источниковедческие исследования. 2004. Вып. 2. С. 147-166.
358. Краткая литературная энциклопедия: в 9 Т. / Гл. ред. А.А. Сурков. – М.: Сов. энцикл., 1962-1978.
359. Кривицкий А.Ю. Тень друга. Ветер на перекрестке. – М.: Советский писатель, 1980.

360. Кубанев Н.А. Образ Америки в русской литературе: Из истории русско-американских литературных и культурных связей конца XIX – первой половины XX вв. Дисс. доктора культурол. наук. – М., 2001.
361. Куликова Г.Б. Иностранцы о Советском Союзе 1920-1930-х гг. – М.: РГГУ, 2004.
362. Куликова Г.Б. Новый мир глазами старого. Советская Россия 1920-1930-х годов глазами западных интеллектуалов. – М.: ИРИ РАН, 2013.
363. Либман В.А. Американская литература в русских переводах и критике. Библиография. 1776-1975. – М.: Наука, 1977.
364. Максименков Л.В. Очерки номенклатурной истории советской литературы. Западные пилигримы у сталинского престола (Фейхтвангер и другие) // Вопросы литературы. 2004. №2. С. 242-291; Вопросы литературы. 2004. №3. С. 274-342.
365. Мендельсон М.О. Джон Стейнбек. От «Гроздьев гнева» до «Зимы тревоги нашей» // Роман США сегодня на заре 80-х годов. – М.: Советский писатель. 1983. С. 61-72.
366. Мендельсон М.О. О Джоне Стейнбеке и двух его повестях // Стейнбек Дж. Жемчужина. Квартал Тортилья-Флэт. – М.: Худ лит., 1963. С. 3-20.
367. Мендельсон М.О. Современный американский роман. – М.: Наука, 1964.
368. Мулярчик А.С. Творчество Джона Стейнбека – М.: Издательство Московского университета, 1963.
369. Неизвестный Э.И. Я буду говорить о Шостаковиче [Электронный ресурс] // Лебедь. 2002. 22 декабря. – URL: <http://lebed.com/2002/art3186.htm>
370. Несмелова О.О. Пути развития отечественной литературной американистики XX века. – Казань: Кн. Дом, 1998.
371. Орлова Р.Д. Под шутовской маской // Стейнбек Дж. Зима тревоги нашей. – М.: Издательство иностранной литературы, 1962. С. 299-312.
372. Орлова Р.Д. Потомки Гекльберри Финна. Очерки современной американской литературы. – М.: Советский писатель, 1964.
373. Полянкер А.Г. «Перешедший реку» (Памяти Григория Полянкера). [Электронный ресурс] – Киев: Адеф-Украина, 2008. – URL: <http://www.nekrassov-viktor.com/AboutOfVPN/Nekrasov-Polianker-Grigoriy.aspx>
374. Салманова Е.М. Джон Дос Пассос и Россия. Дисс. канд. филол. наук. – СПб, 1997.
375. Сарнов Б.М. Сталин и писатели. Кн. 4. – М.: Эксмо, 2011.

376. Симонов К.М. Истории тяжелая вода / Сост., вступ. ст. Л. Лазарева. – М.: Вагриус, 2005.
377. Смирнова В.В. Современный портрет. – М.: Советский писатель, 1964.
378. Сталин и космополитизм. Документы Агитпропа ЦК КПСС. 1945-1953 / Отв. ред. Д.Г. Наджафов, Сост. Д.Г. Наджафов, З.С. Белоусова. – М.: МФД; Материк, 2005.
379. Тольц В.С. Три дневника. По маршруту Стейнбека полвека спустя [Электронный ресурс]. Радио Свобода. 2002. 13 апреля. – URL: <http://archive.svoboda.org/programs/cicles/stainbeck/>
380. Федоров А.А. Джон Стейнбек. – М: Высшая школа, 1965.
381. Холландер П. Политические пилигримы: путешествия западных интеллектуалов по Советскому Союзу, Китаю и Кубе, 1928-1978. – СПб.: Лань, 2001.
382. Шлегель К. Террор и мечта: Москва, 1937. – М.: Россмэн, 2011.
383. Эренбург И.Г. Люди, годы, жизнь. Т. 3. – М.: Советский писатель, 1990.
384. Amaglobeli, Vakhtang. Steinbeck's Visit to Georgia in the Context of USSR-USA Relations // Steinbeck Review. 2009. Spring. Pp. 45-50.
385. Astro, Richard. Travels with Steinbeck: The Laws of Thought and the Laws of Things // Steinbeck Quarterly. 1975. Spring. Pp. 35-44.
386. Beegel, Susan F., Shillinglaw Susan, Tiffney Wesley N. Jr. Steinbeck and The Environment: Interdisciplinary Approaches / Foreword by Elaine Steinbeck. – Tuscaloosa, AL: The University of Alabama Press, 1997.
387. Benson, Jackson J. The True Adventures of John Steinbeck, Writer: a Biography. – New York: Viking, 1984.
388. Benson, Jackson J. Through a Political Glass, Darkly: The Example of John Steinbeck // Studies in American Fiction. Vol. 12. №1. Spring 1984. Pp. 45-59.
389. Brandenberger, David. Propaganda State in Crisis: Soviet Ideology, Indoctrination, and Terror under Stalin, 1927-1941. – New Haven, CT: Yale University Press, 2011.
390. Brown, Deming B., Brown, Glenora W. A Guide to Soviet Russian. Translations of American Literature. – New York: Columbia University, 1954.
391. Brown, Deming. Soviet Attitudes Toward American Writing. – London: Oxford University Press, 1963.
392. Bridges, Peter. A Note on Steinbeck's 1963. Visit the Soviet Union // Steinbeck Review. 2007. Spring. Pp. 81-93.

393. Clancy, Charles J. Steinbeck's *A Russian Journal* // *A Study Guide to Steinbeck: A Handbook to His Major Works (Part II)*. – Metuchen, NJ: Scarecrow Press, 1979. – Pp. 128-130.
394. Clark, Katerina. *Moscow, the Fourth Rome: Stalinism, Cosmopolitanism, and the Evolution of Soviet Culture, 1931-1941*. – Cambridge, MA.: Harvard University Press, 2011.
395. Coers, Donald V. *John Steinbeck as Propagandist: The Moon Is Down Goes to War*. – Tuscaloosa, AL: University of Alabama Press, 1991.
396. Coers, Donald V. Introduction to *The Moon Is Down* // Steinbeck J. *The Moon is Down*. – New York: Penguin, 1995. – Pp. VII-XXVIII.
397. Dathorne, Oscar Roland. In *Europe's Image: The Need for American Multiculturalism*. – Westport, CT: Bergin & Garvey, 1994.
398. David-Fox, Michael. *Crossing Borders: Modernity, Ideology, and Culture in Soviet Russia*. – Pittsburgh, PA: University of Pittsburgh Press, 2015.
399. Dew, Jason M. Cold War Reflections in *Travels with Charley: Steinbeck's New Americanist Evaluation of Intra-Imperialist America* // *Steinbeck Review*. 2007. Spring. Pp. 49-63.
400. Ditsky, John. *John Steinbeck and the Critics*. – Rochester, NY: Camden House, 2000.
401. Fensch, Thomas. *Top Secret: The FBI Files on John Steinbeck*. – Santa Teresa, NM: New Century Books, 2002.
402. Fensch, Thomas. *Conversations with John Steinbeck*. – Jackson, MS: University Press of Mississippi, 1988.
403. Fensch, Thomas. *Steinbeck and Covici: The Story of a Friendship*. – Middlebury, VT: Paul S. Eriksson, 1979.
404. Fontenrose, Joseph. *John Steinbeck. An Introduction and Interpretation*. – New York: Barnes & Noble, 1963.
405. Forster, Stephanie. Rev. of *John Steinbeck Goes to War: The Moon Is Down as Propaganda* // *Steinbeck Review*. 2006. Fall. Pp. 161-164.
406. French, Warren. *John Steinbeck*. – New Haven, CT: College and University Press, 1961.
407. French, Warren. *John Steinbeck's Fiction Revisited*. – New York: Twayne, 1994.
408. French, Warren. *John Steinbeck's Nonfiction Revisited*. – New York: Twayne, 1996.
409. French, Warren. *John Steinbeck. The Politics of Twentieth-Century Novelists*. – New York: Hawthorn Books, 1971.

410. French, Warren. *The Social Novel at the End of an Era*. – Carbondale, IL: Southern Illinois University Press, 1966.
411. Frohock, Wilbur Merrill. *The Novel of Violence in America*. – Dallas, TX: Southern Methodist University Press, 1958.
412. Gannett, Lewis. *John Steinbeck's Way of Writing. An Introduction to «The Portable Steinbeck»*. – New York: The Viking Press, 1946.
413. George, Stephen K. *The Moral Philosophy of John Steinbeck*. – Lanham, MD.: Scarecrow Press, 2005.
414. Gladstein, Mimi R., Meredith, James H. *John Steinbeck and the Tragedy of the Vietnam War // Steinbeck Review*. 2011. March. Pp. 39-56.
415. Hayashi, Tetsumaro. *John Steinbeck on Writing*. – Muncie, IN.: Steinbeck Research Institute, 1988.
416. Hayashi, Tetsumaro. *John Steinbeck and the Vietnam War // Steinbeck Monograph Series. №12*. – Muncie, IN: Steinbeck Research Institute, Ball State University, 1986. – Pp. 3-33.
417. Hayashi, Tetsumaro. *New Steinbeck Bibliography 1929-1971*. – Metuchen, NJ: Scarecrow Press, 1971.
418. Hayashi, Tetsumaro. *A Study Guide to Steinbeck*. – Metuchen, NJ: Scarecrow Press, 1974-1979.
419. Hayashi, Tetsumaro. *Steinbeck's Travel Literature: Essays in Criticism*. – Muncie, IN: Steinbeck Society of America, Ball State University, 1980.
420. Heavilin, Barbara A. *John Steinbeck's The Grapes of Wrath: a Reference Guide*. – Westport, CT: Greenwood, 2002.
421. Hollander, Paul. *Soviet and American Society: A Comparison*. – New York: Oxford University Press, 1973.
422. Kannard, Brian. *Steinbeck: Citizen Spy. The Untold Story of John Steinbeck and the CIA*. – Nashville, TN: Grave Distractions Publications, 2013.
423. Kazin A. *The Unhappy Man from Happy Valley. Review of The Wide World of John Steinbeck, by Peter Lisca // New York Times*. 1958. May 4.
424. Lewis, Cliff, Carroll, Britch. *Rediscovering Steinbeck: Revisionist Views of His Art, Politics and Intellect (Studies in American Literature. Vol. 3)*. – Lewiston, NY: Edwin Mellen Press, 1989.
425. Lewis, Richard Warrington Baldwin. *John Steinbeck: The Fitful Deamon // Steinbeck: A Collection of Critical Essays. Twentieth Century Views*. – Englewood Cliffs, NJ: Prentice Hall, 1972. – Pp. 163-175.

426. Lisca, Peter. *The Wide World of John Steinbeck*. – New Brunswick, N.J.: Rutgers University Press, 1958.
427. Lynch, Audry. *Steinbeck Remembered. Interviews with Friends and Acquaintances of John Steinbeck*. – Santa Barbara, CA: Fithian Press, 2000.
428. Margulies, Sylvia R. *The Pilgrimage to Russia: The Soviet Union and the Treatment of Foreigners, 1924-1937*. – Madison, WI: University of Wisconsin Press, 1968.
429. McPherson, William. *John Steinbeck: From Salinas to Stockholm*. – Stanford, CA: Stanford University Libraries, 2000.
430. Meyer, Michael J. *The John Steinbeck Bibliography, 1996-2006*. – Lanham, MD: Scarecrow Press, 2008.
431. Moore, Harry Thornton. *John Steinbeck and His Novels: an Appreciation*. – London: Heinemann, 1939.
432. O'Connor, Richard. *John Steinbeck*. – New York: Mac-Grow-Hill, 1970.
433. *A Political Companion to John Steinbeck (Political Companions to Great American Authors)* / Ed. by Cyrus Ernesto Zirakzadeh, Simon Stow. – Lexington, KY: University Press of Kentucky, 2013.
434. Parini, Jay. *John Steinbeck: A Biography*. – New York: Holt, 1995.
435. Pratt, John Clark. *John Steinbeck. A Critical*. – Grand Rapids, MI: Eardmans, 1970.
436. Railsback Brian E., Meyer Michael J. *A John Steinbeck Encyclopedia*. – Westport, CT: Greenwood Publishing Group, 2006.
437. Riggs, Susan F. *A Catalogue of the John Steinbeck Collection at Stanford University*. – Stanford, CA: Stanford University Libraries, 1980.
438. Schultz, Jeffrey, Luchen Li. *Critical Companion to John Steinbeck. A Literary Reference to his Life and Work*. – New York: Checkmark Books, 2005.
439. Sheffield, Carlton A. *John Steinbeck, the Good Companion: His Friend Dook's Memoir*. – Berkeley, CA: Creative Arts Book Company, 2002.
440. Slater, John F. *American Past and Soviet Present: The Double Consciousness of Steinbeck's A Russian Journal // Steinbeck Quarterly. 1975. Summer/Fall. Pp. 95-104.*
441. *Steinbeck in Vietnam: Dispatches from the War*. Ed. by Thomas E. Barden. – Charlottesville, VA: University of Virginia Press, 2012.
442. Tedlock, Ernest Warnock; Wicker, Cecil Vivian. *Steinbeck and His Critics. A Record of Twenty Five Years*. – Albuquerque, NM: University of New Mexico Press, 1957.

443. Timmerman, John H. John Steinbeck's Fiction: The Aesthetics of the Road Taken (Chapter 4) // The Essential Criticism of John Steinbeck's *Of Mice and Men*. Ed. by Michael J. Meyer. – Lanham, MD: Scarecrow Press, 2009. – Pp. 104-110.
444. Tzouliadis, Tim. *The Forsaken: An American Tragedy in Stalin's Russia*. – New York: Penguin, 2008.
445. Valjean, Nelson. John Steinbeck. *The Errant Knight. An Intimate Biography of California Years*. – San Francisco, CA: Chronicle Books, 1975.
446. Watt, Frank William. *Steinbeck*. – Edinburgh; London: Oliver and Boyd. 1962.
447. Willis, Lloyd. John Steinbeck and «The Stalking Horror» of Communism // *Steinbeck Review*. 2009. Spring. Pp. 111-113.
448. Younkin, Jeremy. In *Steinbeck's Footsteps through Russia and Ukraine* // *Steinbeck Newsletter*. 1998. Summer. Pp. 14-23.

ПРИЛОЖЕНИЕ

В Приложении помещен ряд документов, использованных в работе для реконструкции «советского образа» Стейнбека. Это архивные источники или публикации в прессе, не включенные в библиографию работ о Стейнбеке в кн.: Либман В.А. Американская литература в русских переводах и критике. Библиография. 1776-1975. М.: Наука, 1977. С. 235-238. Среди них особый интерес представляют переписка Стейнбека с советскими корреспондентами и литературными институциями, отклики на его произведения и реферативные материалы Иностранной комиссии Союза писателей СССР (ИК ССП). Документы помещены в хронологическом порядке.

1939-1943

1. Абрамов А. Внутренние рецензии на книги Джона Стейнбека «Гроздь гнева», «Райские пастбища», «О мышах и людях» // РГАЛИ. Ф. 1397. Оп. 1. Ед. хр. 495. Л. 67-68, 73-75.

Джон Стейнбек. Плоды гнева (Гроздь гнева). 1939

Название романа заимствовано из «Боевого гимна республики» – эпохи американской войны за независимость. «Мои глаза видели славу господина. Он вышел из виноградника, где созрели гроздь гнева...»

Гневом дышит роман Стейнбека, роман о современных американских фермерах, разоренных, изгнанных из родной земли, обманутых, голодных, тщетно ищущих работы и хлеба. Их деды, боровшиеся за страну свободных, отвоевали землю у дикой природы, возделали ее, собственными руками построили дом. Их отцы от зари до зари работали на этой земле, были ее хозяевами. Но сейчас фермеры перестали быть хозяевами своей земли и дома. Нужда, заставлявшая их обращаться за помощью к банкам, превратила их в арендаторов. Засуха, кризис, песчаные бури отняли у них последнее. Банка предпочли согнать с земли обнищавших арендаторов и создать крупное тракторное хозяйство.

И вот – запаханы поля фермеров, их дворы, их садики. Опустели дома. Люди, сразу потерявшие все, двинулись на поиски счастья в Калифорнию, куда манили их листовки консервных фабрикантов, обещавших каждому работу и хлеб. Но листовки лгали. Хозяевам калифорнийских фруктовых плантаций действительно требовались батраки-поденщики. Но требовались сотни, а не тысячи. Может быть даже тысячи, но не сотни тысяч. Хозяйский расчет был прост: чем больше будет голодных ртов, тем дешевле будут рабочие руки. И обманутые голодные люди сотнями тысяч двинулись в «благословенный край», забывая автомобильные дороги Америки. Казалось, двинулась на Запад вся страна.

Двинулась и семья фермеров Джодов. В старенькой машине, купленной на последние гроши, полученные от проданного имущества, семья Джодов отправляется в далекий и тяжелый путь. На пути переселенцам встречаются такие же бездомные странники. Те уже побывали в Калифорнии и познакомились с «прелестями» благословенного края: с безработицей, голодом, полицейским террором. Но все же надежда на что-то лучшее, последняя надежда обездоленных, разоренных людей гонит Джодов вперед. Умирают в пути дед и бабка – представители старейшего поколения семьи. Старший сын остается где-то на берегу попавшейся на пути реки. Муж дочери исчезает, подло бросив беременную жену. Но оставшиеся члены семьи продолжают упорно бороться за жизнь на чужой, враждебно встретившей их земле. Страшные картины рисует Стейнбек. Скитания тысяч бездомных людей по дорогам Калифорнии. Жизнь в Гувервиллях, где люди живут как крысы в норах. Нищенский заработок и каторжный труд. Чудовищный полицейский террор: сожженные лачуги переселенцев, зверские убийства ни в чем невинных людей.

Гневом дышит каждая строчка этой замечательной книги. Стейнбек показывает, как отмирают собственнические инстинкты фермеров, как отсталые люди превращаются в сплоченный коллектив. Назревают забастовки. Священник, сопровождающий Джодов в пути, становится агитатором, лидером бастующих, и погибает от руки полицейского бандита. Том, представитель младшего поколения Джодов, вынужденный скрываться, преследуемый за убийство полицейского, отправляется бродить по стране, призывая народ к борьбе за право на жизнь и работу.

Джоды разбиты, рассеяны, но не подавлены. Они готовы продолжать упорную страшную борьбу за жизнь, становясь как бы символом многомиллионных народных масс сегодняшней капиталистической Америки.

Роман следует печатать как можно скорее. В нем все замечательно: и язык, и мастерские описания жизни и быта фермеров, и полнокровные художественные образы его героев.

Ал. Абрамов

Джон Стейнбек. Небесные луга. Модерн Эйдж букс. 1938

John Steinbeck. The Pastures of Heaven

Джон Стейнбек, левый калифорнийский писатель, к сожалению, совсем неизвестен в СССР. Он является автором нескольких крупных произведений, имевших большой успех в Америке: последний его роман «Плоды гнева» признан Лигой американских писателей лучшим романом 1939 года.

Рецензируемая книга была впервые опубликована в 1932 году и переиздана в 1938 году издательством Модерн Эйдж букс как одно из лучших произведений Стейнбека. Книга содержит 12 глав – новелл, рассказывающих о делах и людях горной калифорнийской долины «Небесные луга». Это – небольшой фермерский поселок, один из чудеснейших уголков Калифорнии, где сама природа создала, казалось бы, необходимые условия для земного рая. Вводная новелла уводит читателя вглубь истории в эпоху испанской колонизации, рассказывая об одном испанском капрале, который, конвоируя группу арестованных индейцев, наткнулся в горах на долину, красота которой поразила его. Здесь он остался жить и назвал это место «Небесными лугами». Но счастливая жизнь капрала была омрачена неожиданной насмешкой судьбы: он умер от благоприобретенного им в этом «раю» сифилиса, которым наградила его индианка-жена.

Об этом сообщается очень кратко, но именно это сообщение и определяет основную мысль автора, заложенную в каждой из последующих новелл. «Земной рай», оказывается, полон самых неожиданных и нелепых человеческих драм и трагедий, порой смешных, порой страшных, но одинаково отравляющих людям их жизнь в этом «раю». Щедрая природа, казалось, обеспечила им все условия для счастья и благополучия. Даже самые бедные здесь (книга была написана или задумана, по-видимому, до кризиса 1929-1933 г.) живут в относительном благоденствии. Даже бедняк из бедняков Джуниус Молтби беден только потому, что сам обрек себя на нищету, потому что предпочитает жизнь как «руссоист», почти ничего не делая и не умирая с голоду лишь потому, что природа слишком щедра. Однако, и его счастливая жизнь нарушается неожиданным диссонансом. Его сыну Робби, счастливому, как и его отец, абсолютно не имеющему представления о том, что он беден, попечители школьного совета в припадке великодушия дарят новое платье вместо его лохмотьев. Робби понял. Безмятежное существование его разбито. Понимает это и его отец, и покидает долину, отправляясь в город на заработки, чтобы обеспечить какое-то будущее для своего сына в этом мире, делящемся на богатых и бедных, в мире, где даже «Небесные луга» не являются исключением.

В каждой новелле неожиданное вмешательство случая, судьбы, нелепого стечения обстоятельств ломает счастливую жизнь обитателей долины. Становится убийцей талантливый юноша-индеец, мать, безумно любящая свою сумасшедшую дочь, становится виновницей ее гибели, становятся проститутками две славные девушки-мексиканки, сгорает дом богача Уайтсайда, дом, построенный его отцом «на веки веков», дом, в котором, как мечтал первый из Уайтсайдов, должно было звучать множество счастливых детских голосов, но дети не родились, и в старом доме было пусто и неуютно. Счастливая долина оказывается населенной полуидиотами, маньяками, лгунами, которые портят жизнь

и себе, и своим близким. Нет счастья в этом, казалось бы, самом счастливом месте на земле. И эту мысль автора иронически подчеркивает заключительная новелла: туристы, проезжающие в горах на автобусе, останавливаются и глядят на долину, лежащую внизу. Какое красивое место, как должно быть легко и счастливо живется ее обитателям!

Причину трагического в жизни своих героев Стейнбек видит не в экономических и социальных условиях, а в неожиданном вмешательстве судьбы, случая, трагического стечения обстоятельств. Все герои у него милые, симпатичные люди. Нет среди них ни подлецов, ни хищников, ни эксплуататоров. Даже убийцы у него – жертвы случая. И вот не удается людям находить счастливую жизнь даже с помощью самой щедрой природы. Ирония судьбы, нелепая насмешка случая – так философствует по поводу своей «райской долины» Джон Стейнбек.

Написаны новеллы отлично – сочным, выразительным, богатым языком. На книге – бесспорная печать большого литературного мастерства. И все же трудно рекомендовать что-либо для перевода. Как ни хорошо написаны эти новеллы, они как-то не характерны для сегодняшней Америки и, главное, не характерны для нынешнего этапа в творчестве автора. Судя по отзывам американской печати, Стейнбек сейчас дает подлинную, не прикрашенную картину американской действительности. Рецензируемая же книга представляет скорее любопытный литературный эксперимент, чем отражение подлинной живой жизни.

Ал. Абрамов

Джон Стейнбек. О мышах и людях

John Steinbeck. Of Mice and Men. 1937

Рецензируемая книга Стейнбека – роман о дружбе. О дружбе двух калифорнийских батраков, двух бездомных бродяг, Джорджа и Ленни. У них нет ни семьи, ни дома, ни постоянной работы, никаких привязанностей, кроме долголетней дружбы, которая крепко связывает обоих. Но дружба эта – особая. Ленни привязан к Джорджу, как собака. Джордж заботится о Ленни, как о ребенке. Ленни, по существу, и является только взрослым ребенком. Обладая огромной феноменальной физической силой, сложением гиганта, он умственно недоразвит, инфантилен. У него – мозг ребенка. С легкостью выполняя работу нескольких взрослых людей, Ленни в своих желаниях ребячески примитивен. Он любит животных, но не как взрослый, а именно как ребенок, любит ласкать и гладить щенков, полевых мышей, кроликов потому что они «маленькие и теплые». И, как ребенок, не понимает, что его ласки жестоки: не соразмеряя сил, он душит щенков, ломает им кости, не сознавая этого. Он причиняет Джорджу массу беспокойства и волнений. Он может хватить

женщину, потому что ему понравилось ее шелковое платье: «оно такое гладкое». Но, кроме Джорджа, в нем никто не видит ребенка, и шалости Ленни создают множество неприятностей для обоих. Им то и дело приходится бросать работу и бежать в другое место, спасаясь от разъяренных фермеров. Но Джордж не в силах бросить Ленни на произвол судьбы: он знает, что тот неминуемо погибнет, попадет в тюрьму или, что еще хуже, станет жертвой линчевателей. И вот они оба бродят от фермы к ферме, от одного случайного заработка к другому. У обоих одна мечта – самим сесть на землю, завести небольшое хозяйство. Ленни тянется к этому бессознательно, «потому что на ферме будет много кроликов». Джордж мечтает об этом, потому что смертельно устал от бродячей жизни, потому что ему хочется оседлости, покоя, «собственной крыши».

Действие романа происходит на ферме, где находят работу оба приятеля. Но с первых же дней начинаются неприятности, которых так боялся Джордж. Сын хозяина, ничтожество и задира (он боксер легкого веса), придирается к батракам, ища ссоры. Жертвой его становится Ленни. Ленни ведет себя при этом, как ребенок, он плачет, когда его избивают, но стоит ему только схватить кулак своего противника, как у того все кости ладони и пальцев оказываются сломанными. Едва удалось Ленни избежать расплаты за содеянное, как он учиняет новую «подлость», на этот раз оканчивающуюся еще более трагически. У изувеченного им боксера есть жена, кокетливая пустая бабенка. Она заигрывает со всеми, в том числе и с Ленни. Но Ленни не понимает ее приставаний. Он гладит ей волосы, потому что они «пушистые и гладкие». А когда та, испуганная, начинает вырываться, Ленни, в свою очередь, испугавшись, в одно мгновение ломает ей спинной хребет.

Роман кончается трагически. Батраки ищут Ленни, для них он не человек, а чудовище. Ему грозит опасность быть линчеванным. И тут, чтобы спасти его от страшного конца и покончить, наконец, с этой ужасной жизнью, Джордж сам убивает своего друга, убивает, как убивает хозяин любимое, но взбесившееся животное.

Американская критика называет этот роман – романом из жизни батраков калифорнийского побережья. Но это неверно. О жизни батраков, об их борьбе, работе, стремлениях мы ничего не узнаем из этой книги. Герои ее, Ленни и Джо, с таким же успехом могли быть представителями любой профессии. По существу роман – это психологический этюд о дружбе, в которой есть что-то патологическое: ведь Ленни даже не человек, а монстр, место которому в доме умалишенных. Прочитав роман, можно говорить о манере Стейнбека создавать трагический гротеск в самых обыденных житейских условиях, о колоритности и обаятельности его персонажей, о своеобразной яркости его

описаний и образов. Но все же роман никоим образом для перевода не годится: он, при всей талантливости своей, не имеет ни познавательной, ни общественной ценности.

Ал. Абрамов

2. Из реферативных материалов ИК ССП. Статья Маргарет Маршалл о творчестве Джона Стейнбека // РГАЛИ. Ф. 631. Оп. 14. Ед. хр. 1062. Л. 126-132.

28 апреля 1940 г.

В журнале «Нейшен» от 25 ноября 1939 г. напечатана статья Маргарет Маршалл «Джон Стейнбек». Привожу ее в несколько сокращенном виде:

«Джон Стейнбек завоевал с апреля 1939 года больше славы, чем кто-либо другой из живущих ныне писателей; но сам он, по-видимому, смотрит на себя более трезво, чем все его критики. В интервью для «Лос-Анджелес Таймс» в июле он заявил: «Я еще не законченный писатель». «Меня не удастся превратить в литературного льва. Я думаю об арабских рассказчиках, лучших писателях мира. Они не были окружены комфортом и роскошью. Они собирались на рынках и сказывали, и пересказывали истории, отделявая, оттачивая их, пока они не принимали той формы, с которой мы знакомы по “Арабским сказкам”».

Насколько мне удалось выяснить, это не ложная скромность. Стейнбек действительно очень скромный; об этом есть ряд достоверных свидетельств. Но в то же время эта скромность не мешает ему быть уверенным в своей работе, хотя как раз перед «Гроздьями гнева» он разорвал рукопись на ту же тему, решив, что это «не то»...

Джон Стейнбек представляет собою типичный пример развития писателя в условиях американской целины. Он родился в 1902 году в Монтерей каунти, штат Калифорния, и, за исключением коротких промежутков времени, жил всегда в этом штате, который все производит в неслыханных масштабах. Он вырос в изолированном кругу ранчо, среди американцев и того смешанного народа из мексиканцев и других национальностей, которые населяют Калифорнию. Он посещал среднюю школу в Салинасе и некоторое время пробыл в Стэнфордском университете. Летом он работал на ранчо; один сезон он пробыл на сахарном заводе. Он немецко-ирландского происхождения. Его мать – школьная учительница, отец – местный казначей – сам он написал много рассказов от руки в отчетных книгах отца в начале 1900 гг. Судя по фотографиям и рассказам людей, знакомых с ним, в нем шесть футов роста, он худощав. По словам одного человека, он сложен «по-немецки» плотно и имеет немецкие черты, а «ирландские» голубые глаза придают его лицу неожиданную живость и подвижность. По выходе из Стэнфорда он провел некоторое

время в Нью-Йорке, где работал недолго в качестве газетного репортера и грузчика. Все говорят, что он ненавидит Нью-Йорк и боится его.

Он мало вращался в городах и в литературном мире, который он избегает. Страстной любовью к природе и сельской жизни проникнуты его книги, да и написано большинство его книг о людях земли. Говорят, что он всегда опасается за завтрашний день; это приписывают многолетней нужде; он и сейчас живет очень скромно, а свои немалые заработки держит в различных банках, причем каждый вклад его не превышает 5 тыс. долларов, т.е. суммы, гарантируемой правительством. Но, несмотря на такую осмотрительность в обеспечении своего будущего, нет никаких оснований упрекать его в излишней осторожности или преклонении перед респектабельностью. Книги его свидетельствуют о другом, и один его знакомый сослался на беззаботное существование в «Плоскогорье Тортилла», как на образец жизни, которая ему по душе. Он женат, но детей не имеет.

Первая опубликованная книга Джона Стейнбека «Золотой кубок» (1929 г.) является романтизированной историей, «с некоторыми ссылками на историю», сэра Генри Моргана. Это была четвертая из написанных им книг; что касается первых трех, то, по словам его друга Джозефа Генри Джексона, одна была отвергнута, а две других он никогда и не предлагал, теперь же все они уничтожены. Стиль «Золотого кубка» литературен и самобытен; он выявляет талант к описаниям природы, тенденцию оживления неодушевленных предметов, страсть к описанию жестокостей, юношескую, сентиментальную символику и любование красивой фразой, как будто автор относится к стилю, как к золотому кубку.

Все эти элементы сохранились в его произведениях вплоть до «Гроздьев гнева». Начиная со второй опубликованной книги, объектом Стейнбека являются люди и страна, которые он знал.

Его вторая и третья книги «Райские пастбища» (1932 г.) и «К незнакомому богу» (1933 г.) явились сгустками его романтического и «мистического» отношения к земле, которая была и остается его наиболее убедительным персонажем... Это относится в первую очередь к «Райским пастбищам», где дан также ряд эксцентричных типов, «детей»; это – обычный соблазн для молодых писателей, но чаще всего это помогает только вскрыть их незрелость.

В «Плоскогорье Тортилла» (1935 г.) Стейнбек набросал сентиментальную идиллию из жизни «пайзано» из Монтерея – этой «смеси испанской, индейской, мексиканской и кавказской кровей». Герои книги – Данни и его друзья, группа аморальных детей. Опять дети. Повесть, задуманная как легенда, полна шарма и иронии и не затрудняет мозга. Но

«простой» стиль нарочит и изыскан; действительность плоскогорья Тортилла превращается в нечто крайне нереальное.

«Плоскогорье Тортилла» была его первым успехом и не удивительно, ибо она очаровательна...

В 1935 г. и 1936 г. внимание Стейнбека привлекли беженцы, наводнявшие долины Калифорнии. 12 сентября 1936 года он помесил в «Нейшен» статью, являющуюся как бы конспектом «Гроздьев гнева». В том же году он опубликовал книгу «В сомнительной схватке», рассказывающую историю забастовки сборщиков фруктов, которые бежали на восток со своих разоренных земель. Действие разворачивается стремительно, скачками; книга перегружена элементарными поучениями партийного работника Мака о том, как расшевелить массы, порой они граничат с «бурлеском». В одном месте Мак как бы отвечает на протест читателя: «Я не знаю, почему, но всякий раз, как я говорю с вами, я скатываюсь либо к митинговой речи, либо к лекции». Джим отвечает: «Черт с тобой, Мак, я люблю слушать тебя», и поучения продолжают... Но, хотя сюжет «В сомнительной схватке» кажется мелким и отдельные персонажи неубедительными, книга все же пропитана духом реальности.

«О мышах и людях» намеренно сделано под драму и только так и может рассматриваться. Кажется, что это шаг назад после «В сомнительной схватке». Стейнбек говорит, что это была попытка написать роман как пьесу. Опыт одержал успех на Бродвее...

Его следующая книга «Длинная долина», сборник новелл, связанных общим стержнем; персонажи его живые люди. Это простая история, рассказанная на этот раз действительно простым языком о мальчике и его мечтах о пони... Эта книга была шагом к зрелости.

«Гроздьев гнева» свидетельствуют о дальнейшем росте. Здесь мощная тема великого переселения как бы потрясла «золотой кубок» стейнбековского стиля, хотя еще большие куски его уцелели до сих пор. Фигуры матери и священника остались от раннего Стейнбека. Мать с самого начала, на стр. 100, дана как понятие, как идея, а не как живой персонаж. Таких подмен характеристики много, и это одно из самых слабых мест Стейнбека. Мать часто говорит не своим языком:

«Вот придет тебе время рожать, и ты будешь думать, что весь мир где-то далеко, а ты одна. Тебе будет горько, Роза, и горе твое тоже будет одинокое, и вот эта палатка, Роза, она тоже особняком стоит от всего мира... Наступает такое время... когда смерть одного человека она свяжет с другими смертями, и рождение ребенка свяжет с рождением других ребят. А рождение и смерть – это как половинки одной вещи».

Автор часто отступает в сторону от сюжета, чтобы изложить свои взгляды на людей, машины и жизнь в «музыкальной» форме. Некоторые из этих отступлений опережают фабулу и действенны сами по себе, но другие – чисто риторичны; сам прием литературных вставок является ничем иным как уловкой. Если бы опустить кое-какие из них, а другие влить в само повествование, структура «Гроздьев гнева» стала бы более органичной; сейчас она держится только на теме. Тема эта отражает сосредоточение раннего Стейнбека на проблеме земли и отношении к ней человека, но здесь она выступает как практическая проблема в существовании человека. Под влиянием поражающей действительности юношеский интерес Стейнбека, как человека, перерастает в острую, социальную тему – экспроприация тысяч людей, их наивная и жалкая привязанность к родной земле и их ненависть к каменной стене крупной собственности. Со злобной радостью Стейнбек терзает нервы читателей, упорно повторяет перечисление жестокостей, направленных против этих людей. Его описание местности, опустошенной засухой и пылью, которое открывает книгу, является не только описанием ландшафта, к которому у него есть большой талант; оно трогает и бьет в цель. Употребление им слов из четырех букв, которое в «Мышах и людях» кажется просто одним из элементов его манеры, здесь получило сильное развитие; местами оно кажется лишним и чересчур литературным, но в целом не надоедливо, хотя и вызвало ряд возмущенных упреков.

Плоды натурализма вылились здесь в «Гроздьях гнева» в образе Ноа, этого странного сына Джодов, но здесь он – лишь тень самого себя из прошлых книг и исчезает по первому знаку автора, который прежде тратил на него столько времени. Символизм дает знать о себе в конце, когда дочь Джодов, родивши мертвого ребенка, отдает свое молоко умирающему от голоду бродяге, и еще при протесте бабушки и его смерти, последовавшей после ухода с земли его предков.

Еще неясно, является ли неовладение Стейнбеком характеристикой персонажей плодом его неспособности или просто незрелостью писателя. Образ Джоди в «Красном пони» свидетельствует о его умении создать настоящий образ, когда он создается из личного знания и опыта и когда он не пытается навязать своим персонажам сентиментальных переживаний по отношению к земле или к «смыслу жизни». Его мелкие персонажи часто гораздо реальнее его центральных фигур.

«Гроздья гнева» разошлись в 300 тыс. экз. Это факт очень утешительный, но легко объяснимый. Книга взывает к гражданским чувствам американцев; в ней есть элементы неправдоподобности; история тысяч и тысяч Джодов, кидающихся на запад, драматически напряжена и волнующа. Судьба фермеров-издольщиков так безотраднa, что вызывает слезы

на глазах многих дам в мехах, хотя практически для улучшения этой судьбы сделано пока мало.

Популярность книги была совершенно из ряда вон выходящей. Она сжигалась библиотекой в восточном Сан-Луи. Она получила уничтожающую оценку и была подвергнута гонениям со стороны Объединения Фермеров в Калифорнии. Репортер огайской газеты «Виндикэйтер» зашел даже так далеко, что объявил: «Стейнбек портит прекрасную книгу призывом к марксистскому восстанию». Это он выдумал от себя, а не говорит словами Стейнбека. Ибо хотя детали его описания оклахомцев и могли бы навести газетчика на мысль о возможности марксистского разрешения проблемы, особенно если он, следуя моде, стал классово-сознательным, но Стейнбек нигде даже не намекает на такое разрешение. Напротив, его возмущение по адресу трактора, который ломает отношения между человеком и землей, превращается в достаточно наивный протест против машин. О чем мечтают «Оки» и, есть основания подозревать, мечтает для них и сам Стейнбек? – о маленьком беленьком домике и клочке собственной земли; это гораздо больше напоминает старую формулу о сорока арках и муле, чем «большевистские» колхозы. За этим последовал еще один проект, положенный им в серии статей о «Безработице, ее причинах и возможных мерах искоренения». Его «возможные меры» совершенно нереальны, но расширение его опыта никогда не повредит ему как писателю. От писателя не требуется формулировки решений; его единственный долг, если он избирает себе социальную тему, это понять ее. Писательский талант Стейнбек в настоящее время гораздо шире его понимания социальных сил и человеческих характеров...»

3. Переписка редакции журнала «Интернациональная литература» с Джоном Стейнбеком // РГАЛИ. Ф. 1397. Оп. 1. Ед. хр. 922. Л. 1-22.

3.1. Стейнбек – Т.А. Рокотову

Los Gatos, California

February 22, 1939

Dear Mr. Rokotov,

I thank you heartily for your letter of February fourth. Ordinary, I avoid making statements about things cultural. I think I do not understand the term very well, or rather I understand too many aspects of it which seem to cancel out. One could say that, prior to the revolution, the burden of cultural exchange (on this side at least) – was borne by the great Russian novelists almost exclusively. Our understand of Russian life was entirely gained from Dostoevsky, Tolstoy, Chekhov, Gorki. Here, in California, we had the tradition of the Russian fur traders, of the colony

at Fort Ross, but this tradition was remote and dim compared with the clear human pictures of the novelists. So far this is simple. But when I attempt to think of a present general cultural exchange I am puzzled. In Russia I know that some American novelists are read, London, Sinclair, Hemingway, Dreiser. But from Russia to America, there is confusion. A great many of our people take every particle of information about the Soviet Union from violent anti-Soviet sources. Hearst newspapers daily print lies, whole lies: such partisan groups as the Dies committee ascribe every social and economic ill to the work of communists. The so-called "red scare" is used by reactionaries in every labor trouble. Let us see what opposition there is to these violent anti-Soviet forces. Soviet moving pictures? They are greeted with interest but since they are not shown in any large theatres which are controlled by reactionaries, they are not very widely seen. Novels? They are not widely read. Left newspapers? The subscription lists are small. And of course, ninety per cent of straight news from Russia is either cleverly warped or completely fabricated. Consider Last Sunday's San Francisco Examiner which printed quite coolly that the Red Army was helpless because all of its leaders had been executed. You can see what chance the ordinary man has of knowing anything about the Soviet Union. Probably the whole people reacted more strongly to the successful flight over the Pole, and was more moved by the lost flight than by any other recent things. I do not say that there is a general ignorance of Russia but that correct information is not available to the great mass of our people. Consider the man who works on the little farm where I live. Yesterday he said: "In Russia, they shoot everyone who has any religion". I asked, "Where did you hear that?" But he had forgotten where he heard it. He only knew it was so. And I was unable to convince him otherwise. He was quite sure I was lying when I said it wasn't so. It is so hard to describe for a Soviet reader the situation here. Our great industrialists feared more than anything else the success of the Soviet Union, and when now finally they know it is successful, their great fear is that our masses should find it out, and their efforts and their fortunes are devoted toward keeping that fact from our masses. With nearly all of our newspapers, all of our radio stations, and nearly all of our magazines in the hands of such people, it will easily be seen that a free flow of information, cultural or purely factual, is impossible. Our book publishers seem to be alone. They will print nearly anything. A new Tolstoy, a new Chekhov, writing in human terms could accomplish what nothing else has. Our people are fearful and a little contemptuous of ideologies, but they are sympathetic and warm toward people. Thus a novel about border war in the East, or about political sabotage would be greeted here without interest, but a novel or a play about men and a woman primarily would be welcomed and would also perform a great service. We do not know how common Russian people live, how they enjoy themselves, what the obstacles to their happiness are. We know for example something of the wrecking, but no writer has sent us the important thing – how the people felt. Our people love machinery, and iron filings poured in a

bearing would hurt them as it must hurt a Soviet man. We need a book dealing with the things your people love and the things they hate. We must know them as people and not as ideas. And that service could be performed by a Russian writer of humor and understanding.

I've written at great length and probably have said nothing.

Please forgive me for not using the typewriter. I am ill and confined to bed. Of course you may use this if you can read it and if you find it at all interesting.

John Steinbeck

3.2. Т.А. Рокотов – Стейнбеку

Mr. John Steinbeck,
Route I, Box 95 D,
Los Gatos, California

June 7, 1939

Dear Mr. Steinbeck:

Under separate cover we are sending you the special World Fair issue of our English edition devoted to the intellectual life of the USSR.

We would highly appreciate your opinion on it in any form; your criticism will be a real help in further improvement of the magazine.

Your statement appearing in the special issue of our Russian edition which you will get soon, will be published in a forthcoming issue of the English edition as well.

Sincerely yours

T. Rokotov, Editor

3.3. Т.А. Рокотов – Стейнбеку

22.II.40 г.

Дорогой мистер Стейнбек,

Вот уже несколько месяцев, как мы с Вами потеряли контакт, но это не значит, что в редакции «И.Л.» перестали вами интересоваться. Даже наоборот – мы все это время работали над вашим романом «Гроздь гнева» и над подготовкой большой статьи о вашем творчестве. В русском издании журнала «И.Л.» ваш роман печатается полностью в январской, февральской и мартовской книге 1940 г.; во французском издании был приведен большой отрывок. В мартовском номере русского издания пойдет статья, о которой я выше писал. Само собой разумеется, что как только эти журналы выйдут из печати, они вам будут высланы: пока же я посылаю вам те номера, в которых печатались те или иные отклики, связанные с романом. Рад сообщить вам, что ваш роман еще до появления его в

русском переводе стал известен самому широкому кругу читателей: отрывки из романа печатались в «Правде» и ряде других газет. Весь Советский Союз знает теперь имя передового писателя США. Однако редакция, к сожалению, не знает, что сообщить читателям, интересующимся вашей дальнейшей творческой работой. Очень просил бы вас написать нам об этом.

Если вы не будете на меня в претензии, то я решаюсь просить вас еще об одном. Я надеюсь, для вас не составит труда прислать нам свою автобиографию и желательно 1-2 фото разных лет.

Получаете ли вы регулярно посылаемое вам английское издание «И.Л.»?

Заканчивая это письмо, я хотел бы еще просить вас сообщить мне адрес, по которому я мог бы перевести вам в США часть следуемого вам за роман литературного гонорара. Позвольте напомнить вам о том, что между нашими странами нет литературной конвенции, однако писателям, с которыми мы находимся в постоянном контакте, мы часть денег все же имеем возможность пересылать, остальная часть гонорара вносится здесь на ваш текущий счет в советских рублях, и вы можете ими распорядиться в любой момент, как это не раз делал, например, Эптон Синклер.

Рад буду вскоре читать ваш ответ.

Дружески приветствую вас,

Т. Рокотов

3.4. Е.С. Романова – Стейнбеку

Mr. JOHN STEINBECK,

Route I, Box 950,

Los Gatos, Calif.,

Moscow, March 16, 1940

Dear Mr. Steinbeck:

Herewith the editors of International Literature are informing you that a remittance for \$70.75 was made to you early in this month. It is a part of the honorarium for Grapes of Wrath which we are publishing in full in Nos. 1, 2, 3-4 of our Russian edition.

We would be glad to receive your acknowledgment of its receipt.

Truly yours

Helen Romanova,

Secretary

3.5. Секретарь Стейнбека Элизабет Отис – Е.С. Романовой
 McIntosh & Otis, Inc.
 18 East 41st Street, New York City
 Telephone LExingtone 2-0422

La Litterature Internationale
 Kuznetski Most 12
 P.O. Box 527
 Moscow, USSR

13 мая 1940 г.

Дорогая мисс Романова!

М-р Стейнбек сообщил о вашем письме нам, его представителям, и мы очень рады подтвердить получение от вас 70 дол. 75 ц., которые, как мы понимаем, являются частью гонорара за «Гроздья гнева» в русском издании. Насколько я понимаю из письма м-ра Рокотова, это лишь часть денег, следуемых м-ру Стейнбеку, и что остальное зачислено ему на текущий счет в рублях. Не будете ли вы так добры сообщить мне, какую сумму это составляет? М-р Стейнбек не намерен, разумеется, в ближайшее время побывать в России, но мне хотелось бы располагать этими данными.

М-р Стейнбек просил меня передать его благодарность за хороший прием «Гроздьев гнева» в России. У него нет определенных планов на будущее, но сейчас он находится по пути в Мексику для работы над одним фильмом.

Искренне ваша
 Элизабет Отис

Получено 11.04.40 г.

3.6. Е.С. Романова – Стейнбеку
 Mr. John Steinbeck,
 Route I, Box 950,
 Los Gatos, Calif.,

Moscow, May 27, 1940

Dear Mr. Steinbeck:

The editors of «International Literature» are herewith informing you that a remittance for \$56.60 was made to your address this month. It is a payment for GRAPES OF WRATH which has been published in our magazine. We hope that you received the three issues of our Russian edition that contained the novel.

We would be glad to have your acknowledgment of receipt of the money and the magazines.

Truly yours

Helen Romanova

Secretary

3.7. Т.А. Рокотов – Стейнбеку

Mr. John Steinbeck,

c/o McIntosh and Otis, Inc.,

18 East 41st Street,

New York City.

Moscow, May 9, 1941

Дорогой мистер Стейнбек!

Рад сообщить вам, что ваш роман «Гроздь гнева» пользуется у советского читателя исключительным успехом. У нас уже вышло несколько изданий этого романа. Кроме журнала «И.Л.» он вышел дорогими изданиями в Москве тиражом 25.000 и в Ленинграде тиражом в 25.000 экз., а также дешевым изданием серии «Роман-газета» тиражом 300.000 экз. Отдельным пакетом одновременно с этим письмом я посылаю вам эти оба издания.

Надеюсь, что вы своевременно получили посланные вам номера «И.Л.», где ваш роман был напечатан. Вы бы меня очень обязали, подтвердив получение этого письма и посланных вам книг.

Советские почитатели вашего таланта были бы очень рады узнать, над чем вы сейчас работаете. Я слышал, что вы закончили свой новый сценарий о мексиканских крестьянах. Если бы мы могли получить его, это было бы для нас большой помощью. В свою очередь я всегда рад быть вам взаимно полезным, в частности, если вам будет нужно выяснить состояние вашего текущего счета здесь.

Искренне ваш

Т. Рокотов

3.8. «Интернациональная литература» – Стейнбеку

Mr. John Steinbeck,
c/o Elizabeth R. Otis
18 East 41st Street,
New York, USA.

1/06/43

Dear Friend!

We have been sending you our new books and periodicals for some time. We have send you a booklet «A Protest against fascist vandalism», which is a collection of speeches made by outstanding Soviet workers in art and literature at the Antifascist meeting against vandalism.

They include the following authors: A. Tolstoy, A. Korneichuk, M. Bazhan, S. Vurgin, composer D. Shostakovich and the actors: I. Moskvin, V. Barsova, A. Yablochkina, N. Cherkassov, I. Alezandrovskaya and I. Sudakov; the sculptress V. Mukhina; the architects: A. Alabyan and V. Vesnin; the cinema producers I. Oyryev and A. Dovzhenko.

The booklet includes also an appeal to art workers in all freedom-loving countries.

3.9. М.Я. Аплетин – Стейнбеку

8 июля 1943 г.

Джону Стейнбеку

Миллионы советских читателей знают и любят Ваши книги и с огромным вниманием следят за вашим творчеством. «Луна зашла» опубликована в отрывках в журнале «Огонек» и полностью в журнале «Знамя». Два экземпляра высланы Вам. Просим присылать нам ваши новые работы, как только они у вас будут.

Сердечный вам привет и горячие пожелания новых творческих успехов в борьбе против гитлеровской тирании и фашистского варварства.

Зам. Председателя

Иностр. Комиссии ССП СССР

Аплетин

4. Переписка Джона Стейнбека с ИК ССП // РГАЛИ. Ф. 631. Оп. 11. Ед. хр. 85.

4.1. М.Я. Аплетин – Стейнбеку

Moscow, December 17, 1940

Mr. John Steinbeck,

Route I, Box 950,
Los Gatos, California

Dear Mr. Steinbeck:

It is no bad custom to cast a glance at the past year and summarize all that has been done. That is why I have great pleasure in looking back at the triumphant march throughout the world of your most remarkable book. Thanks for the pleasure I have had in reading your book. Comparing your book with the Jameson book I have read in one of the magazines I could not make out why her book is given such a stupendous amount of publicity and is so unscrupulously advertised.

Thanks to your book, you have now in the USSR thousands of sincere friends and admirers.

Is there anything better I could wish you for the New Year than to attain as much success in 1941 as you had with your book THE GRAPES OF WRATH.

I am mailing you the November issue of SOVIETLAND. Let the magazine remind you of the country there good literature is highly appreciated.

With heartiest greetings

yours M.Apletin,

P.O.Box 850

Moscow, U.S.S.R.

4.2. М.Я. Аплетин – Стейнбеку

Moscow, March 12, 1941

Mr. John Steinbeck,

Route I, Box 950,

Los Gatos, California, U.S.A.

Dear Mr. Steinbeck;

I have forwarded to you in three parcels six author's copies of your book THE GRAPES OF WRATH published by the State Literary Publishing House, Moscow. Kindly acknowledge receipt of same.

Your splendid book enjoys great success among the Soviet readers.

I am collecting the press reviews on the book and will send them to you.

Permit me also to express my profound thanks for the great enjoyment and benefit I derived from reading your highly talented book.

Millions of readers the world over are thankful to you for this book in defense of man and particularly for the image of the mother depicted by you, great in its simplicity and so touching,

permeated with humaneness and profound faith in the potency of mankind. There was a great need of such book in these tragic days in the history of mankind.

With hearty greetings and wishes for new victories on the battlefield of literature.

Sincerely yours

M.Apletin

Vice Chairman of the Foreign Commission
of the Union of Soviet writers of the USSR.

4.3. Стейнбек – М.Я. Аплетину

Pacific Biological Laboratories

Pacific Grove, California

June 26th, 1941

Mr. M.Apletin, Vice Chairman

Foreign Commission of the Union of Soviet Writers

of the USSR

Moscow, Russia

Dear Mr Apletin:

I have your very welcome letter of March 12. The books you mention came forward in good condition and I am most grateful to you for them.

Now a new work is in progress on still a different track. With a collaborator, I am working up a leisurely journal of travel and research to be called «The Sea of Cortez» in which we concern ourselves with the marine animals of the tropical American Pacific Coast. There are a good many inferences, speculations and hypotheses, some of which I imagine you will find both interesting and amusing.

In this connection we are building up a library of reference, and some of the needed works, strangely enough, were published in Russia in the old days. It occurs to me that you perhaps over there might be able to pick up some of these which are reasonably rare in this country, and send them to me, charging them against my royalty account in Moscow. The list follows, the items shown in the order of their importance. The Grube 1877 Annukata monograph, we are particularly anxious to procure, since it comprises a source book of all the information known on Marine Annelid worms to its date of issue. Anything that can be done in this line will be very much appreciated.

Sincerely

John Steinbeck

List of publications:

- 1) Memoires de L'Academie Imperiale des Sciences de St Petersburg, VIIe Serie. Tome XXV, No. 8, 1978.
- 2) Grube, Ed. "Annulata S mperiana. Beiträge zur Kenntniss der Anneliden Fauna der Philippinen, nach den von herrn, Prof. Semper mitgebrachten Sammlungen". 299 pp., 15 pls. Lu de ll janvier 1877.
- 3) Brandt, J F 1835 Prodromus descriptions Animalium ab H.Mertensio in orbis Terrarum circumnavigatione observatorium. Petropoli.
- 4) Middendorff, A. Th. V. 1851. Reise i den äussersten Norden und Osten Sibiriens. St. Petersburg. do Beitrage zu einer Malakozologie Rossica, vol. 1. 1847, Vol. 2 and 3, 1849
- 5) Bulletin, Imperial Academy of Sciences, St. Petersburg, vol 4 (1847), vol. 6 (1846) for articles be Middendorff.

5. Из реферативных материалов ИК ССП. Патриотическое выступление Джона Стейнбека // РГАЛИ. Ф. 631. Оп. 14. Ед. хр. 1102. Л. 175.

29 ноября 1940 г.

В «Нью мэссес» от 24 сентября 1940 г. помещена редакционная заметка, в которой редакция рассказывает о попытках американской прессы мобилизовать общественное мнение Америки на поддержку закона об обязательной воинской повинности и вступления в войну. В частности, ею усиленно распространяются статьи известных американских писателей на тему «Наша страна» с явно шовинистическим уклоном.

Редакция пишет: «Совсем неудивительно видеть, как писатели вроде Мэри Роберт Райнхарт и Филипа Уайли с восторгом подписываются под этим начинанием. Гораздо более потрясает, когда читаешь, как Джон Стейнбек высказывает мысль, что «почти все американцы верят в одно и то же. Они расходятся в мелочах. Я считаю, что они вполне могли оставить на время все эти детали во имя сохранения нации». Неужели Джоуды – это лишь мелочь американской жизни? Выиграют ли они от войны, которую Стейнбек, как и другие авторы данной серии, приветствует столь радушно? Когда писатель вроде Стейнбека падает жертвой «антифашисткой» демагогии нашей профашистской прессы, тогда «Ассошиэтед фармерс» и другие враги Джоудов торжествуют...»

Референт по США

Ел. Романова

6. Из реферативных материалов ИК ССП. Джон Стейнбек требует открытия второго фронта // РГАЛИ. Ф. 631. Оп. 14. Ед. хр. 1070. Л. 92.

11 ноября 1942 г.

«Дейли Уоркер» (21.05.42 г.) сообщает, что Джон Стейнбек и все участники постановки его антинацистской пьесы «Луна заходит» обратились к президенту Рузвельту с телеграммой, требующей открытия второго фронта против Гитлера.

«Мы, участники постановки «Луна заходит» – автор, режиссер, актеры, рабочие сцены и администрация – хотим выразить вам нашу полную поддержку вашей наступательной антинацистской политике.

Наша пьеса рассказывает об эпической борьбе народов девятнадцати оккупированных стран Европы. Хотя они и временно покорены нацистами, они находят тысячи способов для беспрестанной каждодневной борьбы с гитлеризмом.

Мужественная Красная Армия свыше года выносила и все еще выносит основной удар нацистской военной машины. Теперь, когда главная гитлеровская армия находится на русском фронте, а Европа только ожидает момента чтобы восстать, мы обращаемся к вам, нашему главнокомандующему, с просьбой открыть западный фронт теперь же и обеспечить победу Объединенных наций в 1942 году. Телеграмма подписана Джоном Стейнбеком, Отто Кругером, Ралфом Морганом и двенадцатью другими участниками постановки.

Аналогичная телеграмма была послана Союзом музыкантов.

7. Из реферативных материалов ИК ССП. Полемика в американской прессе по поводу произведения Джона Стейнбека «Луна заходит» // РГАЛИ. Ф. 631 Оп. 14. Ед. хр. 1070. Л. 103-109.

21 ноября 1942 г.

Последнее произведение Джона Стейнбека «Луна заходит» (роман и пьеса, вскоре на экране появится и кинофильм того же названия), вызвало оживленную дискуссию на страницах американской прессы. Ряд читателей прислали письма в редакции журналов и газет в связи с этим произведением.

Дж. Стейнбека обвиняют в том, что он напрасно изобразил немцев объективно, «сохранив человеческие черты», нарисовал их в слишком мягких тонах. Поэтому «Луна заходит» демобилизует американских читателей и зрителей. Кроме того, если судить по этой книге, слишком легкой представляется борьба с немцами в оккупированных странах.

Ряд журналов выступили в защиту Стейнбека. Люис Гэннет в «Хералд трибюн» (8.05.42) пишет в статье «Крестовый поход против книги Стейнбека», по поводу статьи Джемса Тербера, опубликованной в «Нью Рипаблик»: «Редактор «Нью Рипаблик» Брус Бливен считает «совершенно несправедливым» обвинение в «тоталитарном крестовом походе», обвинение, которое «Хералд трибюн» предъявил к «Нью Рипаблик» в связи с нападками этого журнала на книгу «Луна заходит». «Нью Рипаблик», по словам Бруса Бливена, считает, что каждый вправе иметь свое суждение, и журнал печатает все получаемые им письма о Стейнбеке, независимо от позиции их авторов. Однако, – добавляет Гэннет, – «Нью Рипаблик» в редакционной статье пишет, будто Стейнбек утверждает, что могучая духовная сила, заключающаяся в демократии, на деле превосходит эффективность пулеметов. Это столь же извращенное истолкование книг Стейнбека, как и совершенно дикое утверждение Тербера (автора специальной статьи о Стейнбеке в «Нью Рипаблик»), будто, если американцы поверят книге Стейнбека, это приведет к тому, что они проиграют войну.

«Мне представляется, – пишет Гэннет, – что лица, критикующие Стейнбека, главным образом руководствуются следующим соображением: они считают, что Стейнбек не должен писать о немцах, приемлемых или приятных в каком-либо отношении, и тем более даже намекать, что невооруженное сопротивление гражданского населения может сыграть значительную роль в ходе войны. По их мнению, Стейнбек обязан ненавидеть немцев, всех без различия. Я всегда с удовольствием читал статьи Тербера и смеялся над его карикатурами; я знаю, что он один из самых культурных людей Америки. Однако, я нахожу, что, реагируя таким образом на повествование Стейнбека, он проявил истерию военного времени.

Я не считаю книгу «Луна заходит» лучшим произведением Стейнбека. Цивилизованные писатели Америки настолько ослеплены ненавистью, что они обвиняют эту книгу в том, что она якобы служит целям фашистской пропаганды. Это казалось и кажется мне удручающим примером того, как здоровая ненависть к нацизму может привести хороших людей к тому, что и они начнут, сами того не сознавая, мыслить по образу тоталитарного мышления».

«Хералд трибюн», 8.05.42

По-видимому, с тех же позиций, что и «Нью Рипаблик», нападает на Стейнбека и критик Клифтон Фадиман. Другой критик Джон Чемберлен («Нью-Йорк Таймс – 9.05.42) возражает ему. Чемберлен приводит следующую цитату из предисловия Фадимана к недавно вышедшему в США новому изданию «Войны и мира».

«Он говорил, – пишет Фадиман о Толстом, – что человеческая природа – нечто постоянное, и она выступит наружу, несмотря на всю деформацию, муштру, обесчеловечение и т.д., которому она может подвергнуться». Но именно это и пытается сказать Стейнбек в «Луна заходит» (разумеется, творчество его стоит на ином уровне). Немцы, которых изображает Стейнбек, иногда сомневаются в мудрости фюрера, иные из них скучают по дому, у других кровопролитие в конце концов вызывает отвращение, третьим все надоело. Они человечны, слишком человечны для осуществления людоедских планов фюрера. Битва за Норвегию, – мы скажем словами, какими Фадиман описывает толстовскую концепцию битвы за Россию в 1812 году, – «сочетание столь многочисленных и самым сложным образом связанных между собой случайностей, что ни один ум, ни несколько умов не могут их предвидеть».

В конечном итоге норвежцы выигрывают войну просто потому, что немцам не удастся их организовать.

Фадиман дает понять, что условия пропаганды в 1942 г. требуют никак не объективного изображения немцев, иначе у американцев пропадет желание сражаться с ними. «Немцев надо изображать, как людей, которые ничем не могут искупить свои грехи, иначе мы можем утратить волю бороться с ними».

Но именно это (давать необъективное изображение врага) мы не должны делать, – говорит Чемберлен. – Если мы не в состоянии держаться великих толстовских констант, мы падем до уровня доктора Геббельса, а так как Геббельс использует оружие Макиавелли несравненно более умело, чем мы когда-либо сумеем его использовать, он, разумеется, одержит над нами верх. «Слова – это оружие» – говорим мы. Да, это оружие. Но если мы будем все время твердить это себе, мы позабудем более раннюю и гораздо более важную мысль, что слова должны означать правду, а правда сама по себе – есть наилучшее оружие. Лозунг «Слова – это оружие», по своей сущности, нацистский лозунг, так как он пытается извратить честность слов, которые, как предполагается, должны означать именно то, что мы в них вкладываем, а не что-либо иное. Писатели прежде всего должны заботиться о правде, которая стоит за словами. Иначе они превращаются в цирковых клоунов.

Мы можем разгромить Геббельса посредством правды. Неверно, что ложь, если ее повторять достаточно часто, может стать сильнее правды. Разве Гитлеру удалось убедить Норвегию своей ложью? Или Польшу? Или Францию? Да и убедил ли он самих немцев? Я считаю, что не убедил даже собственных своих подручных по нацистской партии. Из всего слышанного я заключаю, что многие нацисты весьма цинично относятся ко всей нацистской программе. Они сражаются потому, что надеются таким путем достичь власти и высоких постов, а не потому, что верят гитлеровским басням. Сила нацистов – в их военной

мощи, в их танках и самолетах и в их центральной позиции в Европе. Геббельс, как положительный фактор, исчерпал себя. Пропаганда уже не имеет значения в этой войне.

В дальнейшем только правда может иметь значение, а эта правда так проста, что она не нуждается в «Бюро словесной войны», дабы получить распространение. Вот она, великая и простая правда, – всем нам надоело, что Гитлер превращает наше существование в бойню. Нам надоело, что мы не можем думать о том, по какому плану разбить наш сад в будущем году, ни какое платье сшить, ни как развлекаться, или учиться, или путешествовать в будущем году. Мы хотим снова иметь возможность заниматься своими обыкновенными человеческими делами и чтобы до нас не доносился голос маньяка, похожий на крик совы. Мы хотим того, что хотела Европа в 1815 году, хотим периода без государственных переворотов, путчей и блитцей. И мы знаем, что у нас не может наступить такая эпоха, пока мы не выиграем войны.

Никого не приходится обманывать относительно целей этой войны. Каковы бы ни были в прошлом возможности ее ограничить, теперь ее нельзя закончить иначе, как поставив в Германии правительство, которое на протяжении жизни одного поколения будет вести себя принципиально и без возможных сюрпризов (это же относится и к Японии). Все это знают, однако большинство все же думает, что для оправдания этой войны они должны открыть нам нечто гораздо более таинственное.

Какое-нибудь ответственное лицо должно было бы иметь смелость сказать то, что самоочевидно: мы боремся за мир, в котором будем иметь возможность в мирной обстановке под защитой законов разрешать наши личные и общечеловеческие проблемы.

Итак, я хотел бы поставить под вопрос пользу лозунга «Слова – это оружие». Я хотел бы заменить его более старым лозунгом: «Правда сделает вас свободными».

«Луна заходит» Джона Стейнбека вызвала, как сообщает Брукс Аткинсон («Нью-Йорк Тамс 10.05.42 г.), недовольство ряда читателей, считающих, что Стейнбек так изображает Норвегию под гитлеровским сапогом, что сопротивление фашистам представляется слишком легким и это ослабит подготовку американского военного наступления. Один из зрителей пьесы «Луна заходит» считает, что пьеса эта «убаюкивает зрителей. Она внушает им, что можно оставаться свободными, ничего для этого не делая».

В «Нью Рипаблик» (4.05.42 г.) француз, проведший год в оккупированной Франции пишет, что «роман Стейнбека – это пощечина всем народам, страдающим под игом Гитлера».

Однако, есть и противоположная оценка – среди читателей нашлись люди, пораженные необычайным прозрением Стейнбека, который, не быв сам в Норвегии, сумел

превосходно передать и проанализировать самый дух невооруженного сопротивления нацистам в Норвегии. Брус Аткинсон опровергает все предъявляемые Стейнбеку обвинения в демобилизующем влиянии его произведения.

Некий бельгиец, сотрудник бельгийского посольства в США выступил в выходящем в Нью-Йорке журнале «Свободная Бельгия» с письмом о «Луна заходит». Бельгиец возмущен тем, что Стейнбек в этом произведении упоминает о старушке-бельгийке, которая в войну 1914-1918 гг. отправила на тот свет при помощи булавки для шляп несколько немецких солдат. Столь некультурный способ убийства не может быть употреблен цивилизованными бельгийцами. Только нацисты способны на убийство такого рода. «Нью-Йорк Таймс Бук Ревью», защищая Стейнбека, говорит, что рассказ о старушке-бельгийке писатель вложил в уста одного из своих действующих лиц – немецкого полковника, а потому этот рассказ о бельгийке можно рассматривать как клевету немцев на бельгийский народ.

8. Из реферативных материалов ИК ССП. Дискуссионные статьи в американской прессе о романе Дж. Стейнбека «Луна заходит»: Геральд Трибюн, Нью Рипаблик, Нью-Йорк Таймс и др. // РГАЛИ. Ф. 631. Оп. 14. Ед. хр. 1070. Л. 119-131.

28 ноября 1942 г.

СТАТЬЯ ПЕРЛ БАК О «ЛУНА ЗАХОДИТ»

«Мне трудно думать о новой книге Дж. Стейнбека «Луна заходит», как о романе просто потому, что в ней так ясно выступает структура пьесы (Перл Бак считает, что все произведения Стейнбека ближе к театру).

Стейнбек видит жизнь скорее, чем картину, чем как процесс. Он скорее художник, чем композитор.

Каждую фразу в этой конденсированной и сжатой книжечке стоит прочитать ради нее самой. Можно было бы, может быть, добавить еще много фраз, но ни одной нельзя убрать. Эти совершенные предложения из слов, до краев наполненных содержанием, представляют собой скорее ситуацию, чем процесс. Все вместе взятое – описание того, что случается, когда нацисты захватывают обыкновенный маленький город, каких много везде.

Однако, все свое несравненное искусство Стейнбек употребляет не столько для изображения побежденных, сколько для изображения победителей, и в этом его заслуга. Все мы хорошо знаем побежденных. Многие писатели рассказывали нам о них; больше того, мы их знаем, потому что они похожи на многих из нас. Нам легче вообразить себя ими, чем вообразить себя нацистами. Поэтому победители – новый для нас материал. Нам

уже рассказывали, каковы они извне, но нам не показывали их изнутри. Мы знаем, что они делают, но не знаем, почему они это делают и что они при этом чувствуют. Что чувствуют люди, когда они покоряют горсточку ни в чем не повинных крестьян во имя победоносного, но далекого фюрера? Несколькими жесткими четкими ударами кисти, Стейнбек придает этим фигурам человеческое содержание. Даже самый милитаристически мыслящий человек показан им как, в сущности, маленький человечек, он жалок вследствие своей примитивности. Однако, писателю удается избежать сентиментальности, показав со всей суровостью, что сама эта простота опасна, потому что она закончена и слепа.

В этой пьесе о человеческих существах столкновение происходит не между победителями и побежденными, а между различными типами людей, входящих в состав оккупационных войск. Некоторые из этих людей вызывают презрение, другие – достойны уважения. Единственный поистине отвратительный тип – это Корелл, местный квислинг, но и победители ненавидят его не меньше, чем крестьяне, – они презирают оружие, которое они вынуждены использовать.

Причина развала, конечного распада не в тайно и беспрестанно сопротивляющихся жителях деревни, она – в самих победителях, которые, в конечном итоге, оказались недостаточно безжалостными для дела, предпринятого ими по приказу их фюрера. Эти нацисты, как ни стремятся быть лояльными, не могут все же выкорчевать из себя все человеческие черты, хотя черты эти отнюдь не обязательно человеческие. Короче говоря, даже нацисты – люди, какими они и родились. В этом их слабость.

(Далее Перл Бак восторженно отзывается о сценическом мастерстве Стейнбека).

ПИСЬМО ЭПТОНА СИНКЛЕРА В «НЬЮ-РИПАБЛИК»

«Сэр, Вы, несомненно, получили многочисленные отклики на статью Тербера о «Луна заходит». Мне потребовалось полтора часа, чтобы прочитать этот небольшой роман. А когда я его окончил, моя непосредственная реакция вылилась в десять слов телеграммы, которую я тут же послал издательству: «Слава, аллилуйя!» Что за книга! Зарежем барана в честь Стейнбека!»

Рецензия мистера Тербера заставила меня подумать о том, почему я так отреагировал, и попытаться найти точку соприкосновения двух столь различных мнений. Я согласен, что повесть сильно отличается от «Гроздьев гнева», единственной книги Стейнбека, которую я читал. Я также согласен, что она обладает нереальностью сновидения. Но почему бы Стейнбеку не испробовать новый стиль вместо того, чтобы повторять себя, подобно многим другим писателям? И почему бы ему не видеть снов?

Он не хотел написать реалистическую повесть о Норвегии. Возможно, что он никогда не был в Норвегии и недостаточно ее знает. Как бы то ни было, он не захотел назвать ни Норвегию, ни нацистов, ни Гитлера. Он попытался описать людей вообще. Он хотел показать моральное и духовное действие порабощения на народ, который всегда был свободным. Он хотел придать своей повести более общий характер, дабы она соответствовала действительности что бы ни произошло. Вот почему в конце книги мэри этой норвежской – в какой-то мере – деревни несколько напоминает греческого философа, казненного за свои убеждения. И сам я, много думавший о том, что бы я сделал, попади в руки фашистов, безо всякого труда отождествил себя с этим – в какой-то мере норвежским – мэром.

По-видимому, мистер Тербер не так-то легко сдаст свою позицию. Я позволю себе предложить ему написать повесть о том, что он будет делать, если он попадет нацистам!»

(«Нью Рипаблик», 6.04.1942 г.)

ПИСЬМО Л. ФЕЙХТВАНГЕРА в РЕДАКЦИЮ «НЬЮ МАССЕС» о «ЛУНА ЗАХОДИТ» Дж. СТЕЙНБЕКА

«Я считаю, что большая несправедливость допускается по отношению к очень многим книгам только потому, что ни читатель, ни рецензент не интересуются подлинными намерениями автора. Так, если писатель хочет описать бифштекс, бесполезно упрекать его в том, что он не описывает пирожное.

В «Луна заходит» Стейнбек сознательно стремится достичь простоты и общечеловеческих чувств, составляющих лейтмотив его небольшой книги. Со стороны технического мастерства это произведение напоминает мне приемы некоторых современных американских художников, например, Гранта Уда. Нам, европейцам, это техническое мастерство Стейнбека и Гранта Уда – ширина, ясность, простота, прямолинейность – представляются в новом и хорошем смысле американскими.

Я считаю большим достоинством книги, что она не натуралистична. Писатель избежал индивидуальных деталей и тем реалистичнее получился общий эффект, подобно тому, как еще более четко вырисовываются очертания гор, если отойти от них на некоторое расстояние.

Совершенно ясно, что Стейнбек хочет изобразить все усиливающуюся ненависть угнетенных и все возрастающий страх угнетателей. Мне кажется, что для этой цели его упрощающая техника подходит более какой-либо другой. Стейнбеку удалось показать тот страх, который физически ощущают захватчики, страх обволакивающий их, между тем как они уподобляются мухам, прилипшим к липкой бумаге. Стейнбеку удалось сделать этот

неуловимый страх, таящийся где-то в глубине, столь ощутимым, что читатель словно может его коснуться, дотронуться до него. В результате получается впечатление подобное тому, какое вызывают рисунки Гойи.

В этом, считаю я, заключается величайшее агитационное значение книги. Мне кажется, что диктовать Стейнбеку-творцу, что он должен был изобразить нацистов в виде каких-то зверей, это значит безо всякого права вмешиваться в его творческий процесс. Он изобразил звериную природу нацизма. Это представляется мне с технической стороны гораздо более трудным, а с художественной – более ценным. А кроме того и более действенным как пропаганда. При ином отношении к теме стиль произведения был бы испорчен.

Изобрази Стейнбек, как требуют его критики, зверинец с дикими зверями, он, быть может, и достиг бы на время эффекта, но книга его была бы всего лишь одной из уже существующих тысячи одной книги. Теперь же его книга показывает всю силу нацистского зверства и дает яркое представление об опасности, заключенной в нацизме.

«Луна заходит» вызывает у читателя ненависть, а не отвращение.

В то же время это произведение лучше какой-либо из имеющихся книг изображает физический страх, постоянно преследующий нацистов. Оно внушает читателю глубокую веру, что эти существа, одержимые страхом, скоро уже не сумеют противостоять давлению тех, кто их окружает».

Л. Фейхтвангер

«Нью Массес» 19.05.1942 г.

СТАТЬЯ РУТ МАККЕННИ

Рут Маккени в статье в «Дейли Уоркер» выражает точку зрения Майка Голда, Бруса Минтона и свою на «Луна заходит» (в противоположность почти безоговорочным похвалам в статье Ралфа Уоркера и Сэмюэля Силен в «Нью-Массес» и «Дейли Уоркер»).

«Выступление Стейнбека в театре против нацистов было большим разочарованием для меня. Я считала «Гроздь гнева» одним из великих американских романов и, прочитав первую рецензию на книгу Стейнбека, немедленно бросилась купить ее.

Увы, «Луна заходит», на мой взгляд, является воплощением именно того, чем не должна быть антинацистская книга. Во-первых, действие происходит в безвоздушном пространстве. По-видимому, Стейнбек хотел дать аллегория, и поэтому он преспокойно удалил из своей мифической деревни все признаки реальной жизни. В действительности, предатели из пятой колонны, будь то в Норвегии, Белграде, Париже или Бельгии, неизменно – представители крупного капитала, предпочитающие Гитлера – демократии,

профсоюзам и т.д. В книге Стейнбека – предатель совершенно не объяснен. Что заставило его предать своих друзей? Никто ничего не говорит об этом, никто ничего не знает. Предатель такой же мистик, как и все другие персонажи, и безо всякого логического основания делает свое черное дело.

Во-вторых, взгляните на тех, кто восстает против Гитлера. Первый из них – шахтер. Это хорошо. Но Стейнбек заставляет его пожертвовать своей жизнью бессмысленно, назло. Нацист толкает шахтера – в ответ тот швыряет кирку в гитлеровского офицера, который оказался поблизости. В действительной жизни мужественные люди жертвовали своей жизнью в борьбе с нацистскими захватчиками. Но те, кого казнили в Париже и в Норвегии, дороже продали свою жизнь, чем глупый герой Стейнбека. В жизни гестапо преследовало людей, которые терпеливо и смело создавали эффективную организацию против Гитлера.

Такой же совершенной чепухой представляется мне последняя часть «Луна заходит». Мэр идет на смерть, цитируя Сократа. Сократ – это, разумеется, хорошо, но нынешняя война ведется за конкретные, современные и чрезвычайно простые идеи.

Стейнбек выхолащивает свою маленькую аллегорию. Он удаляет из нее все признаки подлинной правды, чтобы достичь некоего мистического общения с благородным прошлым. Не могу поверить, что норвежский народ идет в бой, цитируя Платона, или, что норвежцев занимают общие фразы о благородстве человека.

Наконец, я совершенно согласна с вашим (М. Голда) замечанием о нацистах Стейнбека. Писатель, разумеется, вправе сделать свою повесть правдоподобной, указав, что нацисты – люди, что они живут и дышат, как все другие люди. Но в «Луна заходит» Стейнбек изображает большую часть своих нацистских офицеров нервными созданиями, на психику которых угнетающе действует настроение народа, ими покоренного. Можно желать, что бы это было так. Но мы знаем, что в действительности это не так. Свидетельства, получаемые из СССР, говорят о том, что у убежденных гитлеровских офицеров нервы сдают лишь тогда, когда эти офицеры оказываются в очень тяжелом положении.

Меня удивило, что Перл Бак в статье в «Нью Массес» так превозносит Стейнбека. Я считаю, что сама она написала настоящий антифашистский роман. Последний ее роман («Семья Дракона») – превосходный пример того, что может сделать писатель с увлекательным материалом истории нашего времени. В ее книге китайские крестьяне действуют так, как это бывает на самом деле. У ее предателей – простые понятные причины предавать, а ее герои и героини черпают в явлениях подлинной жизни силу и мужество восстать. Книга Перл Бак – рассказ, полный жизненной правды. Он глубоко волнует, и его нельзя забыть.

Я хочу противопоставить книге Стейнбека другую книгу. Я хотела бы, чтобы каждый американец прочитал книгу Роберта Сент Джона «Страна безмолвных людей». Вот где, в противовес бледной и выхолощенной аллегории Стейнбека, настоящее повествование о настоящих нацистах во время военной кампании на Балканах! Тот, кто прочитал эту книгу, никогда ее не забудет. Эта страшная книга приводит нас в ужас и пугает, – и все же это правда. Отчего писатели должны бояться правды? И почему Стейнбеку надо было выдумывать множество симпатичных нацистов, размышляющих о своей бессмертной душе?

«Страна безмолвных людей» рассказывает о подлинных фактах. Вот как ведут себя нацисты. Вот как им отвечают простые люди. Вот как в действительности предают изменники. Вот подлинная война, которую мы ведем. Стейнбек пишет какую-то чепуху о парашютах, плитках шоколада и динамите. Роберт Сент Джон описывает, как фашистские пикирующие бомбардировщики при помощи сверхмощных бомб уничтожили за час 20.000 человек, тогда как население Югославии идет в бой на возах, в которые впряжены быки.

Гитлеровцы Стейнбека проходят через мучительные переживания прежде, чем решиться расстрелять группу деревенских жителей. Настоящие же гитлеровцы Роберта Сент Джона не задумываясь приняли решение заживо сжечь несколько сот австрийцев и при этом обошлись без всяких гамлетовских сомнений».

«Дейли Уоркер», 9.04.42 г.

(Рут Маккенни оговаривается, что написала это письмо в пылу полемики. Теперь же она целиком присоединяется к оценке Луиса Буденца, к которой ее статья «служит лишь добавлением».)

СТАТЬЯ ЛУИСА БУДЕНЦА В «ДЕЙЛИ УОРКЕР» О «ЛУНА ЗАХОДИТ»

Статья эта как бы подводит итоги дискуссии и выражает объективную точку зрения на книгу Стейнбека.

«Тема, избранная Стейнбеком, – благородная и своевременная тема – восстание свободных народов против захватчиков их родины. Из его книги со всей силой явствует, что эти народы не удастся поработить, к каким бы угрозам и обманам не прибегали оккупанты. На фоне стойкого сопротивления народа изображен презренный персонаж, местный квислинг – Корелл. Меня несколько удивляет, что другие рецензенты не обратили большего внимания на этот положительный момент. Самое сильное из всех чувств, какие вызывают у нас персонажи или отдельные моменты книги Стейнбека – это презрение к этому квислингу.

Стейнбек также не совсем забыл, что рабочие, как сказал генерал Мак Артур, являются основой сопротивления агрессорам. Вокруг фигуры шахтера Алекса и объединяются первоначально все народные силы, борющиеся против захватчиков; вдова шахтера продолжает борьбу.

За исключением этих двух моментов, Стейнбек совершенно не оправдывает ожиданий.

Когда надо пояснить, почему народ восстает, писатель проявляет большую вялость. Такие восстания никак не вызываются туманным и почти мистическим тяготением к «свободе», а именно им и проникнута вся книга.

Народное восстание возникает в результате особого характера этой войны – в результате унижения национальной культуры, разгрома профсоюзов, потери самых примитивных свобод, а также того факта, что будущий прогресс всех народов мира находится под угрозой. «Луна заходит» совершенно замалчивает такие основные проблемы, и автор допускает ошибку, изображая захватчиков в совершенно нереальном свете.

...Изображать немецкого офицера, как погруженного в самосозерцание расслабленное существо, а именно это и делает Стейнбек, – значит просто давать картину, не соответствующую действительности.

(Далее Буденц характеризует основные черты немецкого офицерства – бандитизм, жестокость гитлеровской граб-армии).

Стремясь к реализму и придавая некоторые «человеческие» чувства своим немецким офицерам, чтобы сделать их живыми фигурами, Стейнбек погрешил против реализма.

Но даже здесь автор, пусть мельком, показал нам, как человек, сомневающийся в нацизме или неохотно к нему примыкающий, прикован к смертоносной нацистской машине и вынужден следовать ее территориальной тактике.

В изображении майора Ордэна, главного действующего лица, нет таких недостатков. Его человеческие слабости, его сомнения в том, начинать ли борьбу против захватчиков, может быть, и раздражают тех, кому хотелось бы, чтобы их герои были сделаны из более твердого материала.

Однако, борьба за национальную независимость, по самой своей природе, а также потому, что в ней участвуют весьма многие различные группы населения, дает много таких «вождей», которых народу приходится толкать и торопить, чтобы заставить их начать борьбу.

Самая форма «Луна заходит» сильно ограничивает возможности исчерпывающе осветить замечательную тему произведения. Стейнбек писал скорее для сцены, чем для

чтения. Этим объясняется известная поверхностность в обрисовке эпизодов и всего развития романа. Это же мешает отобразить и те мысли и действия, какие сейчас находят свое мощное воплощение в действительности.

Борьбу ведет народ – большая заслуга писателя, что он понимает это. Но народ чрезмерно отодвинут на задний план, и бесстрашие, организованность и сила его массового сопротивления не показаны Стейнбеком в полной мере. Не звучит со страниц его книги и динамическая надежда, которую Советский Союз приносит всем этим борющимся с фашистами народам.

«Луна заходит» не заслуживает ни панегириков, подобных тем, что исходят от Люиса Ганнета в «Нью-Йорк Хералд Трибюн», ни легкомысленной и резкой критики, которую это произведение вызывало у «Нью Рипаблик». Стейнбек первый поднял целину творческой художественной литературы о войне, и одно это объясняет многие недостатки книги. В нашей стране имеется много людей, еще зараженных ядом пропаганды замирения, ядом пацифистских иллюзий. Как книга, так и сценическое ее воплощение, будут полезны для этих людей. «Луна заходит» покажет им, что уничтожить рабский строй стран оси мы можем лишь, если станем бороться, напрягая все наши ресурсы. «Луна заходит» поможет им осознать, что Англия и Америка должны всемерно спешить на помощь оккупированным странам.

Книга эта и одноименная пьеса – обе, вышедшие из-под пера Стейнбека, обладающего вполне заслуженным престижем среди читателей, убедят многих таких людей, которых другим путем нельзя было бы убедить.

Самые недостатки «Луна заходит» как бы являются выводом нашим прогрессивным писателям – написать лучшие произведения о войне, о титанической борьбе и гигантском поле боя, на котором развертывались события.

Мы, разумеется, в первую очередь включаем в группу этих писателей Джона Стейнбека, который первый взялся за такую работу и чье мастерство, проявленное в «Гроздьях гнева», дает все основания предполагать, что он может написать военный роман, стоящий на еще более высоком художественном уровне».

(«Сэндэй Уоркер», 5.04.1942 г.)

9. Из реферативных материалов ИК ССП. Статья Дороти Томпсон о книге Стейнбека «Луна заходит» // РГАЛИ. Ф. 631. Оп. 14. Ед. хр. 1075. Л. 33-36.

10 февраля 1943 г.

Приведенная ниже статья известной американской журналистки Дороти Томпсон о романе Стейнбека «Луна зашла» (Нью-Йорк пост» 15.05.42 г.) обошла всю американскую прессу.

«О книге и пьесе Стейнбека «Луна зашла» идет яростный спор как между критиками, так и между обыкновенными читателями и зрителями. Весь спор идет об одном: есть ли эта книга хорошая военная пропаганда или нет.

Иные находят, что это «ужасная» книга. На днях, будучи в гостях, слышала, как одна молодая женщина говорила, что книгу Стейнбека следует запретить, так как в ней немцы изображены «такими симпатичными», и что во всяком случае произведение Стейнбека – «сентиментальная чепуха». «Нью Рипаблик» заняла аналогичную позицию. А сторонники книги и пьесы Стейнбека столь же энергично защищают его. Они уверяют, что это «великое», «гениальное» произведение.

Я не считаю книгу Стейнбека «великим» произведением. Это не «Война и мир» и не «Ярмарка тщеславия» или «Повесть о двух городах». Это простая книга о нашествии и оккупации и о том, как ведут себя оккупанты и население оккупированной страны. Я полагаю, что это превосходный образчик пропаганды в лучшем смысле этого слова, которым столь часто злоупотребляют.

Будь я во главе управления политической пропаганды против нацистов, я велела бы перевести эту книгу и, в виде крошечной брошюрки, сбрасывать ее с самолетов на территорию всех оккупированных стран.

Я считаю книгу Стейнбека вполне убедительной, потому что полагаю, что она правдива. Я думаю, что именно так ведут себя захватчики и те, чью землю они захватили. И я считаю эту книгу чрезвычайно волнующей, потому что в ней нет преувеличений и ей присуща отвлеченная объективность, словно автор, оставив в стороне всякие личные свои чувства и симпатии, просто рассказывает о том, что произошло.

Противники произведения Стейнбека оскорблены тем, что немецкий командир в «Луна зашла» симпатичная фигура. Стейнбек изобразил его как человека высоко цивилизованного. То, что он делает, ему не нравится, чувства его протестуют, а ум не верит. И все же он с максимальной эффективностью делает все то, что ему приказано. Он безжалостен, потому что он солдат и повинуетя полученным им приказаниям. Он любознателен, скептически настроен и необычайно проницателен. У него более ясный и полный взгляд на происходящее, чем у всех других действующих лиц.

Однако, у нас считается, что нацисты не могут быть такими людьми, как полковник Лансер, хотя нет никаких указаний, что полковник Лансер – нацист. Он – немецкий офицер. Но, быть может, теперь считается, что и немецкие офицеры, да и вообще немцы не могут

быть такими, как он. Все же такие люди в Германии есть. Я знаю десятки немецких офицеров, людей, обладающих вполне зрелым умом, в те времена, когда я имела удовольствие находиться в дружеских отношениях с ними, и они были точь-в-точь такие.

Но, на мой взгляд, драма Стейнбека чрезвычайно сильна именно тем, что она не нападает на нацистов. Она является нападением на нацизм.

В глубоко человеческой трагедии Стейнбека жертвами нацизма являются все, и побежденные, и победители. Потому что нацизм туп, жесток и фальшив. Это философия, жаждающая на человеческой низости, садизме, эгоизме и духе соперничества в самом тупом и грубом его виде.

Это философия презрения к людям, которые в ее истолковании либо хозяева, с наслаждением господствующие над пресмыкающимися перед ними подданными, либо подчиненные, которых можно купить или силой принудить повиноваться.

И Стейнбек с большой простотой говорит: люди не такие. Пусть люди и не очень хорошие, но они могут быть хорошими, и им приятнее всего чувствовать, что их поведение достойное. Они не очень мужественные и не очень сильные, но они любят мужество и силу. Им не нравится быть покоренными, и (если только это не примитивные племена дикарей) их чрезвычайно трудно покорить и держать в состоянии покорности.

И вот оказывается, что история подкрепляет точку зрения Стейнбека. Польша – страна, которая была так всецело покорена, как никакая другая страна; свыше 150 лет находилась она не под властью своих завоевателей. Все, что нацисты творят теперь в Польше, все это уже творили в ней ее прежние хозяева. Ее государственные институты были уничтожены, ее вожди, ее самые выдающиеся люди были изгнаны. И все же, как только мелькнула наималейшая возможность получить свободу, весь народ восстал.

Обвинителей Стейнбека, по-видимому, раздражает его абсолютная вера в то, что мы выиграем войну, потому что мы на стороне всего человечества. Они опасаются, что, признав принадлежность немцев к человеческому роду, мы тем самым ослабим борьбу за наше дело.

Они опасаются, что те, кто прочитает эту книгу или увидит эту пьесу, сделают вывод, что нам лишь остается предоставить событиям развиваться своим естественным путем. Однако война есть также результат естественного хода событий. Природа человека неизбежно должна была возмутиться против нацизма и нацистского завоевания.

Стейнбек нигде не говорит, что войну может выиграть лишь одна человеческая природа. Но он дает понять, что принимая во внимание природу человека, какая она в

действительности есть, человеческая ярость и изобретательность создадут оружие, которым можно будет вести эту войну – мелкое оружие для маленьких людей в маленьких странах и крупное оружие для более сильных людей в больших странах. Но все эти виды оружия служат лишь средством вооружить восставшую против нацизма человеческую душу. И Стейнбек полагает, что такой бунт человеческой души приведет к поражению нацизма и что даже есть такие нацисты, которые понимают это.

Стейнбек не ненавидит. Ненависть не для поэтов, ненависть и аргументы не для них. Его книга и его пьеса – приговор».

1945

10. Из реферативных материалов ИК ССП. Новый роман Стейнбека «Консервный ряд» // РГАЛИ. Ф. 631. Оп. 14. Ед. хр. 1101. Л. 39-43.

№4. Февраль 1945

В конце 1944 г. вышел новый роман Дж. Стейнбека «Консервный ряд» («Cannery Row»). Ниже приведены два отзыва американской прессы о нем.

«В своем последнем небольшом романе автор «Гроздьев гнева» и «О мышах и людях» возвращается к настроению давно написанной им повести «Тортилла флэт» и рассказывает нам о нескольких симпатичных, но неисправимых лентяях на берегу океана у Монтерей. Мак и его приятели работают только тогда, когда это совершенно необходимо, все остальное время они наслаждаются жизнью в бакалейной лавке Ли Чонг, в борделе мадам Доры, в океанской лаборатории, где хозяйничает в единственном числе Доктор (Док) и в меблирашках Палас.

Сюжет так же прост, как сценарий фильма для подростков, совершенно непонятно, зачем Стейнбеку понадобилось напечатать эту вещь на настоящем этапе своего писательского пути. Неоднократно повторяющееся утверждение – какие все парни замечательные – скоро надоедает, хотя оно подкреплено большими доказательствами, чем подобное же утверждение Сарояна, у которого Стейнбек теперь, по-видимому, многое заимствует. Живой фольклор был одним из самых привлекательных элементов «Гроздьев гнева», в данной же книге его оттесняет на задний план процессия благородных «сынов природы» и мадам с золотыми сердцами – хозяек борделей. Когда же мы узнаем в коварном Ли Чанге ни кого иного как язычника-китайца, мы открываем, что, несмотря на легкий аромат Сарояна, мы на самом деле возвращаемся в блестящее и фальшивое царство Брет-Гарта».

Нью-Йорк Таймс Риверсиз Уикли. Ф.О. Матиссен. 31.XII.44

«Место действия нового романа Джона Стейнбека – уютное селение на Калифорнийском берегу в Монтерей Каунти – то место, которое Стейнбек превосходно знает. Жители «Кэннери Роу» – самый случайный ассортимент человеческих существ, какой мог создать только Стейнбек. Но, несмотря на общую живописную декорацию и на привлекательные свойства героев «Консервного ряда», последняя книга Дд. Стейнбека в общем разочаровывает.

По стилю она напоминает «Тортилла флэт», но в ней нет той страстности, которая сделала «Гроздь гнева» одним из самых выдающихся романов нашего времени. Нигде Стейнбек не проявляет интереса к судьбе своего народа, он довольствуется лишь тем, что, со всем присущим ему очарованием, рассказывает, ради самого удовольствия рассказать, небольшую простую повесть. Свой иронический скетч он ограничивает селением в несколько десятков домов на берегу океана, где царят фабрики сардинных консервов. Кроме строений, где происходит обработка рыбы, и откуда идет сильный запах ее, кроме бакалейной лавки Ли Чонга, мебелирашек «Палас», «веселого дома», пользующегося дурной славой, и океанской лаборатории, руководимой доктором (Доком), в поселке нет больше ничего.

Док – пожилой, бородатый холостяк, ученый, который всю свою одинокую, но удовлетворяющую его жизнь проводит в коллекционировании медуз, лягушек, ужей и других образцов океанской фауны у берегов Монтерей. Он напоминает не то Христа, не то сатира. Он неизменно снимает шляпу при встрече с собаками, и они также неизменно ему улыбаются. Он пьет пиво, любит музыку и дает тон всему «Консервному ряду». И действительно, почти все, что происходит в книге, так или иначе обусловлено общей любовью к доктору и желанием сделать ему что-либо приятное.

Под влиянием сильно действующей водки, которую прозвали «старые теннисные башмаки», Мак и его собратья из мебелирашек устраивают пирушку для Дока. Чтобы достать денег для еды, подобающей для данного случая, они отправляются вглубь материка ловить лягушек. Со времени Марка Твена в литературе не было ничего более веселого, чем эта поразительная экспедиция, предпринятая под влиянием спиртных паров. Мак и его приятели вернулись с таким количеством лягушек, что их хватило бы на все исследовательские лаборатории Америки. Всех лягушек они временно помещают в лабораторию Доктора. Во время беспорядка, царящего на одной из самых алкоголических пирушек в истории Монтерея, лягушки разбегаются.

Самого Дока при этом нет, т.к. именно этот день он избрал для ловли осьминогов у берега, и в тот момент, когда буйство пирующих достигает апогея, предполагаемый почетный гость пьет молоко за много миль отсюда.

Это замечательная пирушка. Док прощает Маку и его беспомощным приятелям разрушения, произведенные ими в его лаборатории. Благодарный Мак, его философские приятели, мадам Дора с оранжевыми волосами и китаец Ли Чонг собираются устроить еще одну пирушку для Дока.

Только Стейнбек мог придумать и описать такое сборище: лягушки Дока, его гремучие змеи, коты и мыши, шныряющие под ногами, любимая Доком церковная музыка и чтение переводов с санскритского девушкам из соседнего «веселого дома» не останавливают непрерывного потока вина и виски.

У повести нет никакой морали, кроме той, какую Стейнбек провозгласил еще прежде, а именно – дикие бродяги и никчемные парни могут стать большими философами. Стейнбек не интересуется их побуждениями. Он не спрашивает, как в «Гроздьях гнева», почему эти люди такие, какие они есть. Некоторых читателей, может быть, и не удовлетворит такое некритическое отношение к ситуации, но Стейнбек снова доказывает, что он остается большим художником, даже если он не пытается преобразовать мир».

Ньюс Уик. 1.01.45 г.

Референт Н. Камионская

1946

11. Из реферативных материалов ИК ССП. Интервью французской газеты «Лэз'Этуаль» с Джоном Стейнбеком // РГАЛИ. Ф. 631. Оп. 14. Ед. хр. 1111. Л. 191-193.

Сентябрь, 1946

Французский еженедельник «Лэз'Этуаль» (2.04.46) помещает интервью с Джоном Стейнбеком своей корреспондентки, известной левой журналистки Андре Виоллис, присланное ею из США. Андре Виоллис посетила писателя в южном городке Куэрнаваха, где он живет.

Стейнбек выразил одобрение выборам во Франции: «Молодцы, приветствую ваши выборы» (Стейнбек, очевидно, имеет в виду выборы в Учредительное собрание в 1945 г.). «Как всегда, вы в самом первом ряду передового движения. Вы явились примером для мира. И ваши женщины, вопреки надеждам кое-кого у вас, голосовали очень разумно. Да, женщины гораздо ближе к жизни, чем мужчины!»

«Я не нуждаюсь в литературе, – сказал Стейнбек в дальнейшем, – я знаю, что прожить я всегда сумею, благодаря вот этому, – и он вытянул перед собой свои сильные руки. – Мне

надо очень мало. Двадцать пять долларов в неделю совершенно достаточно для моего полного счастья».

Андре Виоллис передает беседу Дж. Стейнбека с советским послом Уманским, «большим другом Стейнбека», переведшим значительную часть «Гроздьев гнева».

Уманский как-то сказал американскому писателю, что у того в Москве лежит на текущем счету большая сумма, но потратить ее надо будет непременно на месте.

– Что же я на них сделаю? – мечтательно спросил Стейнбек. – Вечер для русских друзей с икрой и шампанским? Вы говорите, что этого мало? Что же еще? – вдруг у него заблестели глаза. – Я знаю. Я оставлю деньги для советских трудящихся на создание лаборатории по изучению жизни моря. Разумеется, если у них еще нет всего необходимого в этой области.

Трагическая гибель Уманского помешала осуществлению этого плана.

Стейнбек о критиках своей любимой книги «Tortilla Flat» говорит с негодованием. «Можете себе представить, что ослы-критики позволили себе снисходительно, свысока отнестись к этим хорошим людям (героям «Tortilla Flat»). Они находили моих героев забавными, живописными; пожалуй, немного неприличными. Людей, которых я люблю, моих друзей, так хорошо сумевших приспособиться к условиям своего существования, а это, в конце концов, и есть величайшая мудрость, высшая философия. И это их называли «живописными»! Знай я, что о них будут говорить в таком тоне, ни за что не стал бы писать эту книгу!

Стейнбек был военным корреспондентом в Северной Африке, а затем в Италии. Он хотел узнать, что думает и говорит простой рядовой американской армии, родной брат его героев. Но неподалеку от Стейнбека разорвался заряд. Это так потрясло писателя, что он должен был уехать в Америку.

... Один из нас осмелился спросить писателя, напишет ли он книгу о своих военных впечатлениях.

– Нет, нет! Во всяком случае, не теперь, – ответил Стейнбек. – Меня пригласили присутствовать на Нюрнбергском процессе. Если бы меня не привязывала к США работа над фильмом, это было бы мне по душе... Хотя лица, руководящие организацией процесса, принимают все меры, чтобы не делать трагедию слишком увлекательной, все же это дата в истории. Что же касается Гитлера, я продолжаю надеяться, что он не умер. Такой театральный конец, достойный вагнеровской оперы, слишком красив для него! Болтаться на веревке – как его друзья-приятели, – большего он не заслуживает.

– Ваши писатели, – сказал Стейнбек Андре Виоллис, – великолепно вели себя во время Сопротивления. Я могу их не называть, не правда ли? Все, кто имеет какой-либо вес, участвовали в Сопротивлении. Как литератор и просто как человек, я горжусь ими.

– ... Они вели и они ведут себя превосходно. Я терпеть не могу всевозможные обращения и приветствия. Но передайте им от меня одно, – он наклонился над столом и, подняв палец, с торжественным видом говорит: «Пусть они не кладут оружия слишком рано. Враг еще не повержен».

1947

12. Из реферативных материалов ИК ССП. Рецензия «Тайм» о романе Стейнбека «Заблудившийся автобус» // РГАЛИ. Ф. 631. Оп. 14. Ед. хр. 1128. Л. 11-14.

Май, 1947

Американский журнал «Тайм» в номере от 25.02.47 г. поместил рецензию на последний роман Джона Стейнбека «Заблудившийся автобус» («The Wayward bus»).

«Фон повествования, знакомый читателям Стейнбека, приобретает в романе свежесть и аромат. Но самый рассказ – нечто вроде «Гранд-отеля» в автобусе – пикантен, но несколько дешев. «Клуб книги этого месяца», избрав для мартовского номера новый роман Стейнбека, предупредил своих читателей: «Возможно, что Стейнбек... пишет слишком вольно для некоторых читателей, в особенности для родителей, имеющих несовершеннолетних детей...» «Заблудившийся автобус» написан Стейнбеком прошлым летом, в течение трех месяцев. Фабула романа несложная. Автобус, курсирующий между двумя пунктами в Калифорнии, во время ливня, смывшего мост, сворачивает к маленькой придорожной харчевне, принадлежащей Хуану Чикой – наполовину мексиканцу, наполовину ирландцу. Автор выводит пятерых пассажиров и семью содержателя харчевни. То, что происходит во время этой вынужденной стоянки, составляет нить повествования.

«Собранные таким образом воедино, главные герои этого романа Стейнбека, могут быть, в известной степени, отождествлены с символическими образами в притче левого толка. Хуан олицетворяет свободную инициативу и индивидуализм, конечно, не только в экономическом, но и в сексуальном аспекте.

Притчард (глава семейства, путешествующего в автобусе) представляет собой карикатурное изображение мертвой души англо-американского капитализма, живущего самообманом и далекого от естественной жизни; хозяйка харчевни является воплощением откровенной, глупой и яростной чувственности; госпожа Притчард, эта приятная женщина – тот гибельный тип человека, безразличие которого является источником и символом других его земных качества; Милдред – ее угрюмый отпрыск, по-видимому,

должна служить выражением здорового бунта молодости во имя жизни. Еще одна девушка, случайно попавшая в харчевню – Кэмилл Окс – олицетворяет собой продажность пола.

Простота фабулы компенсируется время от времени удачными мазками художника. Главы, посвященные содержательнице харчевни Элис, в одиночестве прикладывающейся к бутылке, и поездке Кэмилл в автобусе с шофером Луи, во время которой она устало отбивается от него, характеристики Хуана – все эти эпизоды сами по себе являются умными маленькими рассказами. Но по теме и развитию сюжета, роман является второсортным и вызывает разочарование. Более того, Стейнбек допускает небрежности. Так, например, на 64 стр. говорится, что госпожа Притчард никогда ничем не болела, а на 210-й – у нее начинается одна из постоянных мучительных мигреней.

В конце книги автобус увязает в грязи под скалой, на которой виднеется полусмытая надпись: «Покайся». Что общего между этим символом раскаяния и действующими лицами Стейнбека (поглощенными своими сексуальными отношениями) – неясно. Но читатели, которым известна слава Стейнбека и его большой талант, сочтут, что у него, как у писателя, есть основания покаяться».

* * *

В еженедельном литературном приложении к газете «Нью-Йорк геральд трибюн» помещена рецензия Бернарда де Вото на «Заблудившийся автобус» Стейнбека. Автор рецензии пишет: «На этот раз Стейнбек остается в рамках комедии и совершает лишь небольшой экскурс в далекие голубые просторы. Только три действующих лица даны в трех измерениях. Но хотя большинство из них простые, обыденные люди, он не покровительствует им и не восхваляет их за сокровища смиренности. Его мастерство превосходно, и его проза, которая всегда прозрачна, но несколько разжижена в последних книгах, снова приобретает свою рельефность. В книге присутствует известный символизм, но он не слишком бросается в глаза: «Заблудившийся автобус» – это занятный, неглубокий роман, значение которого заключается в том, что в нем Стейнбек отказывается от довольно неприятной тенденции, которую он, видимо, начал проявлять... Читатель может по желанию принять или игнорировать символическое значение поездки в автобусе, который вынужден свернуть с шоссе на заброшенную дорогу, так как дождь смыл мост, и увязает в грязи, когда Хуан идет на сделку с совестью, чтобы иметь возможность исполнить задуманное желание. Мечтая уйти от жены, от скучной и однообразной жизни и окружения, и бежать в Мексику, он дает обещание Пречистой Деве сделать это, если автобус увязнет. Он действительно уходит, но сознание того, что он пошел на жульничество, возвращает его из мира фантазий в реальный мир, к реальным и теплым, хотя однообразным и иногда сопровождающимся потасовками отношениям с женой...

С точки зрения повествования роман превосходен – в нем чувствуется опытная рука большого художника, которому присущ настоящий юмор, но как роман он удовлетворителен, и не больше. Самым большим достоинством романа является то, что даже те образы, которые имеют всего лишь два измерения, выведены смело, даны на реальном фоне, и что из случайных обстоятельств вырастают подлинные человеческие отношения. Ненависть и разочарование, свойственные Притчардам и их дочери, весьма реальны... Образ Кэмилл очень ярок по замыслу, диалог ее крайне характерен...

Содержанием романа являются мелкие аномалии в отношениях между полами и постоянное подчеркивание половой проблемы, которая еще задолго до конца отчаянно наскучивает читателю... Однако «Заблудившийся автобус» почти совершенно несентиментальный роман, и автор отворачивается от коротких никчемностей, которые недавно слишком занимали его воображение. Если эта перемена носит постоянный характер, то это весьма отраднo».

«Нью-Йорк Геральд Трибюн Уикли Бук Ревью», 16.02.47 г.

1948

13. И.Д. Хмарский о пребывании Стейнбека в СССР в 1947 г. // ГАРФ. Ф. 5283.с.2. Оп. 22с. Ед. хр. 81. Л. 189-191.

24 марта 1948 г.

Уполномоченному ВОКС в США

тов. Стриганову С.Р.

Срочно сообщите, как расценивается «Русский дневник» Стейнбека, опубликованный в «Нью-Йорк Геральд Трибюн» прогрессивной и реакционной печатью США, а также нашими друзьями. Как ведет себя Стейнбек в настоящее время по отношению к СССР.

Заведующий американским отделом ВОКС

И. Хмарский

27 марта 1948 г.

Главному редактору

«Литературной газеты»

тов. В. Ермилову

В дополнение к устным переговорам, которые вела с Вами т. Кислова о целесообразности опубликования в «Литературной газете» статьи т. Корнейчука, разоблачающей антисоветские высказывания американского писателя Дж. Стейнбека в его

«Русском дневнике», прошу учесть мои личные впечатления о Стейнбеке во время его пребывания в СССР.

Я встречался со Стейнбеком и фотокорреспондентом Капа на протяжении двух месяцев, ездил с ними в Киев, Сталинград, Грузию, беседовал в Москве. Стейнбек далеко не производит впечатления, которое ошибочно могло сложиться у некоторых товарищей о нем после прочтения «Гроздьев гнева», как о человеке, которого волнуют большие социальные проблемы, искреннее стремление понять другой народ или по-настоящему критически взглянуть на судьбу собственного народа. Напротив, он вел себя в СССР как в высшей степени самодовольный заурядный американец с достатком, для которого решительно все ясно, и он путешествует ради собственного удовольствия, не будучи стеснен временем. Стейнбек говорил, что он отлично понимает Советский Союз, ему ясно, о чем писать, но поездка должна дать ему «детали», необходимые для придания убедительности его будущим статьям. Характерно, что большую часть своих бесед с советскими людьми Стейнбек провел за выпивками, к которым, кстати сказать, он питает явное пристрастие. Самые ничтожные житейские мелочи обычно поглощали гораздо больше его внимания, чем главное, что характеризует истинные достижения советского народа. Разительным примером в этом смысле является его отношение к советской культуре. Стейнбек, например, крайне неохотно посещал музеи и с явным отвращением относился к беседам советских людей по вопросам культуры. Но, буквально повторяя А. Жида, он уделял анекдотически большое внимание проблеме «туалетной бумаги».

Мне бросилась в глаза также склонность Стейнбека к демагогии. Он часто повторял, что его глубоко интересует личная жизнь советских людей, их труд, отдых и т.п., что он сам фермер и предпочитает простых людей «испорченным» интеллигентам. Когда мы пришли со Стейнбеком в первый раз в колхоз (им. Шевченко на Украине), где колхозницы собирали на огороде огурцы, Стейнбек рассыпался в похвалах колхозникам, демонстративно пожимал им руки, тер в пальцах землю и т.п. Но это была только поза. Вскоре это ему прискучило, и в дальнейшем он обычно смотрел на работающих советских людей издали, не выходя из машины.

Обычно замкнутый и апатичный, Стейнбек, однако, проявлял проворство в тех случаях, когда ему казалось, что от него что-то скрывают или утаивают.

В теоретическом отношении Стейнбек поразительно для писателя слабо развит и начинен буржуазными предрассудками. Это вполне согласуется с его сознательным презрением к теории. Стейнбек считает теорию даже вредной для писателя.

Стейнбек очень высокого мнения о своем творчестве, считая, что в его произведениях жизнь отражается такой, какой она есть на самом деле. В то же время он

презрительно отзывается о творчестве крупнейших, особенно прогрессивных писателей Америки и Европы и прогрессивных деятелях. По словам Стейнбека, Т. Драйзер «плохо знал английский язык», произведения Р. Роллана испорчены тенденциозностью, Эллиот Рузвельт глуп, а Уоллес – плохой администратор и поэтому не годится в президенты.

Политические взгляды Стейнбек целиком соответствуют основным тезисам официальной американской реакционной и антисоветской пропаганды.

Стейнбек упрямо защищал свои реакционные взгляды, вопреки совершенно очевидным фактам. По словам Стейнбека, в Америке нет классов. Когда же его спросили, в чем состоит разница между Фордом и его рабочим, Стейнбек ответил буквально следующее: «Старик Форд умер, а что касается его сына, то это совсем другой человек».

Таков идейный и моральный уровень Стейнбека.

Для написания статьи о Стейнбеке полезно было бы использовать, кроме сказанного, также некоторые другие лицемерные заявления Стейнбека и Капа, которые приводятся ниже:

1. В Киеве за обедом у т. Корнейчука Стейнбек сказал: «Перед моим отъездом в Россию жена сказала мне: «Если ты напишешь правдивую книгу о России, тебя бросят в тюрьму». Я ответил: «Если я живу в государстве, где за правду сажают в тюрьму, я готов сидеть». Тогда она ответила мне: “Поезжай”».

2. Заявляя о своем отрицательном отношении к антисоветской кампании, проводимой реакционными кругами США, Стейнбек заявил: «Раздувание антисоветской кампании в Америке – это большое несчастье для дела мира. Но, к счастью, народ не верит прессе Херста, Мак-Кормика, Патерсона. Мы хотим написать книгу, разоблачающую антисоветскую клевету».

Аналогично заявление Капа, к которому присоединялся Стейнбек: «Между СССР и США существует большая водная преграда. Через нее нужно навести большой мост взаимопонимания. Наша поездка должна этому помочь».

3. Побывав в украинских колхозах и поговорив с колхозниками, Стейнбек говорил сотрудникам УОКСа, что, насколько он смог заметить, колхозный строй – прочный строй и что крестьяне верят в него. Аналогичное заявление было сделано им в интервью, данному корреспонденту ТАСС в Грузии: «В настоящее время могу сказать, что колхозная система очень эффективна. Даже в разрушенных районах люди хорошо питаются, и, по-видимому, они любят то, что делают». Однако это заявление Стейнбек обошел молчанием в своих статьях.

4. Выступая по возвращении в США на форуме газеты «Нью-Йорк Геральд Трибюн», Капа зачитал выступление Стейнбека, в котором говорится: «Русские задавали

особенно много вопросов о преследовании либералов в США. Мы им на это отвечали: “Насколько нам известно, в Соединенных Штатах нет политических заключенных”». Однако, в США всем известно, что прогрессивный писатель Говард Фаст присужден к тюремному заключению только за то, что отказался предоставить Комитету по расследованию антиамериканской деятельности список лиц, помогавших испанским антифашистам.

Заведующий американским отделом ВОКС

/И. Хмарский/

Виза тт Кеменова и Кисловой были на пр. кар. №1241

14. Чаковский А. «Разоблачение клеветы: По поводу кинофильма “Русский вопрос”» // Известия. 1948. 17 марта. № 64. С. 3.

Многим советским зрителям уже известна история американского журналиста Гарри Смита, который, написав правдивую книгу о Советской России, оказался изгнанным из редакции разоренным.

Однако новый художественный фильм «Русский вопрос» не стал простым кинематографическим повторением талантливой пьесы К. Симонова. Интерьеры пьесы «Русский вопрос» расширились в фильме до масштаба огромного американского города, зрителю всесторонне показаны редакция крупной буржуазной газеты, быт и нравы американской прессы. Фильм как бы продолжает пьесу. В пьесе мы расстаемся с одиноким, хотя и излечившимся от своей политической наивности, готовым к борьбе Гарри Смитом. В фильме зритель видит Гарри Смита уже вступившим в эту борьбу. В фильме мы расстаемся с Гарри Смитом на многотысячном митинге, где он от имени Америки Линкольна и Рузвельта бросает вызов реакционной, антидемократической, империалистической Америке.

Роль Гарри Смита играет Вс. Аксенов. Он создает образ честного американского журналиста, «белой вороны» в хищной и крикливой стае продажных, фашиствующих бандитов пера. Режиссер фильма и актриса Е. Кузьмина по-своему раскрыли образ Джесси, жены Смита. Лишенный налета мелодраматичности, свойственного ему в пьесе, этот образ стал ближе к жизненной правде. Мелкая хищница, мечтающая о покое и домашнем уюте, бросающая своего мужа в трудную минуту и возвращающаяся в лагерь врагов Смита, — такой выступает в фильме Джесси. Прекрасно передают образы современных хозяев американской прессы – Макферсона и Гульда актеры М. Астапов в роли редактора

Макферсона и М. Названов – роли его подручного Гульда. Выразительно, сильно и правдиво играет Б. Тенин роль Мэрфи.

Фильм пользуется заслуженным успехом у советского зрителя. Нет сомнения в том, что он получит признание и у всех искренних демократов за границей.

В чем сила фильма «Русский вопрос»? Прежде всего в правде. Не случайно в начало картины вмонтированы кадры из американской кинохроники, показывающие Нью-Йорк – город-спрут с его вопиющими противоречиями.

Получив задание написать книгу о России, Смит принимает решение, характерное для многих честных, но политически наивных американцев. Он думает проплыть невредимым между Сциллой реакции и Харибдой собственной совести, – сказать о России «полуправду», суметь, не предавая русских, угодить «шефу».

Но, пока Смит писал книгу, стрелка американского политического барометра качнулась еще более право. Сделка на «льготных условиях» оказывается кабальной. В час расплаты Макферсон требует уже не кусочек души Смита, а всю его душу.

Почему же Гарри Смит не сумел с самого начала правильно оценить ситуацию?

1946 год... Всего лишь месяцы прошли с того дня, как замолкли пушки. Миллионы честных людей во всем мире думали, что после всего того, что они вынесли, после того, как человечество заглянуло в пропасть, вырытую для него фашизмом, мир должен начать жить по-новому...

К этим людям принадлежит и рядовой американец – журналист Гарри Смит.

Но не успела окончиться война, как новые претенденты на мировое господство – американские империалисты поднимают свой зловещий голос. Они предают передовых борцов против немецкого фашизма – французских «маки», греческих партизан, индонезийских и филиппинских республиканцев, куют золотую цепь, с помощью которой они хотят удавить весь мир, – «план Маршалла». Внутри США они усиливают наступление на рабочий класс, на трудящиеся массы.

Всего этого вначале не видит и не понимает Гарри Смит. И не потому, что он пробыл некоторое время за пределами Америки. Миллионы американцев, никогда и не покидавших Штаты, тоже еще не в состоянии разобраться в этой «кухне дьявола». Ежедневно, ежечасно отравляемые буржуазной прессой, они не в состоянии отдать себе отчет в происходящем. Они не знают, куда ведут их правители Америки.

Гарри Смит, по его признанию, не читает собственной газеты. Но он, наверное, читает другие американские газеты и КНИГИ. Ему, наверное, было известно, что еще в 1934 году Херст, например, был фактически подкуплен немецкими фашистами, заключил сделку с отделом пропаганды гитлеровской партии и получал от нацистов МИЛЛИОН марок в год.

Гарри Смит, очевидно, читал газеты, предоставлявшие до войны свои страницы для высказываний Гитлера и Муссолини, а во время войны травивших Рузвельта, защищавших Гитлера, – газеты, сеющие рознь между союзниками.

От своей политической слепоты Гарри Смит излечивается, почувствовав на собственной шее клыки капитализма, оказавшись перед дилеммой: пойти по пути предательства, измены совести и человечности или включиться в борьбу за дело народа. И Гарри Смит включается в борьбу, он пишет ясную и до конца правдивую книгу о России.

Судьба Гарри Смита, его выбор имеют прямое отношение к судьбам миллионов американцев, которым рано или поздно придется сделать свой выбор.

Мы не знаем, в какой редакции развернулась драма Гарри Смита. Может быть, это газета «Нью-Йорк Таймс», выражающая, по мнению известного американского публициста Сельдеса, интересы людей и организаций, представляющих силу и мощь промышленного и финансового капитала, тесно связанная с домом Моргана.

Или, может быть, это «Нью-Йорк Пост», где наряду с либеральными журналистами подвизается небезызвестная профашистка Дороти Томпсон... Или это одна из маккормаковских газет, скажем «Чикаго Трибюн», пользующаяся репутацией самой реакционной и лживой газеты, или говардовская «Нью-Йорк Уорлд Телеграмм»... не будем гадать!

Не будем также стараться узнать, кто послужил автору прообразом Макферсона, но мы знаем, что его подлинное имя могло бы быть и Херст, о котором в США говорили, что сам он не умел написать даже объявление о продаже собаки, но который сумел создать самую гнусную в мире индустрию лжи. Под псевдонимом Макферсона может скрываться и Маккормик, и Ганнет, и Рой Говард.

Не будем стараться раскрыть инкогнито и заведующего иностранным отделом Престона, и других авгуров «Русского вопроса». Ими могли бы быть и Уолтер Липпман, и названный Рузвельтом «профессиональным лжецом» Дрю Пирсон, или О'Доннел, обозреватель «Нью-Йорк Дейли Ньюс», которого Рузвельт в дни войны иронически предложил наградить немецким «железным крестом»... Не в этом дело!

Суть в том, что людей, подобных им, можно найти много в современной Америке; в том, что это – правда о современной американской жизни. Итак, Гарри Смит горькой ценой излечился от своих иллюзий и понял, что ему надо делать. Это путь многих американцев, многих, но... не всех.

Обратимся к другому американцу, и притом, не в пример Гарри Смицу, известному американцу. Речь идет о Джоне Стейнбеке, писателе.

Писатель Стейнбек, подобно Гарри Смигу, побывал по заданию одной из американских редакций в Советском Союзе. Он видел, как живут и трудятся советские люди. Побывал Стейнбек и в советских театрах. Там он видел пьесу «Русский вопрос». По возвращении в Штаты писатель опубликовал в газете «Нью-Йорк Геральд Трибюн» очерки, озаглавленные «Русский дневник».

Есть русская поговорка: «Чужая душа – потемки». Поэтому мы не будем размышлять над проблемами борьбы писательской совести с желанием угодить антисоветским вкусам диктаторов современной Америки и тому подобными моральными категориями применительно к душе писателя Стейнбека. Позволим себе лишь одну догадку: очевидно, по представлении в редакцию своего «Дневника» Стейнбеку не нужно было возвращать аванс, он не оказался, конечно, подобно Смигу, уволенным из числа сотрудников...

В «Русском дневнике» нас в данном случае интересует лишь место, относящееся к пьесе Симонова «Русский вопрос». Стейнбек так оценивает эту пьесу: «1. Это нехорошая пьеса, на каком бы языке она ни была написана. 2. Актеры не говорят так, как говорят американцы, и, насколько мы понимаем, не действуют так, как действуют американцы. 3. Хотя в Америке имеется несколько (! – А. Ч.) плохих издателей, все же они нигде не пользуются такой властью, как это показано в пьесе. 4. Ни один издатель в Америке ни от кого не получает приказов... Эта пьеса, далекая от того, чтобы прибавить что-нибудь к русскому пониманию Америки и американцев, по всей вероятности, будет иметь обратный эффект».

Оставим в стороне первые два пункта, – они бездоказательны. Но два последние – воистину многозначительны. Итак, ни один издатель в Америке не пользуется «такой властью» и «ни от кого не получает приказов». И эти слова напечатаны в «Нью-Йорк Геральд Трибюн» – газете, владельцем которой является Огден Миллс Рид, крупнейший капиталист, совладелец железнодорожных, энергетических и других компаний, совладелец медных рудников в Перу, рудных и нефтяных концессии в Мексике и на Кубе! Эти слова напечатаны в «Нью-Йорк Геральд Трибюн», которая, по словам Сельдеса, открыто служит «капиталу, богатству и власти» и которая систематически выступала против всех прогрессивных начинаний Рузвельта по вопросам внутренней политики и занимала резко враждебную позицию по отношению к рабочему движению. Разумеется, бумага, в особенности американская газетная бумага, все терпит. Но, должно быть, тысячи честных американцев – читателей «Гроздьев гнева» возмущались, читая лживый репортаж Стейнбека на страницах «Нью-Йорк Геральд Трибюн».

Действие «Русского вопроса» развертывается в 1946 году. Джон Стейнбек пишет свой «Дневник» в 1948 году, в дни, когда американская буржуазная пресса дошла до

гималайских высот клеветы на Советский Союз, травли прогрессивных людей Америки, в дни, когда Макферсоны всех мастей и оттенков, послушно выполняя приказы своих хозяев – империалистических воротил, призывают к новой войне, поощряют к деятельности недобитых фашистов, амнистируют военных преступников и разжигают национальную рознь.

Думал ли об этом Джон Стейнбек, американский писатель, когда диктовал свой «Русский дневник»? Ведь того, о чем не знал, чего не понимал средний американский журналист Гарри Смит, не может не знать, не понимать Джон Стейнбек!

Мистер Стейнбек пишет, что «Русский вопрос» «ничего не прибавит к русскому пониманию Америки». Нет, прибавит! Смотря и пьесу, и фильм, советские люди еще раз убеждаются, что власть денег не всемогуща, что в Америке есть честные люди и что им, простым честным людям, присуши смелость, готовность бороться за демократическую Америку.

Что же касается «обратного эффекта», то Стейнбек, очевидно, имеет в виду травлю «Русского вопроса», поднятую американской прессой, пригвожденной и в пьесе, и в фильме к позорному столбу. Но мы не считаем этот эффект «обратным». Это – настоящий, «прямой» эффект.

В заключение нужно сказать еще об одном весьма важном достоинстве фильма «Русский вопрос». Он проникнут глубокой верой в прогрессивных людей Америки, в успешность их отпора реакции, в успешность их борьбы за мир и демократию.

1952

15. Поликанов М. По страницам зарубежной печати: отпор проповеднику ненависти // Правда. 1952. 14 сентября. С.6.

Американский писатель Стейнбек, давно сменивший служение литературе на служение доллару, недавно посетил Францию. Миссия этого провокатора войны состояла в том, чтобы разведать настроение французского народа, а также проверить, насколько эффективна империалистическая пропаганда войны, в частности, пропаганда против Советского Союза и других миролюбивых народов.

Стейнбек решил «пойти вглубь» и «не изучать настроение народа по газетам». Сей провокатор сам откровенно пишет в журнал «Кольерс», на грязных страницах которого он с особым усердием подвизается, что «французские газеты еще более далеки от народа, чем даже наши собственные, если это возможно». Решив, видимо, что наиболее выгодный для себя материал он найдет в крестьянской среде, Стейнбек отправился в глухую винодельческую деревню Полиньи, расположенную в Юрских горах, вблизи швейцарской

границы (департамент Юра). Это район виноделов, т. е. наиболее зажиточных слоев крестьянства.

Однако расчеты Стейнбека не оправдались. Его постигла явная неудача. Оказалось, что «Голос США», с которого поет ныне Стейнбек, плохо действует на французских крестьян. Это с явной злостью вынужден признать сам писатель.

Собеседникам Стейнбека, как это видно из его очерка, опубликованного в журнале «Кольерс» от 30 августа, были: хромой, худой человек с изможденным лицом, бывший в немецком плену в лагере Бухенвальд, где гитлеровец раздробил ему ногу железным брусом; челочек с седой головой, заместитель председателя местного кооператива виноделов; учитель Жибе Винтнер; старик-крестьянин, опоясанный шерстяным поясом: человек в рваной шляпе с выбитыми передними зубами и молодой человек в брюках, доставшихся ему от авиадесантных войск.

Первый сюрприз Стейнбеку преподнес худой человек с изможденным лицом, который сказал:

— Мне думается, вы могли бы назначить кого-нибудь получше Риджуэя.

Стейнбек запротестовал, стал расхваливать Риджуэя. На это последовала реплика со стороны седого крестьянина, заместителя председателя кооператива:

— Видите ли, — сказал он. — ввиду всех разговоров по поводу Кореи назначение Риджуэя произвело плохое впечатление.

— Какие разговоры? — спросил Стейнбек. — Неужели вы хотите сказать, будто серьезно верите в то, что мы применяем там бактериологические средства?

К вящей ярости Стейнбека выяснилось, что крестьяне верят и серьезно верят! Стейнбеку, несмотря на то, что он разозлился (он пишет: «Я почувствовал, что начинаю злиться»), так и не удалось разубедить французских крестьян.

Малоутешительным оказался для Стейнбека и разговор о гонке вооружений.

— Мы пережили голод при немцах, — сказал старик-крестьянин. — Мы боимся голода. Мы не хотим тратить свои небольшие заработки на пушки.

Все дальнейшие попытки Стейнбека убедить свои собеседников, что война нужна, что перевооружение необходимо, закончились полным провалом.

— Мы не хотим войны, — произнес крестьянин. — Я получил ранение в 1916 год и был снова ранен в 1943 году. Нет, мы не хотим никаких войн.

Это заявление решительно не понравилось Стейнбеку. Еще больше не понравилось ему откровенно высказанное виноделами неудовольствие по поводу присутствия американских войск во Франции. Стейнбек решил спекулировать на прошлом, передергивая при этом факты. Он заявил:

— Возможно, вам не нравится наше присутствие здесь, но, если бы мы не пришли, вы бы все еще находились по власть нацистов.

Но крестьяне и на этот раз одернули провокатора. Они вежливо, но твердо напомнили ему, что своим освобождением от нацистского ига Франция обязана не американским войскам, а Советской Армии, разгромившей Гитлера.

— Не надо забывать о русских, — сказал старик-крестьянин. — Русские здорово сражались.

Взбешенный вконец Стейнбек не нашел ничего лучшего, как попытаться застрашать крестьян мнимой «русской опасностью», тут один из его собеседников, которого он пренебрежительно именуется «человеком в рваной шляпе», перебил его:

— Нам кажется, что было бы лучше, если бы вы оставили нас в покое.

— Вы хотите сказать, — раздраженно воскликнул Стейнбек, — что вам не нужны деньги Управления экономического сотрудничества?

Но и на этот вопрос у крестьян нашелся ответ.

— Деньги, — сказа Жибе-Винтнер, — предоставляются только крупным компаниям. Они пользуются ими, чтобы вытеснить мелкие компании. Большие компании растут, а маленькие исчезают. Это очень опасно. В этом участвуют политические деятели, а мы им не доверяем.

Стейнбек опять попытался застрашать крестьян уже не только «русской», но и «коммунистической опасностью». И опять не имел успеха.

— Все, чего мы хотим, это — мир! — воскликнул один из крестьян — человек с выбитыми зубами. — Мы не хотим ничего делать, что может привести нас к войне, и не хотим, чтобы вы что-либо делали за нас. Война нам надоела! Война нам отчаянно надоела!

— Считаете ли вы, что все французы так настроены? — спросил Стейнбек.

— Думаю, что да, — последовал ответ.

Так провокатор войны получил отпор у простых французских крестьян. Его проповедь войны и ненависти между народами провалилась.

1953

16. Из реферативных материалов ИК ССП. «Пиплс Уорлд» о новом романе Джона Стейнбека «К востоку от рая» // РГАЛИ. Ф. 631. Оп. 26. Ед. хр. 3799. Л. 12-14.

Январь 1953

В номере газеты «Пиплс уорлд» от 17 ноября 1952 г. помещена рецензия Роберта Фридмена на роман Джона Стейнбека «На восток от рая», тотчас же по выходе занесенной в список бестселлеров.

«Роман Стейнбека, – пишет рецензент, – по существу рассказывает о жизни «хорошего» Адама Траска и его «дурной» жены Кэти.

Излагая вкратце интригу романа, рецензент касается вопроса о мировоззрении Стейнбека.

«В одном из своих авторских отступлений, – пишет рецензент, – Стейнбек пускается в рассуждение о своей вере в свободу и в личность. Но когда свобода и личное достоинство превращается в чисто демагогические лозунги для прикрытия настоящей антидемократической программы правящего класса и его выразителей – этого противоречия не скроешь никак. А Стейнбек, уже давно поставивший свое перо на службу поджигателей войны с Уолл-стрита, с готовностью вторит и их шовинизму. Для него индейцы из Салинаса – «низшая каста, лишённая энергии, изобретательности и культуры». Негров он упоминает дважды: он рассказывает о негритянке, заразившей солдата гражданской войны венерической болезнью, и о содержательнице дома терпимости (следуя шовинистическим традициям, он именуется ее презрительной кличкой «ниггер»).

Один из главных персонажей романа – Ли, эрудированный китаец, который, впрочем, предпочитает свободе жизнь в качестве слуги у Адама Траска. Это тоже явно отдаёт шовинизмом.

Предельно окарикатуренный образ Кэти объясняется мифом о предопределённости судеб... «Как ребенок может родиться безруким, так человек рождается лишённым доброты или совести. Такие люди, – поясняет Стейнбек, – принадлежат к категории “моральных или физических монстров”».

А каков смысл всей этой средневековой ерунды? Поскольку «зло» объясняется природным, неизменяемым, непреодолимым, разве не следует из этого, что бесплодны поиски причин таких зол, как война, безработица, расовые предрассудки, труппы, нажива на проституции или на наркотиках в капиталистическом обществе, которое зиждется на самом существовании всех этих зол?

По законам стейнбековской «морали» Кэти родилась проституткой. Однако, нельзя не отметить, что весь образ Кэти насквозь пропитан идеей о мужском превосходстве.

Стейнбек превращает женщину в воплощение всех зол... «Добро» у Стейнбека бессмысленно, ибо оно абстрактно, – это мистический туман, распространяемый отдельными персонажами писателя, вроде патриарха Саймона, опекающего Адама... «Зло» у Стейнбека, воплощенное в образе «дьявольской женщины» Кэти, убивающей родителей и бросающей мужа и детей, тоже выдуманно. Он нарочито запугивает читателей...

Зло в наше время следует искать не в этих гротесках, а таких «респектабельных» людях, как Джон Фостер Даллес... в тех самых «хороших» людях, которые, действуя от имени свободы, демократии и «борьбы с тоталитаризмом», превращают Корею в пепелище.

Стейнбек ныне целиком связан с этим реальным (хотя и преходящим) злом, злом империалистических войн и расизма. Вот почему этот некогда одаренный художник может теперь писать: «В наше время массовое или коллективное производство вошло в нашу экономику, нашу политику и нашу религию настолько, что отдельные нации подменили идеей коллективизма идею бога. Это в мое время и является угрозой». И в другом месте: «Я считаю, что все в мире сводится к одной единственной проблеме... Люди – в жизни, в мыслях, в устремлениях, в их жадности и жестокости, равно как и в их доброте и великодушии – попадают в сети добра и зла».

Не массовые убийства в Корее, не расовая ненависть к негритянскому народу, не полицейский террор представляется Стейнбеку угрозой. «Коллектив» для него пугало. Единение людей в борьбе за мир и за демократию – грозный признак, а непреодолимая «сеть добра и зла» – вот тот барьер, который не может, якобы, преодолеть человечество.

Так Стейнбек лакейски служит госдепартаменту.

Реферировала Е. Романова

1954

17. Справка о писателе Джоне Стейнбеке ИК ССП // РГАЛИ. Ф. 631. Оп. 26. Ед. хр. 3813.

СТЕЙНБЕК, ДЖОН – романист. Родился в 1902 г. в Калифорнии. Отец – мелкий чиновник, мать – учительница. Широко известен в США и за их пределами, главным образом, романом «Гроздь гнева» /1939 г./ о судьбах разоряемого крупным капиталом фермерства, произведением огромной разоблачительной силы

Известны и ранние произведения Стейнбека – «В сомнительной схватке» и «О мышях и людях» /1936 г./, где особенно сильно складывается присущее писателю тяготение к патологическим мотивам.

После «Гроздь гнева» Стейнбеком выпущены: «Луна зашла» /1942 г./, «Бомбы вниз» /1942 г./, «Консервный ряд» /1944 г./, «Заблудившийся автобус» /1947 г./, «Русский дневник» /1948 г./, пьеса «Горящий ярко» /1950 г./ роман «К востоку от рая» /1953 г./. Написанный после посещения в 1947 году СССР «Русский дневник» содержит ряд антисоветских выпадов.

Последнее крупное произведение Стейнбека – роман «К востоку от рая» – глубоко реакционно по своему идейному содержанию.

Помимо этого, Стейнбек в последние годы неоднократно выступал с политическими высказываниями, весьма недвусмысленно объявляя борьбу идеям не только коммунизма, но и коллективизма вообще и клеветца на Советский Союз. Совсем недавно во французской печати было опубликовано политическое кредо Стейнбека, изобиловавшее злобно антикоммунистическими и антисоветскими измышлениями.

1955

18. Из реферативных материалов ИК ССП. Джон Стейнбек о деле Матусоу // РГАЛИ. Ф. 631. Оп. 26. Ед. хр. 3828. Л. 8-10.

Апрель 1955

В еженедельнике «Сатердей ревью» за 2.04.1955 г. опубликована статья романиста Джона Стейнбека «Смерть одного рэкета» по поводу нашумевшего дела Матусоу. Стейнбек пишет:

«Для всякого вдумчивого человека показания Матусоу все равно, что букет незабудок на могиле Маккарти. Смехотворность всей нелепой серии расследований стала теперь очевидной даже для тех, кого один из моих друзей называл «любителями погрызть каштаны». Матусоу окажет влияние гораздо более значительное, чем ему казалось. К худшему этому не приведет, а к лучшему – может. И, безусловно, все это забавно.

Матусоу, поклявшись в том, что сам он был коммунистом, привлекался различными органами нашего правительства для того, чтобы публично присягнуть в принадлежности к коммунистам сотен других людей. А ныне он объявляет, что лгал. Клянется, что и другие профессиональные свидетели тоже лгали. Расследователей захлестнула волна истерии. Сенаторы, которых это лично коснулось, вопят, что Матусоу лжет сейчас, но не лгал, когда он давал показания против их врагов. Некий сенатор, за которым не числится особо правдивых выступлений, очень резко заявляет, что он не придает значения словам лжецов. А ведь этот самый лжец в более счастливые времена немало потрудился, агитируя за этого самого сенатора. Очень серьезные люди пытаются решить, когда Матусоу лгал, а когда – нет. И, видимо, приходят к выводу, что он говорил правду, давая показания в их пользу, и лгал, наговаривая на них. Никто публично не высказал предположения, не лгал ли он все время и даже теперь.

Рассказ Матусоу о жизни осведомителя весьма печален, но правдоподобен... Некий неизвестный – будь то мужчина или женщина – неудачник вступил или делал вид, что вступает в коммунистическую партию. Может быть, и само вступление было продиктовано желанием быть замеченным. Потом вышеуказанный субъект раскаивался и предлагал свои услуги Республике во имя осуждения ее врагов. Тотчас же таковая личность оказывалась в

центре внимания. Это выражалось в оплате правительством не только экспертиз, но и публичных лекций. Журналы дрались из-за его статей... Как говорит Матусоу, им овладевал страх, что все это кончится, и сам он опять окажется в неизвестности. Естественно, что ради сохранения своей исключительной позиции, он готов был на любые новые и более вопиющие обвинения...

Позиция публичного осведомителя не только шатка, но и весьма завидна. Стоит чуть уклониться в сторону, как найдется множество желающих занять это место. Стоит информации иссякнуть, и осведомителя нет. Один очень знаменитый осведомитель растянул свои показания на десять лет Он – чемпион. Еще никому не удалось достигнуть его мастерства.

Таковы были веяния времени, что некоторые глупости проходили незамеченными. Например, человек с совершенно чистым прошлым вынужден был проходить проверку прежде, чем получить разрешение на служение правительству. Одного подозрения в близости к коммунистической партии было достаточно, чтобы уволить человека. При этом он подвергался расследованию со стороны покаявшихся экс-коммунистов. Иными словами, его судьба находилась в руках людей, которые по этим же законам не заслуживали допуска к правительственной службе. Я говорю обо всем этом в прошедшем времени потому, что я верю в то, что со всем этим почти покончено. Я подозреваю, что правительственные осведомители, даже если они говорили правду, не смогут уцелеть под показаниями Матусоу. Он назвал это доходным рэккетом. Так вот, Матусоу покончил с этим. Никогда он уже не возродится.

Итак, несмотря на истерические слова расследователей о том, когда, по их мнению, Матусоу лгал, а когда – говорил правду, – на деле любое показание профессионального свидетеля придется подвергать проверке по давно испытанной системе доказательства.

Все это важно, но еще важнее быстрая и резкая перемена общественной атмосферы. На днях упоминание в театре о профессиональных свидетелях было встречено взрывом смеха. В воздухе носится ощущение необычайного облегчения. Человек, который полгода назад торжественно вторил откровениям какой-нибудь истерической старой девы, вправе теперь поверить и заявить, что он никогда не принимал их всерьез.

Эти перемены многозначительны во многих направлениях. Если бы Кон и Шайн повторили свою поездку, они никого не напугали бы.

Книги возвращаются на полки наших библиотек. Цена речам одного шумливого сенатора упала очень низко, а политическая поддержка с его стороны превратилась в пугало. Любопытное зрелище представляют различные конгрессмены, пытающиеся отмежеваться от всей этой истории.

Неизбежно некоторые чиновники, пойманные врасплох, вынуждены утверждать, что Матусоу – и ныне еще коммунист, а этот его ход есть часть заговора властителей умов из Кремля. Но время подобных рассуждений миновало. Ни один коммунистический стратег не стал бы нарушать атмосферы разброда и подозрительности, которая преследовала нас на продолжении последних нескольких лет, и ратовать за возврат к здравому смыслу...

Мы не можем знать наверняка, что побудило Матусоу к подобным шагам. Было ли это давним заговором или попыткой – как он сам говорит – заработать. Но его прежние и нынешние показания могут оказаться тем толчком, который вернет маятник здравого смысла на место. Именно это сейчас, по-видимому, и происходит».

* * *

Наряду с этим необходимо напомнить о двух выступлениях Джона Стейнбека, относящихся к осени 1954 года.

В статье для французской газеты «Фигаро литерер» /18 сентября 1954 года/ Стейнбек выступал с клеветническими измышлениями по адресу коммунистических партий и стран демократического лагеря, повторяя избитые тезисы самой реакционной пропаганды о «подавлении свободы личности» и т.д.

В передаче по радиостанции «Свободная Европа» /как видно из книжного обозрения «Нью-Йорк Таймс» от 19 сентября 1954 года/, Стейнбек грубо клеветал на советскую культуру.

Еженедельник утверждал, что к подобному выступлению Стейнбека побудило постоянно использование его романа «Гроздь гнева» в антиамериканской пропаганде, и что Стейнбек «решил, что, наконец, настало время для контрудара».

1957

19. Из реферативных материалов ИК ССП. Джон Стейнбек о судебном процессе Артура Миллера // РГАЛИ. Ф. 631. Оп. 26. Ед. хр. 3903. Л. 58-59.

Июль, 1957

Как сообщает обозреватель газеты «Дейли Уоркер» Дэвид Платт (в номере от 23.05.57), известный американский писатель Джон Стейнбек выступил в журнале «Эсквайр» с осуждением судебного процесса по делу Артура Миллера.

Джон Стейнбек заявил, что процесс над А. Миллером, представляет собой «явную, возникшую сегодня перед нами опасность... Эта опасность угрожает не столько Артуру Миллеру, сколько всему нашему изменяющемуся образу жизни... Писатель считает, что от любого человека, предающего своих друзей – а именно этого требовал конгресс от Миллера, заставляя его стать осведомителем – нельзя ожидать преданности родине. Мораль

неделима. И наши добродетели начинаются в своем собственном доме. Они не изменяются в зале суда, кроме тех случаев, когда на нас оказывают давление запугиванием».

Стейнбек ставит перед собой вопрос: как бы поступил он сам, если бы ему пришлось оказаться на месте Миллера. «Я не знаю, что бы я стал делать, – отвечает он, – но я хочу надеяться во имя себя и своих детей, что у меня хватило бы храбрости сохранить и защитить свой моральный облик, как это сделал Артур Миллер».

Стейнбек говорит, что отец научил его правилам поведения, которые, по его убеждению, не потеряли своей силы и по сей день. Отец учил его «воздавать славу всевышнему, хранить честь семьи, верность друзьям, уважение к закону, любовь к родине и давать открытый отпор тирании, независимо от того, исходила ли она от хулигана на школьном дворе, от иноземного диктатора или от местного демагога».

«И если эти принципы называются предательством, джентльмены, – заключает Стейнбек, – побольше бы нам такого предательства!»

20. Макаров А. Открытое письмо Джону Стейнбеку. // РГАЛИ. Ф. 1573. Оп. 1. Ед. хр. 8750. Л. 5-7. (Опубл.: Иностранная литература. 1957. №2).

ОТКРЫТОЕ ПИСЬМО ДЖОНУ СТЕЙНБЕКУ

Вероятно, Вам покажется странным это письмо – письмо неизвестного Вам советского критика. Но я испытал неодолимую потребность написать его. Я – всего лишь один из многих в нашей стране читателей, уважающих Ваш художественный талант, мятущийся талант человека, уязвленного любовью к простым людям, которых беспощадно калечит и давит колесница взбесившегося империалистического Джаггернаута. Когда Вы были в нашей стране, Вы сами могли убедиться в том, какой известностью пользуется в ней книга «Гроздь гнева» и имя ее автора.

И вот я только что прочел в двенадцатой книжке «Иностранной литературы» Вашу повесть «Жемчужина» и снова был потрясен активной силой Вашего гуманизма, жестокой правдой и человечностью этой маленького поэмы в прозе. С равной поэтической силой переданы в ней и манящая музыка утренних волн, и тихая песня скромного любящего сердца, песнь семьи простого рыбака Кино, его жены Хуаны и их маленького Койотито. Но семья Кино живет в стране, где трудящийся человек лишен самых обычных прав, где даже счастливая удача обертывается для него кровавой трагедией и неизбежным горем. Много чувств и мыслей вызывает Ваша повесть. Мне сейчас хочется говорить с Вами лишь об одном – как мне представляется – очень важном ощущении. Мощью своего разгневанного таланта Вы заставили меня выстрадать вместе с героями трагедию народа, ограбленного колонизаторами до нитки, ввергнутого ими в ад, перед которым меркнет самая мрачная

фантазия средневековых создателей ада мифического. Хотели Вы этого или нет, но Вы укрепили во мне своей повестью чувство святой и справедливой ненависти к колониализму и его апостолам, мне захотелось протянуть Вам руку, как соратнику по борьбе.

Но надо же было случиться так, что не успел я закрыть Вашу повесть, как газеты принесли известие о том, что в США опубликовано от имени группы интеллигентов «Открытое письмо президенту Эйзенхауэру». Эта группа интеллигентов и лиц свободной профессии обращается к правительству США, призывая его, как сказано в письме «к решительному установлению мира на Ближнем Востоке», который мыслится авторам письма в виде американского протектората над этим районом. Я прочел это письмо, типичное для такого рода выступлений, полное недопустимых выпадов против президента египетской республики и клеветы на Советский Союз. Авторы письма старательно умалчивают о подлинных злодеяниях реальных агрессоров против Египта, злодеяниях англо-французских и израильских интервентов. Они умалчивают и о том, что народ Египта стал на защиту своей Родины в справедливом гневе, ибо не желает для себя той судьбы, какую Вы так ярко изобразили в своей талантливой повести о ловце жемчуга. Зато они не скупятся на ложь о мнимом «русском наступлении» в этом районе и открыто призывают: «Если русские будут сопротивляться, тогда США должны будут использовать все свое могущество, чтобы так или иначе добиться этого», то есть осуществления США жандармских функций на Ближнем Востоке. Менее всего меня удивило само это письмо. Планы американских империалистов прибрать к своим рукам плоды англо-французской агрессии сейчас для всех очевидны.

Но среди почти ничего не говорящих мне имен авторов письма было и Ваше имя, Джон Стейнбек. То самое имя, которое стоит на титуле «Гроздьев гнева», антифашистской повести «Луна зашла» и только что прочитанной мною «Жемчужины» – книг, полных не простого сочувствия к судьбе маленького человека, но и сочувствующих самой борьбе его против угнетения и угнетателей.

Чем же это объяснить? Ведь Вы писатель не без права претендующий, благодаря своему художественному таланту, на роль учителя жизни. Неужели Вам безразлично, какие документы подписывать? Но ведь Ваша подпись отнюдь не безразлична Вашим читателям во всех странах мира. Одни будут обвинять Вас в лицемерии, другие будут считать Вас наивным, подписавшим письмо сгоряча. Я кое-что смыслю в искусстве и понимаю, что человек не может быть полным лицемером в своих художественных творениях, иначе он перестает быть художником. Мне хочется думать, что и Ваша подпись под письмом – как и другие Ваши выступления, проявление Ваших блужданий на сложных перепутьях XX века, ибо выход, подсказываемый самой историей Вы, как видно, отвергаете.

Вы можете сказать, что названные мною произведения – Ваши старые вещи, что «Жемчужина», которую я только что прочел, написана в 1945 году, а сейчас Вы относитесь к миру иначе. Что ж, для нас не секрет, что за последнее десятилетие Вы отошли от лейтмотива «Гроздьев гнева», и мы не раз с горечью отмечали это, не без оснований видя отрицательное влияние Вашей политической позиции – впрочем, можно ли говорить о твердой позиции? – на Ваше художественное творчество. Но мы никогда не забывали и о том, что при всей идейной путанице «Консервного ряда» или «Заблудившегося автобуса» пафосом их все же оставались поиски человечности среди отверженных изгоев современного общества и гневное отрицание собственничества. Бывает, что книги оказываются более жизнеспособными, более стойкими к великой битве века, чем создавший их автор. Они переживают своего автора, становятся иной раз и его врагами. Эта печальная судьба для автора, но не для книг!

Ваши книги честно и хорошо выполняют свой долг, возбуждая любовь к простому человеку, побуждая ненавидеть поработителей. Не горько ли, что эта ненависть, вызванная силой Вашего художественного дара, обращается против Вас самих, Джон Стейнбек?!

А. Макаров

1958

21. Злобин Г. Новая монография о творчестве Джона Стейнбека // РГАЛИ. Ф. 2175. Оп. 5. Ед. хр. 88. Л. 10-13.

Октябрь 1958 г.

В «Нью-Йорк Таймс Бук Ревью» (от 4.05.1958 г) была опубликована на первой полосе рецензия Альфреда Казина на монографию П. Лиска «Широкий мир Джона Стейнбека» («The Wide World of John Steinbeck» by Peter Lisca). В рецензии, озаглавленной «Несчастный человек из счастливой долины» Казин пишет: «Что случилось со Стейнбеком? Начиная с его первого удачного романа («Tortilla Flat») все его лучшие произведения увидели свет в тридцатых годах: «В сомнительной схватке», «О мышах и людях», «Большая долина», «Гроздьев гнева». По-видимому, между Стейнбеком и тридцатыми годами существует некая непосредственная и живая связь, ибо трудно найти лучшие произведения среди романов, созданных им после 1942 года: «Луна зашла» («The Moon in Down»), «Консервный ряд» («Cannery Row»), «Благостный четверг» («Sweet Thursday»), «Заблудившийся автобус» («The Wayward Bus»), «К востоку от рая» («East of Eden»).

Что побудило одного из наиболее талантливых американских писателей обратиться к банальной пропаганде, отмечающей повесть «Луна зашла», к нарочитой манерности

«Консервного ряда», милого пустяка, высмеянного впоследствии самим Стейнбеком в издевательском фарсе «Благостный четверг»? Что произошло с автором, создавшим превосходную современную пастораль в «Большой долине» и опустившимся до «Заблудившегося автобуса», произведения, напоминающего кинофильм?..

Что же произошло со Стейнбеком? Вот, казалось бы, к чему должен сводиться вопрос, встающий перед человеком, пишущим о Стейнбеке монографию. Но Питер Лиска, признавая деградацию творчества Стейнбека и слегка намекая на то, что она объясняется славой, превратившей Стейнбека в знаменитость, не знает, с какой стороны подойти к рассмотрению этой проблемы»...

Казин разделяет точку зрения автора монографии, утверждающего, что в основном критикам не давалось исследование творчества Стейнбека. Но это – по мнению Казина – объясняется не слабостью критики, а странной особенностью писателя, быстро переходящего в своих книгах от одной темы к другой. Стейнбеку, по утверждению А. Казина, «...недостает интеллектуальной глубины, обогащающих писателя традиций прошлого.

... Тема Стейнбека – это американский миф о «счастливой долине». Вариации на ту же тему у Фолкнера связываются с Миссисипи, у Хемингуэя – с Мичиганом, у Фитцджеральда с Миннесотой... «Счастливая долина» – большая тема в творчестве Марка Твена и в произведениях многих писателей, чье детство протекало в провинции...

В лучшем произведении Стейнбека «Большая долина» воссоздается райское видение Калифорнии, в ней также звучит гнев сына своей страны, возмущенного жадностью и жестокостью крупных землевладельцев и их политических прихлебателей, этот же мотив мы встречаем и в наиболее сильных произведениях Стейнбека – в «Сомнительной схватке» и «Гроздьях гнева»... Самая сильная сторона творчества Стейнбека – его стиль, даже в тех случаях, когда он ставит перед собой цель чисто публицистическую, как, например, в отступлениях романа «Гроздья гнева», его стиль отличается такой пластичностью и конкретностью, что напоминает собой неизменный в своей прозрачности и чистоте стиль Торо и Марка Твена...

Но Стейнбеку, на мой взгляд, менее удастся создание «людей природы».

Восхищение автора налагает на эти образы слишком явный отпечаток, он окружает их сентиментальным ореолом, обращает их против «цивилизации»... Тем не менее, сила Стейнбека в его приверженности к старой идиллической жизни и, оглядываясь назад, на тридцатые годы, нетрудно понять, почему ужасающая картина чудовищного голода в стране изобилия привела Стейнбека в состояние творческой ярости. Лиска сообщает, что Стейнбек был настолько встревожен положением переселенцев, что он, в то время еще

чураясь Голливуда и избегая всякого рода коммерческих сделок, был готов дать согласие на экранизацию Голливудом его книги «О мышах и людях», с тем, чтобы получить возможность раздать по два доллара трем тысячам переселенцев. Тридцатые годы, как мы видим теперь, подвели черту под старым индивидуализмом... Эмоциональные, «революционные» протесты Тома Джоада и других персонажей «Гроздьев гнева», двойственные образы руководителей коммунистической забастовки в книге «В сомнительной схватке» – все это показывает, насколько противоречива была борьба, происходившая в душе самого Стейнбека, с каким внутренним сопротивлением он склонялся к «действию», чтобы спасти от голода множество людей.

Подобная позиция противоестественна для Стейнбека, личные вкусы которого носят часто созерцательный, лирический, пассивный характер... Стейнбек настолько далек от марксизма, что на протяжении ряда лет он разработал свое туманное, полное пиетизма кредо, основанное на примитивных заимствованиях из области науки. В тридцатых годах он сделал вынужденный и наиболее неестественный для себя шаг – включился в социальную полемику, повлекшую за собой выражение в «Гроздьях гнева» поистине впечатляющей силы эмоций... Заключительный аккорд «Гроздьев гнева» звучит полным отчаянием, несмотря на кажущуюся символику знаменитой последней сцены, в которой молодая мать отдает молоко своей груди умирающему от голода человеку... Развязка книги «В сомнительной схватке» поражает своей мрачностью. Трудно понять книгу, которая так далеко отстояла бы от партийного оптимизма пролетарской литературы тридцатых годов. Но эти книги обнаруживают в равной степени опасную уязвимость, они свидетельствуют о том, что Стейнбек, как художник, получил возможность самовыражения лишь после того, как описал страдания своей долины. В определенный момент писательской деятельности его интеллект отвлекся в сторону, в то время как каждый американский писатель, развивающий ту же самую тему, оказавшись на его месте, либо нашел бы новую силу, на которую можно было бы опереться, либо впал бы в сентиментализм. Эволюция творчества Стейнбека, на мой взгляд, тормозила то, что у него не было ничего, кроме физического ощущения «Счастливой долины», как таковой... – у него не было богатых традиций, на которые опираются южане типа Фолкнера, представители Среднего Запада типа... Фитцджеральда и Драйзера.

Изменения, происходящие в «долине», гибель «американского рая» могли найти зрелое воплощение в нашей литературе только в том случае, если художник был бы способен опереться на некоторые религиозные и философские традиции, более древние, чем сама Америка.

... Все послевоенные книги Стейнбека являлись попыткой подсластить пилюлю окружавшего его современного мира, противопоставить «долину» – «людям бизнеса». Путаница, царящая в книге Стейнбека «К востоку от рая», его наиболее тенденциозном литературном опыте последних лет, свидетельствует о том, что чувство любви к ближнему, лежащее в основе произведений Стейнбека, никогда не сопровождалось интеллектуальными и творческими исканиями автора, помогающими ему постигнуть действительность. Очевидно, что Стейнбек не живет уже в своей «Счастливой долине», но мысли его все еще обращены к ней. Он обнаруживает тот же самый расплывчатый мистицизм, ту же самую бессвязную псевдофилософичность, которые характерны для многих калифорнийских писателей – от Джорджа Стерлинга и Джека Лондона, Фрэнка Норриса, Робинсона Джефферера до ныне здравствующих Генри Миллера и Джека Керуака.

Калифорнии явно не удалось породить для своих писателей ни традиции, на которую они могли бы опереться, ни критериев, с которыми они могли бы оценивать внешний мир, и которые помогали бы им постигать его...

22. Письмо Стейнбека о присуждении Б.Л. Пастернаку Нобелевской премии // РГАЛИ. Ф. 379. Оп. 5. Ед. хр. 295. Л. 7, 13.

(Перевод письма Стейнбека Стюарту Л. Хэннону, опубликованного в книге: Steinbeck: A Life in Letters / Ed. by Elaine Steinbeck and Robert Wallsten. – New York: Viking, 1975. P. 602)

Присуждение Нобелевской премии Пастернаку и яростные нападки на это присуждение меня крайне удручили. Мое огорчение относится, однако, не к Пастернаку. Он выполнил, как писатель, свой долг, т.к. он видел свой мир, описал его и занял относительно него свою позицию. Для него должно быть блестящим удовлетворением видеть, какой отклик вызвала его книга во всем мире, где только ее можно свободно получить.

Поэтому он совершенно не нуждается в нашем сожалении, как бы жестоко с ним не поступили. Мое огорчение вызывают те нищие духом официальные писатели, которые призваны вершить суд над произведением, запрещенным для них самих. Стервятники от искусства, которые в свое время сами помогли себя подрезать. И вот сидят они в естественной растерянности от такого взлета и полны ненависти к орлу. Эти, по существу, несчастные скрюченные калеки естественно враждебны к тому, кто под тем же гнетом не сдался и сохранил свое лицо. Им, гробовщикам советской литературы, теперь должно стать

ясным, сколь тяжек груз этого мертвого тела, которые они на себя взвалили (или на себе тащат).

Как бы они не цитировали теперь Пастернака, в его отсутствие, как они не сообщали, что он отрекся и сдался – его книга опровергает все их утверждения – ныне и навеки. Подлинными предателями литературы стали судьями Пастернака. В конце концов, они обретут ту же судьбу, что и судьи Сократа – им имена будут в истории забыты, но будут вспоминать только их глупость.

Американский Комитет защиты свобод культуры, объединяющий более трехсот писателей, художников, артистов, – в этот Комитет входят такие писатели, как Джон Стейнбек, Торнтон Уайльдер и другие, – 30 октября выступил с обращением, из которого приводим две выдержки:

«Объединенные в общей борьбе со всякого вида тоталитаризмом, вторгающимся в сферу свободного мышления и творчества, мы поздравляем советского писателя Бориса Пастернака по случаю присуждения ему Нобелевской премии. Мы выражаем нашу готовность горячо поддержать его в благородной борьбе за свободу мышления, за свободу духа... Повсюду в демократическом мире общественное мнение возмущено той подлой кампанией клеветы и опорочения, которой подвергся Борис Пастернак, лауреат Нобелевской премии, в его собственной стране».

1961

23. Из реферативных материалов ИК ССП. Интервью Джона Стейнбека западногерманской газете «Die Welt» // РГАЛИ. Ф. 631. Оп. 26. Ед. хр.4101. Л. 5-8.

Март, 1961

В интервью корреспонденту западногерманской газеты «Ди Вельт» /10.01.61 г./ Джон Стейнбек резко отозвался о деятельности правительства Эйзенхауэра, которое он считает ответственным за то, что «великие достижения и великое наследие американского прошлого» были забыты его соотечественниками. «Американцы возвели глупость и легкомыслие в общественный принцип», – заявил Стейнбек.

«В 20-е и 30-е годы, – продолжал писатель, – только в Европе бедность считалась преступлением. В Сан-Франциско все было иначе... В то время, если у человека были чистые ногти, начищенные до блеска ботинки и серебряный доллар в кармане, – он чувствовал себя хозяином мира». Именно к этому периоду, – пишет корреспондент «Ди вельт», – относятся репортажи Стейнбека в газете «Сан-Франциско Ньюс». Писатель до сих пор не может забыть о массах погибших от голода людей. «Не так давно, – сказал

Стейнбек, – когда я был в Лондоне, одна англичанка немецкого происхождения задала мне глубокомысленно звучащий вопрос: почему мы, американцы, в своем творчестве постоянно обращаемся к своему детству, пишем о прошлом, живем одними лишь воспоминаниями и никогда не обращаемся к настоящему. Вопрос этот не выходил у меня из головы до тех пор, пока я не разобрался в причинах того, чем это вызвано: дело в том, что писатель недостаточно всеведущ для того, чтобы сразу обращаться к современности, а тем более к тому, что происходит сегодня».

«Тем не менее, – пишет корреспондент «Ди Вельт», – Стейнбек взялся за новый роман, в котором решил идти в ногу со временем. Работа над этим романом в 500 страниц завершена, и он выйдет в ближайшее время в Нью-Йорке. Роман этот, озаглавленный «Зима нашего недовольства», по своей форме и концепции представляет значительное произведение. «Работу над этой книгой я начал весной 1960 г. – говорит Стейнбек. – Поначалу я предполагал написать 6000 слов, но когда 9 июля 1960 г. работа была завершена, выяснилось, что рукопись моя состоит из 150 тысяч слов. Время действия романа относится к периоду работы над рукописью – от первого до последнего дня. Какова же тема и содержание романа? Аморальность». «По определению Стейнбека, – пишет корреспондент, – этот термин означает примерно следующее: стремление получить от жизни больше, чем желание дать ей». «В этом мире, – говорит писатель, – никому не дано уцелеть только лишь путем уступок, стремлением к комфорту и самоудовлетворению. Это относится и к отдельной личности, и к группе лиц, и к целой нации. А мы, американцы, намерены отказаться от нашей лучшей и старой традиции – от стремления совершать поступки по внутреннему побуждению, от стремления делать что-то во имя жизни. Но как только человек утрачивает жизнеспособность, он вычеркивается из жизни и созревает для гибели...» «Поймите меня правильно, – продолжал Стейнбек, – в сущности своей люди не аморальны. Они хотели бы оставаться безукоризненно моральными. Но такое стремление требует смелости, которая должна проявляться в необходимый материал.

Вспомните о Хемингуэе, повествующем о бое быков. Герой Хемингуэя удивительно смел на арене. Но за ее пределами у него не хватает храбрости выступить, например, против Франко. Я очень люблю бой быков. Но что остается на арене после боя? Четыре убитых быка...» «Боже мой!» – воскликнул Стейнбек... «Что за писатель этот Хемингуэй! Хотелось бы только, чтобы он был более народным писателем. Для него недостаточно писать лишь об одних сражениях с быками».

Стейнбек рассказал далее корреспондентам, что его заинтересовали средневековые легенды о короле Артуре. Стейнбек изучил средневековую латынь, старофранцузский и англо-саксонский диалекты и намерен в самое ближайшее время заняться обработкой этих

старых легенд, которые из-за своей эротической откровенности до сих пор не могли увидеть света в Америке.

«...Героический образ Артура, – сказал Стейнбек интервьюеру, – это не английская монополия. Каждый народ имеет своего Артура. Он рождает его, когда ему приходится сталкиваться с трудностями. Американский король Артур должен вот-вот появиться на свет, потому что в данный момент он необходим народу...»

Корреспондент заявляет, что Стейнбек исполнен решимости напомнить людям и, прежде всего, своим американским соотечественникам о гуманизме; он стремится разъяснить Америке, стоящей на пороге нового десятилетия, что культура представляет собой собрание человеческих достижений. Или, – как выразился писатель, – напомнить им о том, что «жизнь может периодически наносить удары смерти, если ей окажут некоторую помощь».

* * *

Журнал «Ньюс-уик» (13.02.61) анонсирует выход нового романа Джона Стейнбека «Зима нашего недовольства» («The Winter of our Discontent»). Книга выходит в издательстве Викинг, а также будет публиковаться у МакКолла и в журнале «Ридерз Дайжест». Все предыдущие произведения Стейнбека, в которых изображались главным образом угнетенные, в свое время предлагались вниманию журналов, но ни одно из них не было принято к печати (кроме книжных изданий). Роман «Зима нашего недовольства» не идет на компромисс с жизнью, – сказал Стейнбек. По словам литературного агента Стейнбека, «в этом романе изображены «простые люди» – бакалейщик с Лонг-Айленда и его семья».

1963

24. Неустановленный автор. Слово о Стейнбеке. Статья // РГАЛИ. Ф. 631. Оп. 26. Ед. хр. 4345. Л. 1-15.

СЛОВО О СТЕЙНБЕКЕ

Когда о большом писателе, которому пошел седьмой десяток, говорят – и говорят вполне искренне и обоснованно, – что он переживает новую творческую молодость, это должно радовать не только его одного. Это радостно для всех, кто находит в искусстве источник светлейшего эстетического наслаждения, для всех, кто видит в литературе драгоценнейшее средство углубленного познания жизни.

Можно с полным правом сказать, что такую творческую молодость переживает Джон Эрнст Стейнбек. В этом году мы прочитали его новейший роман – «Зима тревоги нашей». И книга эта пленила нас значительностью и прозрачной ясностью воплощенной в ней

мысли, последовательностью писателя в осуществлении своего замысла, соответствие формы – грациозной, изящной, своеобразной, а вместе с тем очень точной и выразительной – большой идее произведения.

Перед нами – и это уже успели оценить десятки тысяч советских читателей – создание художника, полного сил, художника смелого, блестящего.

Можем ли мы, однако, просто сказать, что вот де Стейнбек порадовал нас своей очередной талантливой и интересной книгой. Нет, творческий путь Стейнбека, к сожалению, не позволяет воспользоваться такой привычной, легкой и удобной формулой. Это путь очень трудный, очень сложный, отличающийся крутыми поворотами – в разные стороны.

В самом деле, роман «Зима тревоги нашей» впервые появился в прошлом году. Но буквально несколькими месяцами раньше, в том же самом 1961 году, автор новейшей монографии о Стейнбеке американский литературовед Уоррен Френч в смятении вопрошал: «Что случилось с Джоном Стейнбеком?» Френча волновало то, что романы писателя, написанные после Второй мировой войны, не шли ни в какое сравнение с его довоенными книгами. Исследователя тревожила проблема – почему же во второй половине 50-ых годов Стейнбек не издал почти ни одного нового художественного произведения?

В американском литературоведении вообще наметилась тенденция – исключить Стейнбека из числа сколько-нибудь серьезных писателей современности. Характеризуя отношение американских профессиональных ценителей литературы к этому романисту, как оно сложилось к началу 60-х годов, уже упомянутый Френч отмечал: «В современной критике Джон Стейнбек не моден»...

Что ж, не будем отрицать, проблема упадка творчества Стейнбека в 40-х и 50-х годах – это проблема вполне реальная.

Однако после появления романа «Зима тревоги нашей» возникла и другая проблема: чем же объяснить новый взлет писателя после многих неудач, после долгих лет творческого «прозябания»?

Что теперь случилось с Джоном Стейнбеком?

Вопрос, прозвучавший дважды, тем более интересен и важен, что литературная судьба автора «Зимы тревоги нашей» не является исключительной. Кое-что более или менее сходное происходило и происходит и с некоторыми другими американскими прозаиками. Писательский путь Стейнбека в какой-то мере показателен, в нем есть что-то типичное.

Джон Стейнбек всего на три года моложе Хемингуэя, но он принадлежит как будто к совсем другому, более позднему литературному поколению. Если над ранними, а в

известной мере и более поздними книгами Хемингуэя лежит кровавый отблеск Первой мировой войны, то душа Стейнбека была по-настоящему разбужена к творчеству лишь событиями 30-х годов, периода экономического кризиса – самого важного по своему значению и по своим последствиям в истории США.

Путь Стейнбека к его шедевру – роману «Гроздь гнева» не был особенно длинным. Сборник рассказов «Райские пастбища», которым, по сути дела, дебютировал писатель в литературе, появился всего за семь лет до этой книги. Смысл «Райских пастбищ» в давно знакомом по литературе романтизма противопоставлении прекрасной природы мрачной участи человека. Вместе с тем, в этих рассказах ощущалось какое-то удивительно свежее восприятие природы и людей, порожденное, без сомнения, органической близостью писателю тружеников земли. В ряде новелл возникают реалистические и пронизанные щемящей болью образы фермеров, которым, в конечном счете, мешают жить их собственнические инстинкты. Подлинного мастерства достигает Стейнбек в следующем своем цикле новелл «Рыжий пони». Ясным и поэтическим при всей своей простоте языком поведал писатель о духовном созревании совсем юного мальчика Джоди.

Вслед за повестью «Квартал Тортилла», этой комической сказкой о лишенных собственности, а потому добрых и даже счастливых бродягах, Стейнбек создал роман «В битве с исходом сомнительным». В этой книге он впервые вводит читателя в самую гущу классовых столкновений, столь характерных для 30-х годов. Роман противоречив – это бесспорно. Облик народа-бунтаря и влечет автора и пугает его.

О той двойственности, которая все же была присуща Стейнбеку, сказала его книга «О мышах и людях». Тяга к гуманности получила в этом романе выражение странное, в какой-то мере даже извращенное на модернистский лад. Самым добрым человеком, более всего заслуживающим любви, ярчайшим воплощением влечения простых людей к счастью изображен здесь дегенерат, вовсе лишенный разума.

А следующим романом Стейнбека были «Гроздь гнева».

В американской литературе XX века не так-то уж много романов, в которых жизнь и духовные устремления народа были бы воплощены с такой полнотой и силой, как в этой великолепной книге. С пронизательностью и точностью, которые заставляют вспомнить Бальзака и соотечественника Стейнбека – Драйзера, писатель выявляет реальные жизненные обстоятельства, которые превратили героев романа – фермеров Джоудов в бездомных бродяг. И Джоуды – живые люди, в их жилах течет настоящая кровь, их поступки, каждое их слово, каждое движение души естественны, понятны, реальны.

«Гроздь гнева» – произведение эпической широты. Перед нами облик Америки, потрясенной до самого основания. Отчетливее, чем когда-либо раньше, выражает писатель

коренную противоположность интересов «холеных пальцев», с одной стороны, и пальцев «заскорузлых», с другой. Его внимание приковывает коренной конфликт – конфликт людей достойных, хороших, любящих труд, с теми, кто дышит не воздухом, а «прибылью».

В центре романа американцы, в душах которых «наливаются и зреют гроздья гнева». Это люди интересные, яркие, полные человеческого обаяния. Таков Том, который, в конце концов, открыто признает себя «бунтовщиком», таков проповедник Кейси. Но жемчужина романа – образ матери, человека «чистой душевной красоты». Создав этот образ, Стейнбек впервые, пожалуй, предстал перед читателями, как художник мирового значения, как сердцевед, способный обнаружить в простом человеке неисчерпаемое душевное богатство. В этой женщине есть доброта и внутренняя стойкость, настоящая человечность и умение выстоять под самыми тяжелыми ударами судьбы, материнская мягкость и героическое начало. «Ма» без остатка отдает себя семье, но, когда обстоятельства того потребовали, высоко поднимается над уровнем узкосемейных интересов. В конце романа она прощается с сыном, может быть, навсегда, благословляя его на борьбу совместно со всеми обездоленными людьми Америки.

Величие книги, в частности, в том, что в ней с неоспоримой достоверностью и почти уитменовской выразительностью воплощен переход таких американцев, как фермеры Джоуды, от индивидуалистического сознания к сознанию более высокому. Тяжкие испытания порождают в сердцах героев романа незнакомую им раньше жажду совместной борьбы, солидарности с другими людьми труда. Мотив тяги к единению звучит все громче. И именно переход в сознании трудящихся от «я» к «мы», дает понять писатель, представляет самую страшную угрозу для стяжателей.

Воплощенный в романе «Гроздья гнева» бунтарский дух и опозитизированное писателем эмоциональное влечение простых людей к коллективизму отразили богатый опыт борьбы, приобретенный американскими трудящимися в 30-е годы.

Казалось, теперь можно было ожидать от Стейнбека дальнейшего углубления его реалистического мастерства – ведь герои книги, как не могли не почувствовать читатели, находились в самом начале стремительного пути. Перед ними открывались самые широкие дали...

Вышло, однако, так, что автор этого романа резко оборвал свое поступательное движение. Это не было случайностью. Рубеж 30-х и 40-х годов – один из самых трудных, чреватых противоречиями и резкими срывами моментов в истории новейшей американской литературы.

Вставшие на самом пороге Второй мировой войны сложнейшие проблемы международной жизни вызвали у многих американских писателей явную растерянность. Об

этом говорит хотя бы опыт Хемингуэя. Сразу же после опубликования «Гроздьев гнева» Стейнбек почувствовал себя выбитым из колеи. В книге «Море Кортеса», которую писатель издал в 1941 году, Стейнбек пытается обнаружить «корни» войны, а также поведения людей вообще в якобы извечной биологической природе человека.

В повести «Луна зашла», написанной почти в самом начале войны с гитлеровской Германией, выражена ненависть к нацистским захватчикам чужой земли. Но в его дальнейшем творчестве военных лет ощущается желание уйти от тяжелых мыслей и проблем современности. Повесть «Консервный ряд», опубликованная в конце войны, говорила о дальнейшем углублении внутреннего кризиса писателя. Стейнбек сохраняет брезгливо-неприязненное отношение к своекорыстным людям, в книге прославляется этакий «босаяцкий гедонизм». О силе отвращения Стейнбека к стяжателям сказала его повесть-притча «Жемчужина». В обществе, отравленном ядом денег, прекрасная жемчужина приносит обнаружившему ее простому мексиканцу только несчастья.

Мы подошли теперь к одному из самых сложных и трудных периодов в истории американской литературы нашего столетия. Идеальный подъем, испытанный американским народом в годы борьбы антигитлеровской коалиции против фашистских стран, оказал на некоторых писателей США благотворное влияние. Но нельзя недооценивать пагубного воздействия на литературу нравственного климата, воцарившегося за океаном после 1945 года.

Положение, в которое были поставлены вскоре после войны передовые деятели искусства, выразительно охарактеризовал как-то Чарли Чаплин, сказавший, что ныне в США «стоит сойти с тротуара левой ногой, чтоб тебя обвинили в коммунизме».

К сожалению, приходится сказать, что все это наложило свой отпечаток на ряд послевоенных произведений Стейнбека.

Первый большой послевоенный роман Стейнбека «Заблудившийся автобус» как будто бы свидетельствовал об осознании им остроты морального кризиса, который переживает современная Америка. Роман представляет собою явное иносказание. Автобус, застрявший в грязи, о котором рассказывает автор, – это, конечно, вся страна; каждый из находящихся в машине пассажиров воплощает какую-то часть населения США. Привлекательными этих людей не назовешь. В образах бизнесмена Притчарда и его жены есть что-то идущее от сатирических традиций Синклера Льюиса. Но вскоре выясняется, что в каждом из пассажиров автобуса писателем выявлена и выпячена какая-нибудь пошлая, грязная, отвратительная черта. На передний план все чаще выходит физиологическое, притупляя социальное острие сатиры.

В романе есть яркие страницы. Однако углубляясь в него, все сильнее сопротивляешься художественной логике произведения.

Лишив единственного персонажа книги, в котором есть нечто привлекательное, – водителя автобуса Хуана, чувства морального превосходства над другими героями, Стейнбек подсказывает читателям вывод, что нужно принимать действительность такой, как она есть, не споря с ней, не сопротивляясь.

В последующих романах Стейнбека все заметнее дает себя знать желание абстрагироваться от «внешней» социальной действительности, чтобы углубиться в сферы якобы автономных внутренних столкновений. Над объемистым романом «К востоку от рая» писатель работал несколько лет. Книга создана опытным мастером слова, в ней есть хорошие главы, в основе которых история собственной семьи Стейнбека. И все же стремление говорить о «зле жизни» абстрактно обескровило и эту книгу, придав ей несмыслаемую окраску нарочитости, искусственности, в конечном счете, приведя писателя к неудаче, которую он болезненно переживал.

В «Благостном четверге» (1954) встречается уже хорошо знакомое нам противопоставление добрых, бескорыстных бездельников – бродяг и чудаков – скверному миру «разумных», «цивилизованных» буржуазных людей. Но главное в романе – сентиментально-утешительные мотивы.

Трудно, разумеется, сколько-нибудь точно определить момент, когда в творчестве Стейнбека наметился новый перелом – на этот раз к лучшему. Но обращает на себя внимание уже то обстоятельство, что после «Благостного четверга» писатель необычно долгое время почти не выступал как романист. Ведь его повесть «Короткое царствование короля Пиппина IV» (1957) была на самом деле лишь беллетризованным памфлетом. В повести выражена озабоченность судьбами демократии в США. Но автор рассказывает заведомо условную историю рядового человека, который случайно стал королем... Франции, но лишился трона, как только попробовал осуществить самые скромные демократические реформы.

Книга «Когда-то была война», с которой Стейнбек выступил год спустя, казалось, представляла собою лишь запоздалый отклик на события давно минувшего времени. Писатель впервые собрал в ней свои корреспонденции военных лет. Но сборник обращен не в прошлое, а к современности. Стейнбек говорит о пережитом в годы Второй мировой войны, для того, чтобы предупредить об опасности новой, куда более разрушительной войны – войны атомной. Нужно напомнить людям, что такое война, чтобы подобное «кровавое сумасбродство» не повторилось. Ведь «следующая война, если мы столь глупы,

что позволим ей разразиться, вообще будет последней войной какого бы то ни было характера».

Здесь-то, пожалуй, и надо искать первопричины того сдвига в мироощущении Стейнбека, который сказался в середине 50-х годов. Опасение, что надвигается новая война, грозящая американцам и всему миру уничтожением, заставило писателя встрепетаться, встревожено приглядеться к окружающей действительности.

К этому времени относится небольшое эссе Стейнбека о детях с их естественным интересом к межпланетным путешествиям – на поверку это произведение оказывается злым антивоенным памфлетом. Писатель обличает деятелей, «глупости» которых несут человечеству гибель. С грустной иронией он говорит о «нашей планете», которая «сумела расщепить атом, но... не в состоянии усвоить правила общежития». Перед людьми, предупреждает Стейнбек, открывается страшная перспектива – «рычать, как псы, над разграбленной землей».

Писатель все пристальнее присматривается к положению дел и внутри Соединенных Штатов Америки. На рубеже 50-х и 60-х годов Стейнбек все чаще повторяет мысль об упадке моральных устоев в Америке. В беседе с корреспондентом одной английской газеты Стейнбек сказал не столь давно: «...Меня беспокоит циничная безнравственность моей страны. Я не думаю, что это может долго продолжаться, и мы погибнем, если не произойдет что-либо сверхнепредвиденное». Стейнбек чувствует, конечно, что он не единственный американец, встревоженный положением дел на его родине. Вернувшись из поездки в Европу летом 1960 года, писатель признался: «Я и не знал, что беспокойство (в США – *М.М.*) так широко распространено».

Нет нужды доказывать, что новейшая стейнбековская публицистика порождена не случайными факторами субъективного порядка. Снова, как в 30-х годах, писатель с сейсмографической чуткостью уловил настроения и тенденции, возникающие в самых глубинах американского общества.

Рост антивоенных настроений во всем мире, и, в частности, в США, новая волна выступлений за демократические права, за равноправие негров – все это помогает будить гражданское сознание Стейнбека, его творческое воображение.

Статьи, беседы, очерки, памфлеты, с которыми писатель выступил на протяжении ряда последних лет, внушали надежду, что новые его чувства и мысли найдут выражение также в художественной прозе. Роман «Зима тревоги нашей» показал, что ожидания искренних друзей дарования американского писателя не были обмануты. Стейнбек вернулся в мир вполне реальных людей, мир понятный, убедительный и полный огромного значения. Автором нового романа владеет чувство обоснованного и творчески

плодотворного беспокойства за судьбы родной страны и всего человечества, он исполнен серьезных и живящих раздумий о современности.

«Зима тревоги нашей» – психологический роман. Вместе с тем основа его сатирическая. И в этом оправданность сложнейшего, очень остроумно построенного сюжета, помогающего все время держать читателя в напряжении. В книге есть много неожиданных поворотов, и главный из них заключается в том, что важнейшие герои совсем не таковы, какими мы их себе первоначально представляли.

Место действия романа Нью-Бэйтаун – красивый приморский городок с исполинскими вязами на просторных и чистых улицах. Это не экзотический Монтерей, где живут полуголодные мексиканцы, о котором так часто повествовал Стейнбек в прошлом. Главный персонаж новой книги Стейнбека Итен Хоули проживает в хорошем старинном доме, неподалеку от радующего его сердце океана. Когда мы впервые знакомимся с Хоули, сияет солнце, и Стейнбек с характерным для лучших его книг превосходным чувством природы немногословно и поэтично запечатлевает прелесть ранней весны, когда день «весь зеленый, голубой, золотистый». Живым, теплым зеркалом незамутненной чистоты весеннего мира представляются главному персонажу романа и души самых близких ему людей – жены, сына, дочери. Мэри – эта «милая, трогательная, розовая и душистая девочка», став матерью двоих детей, как будто не утратила своего девичьего очарования. А дети Эллен и Аллен – здоровые, добрые подростки.

Но светлый этот мирок развенчивается. Он постепенно рушится, разваливается до основания. Сын главного персонажа книги совершает жульнический поступок, а дочь, которая как будто живет романтической мечтой, с холодной расчетливостью доносит на родного брата. Безоглядно любимая нашим героем нежная, беспомощная Мэри, в конце концов, предстает перед читателем воплощением эгоизма. Ведь она, по выражению одного из действующих лиц, «кремень». Да и Хоули предает доверившегося ему итальянца Марулло, толкает на гибель своего лучшего друга Денни, разрабатывает план вооруженного грабежа и только в силу случайности его не осуществляет. Таковы основные вехи, определяющие общее движение романа.

Важнейшей особенностью книги является то, что при всей своей подспудной сатиричности основные ее образы оказываются психологически богатыми, сложными, трехмерными. Ни Хоули, ни Марулло, под своекорыстием и цинизмом которого скрывается жажда честности, жажда веры в человека, ни трагически одинокая Мардж, которая первоначально кажется просто распутной и хитрой женщиной, ни Эллен ее чарующей любовью к жизни не похожи на тех безжизненно-застывших персонажей, с какой-то раз

навсегда утвердившейся гротескной гримасой на лице, которых так много в «Заблудившемся автобусе», например, они дышат, меняются, растут или никнут.

Именно потому, что в центре романа человек, по природе своей достойный, воспитанный в высоких понятиях, искренний, страдающий, его судьба предстает перед нами, как судьба трагическая, а падение Хоули воспринимается как социальная драма. Это и благородная личность, мучительно переживающая гибель своих иллюзий, а особенно – грехопадение детей. Это и неразоблаченный преступник (сколько сатирического содержания скрыто в самом факте безнаказанности самых скверных его деяний). Образ Хоули двойственен не только по существу морального облика этого персонажа, но и по своей художественной природе. Во всяком случае, совершенно ясно одно – Хоули является жертвой того общества, в котором живет. И он наделен достаточной силой интеллекта (не очень-то часто мы встречались с такими героями в послевоенных книгах Стейнбека), чтобы пожелать разобраться в том, что творится на свете, и суметь это сделать.

Чуть ли не идиллический, на первый взгляд, Нью-Бэйтаун, городок оказывается на самом деле моральным болотом. Неутолимое влечение к деньгам, этакая одержимость деньгами, лишают людей истинно человеческого. Ведь «деньги не имеют не только души, у них нет ни чести, ни памяти».

Очень тонко, исподволь, едва заметными штрихами рисует Стейнбек, как господствующие представления о жизни морально калечат, уродуют членов семьи Хоули. Приходит час, и Эллен с Алленом с откровенной жестокостью дают понять отцу, что они не намерены мириться с нехваткой денег, которая стала уделом семьи. Влечение к богатству растлевает самого Хоули, хотя еще недавно он был свободен от этого наваждения.

В «Зиме тревоги нашей» суд над обществом вершит герой романа. Разумеется, богатство его раздумий, а также сокрушительная сила иронии, пронизывающей этот образ и весь роман (надо добавить, что стейнбековская ирония далеко не сразу раскрывается перед читателем), отражают богатство мысли самого художника.

Хоули волнует вопрос о традициях, на которых возникло в современной Америке неудержимое влечение к деньгам. И автор не склонен сколько-нибудь идеализировать «добрую, старую Америку». Один из важнейших мотивов романа – мотив бесчестности способов, которыми наживали свои состояния основоположники некоторых из самых уважаемых семейств в стране. Переходя к современности, автор и его герой обнаруживают еще больше мрачного. В городке мошенник сидит на мошеннике. Жульничают нынешние «отцы города», а хищники покрупнее готовятся вышвырнуть их вон, чтобы, возведя «на трон прогресс», выкачать из окружи такие капиталы, какие пиратам прошлого и не снились.

Тема духовного (а то и физического) уничтожения людей «Великим Богом Чистогана» возникла еще в самых ранних произведениях Стейнбека. Она с огромной силой вплетается в симфонию «Гроздьев гнева», четко прочерчивается в «Жемчужине», возникает хотя бы в виде каких-нибудь мелких и капризных завитков и в первых послевоенных книгах писателя. В новом своем романе он не просто ее варьирует. «Зима тревоги нашей» произведение, которое заставляет думать и думать.

В романе порою звучит вопль отчаяния. И все же, как ни мрачны нарисованные писателем картины, книга не внушает чувства безнадежности.

Да, в основе романа этическая проблема. Но как нечто оправданное и неизбежное воспринимаешь обращение автора и к теме войны.

Итен Хоули озабочен тем, что над Америкой летают реактивные самолеты, которые «созданы, чтобы сеять смерть». В его теле «гнездится» страх перед смертью, которая «в один прекрасный день» может «грибовидными облаками встать над землей». Здесь голос Хоули это, безусловно, голос самого писателя, а вместе с тем голос миллионов его соотечественников.

«Зима тревоги нашей» – явление показательное во многих отношениях, в частности в плане литературном. Этот роман не только новая страница в творчестве Стейнбека, но и еще одно звено в цепи фактов, говорящих об известном укреплении в самое последнее время реалистических тенденций в литературе США.

Общая картина современной американской литературной жизни чрезвычайно сложна, изобилует противоречиями, чревата неожиданностями. А все же нельзя не видеть, что последние годы ознаменовались появлением в США – наряду с романом Стейнбека – и других произведений, говорящих об известных положительных сдвигах в литературе страны. Это книги разного характера и значения. Есть среди них несколько романов левых писателей, например, Марзани и Боносского. Выходят в свет новые произведения критического реализма – Аппела, Дж. Грина, Херси и др. авторов. Следы добрых веяний можно уловить и в новейшем романе У. Фолкнера «Особняк». Автор этой книги в какой-то мере преодолел иные из своих реакционных предрассудков. Новый поворот в сторону реализма наметился как будто в творчестве Колдуэлла.

Хочется верить, что роман «Зима тревоги нашей» – это залог новых творческих успехов как самого Стейнбека, так и других американских писателей реалистического направления.

Он ходил по редакции, высокий, тяжело опираясь на черную в сучках палку. Прищурился одним глазом, внимательно вглядывался в лица собеседников. Говорил:

– Я рад быть здесь, среди журналистов. Я чувствую себя среди своих, равных мне людей. Ведь я сам долгое время работал в газете. Мальчишкой стоял у наборного стола. Таких, как я, подручных наборщиков, называют у нас «чертями», может быть, потому, что мы всегда испачканы в черной краске.

С газетами Стейнбек был связан не только в детстве. В течение всей своей теперь уже долгой (ему 61 год) жизни он поддерживает связь с прессой, часто пишет для газет и журналов. Во время войны он не мог оставаться дома «в безопасной Америке». Он садится на борт переполненного военного транспорта и отправляется в Европу. Его видят на военных базах, в ангарах аэродромов. Он сидит с солдатами в лондонских погребах во время тяжелых налетов гитлеровской авиации. Затем Стейнбек отправляется на «новые фронты» в Северную Африку, высаживается с десантом в Сицилии, проходит Италию. И пишет, пишет... Его статьи, появившиеся в свое время в газете «Нью-Йорк Геральд Трибюн», позже выходят отдельной книгой, которую Стейнбек назвал «Однажды была война». Идея книги, как сам он говорит, напомнить людям о том, что было, «чтобы люди не повторяли этой громадной трагической ошибки». «Нашу гражданскую войну называли последней из «джентельменских войн», Вторая Мировая, – конечно, последняя из глобальных битв. Следующая война, если мы будем так глупы и допустим ее, будет вообще последней. Некому будет что-либо помнить...» – пишет Стейнбек в предисловии к своим военным репортажам.

И сейчас, когда разговариваешь с писателем, чувствуешь, что, если и есть что-либо для него наиболее ненавистное, так это война.

Стейнбек горячо выступает за разоружение, за ликвидацию страха, презрительно говорит об американской доктрине «равновесия страха».

– Самое опасное – это страх! – говорит он. – Я не видел ни одного с ног до головы вооруженного человека, который бы в душе не трясся от страха. Страх заставляет нас вооружаться. Страх должен быть ликвидирован. С ним можно бороться, лишь устанавливая контакты, добиваясь взаимопонимания.

– Если задумаешься над тем, что разделяет американцев и русских и что их объединяет, то можно прийти лишь к единственно правильному выводу: мы более схожи, чем различны. Вот об этом надо говорить, об этом надо писать, это надо утверждать.

О своей стране Стейнбек говорит проникновенно. Чувствуется, что он любит свой народ, знает его. Часто писатель оставляет свой дом и путешествует по стране, чтобы, как

он выражается, не забыть ее. Последнее его путешествие, которое он совершил на машине со своей любимой собакой Чарли родило замечательную книгу «Путешествие с Чарли».

– Недавно Чарли умер, – говорит он. И на лице его отражается глубокая грусть.

Настроение Стейнбека часто меняется. То он весело смеется, то он грустит, то с гневом говорит о ненавистных ему вещах. Автор одной из наиболее мужественных книг современности – «Гроздь гнева» не может сегодня спокойно рассказывать о великом позоре Америки – расовой дискриминации.

– У нас сейчас происходит революция, – говорит он. – Негритянская революция. Я бы хотел, чтобы вы увидели кадры кинохроники – лица участников Марша свободы, лица людей, которые пришли в Вашингтон, добиваясь прав, добиваясь свободы. Это поразительное зрелище, это революция.

– Каждая система (государственная, я имею в виду) не остается без изменения, особенно в наше время. И американцы уже не те, и Америка теперь не та. Однажды меня спросили, – рассказывает Стейнбек, – верю ли я в будущее Америки. И как тогда, я сейчас отвечаю: если бы я не верил в будущее Америки, я бы перерезал себе горло.

Конечно, разговаривая со Стейнбеком, мы задавали ему много вопросов о его творчестве, о литературной жизни США, о его планах. О себе Стейнбек предпочитает говорить как можно меньше, особенно о своих планах.

– Я пишу, – говорит он, – для меня это подобно дыханию. Поэтому очень трудно сказать, как я дышу, почему я дышу и для чего. Один из ваших писателей спросил меня однажды: в чем смысл жизни? Мне трудно было ответить на этот вопрос, и я мог сказать лишь одно: когда я голоден, я живу, чтобы есть, когда я хочу пить – для того, чтобы утолить жажду. Когда я хочу сказать что-то людям – для того, чтобы написать книгу.

Стейнбек написал более тридцати книг. Его романы, рассказы, очерки, конечно, различны по тематике и силе. Были и неудачи. Например, до сих пор Стейнбек не может себе простить своей первой книги.

– В то время я жил в горах, – рассказывает он. – Сторожил ферму. Работы было мало, времени было много. Я стал писать. Книга получилась плохая. Но, к сожалению, она была опубликована, и до сих пор остается плохой.

Критики считают, что пятидесятые годы были наиболее неудачными в писательской жизни Стейнбека. Исследователь его творчества П. Лиска утверждает, что это связано со смертью ближайшего друга Стейнбека и его соавтора Эдуарда Рикетта, с которым Стейнбек написал одну из своих любимейших книг «Море Кортеза» (1941 г.). Талантливый биолог Рикеттс имел большое влияние на Стейнбека. Создав свою теорию бессвязности явлений жизни, Рикеттс заставил на какое-то время Стейнбека принять сумму своих

взглядов, что отразилось на некоторых из романов Стейнбека. Однако другие критики, особенно в последнее время, опровергают Лиска, считая, что полоса неудач Стейнбека 50-х годов объясняется другим, а именно временем разгула реакции в США, крушением многих так называемых «американских идеалов». В это время особенно заметно поднимает голову американская реакция, активизируется фашизм.

– У нас в Америке, – говорит Стейнбек, – всегда существовала угроза фашизма. Реакция всегда гнездилась в сердце нашей страны, с самого начала, с первых дней после революции. Достаточно сказать, что у нас был Маккарти. Вы, конечно, знаете о нем.

И вот тут Стейнбек высказывает мысль, одну из тех, с которой мы, внимательно слушая его и любя его как писателя, не можем согласиться. Он говорит, что наличие реакции чуть ли не необходимо для общества, для его развития, необходимо для того, как он выражается, «чтобы люди не закисали, не откладывали в сторону оружие».

– Пока есть с чем бороться, пока есть что ненавидеть, – говорит он, – люди продолжают жить и оставаться людьми.

– Значит, – спрашиваем мы, – весь этот невероятный набор комиксов и секса, военной пропаганды и безумных речей фашиствующих молодчиков нужно предлагать новому поколению, нашим детям?

Стейнбек соглашается:

– Конечно, – говорит он, – молодое поколение, стоящее не очень твердо на ногах, находится в трудном положении, встречая его этот, как вы его называете, «выбор». И все же его стоит делать.

– Но вы же сами, – возражаем мы, – вывели в своем романе «Зима тревоги нашей» образ сына героя, которого ненавидит даже отец, ну и, конечно, ненавидит автор, как это чувствуется из романа, и, как мы понимаем, именно за то, что он, этот сын, широко воспользовался тем нелепым выбором, о котором вы выговорите.

Стейнбек улыбается:

– Ну что ж, в первую очередь нужно критиковать свое, даже свои собственные убеждения.

Мы вежливо прекращаем спор. Спорили мы и по другим вопросам. Например, нас удивляла позиция Стейнбека, его взгляды на писательское творчество, роль писателя в обществе. Стейнбек воспевает одиночество писателя, считает, что только одинокий ум может создать что-либо стоящее, а коллектив может только мешать.

– Если бы во мне произошел конфликт между писателем и гражданином, я бы стал на сторону писателя и боролся бы против гражданина, – говорит Стейнбек.

Но и в этом случае слова Стейнбека, к счастью, расходятся с его делами. Ведь на протяжении всей своей творческой жизни Стейнбек оставался гражданином, и именно поэтому он стал великим писателем. Именно за это его любят читатели мира, именно поэтому он встречает такой теплый прием здесь, у нас, в Советском Союзе. Нет, автор «Гроздьев гнева», «Зимы тревоги нашей», конечно, гражданин. Гражданин и писатель. Да и какой писатель, по-настоящему крупный, может не быть гражданином! Мы цитируем ему одного из наших великих поэтов: «Поэтом можешь ты не быть, но гражданином быть обязан».

Конечно, нас интересует, что происходит сегодня в литературной Америке, какова судьба многих писателей, известных и новых, каковы взаимоотношения Стейнбека с другими творческими людьми Соединенных Штатов. Величайшим современным драматургом Стейнбек считает Артура Миллера, особенно знаменательной называет его пьесу «Смерть коммивояжера». О Драйзере он говорит так: «Драйзер был основоположников современного романа». И тут же, улыбнувшись, добавляет: «Но он плохо писал по-английски. Наверное, в переводах он выглядел намного лучше».

Спрашиваем о Фолкнере, его связях, его влиянии на писателей Америки.

– Фолкнер не имеет ничего общего с моим творчеством, – почему-то зло говорит Стейнбек.

– Правда ли, что Хемингуэй оставил в сейфе два законченных романа и просил распорядиться их судьбой после его смерти? – задаем мы вопрос.

Стейнбек задумывается.

– Я знаю очень хорошо жену Хемингуэя, – говорит он. – У нее на самом деле осталось много рукописей. Конечно, рукописи – это еще не романы. Слышал я и о тех, якобы завещанных романах. Слышал это от самого Хемингуэя.

Стейнбек знает о дискуссии, которая недавно состоялась у нас в Ленинграде, дискуссии по вопросу о судьбе романа в XX веке. Некоторые участники дискуссии, особенно иностранные писатели, высказывали мысль о том, что в XX веке, особенно в его атомную половину, в век великой скорости и кратких мгновений, роман, как большое литературное произведение, умирает. На смену ему приходят короткие произведения. Спрашиваем точку зрения Стейнбека. Писатель возмущается:

– Как можно говорит о таких вещах! Роман может умереть только лишь со смертью писателей, с концом литературы. Пока я жив, жив мой роман.

– А какой из своих романов вы больше всего любите?

– Мне трудно сказать об этом. Меня не интересуют романы, уже написанные, потому что я уже все знаю, что там произошло, знаю, как они родились. Я живу будущими произведениями.

Интересуют нас и мелкие детали жизни Стейнбека, его работы.

– Пишу карандашом, – говорит он. – Никогда не пользуюсь пишущей машинкой. А вообще можно писать чем угодно, хоть водой, лишь бы были мысли, лишь бы было то, о чем стоит рассказать людям. Музыка люблю разную. Люблю и хороший джаз. Конечно, люблю так называемую серьезную музыку. С удовольствием хожу на концерты. Я читаю много, читаю все подряд: и детективы, и комиксы, но больше всего исторических книг. Историей я особенно интересуюсь. У нас сейчас в Америке много интересных молодых писателей и поэтов. Они растут, совершенствуются. Например, Джек Керуак. Он сильно изменился за последнее время. От экспериментирования он уже перешел к настоящему творчеству. К сожалению, наши молодые писатели, многих из которых мы называем «битниками», знают, против чего выступать, но не знают, за что. А писатель, по-моему, должен не только критиковать, но и утверждать что-то. И вообще, по-моему, битники – это не факт, а явление, процесс. Я его связываю с процессом эксперимента, иногда называю протестом.

Спрашиваем Стейнбека: считает ли он экспериментом абстрактное искусство вообще.

– Да, в какой-то степени, – отвечает Стейнбек. – Конечно, я имею в виду хорошую абстрактную живопись, хорошее абстрактное произведение, литературу. Эксперименты – вещь хорошая, и они должны производиться. Я могу не любить результаты этих экспериментов и не принимать, но я за эксперименты. Я тоже экспериментирую – и не двух одинаковых романов.

– Да, – замечаем мы, – но все же вы не написали ни одного рассказа, ни одного произведения, которое можно было бы назвать абстрактным в нашем понимании этого слова.

Стейнбек улыбается:

– Может быть, я недостаточно хорош для таких экспериментов.

– Хотели ли бы вы, – спрашиваем мы, – чтобы вас не понимали сейчас, но поняли бы в трехтысячном году, ведь такие аргументы выдвигают идеологи абстракционизма.

Стейнбек прищуривается, затягивается трубкой, отвечает:

– Я предпочел бы, чтобы меня понимали сейчас.

Мы спрашиваем Стейнбека о целях его нынешнего визита в Советский Союз, о его первых впечатлениях.

– Я здесь в третий раз. В 1936 году я приехал сюда как турист третьего класса и, конечно, не встречался ни с кем из ваших писателей. Я тогда не был известен. Второй раз в 1947 году я уже приехал как писатель. Многих встречал, о многом говорил. Тогда еще чувствовалось влияние войны. Люди еще не совсем оправились от перенесенных тревог и бед.

– Я слышал о многих колоссальных изменениях в Советском Союзе за последние годы. Я увидел здесь подтверждение многому из того, что я читал, о чем слышал. Сильно изменилась Москва, выросли новые дома, расширились и появились новые улицы. Я знаю, что у вас в этом году плохой урожай, но это не мешает вашему прогрессу, в этом я убежден! Хотите знать: какое мое самое сильное впечатление от первых дней пребывания в Москве? Это люди. Люди, которые ходят с высоко поднятой головой, открытым, честным взглядом, смелые, гордые, уверенные. Меня интересует очень многое, что происходит у вас сейчас. Я с интересом слежу за вашими делами внутри, за вашей политикой вне страны. Я испытываю большую симпатию к вашему руководителю – Никите Сергеевичу Хрущеву.

Мы показываем ему на так называемые «почетные портреты» – великих писателей, посетивших редакцию «Известий» – Горький, Маяковский, Шолохов, Барбюс, Шоу. Предлагаем Стейнбеку выйти на так называемый «горьковский балкон», где был в свое время сфотографирован Алексей Максимович, чтобы сделать портрет Стейнбека для нашей «галереи». Стейнбек смотрит на портреты:

– С удовольствием, – говорит. – Хорошая компания. – Добавляет. – Я как-то робею, стоять и фотографироваться на балконе, где был великий Горький...

Стейнбек выходит на балкон. Смотрит на осеннюю Москву, заметно нервничает.

– Хорошо здесь у вас, – говорит он. Спасибо, что пригласили. Вы знаете, даже климат здесь похож на климат моего родного штата. Я здесь себя удивительно хорошо чувствую.

1964

26. Письмо Стейнбека советским писателям // РГАЛИ. Ф. 1373. Оп. 10. Ед. хр. 455.

Джон Стейнбек
190 Ист 72 Стрит,
Нью-Йорк 21, П.И.

Дорогой друг,

С тех пор, как моя жена Эйлин и я вернулись домой после поездки в Москву, мы часто вспоминаем о Вас и о вашем замечательном городе. Память о Вашем радушии и чистосердечном гостеприимстве не покидает нас и вселяет уверенность. Разумеется, у нас

возникали споры, мы выражали разные точки зрения, но все это не помешало нашей дружбе. По существу природа этих различий убеждает нас в том, что у всех хороших людей пути и цели, в конечном счете, одни и те же. Мы расходимся только в способах достижения. Мне кажется, мы должны постоянно заботиться о том, чтобы эти различия в способах не заслонили собой конечных целей.

В знак небольшого свидетельства признательности за Вашу доброту посылаю Вам экземпляр единственной речи, которую я произнес; вряд ли это повторится когда-либо еще раз. В известном смысле это уникальная речь, так, по крайней мере, думаю я. Как бы то ни было, если бы мне пришлось исправлять ее теперь, я бы добавил, что обязанностью писателя является привнесение в мир немного веселья, немного смеха. Это не повредило бы никому и могло бы доказать, что все мы похожи друг на друга – что людей сближает смех. Я помню, в Москве мы много смеялись вместе.

Надеюсь, что когда-нибудь Вы, возможно, посетите Америку, и мы будем рады оказать Вам гостеприимство, в какой-то мере соответствующее тому, какое столь щедро было оказано Вами. Эйлин («Сонька – золотая ручка») разделяет со мной все эти чувства.

Ваш друг

Джон Стейнбек

9 мая 1964 г.

Приложение:

3	<p>МЫСЛИ ПИСАТЕЛЯ Джон Стейнбек Речь, произнесенная в декабре 1962 г. В Стокгольме по случаю получения НОБЕЛЕВСКОЙ ПРЕМИИ ПО ЛИТЕРАТУРЕ</p>	<p>A WRITERS'S CREDO By JOHN STEINBECK NOBEL PRIZE FOR LITERATURE ACCEPTANCE SPEECH Stockholm, December 1962</p>
4	<p>Благодарю Шведскую Академию за признание моих произведений достойными этой высшей награды. В глубине моего сердца могут быть сомнения, что я не заслуживаю Нобелевскую премию больше, чем другие писатели, которых я уважают и почитаю,</p>	<p>I thank the Swedish Academy for finding my work worthy of this highest honour. In my heart there may be doubt that I deserve the Nobel award over the other men of letters whom I hold in respect and reverence – but there is no question</p>

но нет сомнения в том, что я доволен и горд получить эту награду.

Принято, чтобы лауреат этой премии высказал ученые или личные соображения о сущности и направлении литературы. Но в данное время следовало бы, по-моему, обсудить высокие обязанности и ответственность создателей литературных произведений. Столь высок престиж Нобелевской премии и этого места, где я нахожусь, что я принужден не пищать как некая благодарная и извиняющаяся мышь, а рыкать как лев из гордости за мою профессию и за великих и прекрасных людей, которые в продолжение веков ею занимались.

Литература не создавалась по указу бледной и выхолощенной касты критиков-жрецов, гнусающих свои заклинания в пустых храмах, и она – не игра для уединяющихся избранных, для

5 пустозвонных провозвестников малокалорийного отчаяния. Литература стара как речь. Она выросла, потому что человечество в ней нуждалось, и она не менялась, разве только для того, чтобы стать еще более необходимой. Скальды, барды, писатели не обособлены и не недоступны. С самого начала их функции, их обязанности, их ответственность были декретированы нашим родом.

Человечество проходит сквозь сумрачное и безнадежное смутное время. Мой великий предшественник Уильям

of my pleasure and pride in having it for myself.

It is customary for the recipient of this award to offer scholarly or personal comment on the nature and the direction of literature. At the particular time, however, I think it would be well to consider the high duties and the responsibilities of the makers of literature. Such is the prestige of the Nobel award and of this place where I stand that I impelled, not to squeak like a grateful and apologetic mouse, but to roar like a lion out of pride in my profession and in the great and good men who have practices it through the ages.

Literature was not promulgated by a pale and emasculated critical priesthood singing their litanies in empty churches – not is it a game for the cloistered elect,

the tin-horn mendicants of low calory despair. Literature is as old as speech. It grew out of human need for it and it has not changed except to become more needed. The skalds, the bards, the writers are not separate and exclusive. From the beginning, their functions, their duties, their responsibilities have been decreed by our species.

Humanity has been passing through a gray and desolate time of confusion. My great predecessor, William Faulkner, speaking here, referred to it as

Фолкнер в своей речи здесь назвал его трагедией всеобщего страха, так долго державшегося, что не оставалось больше проблем духа, и что, казалось, стоило писать лишь о конфликте человеческого сердца с его жизнью.

Более многих людей Фолкнер знал и о человеческой силе и о человеческой слабости. Он знал, что понимание и разрешение страха – значительная доля оправдания существования писателя. Это не ново. Древнее назначение писателя не изменилось. Он призвал разоблачать многие наши прискорбные ошибки и неудачи, извлекая на свет наши темные и опасные мечты для их исправления.

Более того, – писателю поручено провозглашать и прославлять доказанную способность человека к величию души и духа, доблести в

s tragedy of universal fear, so long sustained that there were no longer problems of the spirit, so that only the human heart in conflict with its life seemed worth writing about.

Faulkner, more than the most men, was aware of human strength as well as of human weakness. He knew that the understanding and the resolution of fear are a large part of the writer's reason for being. This is not new. The ancient commission of the writer has not changed. He is charged with exposing our many grievous faults and failures, with dredging up to the light out dark and dangerous dreams for the purpose of improvement.

Furthermore, the writer is delegated to declare and to celebrate man's proven capacity for greatness of heart and spirit -

5 поражении, мужеству, состраданию и любви. В бесконечной борьбе против слабости и безнадежности – это и есть яркий объединяющий стяг надежды и соперничества.

Я считаю, что писатель, не верующий страстно в способность человека к совершенствованию, не имеет ни приверженности к литературе, ни места в ней.

Современный всеобщий страх – это результат быстрого развития нашего познания некоторых опасных факторов в

for gallantry in defeat – for courage, compassion and love. In the endless war against weakness and despair, these are the bright rally-flags of hope and emulation.

I hold that a writer who does not passionately believe in the perfectibility of man has no dedication nor any membership in literature. The present universal fear has been the result of a forward surge in our knowledge and manipulation of certain dangerous factors in the physical world. It is true

физическом мире и манипуляций ими. Сомнения нет, – другие аспекты понимания не поспели за этим огромным шагом вперед, но нет и основания предполагать, что они не могут или не будут идти вровень. По существу – одна из обязанностей писателя и есть обеспечение этого.

После длинной и великолепной истории непоколебимости человечества пред лицом естественных врагов, иногда чреватой опасностью поражения и вымирания, для нас было бы трусливо и глупо сдать позиции накануне величайшей потенциальной победы.

Я, понятно, читал биографию Альфреда Нобеля, – одинокого человека и, как передают книги, – вдумчивого человека. Он усовершенствовал освобождение взрывчатых сил, способных на созидательное добро или на разрушающее зло, но не имеющих выбора, как не ведомых совестью или рассудком.

Нобель предвидел некоторые жестокие и кровавые злоупотребления его изобретениями. Возможно, он

that other phases of understanding have not yet caught up with this great step, but there is no reason to presume that they cannot or will not draw abreast. Indeed, it is a part of the writer's responsibility to make sure that they do.

With humanity's long, proud history of standing firm against natural enemies, sometimes in the face of almost defeat and extinction, we would be cowardly and stupid to leave the field on the eve of our greatest potential victory.

Understandably, I have been reading the life of Alfred Nobel: a solitary man, the books say, a thoughtful man. He perfected the release of explosive forces, capable of creative good or of destructive evil, but lacking choice, ungoverned by conscience or judgment.

Nobel saw some of the cruel and bloody misuses of his inventions. He may even

6 предвидел и конечный результат своих поисков – доступ к окончательному неистовству, к конечному уничтожению. Уверяют, что он сделался циником, но я этому не верю. Мне кажется, что он старался найти регулятор, предохранительный клапан. Думаю, что он, наконец, нашел его только в

have foreseen the end result of his probing-access to ultimate violence – to final destruction. Some say that he became cynical, but I do not believe this. I think he strove to invent a control, a safety valve. I think he found it finally only in human mind and the human spirit.

человеческом разуме и духе.

Такой ход мысли явно подсказывают мне категории этих премий. Они выдаются за возрастающее и непрерывное познание человека и его мира, за понимание и общение, что и есть назначение литературы. И они выдаются за проявление способности к миру, кульминационного пункта всех других категорий.

Менее чем через 50 лет после его смерти были отперты двери природы, и нам было дано ужасающее бремя выбора. Мы узурпировали многие силы, которые раньше приписывали Богу. Полные страха и неподготовленные, мы присвоили себе власть над жизнью и смертью всего мира и всех живых существа.

Опасность, и слава, и выбор покоятся в человеке. Испытание его способности к совершенствованию близится. Присвоив богоподобную власть, мы в себе должны искать сознание ответственности и мудрость, о присутствии которых у любого божества мы некогда с надеждой молились.

Сам человек стал величайшей нашей опасностью и нашей единственной надеждой. И ныне можно перефразировать Апостола Иоанна Богослова: в конце есть Слово, и Слово есть человек, и Слово пребывает с людьми.

To me, this thinking is clearly indicated in the categories of these awards. They are offered for increased and continuing knowledge of man and of his world – for understanding and communication which are the functions of literature. And they are offered for demonstrations of the capacity for peace – the culmination of all the others.

Less than 50 years after his death, the door of nature was unlocked and we were offered the dreadful burden of choice. We have usurped many of the powers we once ascribed to God. Fearful and unprepared, we have assumed lordship over the life and death of the whole world and all living things.

The danger and the glory and the choice rest finally in man. The test of his perfectibility is at hand. Having taken God-like power, we must seek in ourselves for the responsibility and the wisdom we once prayed some deity might have.

Man himself has become our greatest hazard and our only hope. So that today, St. John the Apostle may well be paraphrased. In the end is the Word, and the Word is man – and the Word is with men.

27. Переписка с Джоном Стейнбеком о его пребывании в Советском Союзе // // РГАЛИ.
Ф. 631. Оп. 26. Ед. хр. 4240. Л. 1-9.

27.1. Стейнбек – Ф. Лурье

Джон Стейнбек
190 Ист 72 стрт Нью Йорк 21
13 января 1964 года

Фриде Лурье
Союз писателей
Москва, СССР

Дорогая Фрида,

Мы давно собираемся написать о нашей благодарности и любви к Вам.

Мы вернулись домой перед самым Рождеством, но праздники и встречи с родными отняли столько времени, что мы не могли собраться, чтобы написать Вам раньше. Мы очень хотим, чтобы вы знали, как высоко мы ценим все, что Вы сделали для нас и знаем, как много было сделано Вами.

Эйлин просит передать, что очень скоро она пошлет Вам в подарок небольшой сувенир. Я не знаю, что она приготовила, и не могу выдать ее.

Передайте, пожалуйста, нашу большую благодарность всем нашим друзьям у Вас в стране. Большинству из них мы напишем, но человеческая память – вещь несовершенная, и мы, наверняка, можем забыть кого-нибудь из тех, кого хотели бы поблагодарить. Поэтому и здесь, Фрида, мы обращаемся к Вашей помощи; и давайте не будем терять друг друга из вида.

Мы очень высоко ценим Вашу дружбу и желаем Вам всего самого доброго в Новом году.

Весьма искренне Ваш

Джон

(Перевод с английского Г. Брейтбурда)

27.2. Стейнбек – ленинградским писателям. Январь 1964 г.

Дорогие друзья!

Если бы я попытался написать письмо с выражением благодарности каждому из ленинградцев, любезно приветствовавших нас с женой во время недавнего приезда, то на это потребовалось бы несколько лет, и я, в конце концов, кого-нибудь пропустил бы и не

мог бы поблагодарить тех, чьи имена я не узнал. Хотелось бы, чтобы Прокофьевы и Поповы узнали из этого письма, как высоко мы ценим их любезность и гостеприимство. Большое им спасибо. Но есть еще так много других, кого нам следует поблагодарить, что моя память не может охватить всех.

От утомления я захворал в Ленинграде и мгновенно, точно по волшебству, очутился в больнице, где мудрые руки врача определили болезнь и вооружили меня против нее. Хотелось бы сказать спасибо этим спокойным энергичным медикам; я знаю их лишь как людей в белых халатах, которые молча оказали мне помощь и затем ушли.

Я очень давно не был в Ленинграде, точнее – с 1936 года. За это время много произошло: были потрясающие невзгоды, было много героизма. И все же Ленинград стоит на месте и живет, город, подобный вечно обновляющемуся живому организму.

Мы отправились в Ленинград, чтобы встретить друзей, и мы их встретили. О, конечно, нашлось много поводов для споров и разногласий (что вполне естественно), но, и высказав разные мнения, мы остались друзьями, потому что обширные пространства единодушия далеко перекрывали мелкие участки противоречий.

Итак, я очень надеюсь, что Союз писателей Ленинграда, возможно, шире обнародует нашу благодарность, а вместе с тем и наши пожелания великого светлого будущего, а главное – нашу горячую надежду, что дружба наша будет развиваться, так как дружба народов вырастает из взаимопонимания отдельных людей. Общее возникает из частного. Мы ощутили теплоту, с которой вы нас встретили, и отвечаем тем же, посылая горячий привет Ленинграду.

Ваш

Джон Стейнбек

27.3. Стейнбек – К.М. Симонову

Джон Стейнбек

190 Ист, 72 Стрит, Нью-Йорк 21, Н.-Й.

13 января 1964 г.

Константину Симонову

Союз писателей

Москва,

СССР

Дорогие Константин и Лариса!

Вы знаете, я до сих пор не могу забыть Ваш маленький дом, стоящий в березовом лесу. Какое замечательное это место, как тепло в этом доме и какие сердечные люди там живут.

Мы довели домой наш маленький кувшинчик с динамитом и вчера отведали его содержимое, все великолепно сохранилось. Интересно, успешно ли идет работа над Вашим романом, имеете ли Вы уже право выкурить набитую табаком трубку, лежащую на Вашем столе? Надеюсь, что это так. Меня охватила дрожь, когда я увидел, с каким вождением вы смотрите на эту трубку.

Нам кажется, что эта наша поездка была очень удачной и успешной, теперь вернулись домой и хотим одного – отдохнуть и восстановить часть сил, которые мы потратили, получая от жизни удовольствия – еду, вино, беседы и т.п.

Так приятно было встретиться с Вами после стольких лет. Я надеюсь, что наша следующая встреча произойдет скорее. Было бы очень приятно, если бы это случилось здесь, в нашей стране. Пожалуйста, имейте это в виду.

С самыми добрыми пожеланиями в Новом году

Ваш Джон

Только что получили чудесную книгу по керамике, не находим слов для благодарности.

[Сопроводительная записка М.Я. Аплетина супруге Симонова Л.А. Жадово й]

Дорогая Лариса!

Пересылаю Вам письмо, полученное от Джона Стейнбека. Как видите, книга Ваша добралась до них и доставила им огромное удовольствие. Было бы очень хорошо, если бы у Вас выдалось время ответить им. Высказывания Стейнбека после его отъезда из Советского Союза говорят о том, что он сохранил добрые, теплые воспоминания о своих друзьях, к числу которых он, естественно, относит и вашу семью.

Вместе с этим письмом посылаю Вам квитанцию на отправленные в Нью-Йорк телеграммы и девять рублей, оставшиеся от тех двадцати пяти рублей, которые Вы дали для отправки телеграмм.

Сердечный привет Вам и Константину Михайловичу, и девочкам.

27.4. Стейнбек – А.Б. Чаковскому

190 Ист 72 Стрит,
Нью-Йорк 21, Н.Й
13 января 1964 г.

Александру Чаковскому
 Союз писателей
 Москва, СССР

Дорогой Александр,

С большим опозданием мы хотим поблагодарить Вас за Ваше дружеское участие и помощь во время нашего недавнего пребывания в Советском Союзе.

Мы никогда не забудем прекрасный вкусный обед, которым Вы угощали нас и Ваши добрые ободряющие слова.

Примите нашу благодарность, поздравления и пожелания самого счастливого Нового года: надеемся снова встретиться с Вами.

Эйлин просит передать Вам личный привет и поздравления.

Весьма искренне Ваш
 Джон Стейнбек

27.5. С. Львов – Стейнбеку

Дорогой Стейнбек!

Прошу извинить, что отвечаю Вам с опозданием. Я только что вернулся из летнего путешествия, и вся почта дождалась моего возвращения в Москве.

Благодарю Вас за присланный мне текст Вашей речи, произнесенной при знаменательном акте вручения Вам Нобелевской премии. Я был знаком с этой речью из печати, но с интересом перечитал ее и мне приятно иметь ее в своей библиотеке.

Не скрою, однако, что Ваше письмо меня несколько удивило. Вы обращаетесь ко мне как к знакомому. Я хорошо знаю Вас по Вашим книгам, которые высоко ценю. Но, когда Вы напоминаете мне о наших интересных встречах и беседах в Москве, я не без улыбки вижу в этом то образное выражение, которое называется в стилистике «*toto pro pars*».

Встречи и беседы, которые были у Вас в Москве с некоторыми моими коллегами по профессии, Вы, очевидно, перенесли на всех представителей нашей профессии. Я, разумеется, не сомневаюсь в том, что эти встречи были именно такими, как пишете Вы, но мне не случилось принимать в них участия. Наше личное знакомство пока что не состоялось, о чем я искренне сожалею.

Я бы с удовольствием посчитал началом этого знакомства Ваше письмо, если бы не одно обстоятельство. Оно написано как обращенное лично ко мне и от руки (что доставило мне удовольствие получить Ваш автограф), но размножено фототипическим способом (что

несколько умаляет ценность автографа) и разослано по множеству адресов. Вот это последнее особенно меня озадачило.

Как и все мои коллеги – советские писатели – я высоко ценю мнение коллектива и коллективные действия на благо людей.

Но не думаете ли Вы, дорогой друг, что если писатель пишет письмо писателю, как личное, а потом размножает его и рассылает «всем, всем, всем», это выражает упрощенное представление о личности писателя в коллективе писателей.

И разве Вы не были бы удивлены, если бы кто-нибудь из ваших московских адресатов свой ответ, предназначенный Вам, размножил бы и разослал всем нью-йоркским писателям по адресам, взятым из справочника.

Ваше обращение ко мне как к другу дает мне право, как мне кажется, на это откровенно высказанное соображение.

Я буду рад получить от вас личное письмо, если вы пожелаете мне ответить. Я не возражаю и против того, чтобы получить то Ваше письмо, которое Вы будете снова рассылать как циркуляр, если вы полагаете возможным сохранить такую форму общения с коллегами по профессии.

Но совмещение этих двух эпистолярных жанров представляется мне несколько странным.

С искренним уважением и самыми добрыми пожеланиями

Сергей Львов

7. Б.П. Полевой – Стейнбеку

Moscow, Oct., 1964

Mr. John Steinbeck,

190 East 72nd Street,

New York 21, N.Y.,

Dear friend,

I was very happy to receive your present – «Travels with Charley». Unfortunately, my knowledge of English is limited and I keep on looking at the book as a cat would at hot porridge. However, my daughter Alyona, a medical student, knows English. She read it from cover to cover and judging how she smiled to herself at some parts, and how her expression kept on changing as she was reading it, I surmised that this work is a great success. Alyona fully agrees with me. I

must say that the novel is already known to our English speaking public and is receiving favourable comments. I thank you for sending it to me.

At the «Yunost» editorial offices we keep on recalling with great warmth your visit, our talks and friendly discussion, which, as it seemed to me, was not as successful as it could have been, were you not accompanied by a diplomat. The diplomat was rather a nice fellow indeed, but a diplomat just the same. It is known the world over, and I can confirm it from my own experiences, that whenever an official person appears on the scene discussions become stiff and faces take on a polite and rubber-stamped smile. I have numerous friends among our diplomats and many of them are fine and clever people, but I never seek their services in my travels.

After the very «polite» discussion the boys and girls of the «Yunost» magazine approached me in embarrassment asking to convey to you their apologies and regrets for the way things have turned out.

Well, be it as it may, I hope that you will again visit our country where you have millions of devoted readers, and that we will have truly heart to heart talks and open and sharp discussions as befits writers who respect each other.

I anticipate to interest our publishers, among whom I have many friends, in your book and to read it in my own language soon.

I read the translation of your speech made in Sweden and I found it very profound and just. And though I have ideas of my own regarding the path leading to peace, I just the same fully agree with your conclusions. Together with you

I would like to cite the paraphrased expression by St. John the Apostle, a rather clever person, who said that: in «the end is Word and the Word is man – and the Word is with men». This aptly defines the writers' place in modern society.

Both my wife and I are sending you and your wife our very best wishes. The entire editorial staff joins us in this.

Sincerely yours,

Boris Plevoy

28. Переписка с Генеральным секретарем Международного ПЕН-клуба Дэвидом Кавером, с зарубежными литераторами об участии советских писателей в работе Международного ПЕН-клуба // РГАЛИ. Ф. 631. Оп. 26. Ед. хр. 6345.

29 января-28 ноября 1964 г.

1)

THE P. E. N. A WORLD ASSOCIATION OF WRITERS

60 CENTERS IN EUROPE, ASIA, AFRICA, AUSTRALIA, AND THE AMERICAS

GENERAL SECRETARY

AMERICAN CENTER · ALAIN WHITMAN · 7 EAST 93RD STREET, NEW YORK 28, N.Y.,

Templeton 1-5593

AMERICAN
CENTER

President

John Farrar

Vice-Presidents

John Brooks

B.J. Chute

Elizabeth Janeway

Edgar Johnson

Glenway Wescott

*Honorary Vice-
Presidents*

Leon Edel

James Thomas

Flexner

Rita Halle Kleeman

James Putman

Elmer Rice

Secretary

John Legett

Treasurer

Julius Isaacs

EXECUTIVE
BOARD

October 20, 1964

Mykola Platonovich Bazhan
Union of Writers of the Ukraine
2 Ordzhonikidze Street
Kiev, U.S.S.R.

Dear Mr. Bazhan:

You have been in our thoughts ever since we visited the Soviet Union last fall, and John Steinbeck and I have been talking together to discover how it could be most satisfactorily arranged for you to visit us in the United States.

Perhaps the most lasting impression of our visit to the USSR is a renewed realization of the importance of direct, individual contacts with persons from other lands and cultures. Had there been more in the past, the course of relations between our two countries would probably have been very different.

We have discussed our travels and impressions with many of our colleagues since our return to America. We made a particular point of raising a matter with them which we had already discussed before we departed from the Soviet Union: We writers can perform an important service in the cause of peace and international understanding; it is moreover a service which we can perform on our own, without bothering with governments and official exchanges, and so forth. We can at least see to it that the writers of our two lands have an opportunity to know each other, to share their thoughts, to discuss their differences. And so we proposed to our colleagues that we invite writers from the Soviet Union to visit the United States as personal guests of the writers of America.

As we had expected, this proposal was enthusiastically supported. We therefore raised the matter with P. E. N., a writers' group with which we are both associated as Executive Board members. The American chapter has long played a

J. Donald Adams
Edward Albee
 Emanie Arling
 Saul Bellow
 Francis Brown
Pearl Buck
 Hallie Burnett
 Marchette Chute
 James L. Clifford
 William Cole
Norman Cousins
 Maurice Dolbier
Ralph Ellison
 Lewis Galantieri
 Robert Halsband
 B.W. Huebsch
Langston Hughes
 Virginia Kirkus
 Harding Lemay
 Robie Magauley
Norman Mailer
 Daniel Melcher
Arthur Miller
 Louise Townsend
 Nicholl
 Arabel J. Porter
 Dawn Powell
 Theodore M. Purdy
 Franz Schoenberner
John Steinbeck
 Truman Talley
 Richard Taplinger
 Barbara Tuchman

useful role in entertaining foreign intellectuals and in fostering an exchange of views by intellectuals from all corners the world. The group also holds a series of meetings in which literary affairs are discussed in convivial circumstances. It also helps sponsor certain literary contests, translations, and other endeavors designed to stimulate cultural interchange. As a result of our talks with the P. E. N. membership, it was agreed to invite a group of Soviet writers to visit the United States as guests of the American writers' community.

We therefore, on behalf of P. E. N., invite you to visit our country for a period of six weeks. We propose next spring as the most convenient time but if you can come now, that is all right with us too. If you do not feel that you can be free for the full six weeks, the a shorter period will be perfectly all right; however, we do feel that four weeks should be the minimum. The specific dates, of course, can be arranged to suit your convenience. Since there will be eight of you (we also inviting Vasiliy Aksenov, Yuriy Pavlovich Kazakov, Viktor Platonovich Nekrasov, Konstantin Mikhaylovich Simonov, Aleksander Volodin, Andrey Andreyevich Voznesenskiy, and Yevgeniy Aleksandrovich Yevtushenko), it may be more convenient for you to come in two groups of four; this would suit us just fine.

We will undertake to cover your round-trip transportation, hotel, and eating expenses for the voyage.

As for the program, we will arrange the details of that as soon as we know the dates you will be coming. We would like to arrange the trip essentially around meetings with American writers, but you must also see our universities, our cities, our countryside. Please do not hesitate to tell us what things especially interest you, so that we can take that into account in working out a program.

We have send separate invitations to each of the other persons in the group and also a letter to the Writers' Union asking their assistance in arranging the trip. If you feel we should write anyone else, please let us know.

Thanking you again for making our visit to the Soviet Union so pleasant and looking forward to seeing you in the spring, we remain,

Sincerely yours,

John Steinbeck

Edward Albee

2)

THE P. E. N. A WORLD ASSOCIATION OF WRITERS

60 CENTERS IN EUROPE, ASIA, AFRICA, AUSTRALIA, AND THE AMERICAS

GENERAL SECRETARY

AMERICAN CENTER-ALAIN WHITMAN-7 EAST 93RD STREET, NEW YORK 28, N.Y.,

Templeton 1-5593

AMERICAN
CENTER

President

John Farrar

Vice-Presidents

John Brooks

B.J. Chute

Elizabeth Janeway

Edgar Johnson

Glenway Wescott

Honorary Vice-

Presidents

Leon Edel

James Thomas

Flexner

Rita Halle Kleeman

James Putman

Elmer Rice

Secretary

John Legett

Treasurer

Julius Isaacs

◆

November 8, 1964

Mr. Konstantin A. Fedin

Chairman of the Board

Union of Writers of the U.S.S.R.

52 Vorovskiy Street

Moscow, U. S. S. R.

Dear Mr. Fedin:

I wrote you a letter last May 28th in which I stated that ohn Steinbeck and Edward Albee were inviting the following six leading Soviet writers to come to visit the United States: Vasiliy Aksenov, Yuriy Pavlovich Kazakov, Viktor Platonovich Nekrasov, Aleksander Volodin, Andrey Andreyevich Voznesenskiy, and Yevgeniy Aleksandrovich Yevtushenko. They were invited as guests of Mssrs. Steinbeck and Albee, and indeed of the entire community of American writers through their organizations, the American P. E. N. club. It was proposed that the visit be for six weeks, commencing the first of September 1964. In my letter I asked that you render whatever assistance you could to facilitate this visit.

We were heartened by the replies which we received from several of these Soviet writers indicating that they has received the invitations and that they hoped to be able to come – and saddened that Aleksander Volodin indicated that he could not come during the fall.

You can imagine our consternation and dismay, however, when no other definitive answers were received, even by the first of September when the visit was to have begun! I must confess I don't understand how this could happen. Mssrs.

EXECUTIVE
BOARD

J. Donald Adams
Edward Albee
Emanie Arling
Saul Bellow
Francis Brown
Pearl Buck
Hallie Burnett
Marchette Chute
James L. Clifford
William Cole
Norman Cousins
Maurice Dolbier
Ralph Ellison
Lewis Galantiere
Robert Halsband
B.W. Huebsch
Langston Hughes
Virgina Kirkus
Harding Lemay
Robie Magauley
Norman Mailer
Daniel Melcher
Arthur Miller
Louise Townsend
Nicholl
Arabel J. Porter
Dawn Powell
Theodore M. Purdy
Franz Schoenberner
John Steinbeck
Truman Talley
Richard Taplinger
Barbara Tuchman

Steinbeck and Albee, however, believe that perhaps sufficient time was not allowed -between the invitation and the proposed date of the visit, particularly considering the intervening summer months when things are always out of order.

Consequently they are sending letters to each of the six invitees suggesting that their visits be put off until next spring, if they cannot come this fall, and they are writing to invite two other writers also, Konstantin Mikhaylovich Simonov and Mykola Platonovich Bazhan.

We will advise those organizations in America who have expressed their interest in participating in this project of this postponement. Although there will be considerable puzzlement and disappointment, I don't think this will cause any really serious disruptions because we have been telling them all along that no definite dates have as yet been established, and all their plans have therefore had to be tentative.

I hope and trust that this added time will open the way to positive responses to our invitations and that the invitees will be able to come next spring. Again, I will be most grateful for whatever assistance you may be able to give to the success of this undertaking.

Respectfully and cordially,

John Farrar
President

3)

THE P. E. N. A WORLD ASSOCIATION OF WRITERS

60 CENTERS IN EUROPE, ASIA, AFRICA, AUSTRALIA, AND THE AMERICAS

GENERAL SECRETARY

AMERICAN CENTER-ALAIN WHITMAN-7 EAST 93RD STREET, NEW YORK 28, N.Y.,

TEmpleton 1-5593

AMERICAN
CENTER

President

John Farrar

Vice-Presidents

John Brooks

B.J. Chute

Elizabeth Janeway

Edgar Johnson

Glenway Wescott

Honorary Vice-

Presidents

Leon Edel

James Thomas

Flexner

Rita Halle Kleeman

James Putman

Elmer Rice

Secretary

John Leggett

Treasurer

Julius Isaacs

EXECUTIVE

8-го ноября 1964 г.

Константин Александрович Федин

Генеральный Секретарь

Союза Писателей СССР

Улица Воровского №52

Москва, С. С. С. Р.

Многоуважаемый Константин Александрович!

Я Вам написал письмо 28-го мая, в котором сообщал Вам о том, что шесть выдающихся Советских писателей были приглашены в Соединенные Штаты: Василий Аксенов, Юрий Павлович Казаков, Виктор Платонович Некрасов, Александр Володин, Андрей Андреевич Вознесенский, и Евгений Александрович Евтушенко. Они будут гостями не только Джона Стейнбека и Эдуарда Олби, но и всей группы Американских писателей, представителем которой является их общество, американский ПЭН Клуб. Было предложено гостям провести шесть недель в Соединенных Штатах, начиная с 1-го сентября 1964 г. В моем письме я обращался к Вам с просьбой сделать все возможное, чтобы осуществить это предложение.

Нас очень обрадовали ответы от некоторых приглашенных, в которых они писали, что получили приглашение и надеются, что смогут приехать. Было очень печально узнать от Александра Володина, что он не сможет приехать осенью.

Вы можете себе представить наше смущение и недоумение, когда никаких более определенных ответов не последовало даже 1-му сентября – число к которому мы ожидали приезд писателей! Признаться, я не понимаю, как это могло случиться! Г-да Стейнбек и Олби думают, что мы плохо

BOARD

J. Donald Adams
 Edward Albee
 Emanie Arling
 Saul Bellow
 Francis Brown
 Pearl Buck
 Hallie Burnett
 Marchette Chute
 James L. Clifford
 William Cole
 Norman Cousins
 Maurice Dolbier
 Ralph Ellison
 Lewis Galantieri
 Robert Halsband
 B.W. Huebsch
 Langston Hughes
 Virginia Kirkus
 Harding Lemay
 Robie Magauley
 Norman Mailer
 Daniel Melcher
 Arthur Miller
 Louise Townsend
 Nicholl
 Arabel J. Porter
 Dawn Powell
 Theodore M. Purdy
 Franz Schoenberner
 John Steinbeck
 Truman Talley
 Richard Taplinger
 Barbara Tuchman

рассчитали и оставили мало времени между приглашением и начальным числом самого визита – особенно если принять во внимание летние месяцы, когда все вообще идет не совсем по порядку.

....

Потому они сейчас посылают каждому из шести писателей отдельное письмо, в котором предлагают отложить поездку до весны – если у писателя нет возможности приехать этой осенью. Они также посылают приглашения еще двум писателям, Константину Михайловичу Симонову и Мыколе Платоновичу Бажану.

Мы сообщили тем организациям и частным лицам, которые проявили интересе и желание поучаствовать в этом проекте, что наши планы откладываются до весны. Несомненно, это вызовет недоумение и досаду, но я думаю, что никаких серьезных последствий не будет, так как мы с самой начальной разработки планов говорили всем заинтересованным лицам, что установить точное число приезда гостей пока невозможно, и советовали им не строить никаких определенных планов.

Я верю и надеюсь, что эта отсрочка даст нам возможность получить более определенные ответы, и что приглашенные писатели смогут приехать будущей весной. Еще раз хочу сказать, что я был бы чрезвычайно благодарен за любую помощь, которую Вы лично могли бы оказать по осуществлению нашего плана.

С совершенным почтением,

Джон Фаррар
 Президент

Москва, 28 ноября 1964 г.

Г-ну Джону Фаррару
Президенту Американского
ПЕН-центра

Уважаемый господин Фаррар,

Извините за то, что Ваше письмо от 28 мая, в котором Вы приглашали в США Василия Аксенов, Юрия Казакова, Виктора Некрасова, Александра Володина, Андрея Вознесенского и Евгения Евтушенко, оставалось столь долго без ответа. Константина Александровича Федина сейчас нет в Москве и, чтобы не затягивать на этот раз ответа на Ваше второе письмо, я пишу Вам вместо него.

Дело в том, что каждый из писателей, которых Вы приглашаете, живет по своему плану, все они много ездят – очень трудно, пожалуй, даже невозможно соединить их всех вместе, чтобы они приехали в США в одно и то же время. Сейчас, например, Константин Симонов находится в Западной Германии, в ближайшее время он предполагает посетить Финляндию, Италию, Латинскую Америку. Микола Бажан вскоре уезжает в Италию.

Я полагаю, однако, что некоторые из названных Вами писателей смогли бы приехать весной 1965 года в США. Мы будем заниматься этим вопрос и в ближайшее время сообщим Вам, кто из писателей и когда может принять Ваше любезное приглашение.

Я прошу Вас заверить гг. Джона Стейнбека и Эдуарда Алби, что советские писатели тронуты проявлением дружеских чувство с их стороны и благодарят их за приглашение.

С уважением,

Георгий Марков
Секретарь Правления Союза
Писателей СССР

29. Кравченко Ф. Открытое письмо Джону Стейнбеку // РГАЛИ. Ф. 631. Оп. 26. Ед. хр. 4299. Л. 1-14.

В редакцию «Литературной газеты».

Копии: в московскую организацию Союза писателей РСФСР, Иностранной комиссии Союза писателей СССР.

Уважаемый товарищ редактор!

Прошу опубликовать мое открытое письмо американскому писателю Джону Стейнбеку, которое является ответом на его письмо и «Речь, произнесенную в декабре 1962 года в Стокгольме по случаю получения им Нобелевской премии по литературе», присланную мне самим Стейнбеком, по-видимому, с целью привлечения моего внимания к проблемам... мировой литературы.

Как Вам известно, я не принадлежу к тем, кто бывает за рубежом, общается с иностранными литераторами, пишет очерки и статьи по поводу своих путешествий и завязывает дружбу с иностранцами. Я скромно служу родному советскому народу и счастлив, что мои книги – повесть «Семья Наливайко» и роман «Отамановы дубы» пользуются успехом у массового читателя и приносят ему пользу. Критики обо мне не пишут. «Литературная газета» в номере за 18 февраля 1964 года впервые, как говорится, по достоинству оценила мои заслуги перед советской литературой, признав, что уже в 20-е и 30-е годы я вместе с такими ныне знаменитыми сатириками, как Остап Вишня, развивал «боевой жанр», выступая под псевдонимом Теодор Орицио с литературными пародиями и эпиграммами.

Я об этом пишу для того, чтобы стало понятно, почему я считаю себя вправе отвечать нынче такому известному в мире буржуазному писателю, как Джон Стейнбек, – ведь 40 лет отдано мной новой, советской литературе, борьбе за ее развитие.

ГОСПОДИН СТЕЙНБЕК!

Получив Ваше письмо и отпечатанную типографским способом, как видно, для широкого распространения «Речь, произнесенную в декабре 1962 г. в Стокгольме по случаю получения Нобелевской премии по литературе», я призадумался. Возник совершенно естественный и законный вопрос: для чего Вы это рассылаете писателям, которых никогда не видали в глаза, с которыми не встречались и не общались и книг которых, безусловно, никогда не читали?

Если Вы хотели похвастаться: я-де стал лауреатом Нобелевской премии, – это Вас не украшает. Да и что толку в восторгах перед Вашей славой людей, которых Вы совершенно не знаете? Думаю, что ВЫ – умный, талантливый литератор нашего времени – не преследовали и не могли преследовать подобную мелкую цель, хотя Ваша речь и преисполнена тщеславия...

Напрашивается вывод, что Вы взяли на себя труд пропагандировать некоторые свои мысли и так называемые философские рассуждения. С этой целью, как это легко понять после вдумчивого прочтения Вашего письма, Вы и обратились ко мне (и, должно быть ко многим моим коллегам).

Не буду отвечать на Ваше написанное, так сказать, Вашей собственной рукой, письмо, поскольку оно насквозь фальшиво или послано таким, как я, советским литераторам по ошибке. Я никогда не был Вашим «дорогим другом» и не мог им быть хотя бы потому, что мы никогда с Вами не виделись, не общались, не спорили, и я даже убежден, что никогда не будем общаться, так как я – беспартийный, весьма скромный рядовой советский литератор – болен и просто лишен физической возможности участвовать в той – весьма плодотворной и необходимой – работе, которую ведет наш Союз писателей, поддерживая живую творческую связь с прогрессивными деятелями мира, к которым и Вы себя, господин Стейнбек, причисляете.

Хочу высказать лишь некоторые соображения по поводу произнесенной Вами речи в Стокгольме, поскольку Вы прислали ее мне вместе с письмом и поскольку она стала литературным документом, выражающим идеологию Вашего мира и того общества, которому Вы служите, хотя и считаете себя «независимым», способным свободно участвовать в обсуждении «высоких обязанностей и ответственности создателей литературных произведений».

Я, как сказано выше, формально не принадлежу к Коммунистической партии, никаких орденов, Правительственных наград и поощрений (не считая премии за пьесу «Жаркое лето», полученную в 1947 году – на Всесоюзном конкурсе) не имею, хотя печатаюсь с 1925 года и, следовательно, почти 40 лет отдал служению нашей новой, советской литературе.

Вы прислали мне письмо и свою речь, чтобы я подумал о Вашей судьбе и Вашей ответственности, как создателя литературных произведений. Подумайте же и обо мне, о моей такой же ответственности за то дело, которому мы, литераторы, не просто посвящаем свой досуг, а всю свою жизнь.

Постарайтесь понять, что я – рядовой солдат литературного фронта – высказываюсь не «по указке свыше», а по велению своего сердца. Мое письмо, являющееся всего лишь ответом на Ваше, не может быть средством «пропаганды». Да и нелепо было бы вообразить, что я в чем-то сумею убедить Вас – представителя чуждой мне, сыну неграмотного рабочего, идеологии.

Я не знаю Вашей биографии, не знаю, какими путями Вы шли в литературу. Ныне Вы – всемирно известный писатель. И хотя мне известно, что Вы видите назначение литератора в том, чтобы писать книги, а не произносить речи, я нынче убедился, что у Вас есть ораторский талант. И Вы умело им пользуетесь. И даже являетесь великолепным организатором пропаганды тех идей и убеждений, которыми проникнута Ваша речь в Стокгольме.

Я позволю себе сказать еще несколько слов о собственной литературной судьбе. Родился в Каменке, старом местечке на Украине, о котором весь (читающий!) мир узнал, знакомясь с деятельностью тех русских революционеров, которых мы называем декабристами. Именно в Каменке собирал (в 1825 г. повешенный царем Николаем Первым) полковник Пестель прогрессивно настроенных офицеров русской армии и передовых дворян. В Каменке бывал наш великий русский писатель Пушкин. Я босоногим мальчишкой бегал в старом помещичьем парке, где Пушкин беседовал с декабристами, лишь догадываясь, что они, его друзья и знакомые, объединены в каком-то тайном, революционно настроенном обществе. Когда я узнал – еще в детстве – о том, что у нас, в Каменке, встречались декабристы и бывал знаменитый Пушкин, это дало толчок к тому пониманию мира, которое сделало впоследствии меня, простого рабочего сахарного завода, литератором, то есть, деятелем того участка культуры, в котором, как Вы сами сказали в Стокгольме, человечество нуждалось...

Пролетарий по происхождению, познавший с детских лет нужду и унижение (дети помещика и его верных слуг называли меня «мужицким» сыном, неучем, обреченным на жалкое существование, тем более что мои неграмотные родители имели 8 детей и при этом у них была только старая хата с земляным полом), я все же в состоянии был понять душу дворянина Давыдова, ставшего революционером в то время, как другие помещики-крепостники жестоко эксплуатировали народ и всячески измывались над нами, поработанными властью имущим строем капитализма украинцами, лишая нас даже нашего национального достоинства.

Я, повторяю, понимал дворян, их писателей и деятелей культуры. Страстно любил Пушкина и Чайковского, который тоже жил в Каменке, так как сестра его была замужем за помещиком Давыдовым, проникся глубоким уважением к декабристам, хотя они были представителями чуждого мне класса.

Это стало возможным потому, что я мыслил свободно, что я старался судить о людях по их делам. Пушкин и Чайковский, принадлежа к чуждому мне классу, творили для народа и во имя процветания человечества. Поэтому они и были мне близки.

Декабристы, учась у французских революционеров, делали попытку изменить государственный строй в феодальной России, где правил царь и его клика, и это, естественно, мне было по душе. Уже в юношеские годы, живя еще в Каменке, я понимал, что республиканский строй, за который они боролись, мог быть только буржуазным строем. Это еще не то общество, которое возникло у нас, в бывшей Российской империи, после Великой Октябрьской революции. Русская буржуазия была врагом моего отца – пролетария, и неизбежно стала бы моим врагом, если бы мне не выпало счастье продолжать

жить уже в <Советском Союзе>. Но я обнажаю голову перед тем местом в родной Каменке, где встречались декабристы – борцы за прогресс в развитии человечества.

Я не только с удовольствием прочел, но и полюбил Ваш роман «Гроздья гнева». Не знаю, кто Вы по происхождению, с какими людьми Вы общались и общаетесь, дружите в настоящее время. Но, если бы Вы даже имели «высокий титул», как мой любимый русский прозаик – бывший граф! – Алексей Толстой, это не помешало бы мне любить не только Ваши произведения, но и Вас, автора книг, созданных для того, чтобы содействовать борьбе, которую вели французские революционеры, наши русские декабристы и многие, многие другие партии, группы и отдельные лица, страстно желая освободить человечество от того ужасного чувства, которое Ваш великий предшественник Фолкнер и Вы сами называли «всеобщим страхом».

Я вправе был ожидать, что за «Гроздьями гнева» последует сам гнев, что Вы, пристально всматриваясь в то, что происходит в мире, осознаете свою личную писательскую ответственность перед человечеством. Но, судя по Вашей речи в Стокгольме, этого, к сожалению, не произошло, хотя Вы и пытаетесь туманными философскими рассуждениями убедить меня (и тех, кто читал Вашу речь), что Ваше призвание заключается в том, чтобы «разоблачить многие наши прискорбные ошибки и наши неудачи, извлекая на свет наши темные и опасные мечты для их исправления».

Было бы нелепо, если бы я посоветовал Вам следовать по тому пути, который избрал для своего освобождения русский, украинский и другие народы, добровольно объединившиеся в рамках Советского Союза и успешно создающие коммунизм. Вы, американцы, должны найти свой путь к решению любых возникающих перед вами проблем и задач.

Но, поскольку Вы обратились ко мне с письмом, прислали мне свою речь и даже называете меня – совершенно незнакомого человека «дорогим другом», я позволю себе кое-что пояснить, чтобы попытаться найти весьма необходимый друзьям общий язык и помочь Вам постигнуть истину, к которой Вы только приблизились в своем романе «Гроздья гнева».

Я написал много книг (ведь 40 лет работаю в литературе!), но остановлюсь только на тех, которые сам считаю лучшими. В 1932 года я издал на Украине (под псевдонимом Теодор Орисио) сборник своих литературных эпиграмм и пародий. Мне было тогда 26 лет, и я еще работал в маленькой, так называемой, провинциальной газете. Что побудило меня написать и выпустить в свет такую книгу? Только желание помочь родному советскому народу в развитии новой литературы.

Вы сказали в Стокгольме: «Литература стара как речь», в ней человечество нуждалось, и поэтому она выросла, «и она не менялась, разве только для того, чтобы стать еще более необходимой».

Поймите же сейчас простую вещь: наша советская литература выросла потому, что в ней наш народ нуждался. И наша русская уходящая своими корнями в глубокую древность литература претерпела (пользуясь и здесь Вашей терминологией) изменения потому, что в этом была исторически обусловленная необходимость.

Судя по Вашему литературному стажу (да и портрету, приложенному к Вашей речи в Стокгольме), Вы, как и я, пожилой человек. И странно, что Вы до сих пор не поняли того, что я понимал уже в 26-летнем возрасте, когда была издана моя книга литературных пародий и эпиграмм.

Уже тогда, зная Гомера, – великого представителя той литературы, которая стара как речь, – я – молодой сатирик – написал в своей эпиграмме на очень талантливого, но далекого от борьбы <за новую жизнь> поэта, дворянина по происхождению, считавшего себя неоклассиком: воскрес Гомер, увидел неоклассика, прочел его стихи и снова – от скуки и тоски! – умер...

Я не называю фамилию этого поэта, так как в этом нет нужды, но должен сказать, что этот бывший дворянин и неоклассик в поэзии 20-х годов, стал самым любимым моим писателем и ученым, он пользуется огромным успехом и у нас, в Советском Союзе, и за рубежом; его талант служит всеобщему прогрессу и процветанию; нынче он – лауреат Ленинской премии. А что было бы, если бы он продолжал оставаться «неоклассиком», забавляясь сочинением стихов, в которых были бы осенние звезды и розы <вообще>, без всякой связи с тем, чем жило и живет человечество? Он усох бы на корню, как усыхали некоторые другие литераторы, которых я, автор пародий и эпиграмм, предупреждал тогда 30 лет назад, что они не будут развиваться, если поставят себя <за пределами борьбы, которую испокон веков ведут народы за светлое будущее всего человечества>.

Не подумайте, что я, рассказывая об этом, хочу как-то «возвеличить» себя самого, похвастаться, каким, дескать, «провидцем» я тогда оказался. Отнюдь нет! Я не был «пророком», я просто добросовестно изучил историю Октябрьской революции (да и Всемирную историю!), старался вникнуть в тот великий процесс, который уместно назвать развитием художественной литературы, изо всех сил трудился над тем, чтобы понять великое учение Маркса и Ленина. И, по секрету сказать, я в те годы чутко прислушивался к тому, <что говорил мой неграмотный отец>, всю <жизнь работавший на своего эксплуататора – помещика Давыдова, потомка одного из тех декабристов, которых все человечество уважает, как прогрессивных деятелей своего времени>.

А он, мой отец, говорил примерно так:

– Был у нашего пана-помещика предок, который хотел хотя б от царя избавить нас, трудящихся людей. А этот подлый Лев Алексеич Давыдов пил из меня кровь, высасывал из меня последние соки. А за что? Разве я не такой же, как он, человек? Из другого теста сделан? Почему он пан, а я мужик? Что это за такие законы были, когда один наживался на чужом труде и жил, припеваючи, а другой груз спину, голодая да еще и никаких прав не имея. Лошадь у помещика на конюшне, собака на псарне, и те больше забот о себе испытали, чем мы, люди, в поте лица работавшие на всяких господ...

Нужно ли было меня как-то «подстегивать» или «поучать», внушая <новую, советскую идеологию>? Да она входила в мою кровь и плоть, как воздух, которым я дышу с той минуты, когда на свет родился. И если я, <став советским сатириком, активно включился в борьбу за новую идеологию>, то это произошло не потому, что кто-то хотел этого или, не дай бог, «покупал» меня «на корню», <как покупают иных буржуазных писателей>.

Скажу Вам откровенно, господин Стейнбек: хотя я и старый, с многолетним стажем, писатель, но у меня нет, как у Вас (если судить по фотографиям, приложенным к речи), особняка, я не выхожу с самодовольным видом на прогулку с собакой, не рассылаю отпечатанных на прекрасной бумаге речей, чтобы похвалиться собой и своими успехами...

И это свое письмо к Вам я вынужден написать (оторвавшись от рукописи, которую как раз сейчас готовлю к изданию), только потому, что не могу молчать, видя, как Вы сами же гасите мою любовь к Вам – автору романа «Гроздь гнева»...

Я Вам уже рассказывал, почему в 26-летнем возрасте были написаны и выпущены в свет мои боевые, как признала 30 лет спустя «Литературная газета» (в рецензии на антологию, где и мои произведения представлены), пародии. Мне хочется хотя бы в двух словах поведать и о том, почему и зачем были написаны мои другие книги?

В конце 1941 года издательство «Советский писатель» в Москве выпустило мою повесть «На дорогах Украины», которую я первоначально написал по-украински и затем сам перевел на русский язык. Кто меня <заставил> написать эту книгу? <Гитлер>! Когда его орды устремились на восток, разрушая города, сжигая села и порабощая советских людей, я вспомнил то, что своими глазами видел в 1918 году, когда немецкие войска оккупировали освободившуюся от пут царизма и капитализма мою родную, свободолюбивую Украину. И я написал повесть о том, как такие же, как мой отец, рабочие помогают партизанам и молодой Красной армии громить ненавистных пришельцев, захватчиков, у которых всегда была и продолжала оставаться одна-единственная цель: превратить другой народ в покорного раба, чтобы можно было беспощадно

эксплуатировать его труд, обогащаться и жить, как жили, скажем, римские судовладельцы или африканские и азиатские колонизаторы...

Меня вдохновляла ненависть к врагу, моим творческим «законодателем» была любовь к родному советскому народу...

Повесть «Семья Наливайко», получившая широкое признание у наших читателей и переведенная за рубежом, вышла из печати накануне победы над Гитлером и его проводами, – весной 1945 года. Она написана с тем же чувством ненависти к поработителям и чувством глубокой любви к родному народу – созидателю нового, коммунистического общества, которое <навсегда будет избавлено от войн>. И в ней, в этой повести, я показал простых, как и герои Вашего романа «Гроздь гнева», людей, показал патриотов своей Родины, которые самоотверженно помогают Советской армии и партизанам громить врага...

Роман «Отамановы дубы», переизданный в 1962 году стотысячным тиражом потому, что он пользуется успехом <у массового читателя> (то есть, у <народа, которому я, как литератор, честно служу 40 лет!>), был написан по той же причине: я, как и Вы (если верить в искренность некоторых Ваших высказываний), не рассматриваю литературу, как «игру для уединяющихся избранных, для пустозвонных провозвестников малокалорийного отчаяния». Я считаю ее <оружием в борьбе за достойную человека жизнь на земле>. В своем романе я, в меру моих сил и способностей, показал торжество народной правды, наших ленинских идей, <торжество человека>, который хотя и попадает в трагическое положение по вине гитлеровцев и некоторых внутренних наших врагов, <но и гордо и честно исполняет свою миссию – миссию свободного строителя новой жизни, коммунистического общества>.

Вы в своем письме, господин Стейнбек, назвали меня «дорогим другом». Но ведь друзья – это единомышленники! На что же Вы рассчитываете, желая завязать со мной хотя бы заочную дружбу? На то, что я приму Вашу идеологию? Но это же смешно! Если Вы вдумаетесь в то, что я Вам написал, Вам никогда и в голову не придет, что это когда-либо случится. Вам нравится класс эксплуататоров, а я страстно ненавижу его с детских лет; Вы видите свое призвание в том, чтобы примирить два класса – эксплуататоров и эксплуатируемых, <а я с детских лет> хочу только одного: полного истребления таких же помещиков и капиталистов, как и те, которые, как говорится, сосали кровь из моего отца – рабочего – и моего дела – раба, несчастного крепостного мужика, которому не позволяли даже говорить на родном языке...

Следовательно, может идти речь <только> о мирном сосуществовании двух социальных систем. Вы – за мир, за мирное сосуществование капиталистического и

социалистического миров? Так я Вас понял? Но мы тем более жаждем мира и нам тем более необходимо мирное сосуществование, <о котором с такой страстью и ясностью, везде и всюду, говорит Никита Сергеевич Хрущев>.

Советские литераторы могут дружить с Вами, но дружба будет истинной и полезной, <если Вы постараетесь правильно понять нас> и не станете хитрить, как теперь, рассылая текст своей речи и размноженное с помощью топографических машин, как бы написанное Вами от руки письмо...

В заключение еще раз скажу от себя лично: Ваш роман «Гроздь гнева» вселил в меня надежду, что Вы станете со временем одним из самых прогрессивных писателей капиталистического Запада, чтобы «разоблачать многие... прискорбные ошибки и неудачи» тех, кто пытается ввергнуть человечество в новую (и на этот раз – самую ужасную, атомную!) войну; чтобы «извлекать на свет... темные и опасные мечты» империализма «для их исправления»... (Ведь об этом Вы говорили в Стокгольме, верно?)

К моему большому окончанию, я вынужден прийти к выводу, что Вы стали еще большей знаменитостью, получив Нобелевскую премию, но в своем творческом и идейном развитии отстали даже от того Стейнбека, которого я когда-то полюбил за роман «Гроздь гнева». И меня может только подставить Ваша «философия», столь туманно (и, честно говоря, не очень умело) выраженная в речи, произнесенной в Стокгольме.

Кого Вы пытаетесь запугать рассуждениями о «всеобщем страхе» и «малокалорийном отчаянии»? Мы, советские литераторы, как и весь наш советский народ, ведомый в светлое будущее созданной Лениным Коммунистической партией, <не испытываем никакого страха перед будущим>, как не испытывали его мой отец и его сверстники, участвовавшие в революциях 1905 и 1917 гг.

Страшно Вашим капиталистам, как было страшно и нашим царям, их верным слугам и прихлебателям, которые если не всегда понимали, то хотя бы почувствовали, что крах их владычества <неизбежен>. История подтвердила это!

Когда-то Максим Горький бросил клич: «С кем вы, мастера культуры?» Мне остается только повторить эти замечательные слова <нашего> (следовательно – и моего!) <великого предшественника>. А Вы пытаетесь мне навязать глупость, которую как-то высказал <Ваш> «великий предшественник Уильям Фолкнер», утверждавший, что «<Человечество проходит сквозь сумрачное и безнадежное, смутное время>».

Выбор! Время теперь – самое светлое, ясное и весьма обнадеживающее весь мир, хотя Ваши американские последователи бесноватого Гитлера и мутят воду на всей планете. События в Азии, Африке да и на самом американском материке говорят о том, что человечество все отчетливее видит пути <к счастливому будущему>, когда не будет

эксплуататоров и эксплуатируемых, (а следовательно и войн не будет), и исчезнут последние признаки <того страха, который, кстати сказать, продиктовал письмо, полученное мною сейчас, и заставил Вас произнести столь> «смутную», с точки зрения философской, и безнадежную для писателя (если он хочет быть полезным человечеству!) речь в Стокгольме.

Желаю Вам личного счастья и творческих удач!

Федор КРАВЧЕНКО, член
Союза писателей СССР.

12 июля 1964 г.

1967

30. Евтушенко Е. Письмо Джону Стейнбеку: Стихи // Литературная газета. 1966. 7 июля. №79. С. 4.

Все честные люди в мире возмущены новыми варварскими налетами американской авиации на мирные города Вьетнама. Никогда нельзя объяснить какими бы то ни было политическими причинами, когда под бомбами гибнут ни в чем неповинные дети. Как писал Пастернак в своей «Страшной сказке»:

Настанет новый лучший век.

Исчезнут очевидцы.

Мученья маленьких калек

Не смогут позабыться.

Я люблю американский народ, у меня много друзей в Америке, и я знаю, что сейчас они исполняют свой национальный и интернациональный долг, выступая против войны во Вьетнаме. Эти люди не враги, а патриоты Америки, ибо сущность истинного патриотизма заключается в том, чтобы открыто бороться против того, что пятнает честь нации. И я, как и весь советский народ, протягиваю руку через океан студентам, рабочим, ветеранам войны, представителям науки и искусства, выступающим за мир во Вьетнаме, – подлинным патриотам Америки и подлинным интернационалистам, выполняющим заветы братства, оставленные им Уолтом Уитменом и Робертом Фростом.

Но еще не все мои друзья, не все честные люди Америки подняли свой голос против убийства вьетнамских детей, видимо, считая свое вмешательство либо бесполезным, либо роняющим престиж собственной нации. Но уровень престижа нации – это уровень совести нации, и тот, кто молчит во время преступлений, роняет престиж нации. Так учит история.

И я обращаюсь с письмом в стихах к одному из моих любимых писателей и друзей Джону Стейнбеку, у которого я хочу учиться.

Когда-то на встрече с молодыми писателями в редакции «Юности» Стейнбек сказал нам: «А ну, волчата, покажите зубы...»

Джон Стейнбек,

милый, добрый старый Джон,

давайте пиджаки, как прежде, снимем
и, несмотря на строгость наших жен,
стаканы с виски или водкой сдвинем.

Вы тот же.

По-крестьянски кость крепка.

Лицо от виски и ветров багрово,

с таежной бородою лесника,

с хитрющими глазами рыболова.

Вы знаете в крючках на души толк,

и нам, в России,

нарочито грубо

сказали Вы,

лукавый тертый волк:

«А ну, волчата,

покажите зубы!»

Среди смущенной общей тишины

Вы ждали.

Улыбались Вы невольно.

И – девочке одной:

«Вот вы грустны.

Скажите Джону – чем вы недовольны?»

А та –

раскосый татарчонок-плут,

степной волчонок,

выученный степью:

«Мои права вчера забрал ОРУД,

от этого и грустно, мистер Стейнбек...»

Джон Стейнбек,

милый добрый старый Джон,

мы любим Вас

до Москвы

летит,

прося защиты:

«Мама... мама...»

И Чарли Ваш когтями пол скребет,
и Вам не страшно этими ночами,
когда летит детей бомбить пилот,
быть может,

с Вашей книгою о Чарли?!

Зима тревоги нашей –

эти дни.

Нельзя сейчас пытаться жить по-тихому, –
ведь если лгут политики, –

они

теряют свое право на политику.

Вы скажете:

«В политику что лезть!

Политика она, известно, шлюха...»

Нет, Джон,

она и мужество, и честь,

когда во имя совести и духа!

Интимного сегодня в мире нет.

Кто борется –

лишь тот интимно нежен.

И Лоуэлл –

интимнейший поэт

рвет

в Белый дом «офишел инвитейшен»,

Джоан Баез, конечно, не боец,

она совсем девчонка рядом с Вами,

но слышите –

поет Джоан Баез

во имя:

«Мама... мама...» во Вьетнаме.

Конечно, в планах Ваших Вы вольны,

но чуете – из джунглей тянет дымом,
и прокликает мастеров войны
Ваш внук с гитарой хрипую –
Боб Дилан?!

Боюсь я впасть бестактно в ложный тон,
я не хочу быть кой-кому подобным.
Но, милый Джон,
но, добрый старый Джон,
не слишком ли Вы стали нынче добрым?!

Поймите,
эти строки не подвох,
но не могу молчать я отчужденно.
Да, мы волчата.
Джон – Вы старый волк,
Так покажите зубы,
зубы Джона!

А мне покою не было и нет.
Волчонок я,
и я не лезу в зубры.
Джон Стейнбек,
исполняю Ваш совет:
волчонок Вам показывает зубы!

Евг. Евтушенко

31. Стейнбек – Е.А. Евтушенко

Steinbeck J. An Open Letter to Poet Yevtushenko // *Newsday*. 1966. July 11. P. 3.

My dear friend Genya:

I have just now read those part of your poem printed in the *New York Times*. I have no way of knowing how good the translation is, but I am pleased and flattered by your devotion.

In your poem, you ask me to speak out against the war in Vietnam. You know well how I detest all war, but for this one I have a particular and personal hatred. I am against this Chinese-inspired war. I don't know a single American who is for it. But, my beloved friend, you asked me to denounce half a war, our half. I appeal to you to join me in denouncing the whole war.

Surely you don't believe that our "pilots fly to bomb children," that we send bombs and heavy equipment against innocent civilians? This is not East Berlin in 1953, Budapest in 1956, nor Tibet in 1959.

You know as well as I do, Genya, that we are bombing oil storage, transport and the heavy and sophisticated weapons they carry to kill our sons. And where that oil and those weapons come from, you probably know better than I. They are marked in pictograph and in Cyrillic characters.

I hope you also know that if those weapons were not being sent, we would not be in Vietnam at all. If this were a disagreement between Vietnamese people, we surely would not be there, but it is not, and since I have never found you to be naïve you must be aware that it is not.

This war is the work of Chairman Mao, designed and generated by him in absentia, advised by Peking and cynically supplied with brutal weapons by foreigners who sent it up. Let us denounce this also, my friend, but even more, let us together undertake a program more effective than denunciation.

I beg you to use your very considerable influence on your people, your government, and on those who look to the Soviet Union for direction, to stop sending the murderous merchandise through North Vietnam to be used against the South.

For my part, I will devote every resource I have to persuade my government to withdraw troops and weapons from the South, leaving only money and help for rebuilding. And, do you know, Genya, if you could accomplish your part, my part would follow immediately and automatically.

But even this is not necessary to stop the war. If you could persuade North Vietnam to agree in good faith to negotiate, the bombing would stop instantly. The guns would fall silent and our dear sons could come home. It is as simple as that, my friend, as simple as that, I promise you. I hope to see you and your lovely wife Galya soon.

With all respect and affection,

John Steinbeck

32. И вот Стейнбек нарушил молчание... // Литературная газета. 1966. 16 июля. С. 4.

И ВОТ СТЕЙНБЕК НАРУШИЛ МОЛЧАНИЕ...

В номере «Литературной газеты» от 7 июля 1966 года опубликовано письмо Евгения Евтушенко известному американскому писателю Джону Стейнбеку.

Советский поэт призывает Стейнбека, которого он лично знает, выступить против варварских налетов авиации США на мирные города и села Вьетнама, нарушить молчание и присоединиться к голосам протеста американских деятелей культуры, решительно осуждающих позорную агрессию против вьетнамского народа.

Джон Стейнбек ответил на днях в американской газете «Ньюсдей» на это письмо. Он не только отвергает содержащийся в стихах Евтушенко призыв осудить агрессию США, но и фактически оправдывает действия Белого дома и Пентагона. Стейнбек пытается отрицать очевидные всему миру факты – бомбардировку мирных городов и сел, убийство мирных жителей, женщин и детей. Он повторяет избитые аргументы официальной пропаганды США, искажающие правду о войне во Вьетнаме и ее виновниках.

Мы предлагаем вниманию наших читателей с некоторыми сокращениями ряд высказываний зарубежных газет по поводу позиции Стейнбека.

The Worker

«Падение Стейнбека»

Джон Стейнбек доказал, что советский поэт Евгений Евтушенко был прав, адресовав этому американскому писателю полемическое стихотворение, в котором критиковал его за молчание по поводу грязной войны, которую ведет президент Джонсон во Вьетнаме.

Евтушенко вынудил Стейнбека нарушить молчание и выявить себя как сторонника политики Джонсона во Вьетнаме. Чтобы оправдать себя, автор «Гроздьев гнева» решил не считаться с фактами. Он утверждает, что эта война «вдохновлена китайцами», когда всем известно, что война во Вьетнаме продолжается только потому, что президент Джонсон отправил во Вьетнам сотни тысяч американских солдат, тысячи американских самолетов и десятки американских военных кораблей, тщетно пытаясь подавить сопротивление миролюбивого народа, борющегося за свободу.

Стейнбек утверждает, что эта война продолжается только потому, что Советский Союз и Китай помогают вьетнамским патриотам. Но ему хорошо известно, что эта помощь была оказана только после того, как Джонсон направил крупные военные силы, осуществив незаконное и морально неоправданное вторжение в Южный Вьетнам.

Стейнбек риторически заявляет: «Конечно, вы не верите, что наши летчики летают бомбить детей...» Единственное, что следует сделать Стейнбеку – это читать американские ежедневные газеты, и тогда он увидит, что это именно то, что совершают «наши летчики»...

Le Monde

«Синяки да шишки»

Отвечая Евтушенко относительно американского вмешательства во Вьетнаме, Стейнбек как бы говорит ему: «Стреляйте первыми» или вернее: «Прекратите огонь первыми», или еще точнее: «Первыми добейтесь прекращения огня».

Ведь, в конце концов, именно американцы находятся в Южном Вьетнаме, а не русские, и даже не китайцы, и даже не северные вьетнамцы...

Ответ вызывает разочарование, но его можно было ожидать. Когда слишком рано собирают «гроздь гнева», то, как правило, получают терпкий сок, который набивает оскомину. А если собирать их слишком поздно, то очень часто рискуешь получить – увы, бедный Стейнбек – одни только синяки да шишки.

L'Humanite

Андре Вюрмсер «Причины гнева»

... Тот, кто молчит, когда совершается преступление, отрекается от Ромена Роллана, Золя и Виктора Гюго. Стейнбек знает это, и его ответ – попытка оправдаться, которая не убедит ни одного из почитателей «Гроздьев гнева».

«Я ненавижу все войны», – пишет он. – Но к этой войне я питаю особую ненависть. Я – против этой войны, инспирированной китайцами, и я не знаю ни одного американца, который благожелательно относился бы к ней».

Но это чересчур уж неразумно. Спрашивается, кто в нарушение Женевских соглашений вторгся во Вьетнам: китайская армия или американская армия? И если американцы являются противниками войны, которая никогда не началась бы, если бы они ее не развязали, то кто же вершит делами в Соединенных Штатах Америки?»

«Но, мой дорогой друг, – продолжает американский романист, – вы просите меня изблечить половину войны – нашу половину. Я же призываю вас изблечить вместе со мной всю эту войну».

Здравый смысл подсказывает – еще до того, как это сказал Евтушенко, – что изблечать «всю эту войну» – означало бы изблечать как агрессивную, американскую «половину», так и оборонительную, вьетнамскую половину, изблечать и вторжение чужеземцев извне, и сопротивление этому вторжению. Уже более 20 лет тому назад мы слышали, как вишийские министры сожалели подобным образом «обо всей этой войне», которую вели нацистские оккупанты и «маки». Изблечал ли тогда Стейнбек «всю эту войну»? Да и зачем осуждать «все» – ведь если бы американская «половина» ушла из Вьетнама, то войны не было бы вообще.

«Конечно, вы не верите, – пишет также Стейнбек, – что наши летчики летают бомбить детей». (Но не все ли равно, зачем они летают, если их бомбы убивают детей? И может ли Стейнбек видеть снимки госпиталя для детей, сожженных напалмом, и не верить этим снимкам?) «Вы не можете верить в то, что мы используем бомбы и тяжелое оружие против мирных, ни в чем не повинных жителей», – продолжает он.

Какие требуются аргументы, чтобы убедить Стейнбека, что эта война не является половиной преступления? И скажет ли он завтра, что его летчики уничтожили вьетнамские дамбы, чтобы потопить исключительно тяжелое оружие и нефтяные склады?

«Вы знаете так же хорошо, как и я, – осмеливается продолжать он, – что мы бомбардируем склады с горючим и тяжелое современное оружие, которое они используют, чтобы убивать наших детей». Во Вьетнаме, оказывается, убивают американских детей!

Я хорошо понимаю, что Стейнбек хочет сказать «наших сыновей», потому что его сын сражается против вьетнамского народа.

«Счастливы те, – сказал Пеги, – кто погиб в справедливой войне». Несчастливы те отцы, чьи сыновья рискуют жизнью на войне несправедливой, отцы, которые настолько утратили всякий здравый смысл, что, говоря о детях, убитых во Вьетнаме тяжелым оружием, они имеют в виду... солдат янки. Горе отцам, которые в тот самый день, когда Макнамара объявляет о расширении бомбардировок Северного Вьетнама, просят Евтушенко «употребить свое влияние, чтобы прекратилась отправка смертоносных снарядов в Северный Вьетнам» и чтобы Вьетнам «вступил в переговоры со всей искренностью».

Но, спрашивается, с каких это пор грабители, проникшие в чужой дом с помощью взлома, требуют, чтобы пострадавший вел с ними «переговоры со всей искренностью»?

Плохо скрываемая истина заключается в том, что Соединенные Штаты, затеявшие военную интервенцию, которая их бесчестит, считают себя достаточно сильными, чтобы предписывать развязанной ими войне именно то завершение, которое им угодно: вы-де, мол, согласитесь с нашими условиями или мы вас уничтожим, да еще мы обвиним вас в половине наших преступлений, и, кроме того, мы обвиним тех, кто будет помогать вам защищаться, что они убивали наших детей...

Томас Манн и все сколько-нибудь известные немецкие деятели культуры осудили гитлеровскую агрессию. Джон Стейнбек одобряет американскую агрессию. Его талант обязывает его защищать мир, а он поддерживает эскалацию, генералов, финансистов и тресты, которых эта война защищает.

Американцы в Париже, которые протестовали против войны во Вьетнаме 4 июля перед своим посольством, те, кто в самих Соединенных Штатах приспустил в этот день флаги в знак траура, более достойны своей родины. Беда заключается в том, что эти ученые, эти простые люди, искренность которых Стейнбек не может ставить под сомнение, столь малочисленны. И на обращение Евтушенко им приходится отвечать так: «Не отчаивайтесь ни в мире, ни в независимости народов, ни в американском народе, если даже Стейнбек дает вам повод отчаиваться в них».

(В газете помещена фотография вьетнамской женщины с обезображенным ребенком на руках и подпись – прим. Л.Ж.):

Вот они, страшные следы американских бомбардировок во Вьетнаме: женщина с тяжелораненым ребенком на руках в южновьетнамской деревне. Эту фотографию

публикует американский журнал «Лайф». Странно, что писатель Стейнбек не видел этот и ему подобные многочисленные снимки, которые изо дня в день появляются в журналах и газетах его страны.

33. Кондрашов С. Перо, отданное Пентагону // Известия. 1967. 9 января. С. 5.

Среди американской пишущей братии в Южном Вьетнаме, из которой комплектуется вспомогательная пропагандистская служба захватчиков, появился недавно один новый доброволец. Он быстро превзошел многих своих коллег в смысле повторения всего, что подсовывают и показывают генерал Уэстморленд и его пресс-помощники в хаки. Его ненависть к партизанам также необузданна, как и его восторг перед американскими солдатами, которых он поднял на высоту благородных суперменов. Его политическая философия где-то на уровне наемных антикоммунистов из херстовских бульварных газет, хотя и пишет он не для мистера Херста, а для малоизвестной, но преуспевающей газеты «Ньюсдей», издающейся под Нью-Йорком.

Вот последние три «письма к Алисии», то есть бывшей издательницы газеты А. Паттерсон, опубликованные в субботу. Первое – с американской базы в Плейку. Это идиллическая картинка южновьетнамского поселения, очастливленного постоем тысяч американских солдат: «Получив стимул от пребывания войск, бизнес растет как грибы – прачечные, базы, лавчонки...». Другие американские корреспонденты замечали в Плейку и даже показывали на телеэкране несчастных детей, роющихся в отбросах, среди гор консервированных банок, выпотрошенных американцами, жалкие лачуги вьетнамских семей. Автор «Ньюсдей» не видит всего этого, зато живописует о том, как он был приглашен на чай генералом Вин Локом, командующим 2-м корпусом марионеточной армии: «Его штаб выглядит как дворец и очень красив, и, мне думается, что никогда больше я не попробую такого изысканного чая, как тот, которым он меня угостил». Мы узнаем, что генерал Вин Лок – «титованный принц», «эксперт в области истории и культуры» горных племен и знаток английского языка, «столь же ароматного, как его чай».

Второе письмо написано после рейда на военном вертолете в районе Плейку. Письмо написано, как признает автор, в экстазе, который невозможно было удержать. От чего же экстаз? «Я видел их руки и ноги на рычагах управления. Точность координации напомнила мне об уверенных внешне медлительных руках виолончелиста Казальса... Поймете ли вы эту мгновенную вспышку гордости, которую испытываешь лишь оттого, что принадлежишь к тем же особям, что и эти люди? Мне кажется, что это чувство прямо противоположно той дрожи стыда, которую я иногда испытываю дома, когда вижу

вьетников, их грязные одежды, грязные умы...» Автор прибегает к жаргону бэрчистов: вьетники – это их кличка для противников войны.

В третьем письме, отправленном из Сайгона, корреспондент «Ньюсдей» переходит к обобщениям. Он не стесняет себя в выражениях, его ненависть брызжет через край, она почти неприлична. Многие его коллеги, пообтесавшись в джунглях, пришли, несмотря на всю их «лояльность», к выводу, что в Южном Вьетнаме имеет место гражданская война и что Армия освобождения связана с народом теснейшим образом. Корреспондент «Ньюсдей» называет эти факты, признанные даже Вашингтоном, «чистым дерьмом собачьим». Партизаны для него – «бандитская мафия», их оружие – «террор и пытки». Обращаясь к своим критикам в США, которые шлют ему «письма ненависти», он пишет: «Упрощать так упрощать, товарищи. Чарли – просто сукин сын». Он, как видно, любит жаргон не только бэрчистов, но и солдатни. Чарли – это бойцы Армии освобождения.

Кто же автор сих творений, уподобляющий убийц в чужом небе виолончелистам и гордый оттого, что принадлежит к «тем же особям»? Имя его Джон Стейнбек. Нет, не однофамилец. Тот самый. 64 лет от роду знаменитый писатель добровольно отправился в Южный Вьетнам, чтобы поставить свое перо и свою репутацию на службу грязной войны. Желанный гость генерала Уэстморленда, он не просто пишет. Стейнбек еще и стреляет. В канун нового года ему позволили пальнуть из 105-миллиметровой гаубицы в расположение партизан под Сайгоном. Он счел это за «большую честь». «Это был гордый момент», – писал он Алисии. Снарядную гильзу, как сувенир на память, он хочет взять домой. Ему позволили пальнуть, он охотно позволяет себя фотографировать. Его письма иллюстрированы в газете фотографиями: вот Стейнбек позирует у миномета, вот он выходит из вертолета, вот он склонился над военной картой.

Что же произошло со Стейнбеком? Некоторые дают такое объяснение – он не мог занять другой позиции, потому что сын его служит в американских войсках во Вьетнаме. Наивное объяснение, выдающее следствие за причину! Причина в другом. Как кардинал Спеллман, благословляющий заокеанских убийц на «войну до победы», писатель Стейнбек верен старому принципу американских шовинистов: «Это моя страна – права она или не права». Этот принцип привел его в духовный лагерь империализма, а теперь и к отвратительным «письмам Алисии». Его голоса никогда не было слышно в антивоенных протестах, он не звучал вместе с голосами американских интеллигентов, осудивших грязную войну. Не их ли он имеет в виду, обрушивая презрение на «вьетников» в грязной одежде и с «грязными умами»? Напалм и бомбы не присутствуют в его письмах в «Ньюсдей» потому, что он всегда был за бомбежки ДРВ: он говорил вашему корреспонденту об этом еще в марте 1965 года, через месяц после начала бомбежек.

У Стейнбека не отнимешь откровенности. В Сайгоне он заявил: «Я никогда не испытывал симпатии к невинным созерцателям. Если нужно, я хочу быть созерцателем виновным». Он стал таковым, замарав себя в грязи несправедливой войны.

Приобретение для Пентагона, потеря для американцев с чистой совестью!

С. Кондрашов, соб. корр. «Известий»

Нью-Йорк. 9 января. (По телексу).

1968

34. Засурский Я. Умер Стейнбек // Литературная газета. 1968. 25 декабря. С. 9.

УМЕР СТЕЙНБЕК

20 декабря в возрасте шестидесяти шести лет скончался Джон Стейнбек – один из крупнейших и в то же время самых противоречивых американских писателей XX вена. Всемирную известность ему принес роман «Гроздь гнева», само название которого подчеркивало его острый социальный смысл. Сага о Джоудах, фермерах из Оклахомы, разоренных банками, корпорациями и земельными магнатами, рассказала о нарастании гнева и острой ненависти американского народа к угнетателям. Не случайно после выхода в свет книги в 1939 году один из критиков писал, что «каждый ее абзац может быть воспринят как чрезвычайно революционный и богохульный большинством из тех, кто прочтет его». Никогда больше после этого Стейнбек не достигал такой глубины и силы реалистического искусства.

Творческий путь Джона Стейнбека, был сложным и неровным. Роман «Зима тревоги нашей», изданный в 1961 году, вновь заставил говорить о нем как о настоящем мастере литературы. В 1962 году Шведская академия присудила Стейнбеку Нобелевскую премию, отметив в его произведениях «юмор и интерес к социальным проблемам, глубокую симпатию ко всем угнетенным». Сам Стейнбек, принимая премию, сказал: «Человечество обрело гигантскую силу, равную только той, что, как считалось прежде, находилась во власти всемогущего бога. В нас самих мы должны искать теперь понимание ответственности и мудрости, обладание которой в наших молитвах мы приписывали некогда одному только богу».

К сожалению, Джон Стейнбек далеко не всегда оказывался на высоте ответственности перед человечеством. Его выступления в поддержку агрессии США во Вьетнаме не только перечеркнули его гражданскую репутацию, оттолкнули от него читателей, но и губительно отразились на его литературном таланте. В последние годы он не создал сколько-нибудь значительных произведений.

Джон Стейнбек останется в истории американской литературы как художник большого масштаба и вместе с тем как человек, который в напряженный момент борьбы очутился по ту сторону баррикады, попытавшись защитить неправоное дело.

Я. ЗАСУРСКИЙ,
доктор филологических наук